КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1\2007

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Приветствие Президента Российской Ассоциации международного права А.Л. Колодкина 5
2. От редакции КЖМП 6
3. Казанская школа международного права 8
4. Лукашук И.И. «Казанскому журналу международного права». Памяти Игоря Ивановича Лукашука 11

5. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Котляр В.С. Война против бывшей Югославии и фактическое отторжение Косово от Сербии .. 14
Курдюков Г.И. Учение профессора Д.И. Фельдмана о признании в международном праве и современность 27
Мезяев А.Б. Дело о геноциде. Решение Международного Суда ООН по спору *Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории* 35
Валеев Р.М. Новое направление в деятельности ООН 65
Каюмова А.Р. Обеспечение прав человека в контексте глобальной контртеррористической стратегии ООН 70
Шайхутдинова Г.Р. Правовое регулирование принципа гибкости в документах Европейских Сообществ и Европейского Союза 76
Гарипов Р.Ш. Общая характеристика документов ОБСЕ и их роль в системе источников международного права 91

6. ПОСТОЯННАЯ ТЕМА: «ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»
1. Рассмотрение темы преподавания международного права в ООН 100
2. **Колосов Ю.М.** Преподавание международного права в свете тенденций развития высшей школы 111
3. **Ляхов Е.Г.** Особенности преподавания курса «Международное право» в вузах МВД России .. 114
4. Вопросник по проблемам преподавания международного права 126
5. Избранная библиография по преподаванию международного права 127

7. «ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ»
Блэк К., *адвокат Международного трибунала по Руанде.*
«Международный уголовный трибунал по Руанде: международное право и ложь о геноциде в Руанде» 132

8. «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»
Савельев А.Н., *доктор политических наук, депутат Государственной Думы РФ.*
«Фикция международного права и реальность американского рейха» 138

9. ИНТЕРВЬЮ
Интервью Президента Международного трибунала ООН по морскому праву профессора Р.Вольфрума для «Казанского журнала международного права» 147

10. РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ
Репортаж члена Редколлегии КЖМП Р.Гарипова с Шестой сессии Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов 2007 года 150

11. РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
1. Заявление Исполкома РАМП по международно-правовым проблемам ситуации вокруг Косово 153
2. Мезяев А.Б. Предложения по некоторым вопросам организации работы Российской Ассоциации международного права 153

12. ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
1. Международный Суд ООН 158
Верещетин В.С. Вступительная статья о международных судах 158
Мезяев А.Б. О судье Международного Суда ООН В.С. Верещетине 160
Обзор деятельности Международного Суда ООН в 2006 году 172
О вступлении Л.А. Скотникова в должность члена Международного Суда 181

2. Международный трибунал по бывшей Югославии 182
Обзор деятельности МТБЮ в 2006 году 182

3. Международный трибунал по Руанде 187
Обзор деятельности МТР в 2006 году 187

4. Международный трибунал ООН по морскому праву 190
Хроника деятельности МТМП в 2006 году 190

5. Европейский Суд по правам человека 192
Краткое изложение решений ЕСПЧ по делам в отношении Российской Федерации в 2006 году 192

6. Комиссия международного права ООН 213
Колодкин Р.А., член Комиссии международного права ООН «О деятельности Комиссии международного права ООН» (Вступительная статья) 213
О выборах новых членов КМП ООН 215
Обзор деятельности Комиссии международного права ООН в 2006 году 216

7. Конвенционные органы по правам человека. Комитет против пыток 232
Об избрании профессора А.А. Ковалева членом Комитета ООН против пыток 232
Ковалев А.А., Заместитель Председателя Комитета ООН против пыток. «Некоторые вопросы применения Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания» 233
О рассмотрении Доклада Российской Федерации Комитету ООН против пыток в 2006 году 241
Основные положения Доклада РФ Комитету 241
Рекомендации Комитета Российской Федерации 245

13. ТЕМЫ ДИССЕРТАЦИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ 249

CONTENT

1. Welcome of President of the Russian Association of International Law Judge A.Kolodkin 5
2. Foreword from Editorial Board 6
3. Kazan Scientific School of International Law 8
4. Greeting of Professor I.Lukashuk. In memoriam of Professor I.Lukashuk 11

5. THEORY AND PRACRICE OF INTERNATIONAL LAW
***V.Kotlyar,** War against the former Yugoslavia and de facto separation of Kosovo from Serbia 14
***G.Kurdukov,** Teaching of Prof. Feldman on the recognition in international law 27
***A.Mezyaev,** The Genocide Case. ICJ Judgment in the case *Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro* 35
***R.Valeev,** New direction in the UN activity 65
***A.Kaumova,** Human Rights in a context of the global UN anti-terrorist strategy 70
*** G.Shaihutdinova,** The Legal regulation of the principle of flexibitity in the documents of European communities and European Union 76
***R.Garipov,** General overview on the OSCE's documents and its role in the system of sources of international law 91

6. PERMANENT TOPIC – TEACHING OF INTERNATIONAL LAW
*Teaching of international law as an agenda item in the United Nations 100
***Y.Kolosov,** Teaching of international law in the light of recent development of the high education. 111
***E.Lyakhov,** The Peculiarity of the teaching of international law in the institutes of the system of Interior Ministry 114
*Questionnaire on the problems of teaching of international law 126
*Selected bibliography on the topic of teaching of international law 127

7. VIEW FROM INSIDE
Ch.Black, ***defence counsel of International Criminal Tribunal for Rwanda,*** International Tribunal for Rwanda and the lie about genocide in Rwanda 132

8. VIEW FROM OUTSIDE
A.Saveliev, ***deputy of State Duma, doctor of political science,*** Fiction of international law and the reality of american reich 138

9. INTERVIEW
*Interview with the President of International Tribunal of the Law of the Sea R.Wolfrum for Kazan Journal of International Law 147

10. SPECIAL REPORTS
Report from the 6th session of the Permanent Forum for indigenous people 150
11. RUSSIAN ASSOCIATION OF INTERNATIONAL LAW
*Declaration of the Executive Committee of the Russian Association of International Law on the Kosovo 153
***A.Mezyaev,** Some reflections on the possible future innovations in the proceedings of the Russian Association of International Law 153

12. INTERNATION LAW CHRONICLES (2006)
International Court of Justice 158
***V.Vereshchetin, Jugde of the ICJ** (1995-2006), Foreword on international courts 158
***A.Mezyaev,** In Honour of Judge Vereshchetin 160
*Review of the work of ICJ in 2006 172
*The new Russian Judge in ICJ 181

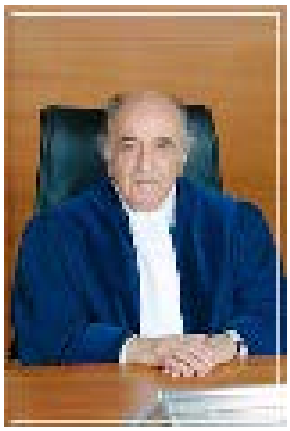
International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia **182**
International Criminal Tribunal for Rwanda **187**
International Tribunal for the Law of the Sea **190**
European Court of Human Rights **192**
UN International Law Commission **213**
*R.Kolodkin, Foreword on the work of the ILC 213
*On the 2006 elections in the ILC 215
*Review of the work of the ILC in 2006 216

Human Rights Bodies. Committee against Torture **232**
*On the election of the new Russian member of the CAT 232
***A.Kovalev,** Vice-President of the UN Committee against Torture,
Some problems of the implementation of the Convention against torture 233
*The 4th Periodic Report of the Russian Federation in CAT 241

13. TOPICS OF DOCTORAL THESISES ON INTERNATIONAL LAW **249**

ПРИВЕТСТВИЕ

Президента Российской Ассоциации международного права профессора А.Л. Колодкина



Дорогие коллеги!

С большой радостью шлю свои наилучшие пожелания и самые сердечные приветствия по случаю выхода в свет Вашего журнала! Я шлю их от имени многих членов Российской Ассоциации международного права, которая не только организует и объединяет ученых-юристов, дипломатов и других специалистов, но и достойно выполняет функции члена Всемирной Ассоциации международного права, штаб-квартира которой с 1873 года находится в Лондоне.

Наша Ассоциация отмечает в этом году свое 50-летие, и выход в свет Вашего журнала является весьма значимым подарком к этому юбилею.

Надеюсь, что Ваш журнал будет отражать наиболее актуальные проблемы международного права, появившиеся в современный период. Представляется, что наиболее важной проблемой является освещение положений международного права прав человека, учитывая создание Совета ООН по правам человека. К сожалению, это событие, имеющее с моей точки зрения историческое значение, не получило адекватного отражения ни в нашей науке, ни в СМИ.

С проблемой защиты прав человека тесно связано понимание того важнейшего обстоятельства, что эта защита не является лишь внутренним делом государства, а обязательством erga omnes.

Значительное внимание журнала, несомненно, должно уделяться международно-правовым аспектам борьбы с терроризмом. Здесь особое значение имеет новое прочтение статьи 51 Устава ООН: право на самооборону появляется у государства в случае вооруженного нападения не только другого государства, но и вооруженных формирований террористического характера.

Весьма важно понимание и отражение в журнале современного состояния института права на самоопределение, поскольку, на наш взгляд, вряд ли можно говорить об абсолютном характере этого права без учета фактора территориальной целостности государства, на что обращает внимание Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 года, а также Парижская Хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 года.

Нельзя не отметить, что эти важнейшие документы, признавая принцип права народа на самоопределение, в то же время выражают решительную поддержку принципу территориальной целостности государства и невозможности полного или частичного его расчленения.

Нет сомнения в том, что «Казанский журнал международного права» следуя научной школе Тункина – Фельдмана, будет фундаментально и всесторонне освещать и другие не менее важные проблемы, исходя, в первую очередь, из интересов Российской Федерации.

Желаю Вам удачи и творческих успехов!

Президент Российской Ассоциации международного права,
Судья Международного трибунала ООН по морскому праву,
Заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук,
профессор А.Л. КОЛОДКИН.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Уважаемые читатели!

Казанская школа международного права начинает издание нового журнала международного права, первый выпуск которого Вы держите в руках.

Новый журнал не будет повторять структуру или общие направления уже имеющихся и признанных российских изданий в области международного права. «Казанский журнал международного права» будет иметь свое лицо, свои уникальные рубрики и свою особую тематику.

Во-первых, КЖМП будет иметь свою постоянную тему: «Преподавание международного права».

Первый номер КЖМП публикует в данном разделе статью профессора Ю.М. Колосова об общих проблемах преподавания международного права в высшей школе и статью профессора Е.Г. Ляхова об особенностях преподавания курса в вузах МВД России. Публикуется также обзор вопроса преподавания международного права в системе Организации Объединенных Наций. Вопросник по проблемам преподавания международного права, опубликованный в конце раздела, должен стать основой для дальнейшей работы журнала. Редакция КЖМП убедительно просит читателей откликнуться и прислать нам Ваши ответы на Вопросник.

В журнале будут самые различные рубрики. Например, рубрика «Взгляд изнутри», где станут публиковаться статьи непосредственных участников тех или иных международно-правовых событий.

В первом выпуске КЖМП мы публикуем статью адвоката Международного уголовного трибунала по Руанде К.Блэка, который в настоящее время проводит защиту по одному из самых интересных процессов данного трибунала.

В рубрике «Взгляд со стороны» будут публиковаться мнения о международном праве, высказанные специалистами иных, кроме международного права, областей. Думаем, что такой взгляд со стороны может помочь в анализе международно-правовых проблем с нетрадиционных подходов и в целом является важным способом междисциплинарного метода исследования международного права.

В первом выпуске журнала мы публикуем статью доктора политических наук А.Н. Савельева «Фикция международного права и реальность американского рейха». Депутат Государственной Думы РФ А.Н. Савельев на основании политико-философского анализа представляет свой взгляд на роль международного права в начале XXI века.

Особо отметим рубрику «Хроника международного права». Целью данной рубрики будет информирование читателей о деятельности главных международных органов за год. В первую очередь, это деятельность Международного Суда ООН и Комиссии международного права ООН, но также и других международных учреждений, в том числе таких, информация о которых в российской международно-правовой литературе весьма скупа. В данной рубрике мы будем информировать читателей и о деятельности международных конвенционных органов по правам человека, привлекая особое внимание к докладам Российской Федерации в этих органах. Данный раздел станет носить не только информационный, но и аналитический характер: по отдельным темам, оказавшимся в центре внимания вышеуказанных органов, будут публиковаться также статьи и комментарии.

В первом выпуске КЖМП мы публикуем информацию о деятельности в 2006 году Международного Суда ООН, которая предваряется вступительной статьей судьи В.С. Верещетина, и Комиссии международного права ООН, которая предваряется вступительной статьей члена Комиссии Р.А. Колодкина. Данные разделы содержат также некоторую другую полезную и интересную информацию. В разделе публикуется статья вице-президента Комитета против пыток А.А. Ковалева. В 2006 году Комитет рассматривал очередной доклад РФ о выполнении Конвенции против пыток. Кроме анализа рассмотрения этого доклада в статье профессора А.А. Ковалева мы публикуем также краткое изложение самого доклада.

Рубрика «Интервью» будет посвящена беседам с ведущими юристами-международниками России и мира.

Первый номер нашего журнала публикует интервью Президента Международного трибунала ООН по морскому праву профессора Р.Вольфрума.

Рубрика «Российская Ассоциация международного права» будет посвящена рассмотрению вопросов деятельности нашей Ассоциации.

В первом номере КЖМП публикуются предложения заместителя главного редактора журнала А.Б. Мезяева о некоторых новых методах работы в рамках Ассоциации.

Конечно, будет и общая рубрика «Вопросы теории и практики международного права», где будут освещаться наиболее актуальные темы современного международного права.

В первом номере публикуются, например, статьи профессора В.С. Котляра о международно-правовых аспектах проблемы Косово, профессора Р.М. Валеева о новом направлении в деятельности ООН, А.Б. Мезяева о недавнем решении Международного Суда ООН по делу о геноциде (Босния и Герцеговина против Югославии), А.Р. Каюмовой о проблемах обеспечения прав человека в контексте глобальной контртеррористической стратегии ООН и другие.

Рубрика «Репортаж с места события» имеет целью ознакомление читателей с некоторыми международными конференциями, на которые будут направляться члены Редколлегии КЖМП или другие наши коллеги, принимавшие в них непосредственное участие.

В первом номере журнала публикуется репортаж доцента Р.Гарипова с Шестой сессии Постоянного Форума коренных народов мира. Мы также публикуем только что принятую Декларацию прав коренных народов мира 2007 года.

Мы также вводим новую рубрику «Темы диссертаций по международному праву», где будем публиковать для всеобщего ознакомления утвержденные темы диссертаций по специальности 12.00.10 – международное право; европейское право.

Все статьи написаны специально для «Казанского журнала международного права».

Редакция «Казанского журнала международного права» надеется на активную читательскую дискуссию (особенно в рубриках «Постоянная тема: Преподавание международного права» и «Взгляд со стороны») и потому готовит в следующих номерах новую рубрику «Ответ оппонента» (а в дальнейшем и «Ответ оппоненту»!)

Со второго номера планируются другие новые рубрики, в частности «Международно-правовые мемуары», «Практика Российской Федерации в области международного права» и некоторые другие, о которых пока сообщать не будем. Готовится также постоянный Справочный раздел.

Надеемся на активное участие российской международно-правовой общественности в обсуждении опубликованных материалов.

КАЗАНСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н.Е. Тюрина*

Преподавание международного права в Казанском университете является неотъемлемой частью его истории. В XIX веке с этим предметом были связаны имена А.Г. Станиславского, Н.П. Иванова, М.И. Догеля. Однако то, что сегодня называют Казанской школой международного права, сложилось и получило известность благодаря ученому, посвятившему свою жизнь этой науке, – заслуженному деятелю науки РСФСР и Татарстана профессору Давиду Исааковичу Фельдману.

Его учениками были все, кто сегодня преподает этот предмет на юридическом факультете КГУ, на «его» кафедре, и многие другие, кто нашел свое место в иных вузах, учреждениях, организациях. Это не только доктора и кандидаты наук. К его ученикам можно причислить всех, в ком он зажег огонек любви к науке, кто сумел перенять хотя бы частицу его неординарной личности.

В чем же состоит феномен школы профессора Фельдмана? Формально – это занятия со студентами: лекции, семинары, научный кружок и аспирантура, по сути – это наука, ученики, преемственность, традиции.

Все, кто слушал лекции Д.И. Фельдмана, вспоминают их вместе с самыми яркими впечатлениями своего студенчества или аспирантуры. Они были академичны, наполнены аналитическими построениями и в то же время понятными и захватывающими. Увлеченность лектора передавалась слушателям, и некоторые серьезно «заболевали» международным правом и приходили в научный кружок, а в самых «запущенных» случаях – в аспирантуру. И все это происходило в такое время, когда шансы сделать международное право профессией были минимальны, когда в отсутствие специализированного совета на факультете защищать диссертации приходилось в других городах, что требовало немало дополнительных усилий, как со стороны диссертанта, так и научного руководителя. Только большая бескорыстная любовь к науке международного права, которую Давид Исаакович всю жизнь нес в своем сердце, и вера в своих учеников позволили ему подготовить целую плеяду ученых, ставших его коллегами, сподвижниками, друзьями.

Научные интересы Д.И. Фельдмана были весьма обширны, но в многообразии тематики его трудов все же отчетливо просматривается особое пристрастие к проблемам методологии, теории и истории международного права. Ряд статей по методологии, опубликованных в период с 1975 по 1986 гг., в том числе в соавторстве с Г.И. Курдюковым, В.И. Лазаревым, В.Н. Лихачевым, и посвященных преимущественно системному методу исследования, можно с полным основанием назвать несущей конструкцией того теоретического фундамента, на котором и была воздвигнута Школа.

В исследованиях Д.И. Фельдмана по теории международного права центральное место занимают проблемы международной правосубъектности, международно-правового признания и систематизации международного права. Не случайно, что именно международная правосубъектность стала основной темой курса лекций, для чтения которого Д.И. Фельдман был приглашен в 1985 г. в Гаагскую Академию международного права. Это было высочайшим признанием его профессионализма и авторитета и принесло известность Школе.

* **Наталия Евгеньевна Тюрина –** кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета.

Институт международно-правового признания в отечественной доктрине также прочно связан с именем Д.И. Фельдмана. Среди публикаций на эту тему следует особо отметить главу в 7-томном Курсе международного права (1990 г.), которая представляет собой квинтэссенцию его многолетних исследований в данной области.

Примечательно, что все проблемы, над которыми работал Д.И. Фельдман, можно охарактеризовать как перманентно актуальные. Через год после выхода Курса распадается Советский Союз, и вопросы признания становятся частью международно-правовой практики бывших союзных республик, субъекты новой – Российской – федерации начинают участвовать в международных отношениях, и в связи с этим возникает потребность в определении их правового статуса. Между тем, и международная правосубъектность, и международно-правовое признание остаются не кодифицированными институтами международного права, и доктрина продолжает играть существенную роль в процессе принятия решений по данным вопросам. В отечественной правовой системе ее основу составляют среди немногих прочих труды профессора Фельдмана.

Еще одна область теории международного права, в которой заметным явлением стало исследование Д.И. Фельдмана, – система международного права. Его книга с одноименным названием, опубликованная в 1983 г., является таким вкладом в науку, который трудно переоценить. Сегодня, когда определяющей тенденцией мирового развития является глобализация международных процессов, что проявляется, в частности, в активизации международного правотворчества и приводит к научным выводам о становлении новых отраслей и институтов, иных комплексных образований, к монографии Д.И. Фельдмана постоянно обращаются отечественные и зарубежные исследователи. Об этом свидетельствует высокий индекс цитирования, который, как известно, служит наиболее объективным показателем значимости научного произведения.

В своих последних работах Д.И. Фельдман еще не раз возвращался к проблеме систематизации международного права. Так, в 1991 г. он выступал на международной конференции в Женеве с докладом о месте международного контроля в системе международного права. Показательно, что впоследствии на эту тему была написана докторская диссертация его учеником профессором Р.М. Валеевым.

Преемственность, характерная для Школы, получила воплощение и в административных отношениях. Почти три десятилетия Д.И. Фельдман руководил кафедрой – сначала истории и теории государства и права, затем государственного и международного права. За это время он подготовил достойную смену – ученых, единомышленников, творческих и инициативных работников – и «собственноручно» передал кафедру тому, кто был *primus inter pares* – профессору Геннадию Иринарховичу Курдюкову.

Завершая даже столь краткий обзор научного наследия Д.И. Фельдмана, нельзя обойти вниманием его интерес к истории международного права, которую неоправданно мало изучают сегодня студенты и к которой нечасто обращаются юристы-международники. Как специалист по вопросам методологии научного исследования профессор Фельдман видел в истории важный элемент познания и осмысления современности. Он обращался к исторической тематике на протяжении всей своей творческой деятельности. Его статьи в этой области, в том числе в соавторстве с Д.Б. Левиным и Ю.Я. Баскиным, существенно восполнили пробел в отечественной доктрине международного права, возникший в связи с тем, что известные исторические труды были посвящены преимущественно истории отдельных отраслей. В работах, написанных Д.И. Фельдманом или с его участием, международное право рассматривается как неотъемлемая часть всемирной истории, без знания которой невозможно понять совре-

менную эпоху. Ее осмысление в этих работах дается с позиции нового политического мышления, для которого в сфере международного права характерны признание единства исторических судеб всех государств, неделимость национальной и международной безопасности, неделимость мира. Наиболее ярко этот подход проявился в написанной в соавторстве с Ю.Я. Баскиным монографии «История международного права» (1990 г.), что позволило показать место и роль международного права в мировом историческом процессе, в развитии мировой культуры, а также социальную обусловленность ценностей, защищаемых международным правом. Само международное право рассматривается в этом контексте как элемент социальной памяти, посредством которой осуществляется процесс общечеловеческого познания. Особый акцент в оценке исторического развития международного права сделан на возрастание его юридического, а также морально-политического авторитета и усиление нравственного начала. Поэтому монография Ю.Я. Баскина и Д.И. Фельдмана имеет не только образовательное, но и воспитательное значение, что очень важно для Школы.

Оформление Школы было завершено открытием совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по международному и европейскому праву. Д.И. Фельдман, приложивший к этому немало усилий, успел поработать в его составе и «защитить» несколько своих аспирантов. К сожалению, докторские работы, которые он так ждал, защищались уже без него.

В 2006 году произошел раздел кафедры конституционного и международного права и появилась кафедра международного и европейского права. Ее штат составляет семь человек, однако в объеме научной роботы, выполняемой на факультете, достижения этой кафедры составляют существенную долю. Исследуемая проблематика весьма разнообразна: международная безопасность (ядерное право, международный контроль), ответственность в международном праве (санкции, контрмеры), защита и реализация прав человека, международное экономическое и международное уголовное право, роль и перспективы международных организаций. В рамках данных тем разрабатывается ряд сложных и актуальных вопросов: глобализация и новый миропорядок, новые тенденции в международном гуманитарном праве, публичные интересы в международной торговле, международная уголовная юрисдикция и др.

Тематика аспирантских работ, защищаемых в диссертационном совете по специальности «Международное право. Европейское право», в том числе выполненных на кафедре, поистине всеохватна. Так, в 1991-2007 годах в совете были защищены кандидатские диссертации на следующие темы: «Конвенционный механизм борьбы с международным терроризмом», «Договорная правоспособность Российской Федерации», «Сравнительный метод в исследовании взаимодействия международного права и национального уголовного законодательства», «Международное уголовное право: становление и современные тенденции развития», «Применение норм международного права в судебной системе РФ», «Внутреннее право международных организаций», «Международно-правовые аспекты объединения Германии», «Право на неприкосновенность частной жизни: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации», «Институт Уполномоченного по правам человека в международном и внутригосударственном праве», «Международно-правовые нормы по защите озонового слоя Земли», «Международное право об отмене смертной казни», «Современные международно-правовые аспекты реформирования СБ ООН», «Признание и исполнение решений иностранных судов и арбитражей в РФ», «Право на эффективные средства правовой защиты: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации», «Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями», «Взаимодействие ЕС и СЕ в области

защиты основных прав человека», «Система правовой защиты персональных данных в ЕС», «Правовые позиции Международного Суда ООН», «Международно-правовой обычай в современном международном праве» и многие другие[1].

Докторские диссертации были защищены по темам: «Контроль в современном международном праве» (Р.М. Валеев), «Эффективность норм международного права» (Л.Х. Мингазов), «Международное уголовно-процессуальное право и правовая система РФ» (П.Н. Бирюков), «Международная и национальная правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия» (В.В. Гаврилов), «Право человека на международную судебную защиту» (Ю.И. Самович).

Интересные диссертации были защищены зарубежными юристами: «Вьетнам и международные договоры», «Международные и внутригосударственные механизмы реализации международных актов о правах человека в Судане», «Международно-правовое регулирование советско-сирийских отношений», «Международно-правовые основания и способы определения принадлежности и статуса территории», «Права человека в международном и мусульманском праве», «Международно-правовые нормы по защите морской среды в практике Республики Йемен», «Международно-правовой режим континентального шельфа и практика Султаната Оман», «Международно-правовое регулирование территориальных споров между государствами Аравийского полуострова», и ряд других.

Благодаря довольно широким международным связям многие научные работы выполняются в зарубежных университетах, что выступает новой составляющей Школы, для которой сотрудничество с иностранными коллегами открывает новые ракурсы в изучении международно-правовой теории и практики. Научные стажировки и мероприятия, проводимые совместно с юристами-международниками университетов Брюсселя и Левена (Бельгия), Гиссена (Германия), Амстердама и Гааги (Нидерланды), Гренобля (Франция), Лозанны и Фрибурга (Швейцария), Нью-Йорка и Лос-Анжелеса (США), формируют подлинно международное мировоззрение нового поколения ученых, проходящих Школу.

Быстротечное время все дальше и дальше отодвигает назад, в историю, эпоху профессора Фельдмана. И все-таки незримо он присутствует во всех делах «своей» кафедры, начало которым было положено под его руководством, и тех, которые только еще витали в его планах. Международное право становится любимым предметом для новых поколений студентов, открываются новые невиданные и немыслимые ранее возможности для его изучения, не иссякает приток аспирантов и растет научный потенциал Школы, которая увековечила его имя.

[1] Подробнее см.: «Казанская школа международного права». – Казань, 2007. – С. 14-28.

СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ «КАЗАНСКОМУ ЖУРНАЛУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Издавна слежу за плодотворным развитием Казанской школы международного права, в развитие которой существенный вклад внес видный международник Д.И. Фельдман. В литературе все чаще появляются талантливые работы представителей Казанской школы.

Ныне Школа предприняла новый шаг, решив издавать собственный журнал международного права. Представленный макет журнала, несомненно, заслуживает одобрения.

Известно, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России стали частью правовой системы России. Сегодня все отрасли внутреннего права в той или иной степени связаны с международным правом. Однако большинство юристов-практиков не имеют соответствующей подготовки. Поэтому крайне важно, чтобы журнал уделял особое внимание анализу практики внутригосударственного применения норм международного права. Желательно, чтобы журнал также давал рецензии на отечественную и иностранную литературу по международному праву.

От всей души желаю творческих успехов Казанской школе международного права и ее Журналу.

И.И. ЛУКАШУК.

Памяти Игоря Ивановича Лукашука

27 января 2007 года не стало Игоря Ивановича Лукашука. Эта печальная новость застала меня в далекой заграничной командировке. Было столь трудно поверить в это известие, что я стал звонить другим своим коллегам, чтобы выяснить, действительно ли это случилось. Не мог поверить в его смерть сразу. Точнее, не мог и не хотел принять ее. Лишние звонки были для меня какой-то, наверное, наивной, но искренней попыткой услышать опровержение: да нет, это неправда, это просто глупые слухи…

Иногда бывают необходимы годы, и даже десятилетия, чтобы оценить масштабы той или иной личности, вклад того или иного ученого в науку… Игорь Иванович Лукашук стал классиком науки международного права уже при жизни. Можно задать себе вопрос: есть ли хоть один российский юрист-международник, кто не читал его книг? Мы все знаем, что таких среди нас нет. Есть ли хотя бы одна работа по международному праву, где не сделано ни единой ссылки на его труды? Нет таких работ. И это удивительное подтверждение не просто объема, но масштаба вклада Игоря Ивановича в науку международного права. Его идеи, разработки, теории и их доказательства пронизывают всю науку. Это заставляет не просто восхищаться. Но и постоянно работать над собой и учиться.

Игорь Иванович был самым тесным образом связан с Казанской школой международного права. Наверное, все началось с дружбы Игоря Ивановича с основателем нашей Школы Давидом Исааковичем Фельдманом. Помню, как поразила меня стоящая в его рабочем кабинете фотография Д.И. Фельдмана… Многих членов Казанской школы связывали годы совместной работы с Игорем Ивановичем. Так, профессор Казанского университета Л.Х. Мингазов несколько лет проработал с И.И. Лукашуком

в Центральной Африке. Игорь Иванович всегда отзывался на все наши предложения и новые проекты. Может быть, поэтому мы все всегда считали его своим, членом нашей, казанской, Школы. Интересно отметить, что во всех своих работах Игорь Иванович всегда ссылался на публикации юристов Казанской школы, ссылался не только на труды профессоров и докторов наук, но также замечал и молодых, начинающих ученых. Несмотря на тяжелую болезнь, практически за несколько недель до своей смерти Игорь Иванович нашел время и силы написать столь теплые слова в поддержку нашего тогда еще зарождающегося журнала…

К сожалению, казанские студенты не имели возможности слушать лекции Игоря Ивановича. Все-таки Москва от нас далеко… Я всегда жалел об этом, ведь сам специально ездил в Москву на его лекции, всегда ждал случая побеседовать с ним в кулуарах конференций или в его всегда гостеприимном доме. Маленькой попыткой донести мысли Игоря Ивановича к нам в Казань стали видеозаписи, которые я сделал в рамках «Казанского видеокурса международного права». Трудно описать, с каким благоговением слушают мои студенты эти записи. Ведь перед ними предстает тот, чье имя произносится на каждой лекции. Я горжусь тем, что успел сделать эти видеозаписи...

Память об Игоре Ивановиче Лукашуке сохранится в наших сердцах навсегда. Это не дежурная фраза. Это, действительно, так. Ценим, любим, помним Вас, дорогой Игорь Иванович…

От имени Редакционной коллегии
«Казанского журнала
международного права»,
Александр МЕЗЯЕВ.

ВОЙНА ПРОТИВ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ И ФАКТИЧЕСКОЕ ОТТОРЖЕНИЕ КОСОВО ОТ СЕРБИИ КАК ПЕРВЫЙ ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАТО 1999 г. И ТИПОВОЙ «ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ» НАТО В НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В.С. Котляр*

Вооруженное вторжение стран НАТО в Югославию в марте 1999 г. явилось первым примером осуществления на практике натовской версии гуманитарной интервенции и обновленной стратегической концепции НАТО, принятие которой через месяц после нападения на Югославию было призвано как бы оправдать задним числом агрессивные действия НАТО.

Официально провозглашенная цель НАТО была остановить гуманитарную катастрофу в Косово, явившуюся, как заявляли члены НАТО, результатом этнических чисток в отношении албанского населения этой части Югославии, которые проводились режимом Милошевича. Однако бывший британский военный юрист А.Роджерс обращает внимание на то, что государства, инициировавшие или поддержавшие это вторжение, «весьма неохотно шли на то, чтобы точно сформулировать, на каком именно юридическом основании была осуществлена эта операция»[1]. США ограничились ссылкой на то, что нарушение резолюций 1160 и 1199 Совета Безопасности, принятых в соответствии с Главой VII Устава ООН, «предоставляло достаточное юридическое основание[2]. По заявлению МИД Великобритании, «можно было считать оправданным ограниченное применение силы в поддержку целей, одобренных Советом Безопасности, но без четкой санкции Совета, в тех случаях, когда это было единственным путем к предотвращению нависшей и непреодолимой гуманитарной катастрофы. Подобные случаи должны носить исключительный характер и зависеть от объективной оценки фактических обстоятельств, существовавших на тот момент, и от положений соответствующих решений Совета Безопасности, относящихся к данной ситуации»[3]. Что касается правительств ФРГ, Франции, Италии и Нидерландов, то все они, не входя в детали, сделали упор на необходимость предотвратить «грубые нарушения прав человека»[4].

Эта в общем-то вынужденная лапидарность и разноголосица в юридическом обосновании нападения на Югославию как раз и объясняется отсутствием соответс-

---

* **Владимир Семенович Котляр –** кандидат юридических наук, директор Центра безопасности, контроля над вооружениями и миротворчества Дипломатической академии МИД России.

[1] A.P.V.Rogers. Humanitarian Intervention and International Law. Harvard Journal of Law and Public Policy, volume 27, number 3, summer 2004, pp.7-8. Эта статья по существу пересказывает его же доклад, сделанный на конференции «Современные вопросы права: законность в конфликтных и постконфликтных ситуациях» в Гармиш-Партенкирхене в сентябре 2003 г.

[2] A.Paecht. Kosovo as a precedent: towards a reform of the Security Council? International law and humanitarian untervention. Humanitäres Völkerrecht Informationsschriften, vol.1/2000, p. 36.

[3] *Hansard* (House of Lords), 16 November 1998, WA 140, Baroness Symons of Vernham Dean, written answer to Lord Kennet. А.Роджерс обращает внимание на то, что это означает изменение позиции Лондона по вопросу о гуманитарной интервенции, изложенной в Foreign Policy Document No. 148, 57 (1986), British Yearbook of International Law, p. 619, para II.22, где говорилось, что «хотя нельзя сказать, что право на гуманитарную интервенцию является недвусмысленно незаконным, но подавляющее большинство современных юридических источников не признает существования такого права» (см. A.P.V.Rogers, op. cit., p. 8).

[4] A.Paecht, op. cit., pp. 36-38.

твующих разрешающих его норм в международном праве, что вызвало резко критическую реакцию за пределами НАТО. «Вмешательство региональной организации без мандата ООН в Косово, – отмечал Генеральный секретарь ООН К.Аннан, – стало трагедией, бросило вызов всей послевоенной системе международной безопасности»[5]. Бомбардировки Югославии без санкции ООН, заявил бывший премьер-министр Австралии М.Фрейзер, являются «несомненной военной агрессией и нарушением международного права»[6]. Бывший канцлер ФРГ Х.Шмидт призвал не допустить на будущее повторения «Косово-сербского опасного прецедента»[7].

Все это объясняет также, почему процесс над С.Милошевичем в Международном трибунале по бывшей Югославии (МТБЮ) проходил с такими трудностями, при всей предвзятости неприлично политизированного МТБЮ против сербов и его стремлении во что бы то ни стало осудить С.Милошевича, недаром вызванный в МТБЮ в качестве свидетеля защиты бывший глава правительства России Е.М. Примаков подчеркивал по возвращении, что этот «суд идет с обвинительным уклоном, это мне точно представляется»[8]. Лишь в ноябре 2004 г. МТБЮ *впервые* объявил о привлечении к суду трех бывших командиров ОАК по обвинению в совершении убийств и пыток сербов и этнических албанцев, сотрудничавших с сербскими властями, во время вооруженных столкновений ОАК с югославской армией и полицией в 1998 году[9]; при этом, к большому смущению западных опекунов албанских экстремистов, в составе данной троицы был Р.Харадинай, которого тогдашний албанский лидер Косово И.Ругова после выборов 2004 г. назначил на пост премьер-министра Косово и которого Белград считает военным преступником. Подчеркивая двойные стандарты США и других стран НАТО в подходе к суду над сербскими лидерами, арабская пресса обращала внимание на то, что МТБЮ предъявил С.Милошевичу и лидерам боснийских сербов обвинение в том, что они несли ответственность как руководители государств (command responsibility) за убийства гражданского населения в бывшей Югославии, в то время как, например, нынешнему премьер-министру Израиля А.Шарону, виновному в совершении точно таких же проступков в Палестине (в Кибии в 1953 г., Бейруте, Сабре и Шатиле в 1982 г.), никаких обвинений так и не было предъявлено[10].

В декабре 2004 г. Международный Суд в Гааге, который ранее принял к рассмотрению иск Белграда к странам НАТО в связи с их нападением на Югославию после того, как МТБЮ отказался рассматривать его, принял решение о том, что он не правомочен рассматривать этот иск, но по чисто процедурной причине – так как Сербия и Черногория стали членами ООН уже после подачи этого иска Федеративной Республикой Югославия в 1999 года. Но, говорится в решении Суда, «независимо от того, правомочен он или нет рассматривать этот иск, страны, которым он был предъявлен,

[5] Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. – М.: Изд. «Мысль», 2002. – С. 96.

[6] Там же. – С. 97.

[7] Там же. – С. 99.

[8] См.: Петровская Ю. Примаков «защитил» Милошевича // Независимая газета. – 2005. – 1 декабря. интервью Е.М. Примакова для Би-Би-Си: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4056000/4056549.stm.

Трагической иллюстрацией этой предвзятости МТБЮ явился его отказ в феврале 2006 г. разрешить С.Милошевичу выехать на лечение в Россию – и это несмотря на официальное обещание МИД России вернуть его обратно в Гаагу после лечения, – через месяц после чего С.Милошевич скончался в тюрьме. Автору не хотелось бы усматривать злой умысел в этом решении судей МТБЮ, но несомненно, что смерть С.Милошевича избавила МТБЮ от политического и юридического скандала в связи с неспособностью МТБЮ доказать обоснованность обвинений, предъявленных С.Милошевичу. О работе МТБЮ см. также интересную статью Николая Зверева «Преступления и наказание» в «НГ-Дипкурьере», № 9 от 26 мая 2003 г.

[9] http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4012000/4012505.stm

[10] A.A.Rahman. Sharon revisited: A man of peace or a war criminal? / Gulf News, 9 April 2005.

продолжают нести ответственность за действия, которые приписываются им и которые нарушают права других государств»[11].

И напрасно некоторые западные эксперты утверждают, что «в любом случае мирное соглашение, заключенное между странами НАТО и Югославией после интервенции в Косово, было впоследствии ратифицировано Советом Безопасности ООН с принятием им резолюции 1244 от 10 июня 2004 г.»[12]. Анализ этой резолюции показывает, что никакой «ратификации» агрессии НАТО против Югославии она не содержит – наоборот, ее текст ясно напоминает о главной ответственности Совета Безопасности за сохранение международного мира и безопасности, говорит о стремлении ООН «создать условия для возвращения домой всех беженцев» и «разрешить опасную гуманитарную ситуацию в Косово», которая была лишь усугублена действиями стран НАТО, подчеркивает сохранение суверенитета Югославии в отношении Косово и т.д.

Однако на деле США и НАТО преследовали прежде всего собственные геополитические цели – отстранить от власти режим Милошевича и завершить тем самым процесс ликвидации Югославии как последнего самостоятельного политического фактора в регионе, пользовавшегося достаточно большим влиянием как на Балканах, так и в Движении неприсоединения и не находившегося в орбите НАТО и ЕС, а также обеспечить для себя и в дальнейшем доступ к энергоресурсам арабских стран, показав с этой целью «Эр-Рияду, Исламабаду, Каиру и другим, что американская политика борьбы с терроризмом не является антиисламской, а, напротив, направлена также и на помощь мусульманским меньшинствам», как писал бывший сотрудник Госдепартамента и сената США Дж.Джатрас[13]. Напомним, что начало этого процесса было спровоцировано в начале 1990-х гг. торопливым признанием Германией и вслед за ней другими странами ЕС и США независимости сепаратистских режимов в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Словении и Македонии. Именно ради этих своих геополитических целей США при поддержке стран НАТО, начиная с середины 1998 г., резко изменили свою политику в отношении албанских сепаратистов Косово во главе с И.Руговы и их экстремистского крыла, активистов так называемой Освободительной армии Косово (ОАК), во главе с Х.Тачи, который, по свидетельству Дж.Джатраса, вместе с Р.Харадинаем встретился в 1995 г. в Тиране с бен Ладеном, «чтобы начать войну в Косово». Если еще осенью 1998 года последние именовались в западных СМИ не иначе как «террористы»[14], то к концу 1998 г. они вдруг превратились в «воинов ОАК» и в партнеров США и НАТО. Более того, как вскоре стало ясно, спецслужбы США снабдили ОАК вооружением[15]. Именно поэтому США сорвали также переговоры в Рамбуйе, которые велись в 1998-1999 гг., сговорившись за спиной России с албанскими сепаратистами и поставив перед делегацией Югославии в последний момент ультимативные условия, на которые, как они прекрасно знали, не могло согласиться ни одно суверенное государство. И именно поэтому разведслужбы США пошли даже на фальсификацию сообщений о «тайном захоронении жертв расстрела югославами мирных албанских жителей», которое, как потом выяснили финляндские патологоанатомы, оказалось могилой членов ОАК, погибших в боях с югославской армией. А ведь публикация именно этого сообщения в западных СМИ явилась для общественного мнения многих стран НАТО той самой последней каплей, которая переполнила чашу терпения Европы и побудила ее поддержать вторжение войск стран НАТО в Югославию.

---

[11] UN Daily News, Issue DH/4291, 15 December 2004.

[12] A.P.V.Rogers, op. cit., p. 2.

[13] Джим Джатрас. Будущее Косово зависит от Москвы // НГ-Дипкурьер. – 2006. – № 12. – 11 сентября.

[14] ОАК действительно заслужила называться «террористами» как вследствие акций, направленных против невинного гражданского населения, так и вследствие своих связей с международными террористическими и криминальными силами, включая чеченских террористов (см. об этом материал на сайте http://news.bbc.co. uk/hi/russian/press/ newsid_3639000/3639870.stm).

[15] См. заявление генерал-полковника Л.Ивашова в программе RenTV «Укол «Иглой» 4 декабря 2005 года, www.rentv.ru.

Наряду с этим, как отмечают европейские исследователи, «война США и НАТО с Югославией из-за Косово преследовала также цель вдохнуть новую жизнь в НАТО, расширить НАТО и закрепить военно-политические интересы США в более широкой зоне Балкан и Черного моря, ограничив одновременно влияние Германии и России в этом регионе»[16]. Складывается также впечатление, что США, поддерживая усиление в центре Европы государственных образований, фактически находившихся под контролем экстремистов, одновременно закладывали тем самым бомбу замедленного действия под процесс расширения и укрепления влияния ЕС, своего европейского конкурента.

Этих своих геополитических целей, не провозглашенных открыто, США, НАТО и ЕС, безусловно, добились. Более того, в полном соответствии с этими целями после провозглашения независимости Черногории в 2006 г. по плану Соланы и после запланированного Западом отделения Косово Сербия вообще может остаться в одиночестве. Однако, что касается официально провозглашенных целей, то усилия «либерально-демократического ядра» западных стран по прекращению бедствий *албанского* населения Косово путем нанесения в течение 78 суток ракетно-бомбовых ударов по Югославии обернулись крупнейшей катастрофой для *сербского* населения не только Косово, но и всей Югославии. Было полностью дезорганизовано энергоснабжение страны, разрушены десятки мостов, в том числе через Дунай, что привело к параличу ее транспортной системы, и еще в 2006 г. страны НАТО так и не восстановили эти мосты. Погибли 1200 мирных жителей, включая 400 детей, что цинично именовалось в натовских военных бюллетенях «сопутствующим ущербом»; было уничтожено 90 памятников истории, разрушено более 40 тыс. домов и 300 гражданских объектов, включая вузы, школы, библиотеки. Не пощадили даже двух десятков больниц. Пострадало более 80 гражданских предприятий, которые давали работу 600 тыс. человек[17]. При этом, как отмечали российские эксперты, США и ЕС не только не высказали ни малейшего желания возместить многомиллиардный ущерб за бомбардировки, но и не выполнили свое обещание о значительной финансовой помощи новому режиму в стране, оценив ее потери лишь в один миллиард долларов – ничтожная сумма по сравнению с реальным ущербом[18].

Если же целью НАТО, как писали натовские теоретики из Центра по исследованию проблем безопасности в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ), было «распространение стабильности на примыкающие к границам НАТО области», то и здесь первая «гуманитарная» интервенция НАТО не достигла цели. Один из активных сторонников интервенции в Косово, тогдашний заместитель главы фракции ХДС/ХСС В.Шойбле явно поторопился выразить в 2003 году удовлетворение тем, что «в Косово внутриполитические условия улучшаются благодаря усилиям международного сообщества; в этом смысле Балканы все же позитивный пример»[19]. Но лидеры НАТО, ЕС и Совета Европы, выступая на словах в поддержку решений Совета Безопасности ООН о том, что Косово остается частью Сербии и Черногории и о необходимости полного соблюдения всех прав жителей Косово вне зависимости от их национальности, заявляя, что «мы очень далеки от решения косовской проблемы таким способом, как предоставле-

[16] Vassilis Fouskas. US *Macht-Politik* in Eurasia and the Re-Fashioning of the Greater Middle East. European Research Center, Discussion Paper 2003/01, Kingston University, 2003, p. 5.

[17] Рог В.Г. России пора делать выводы // Независимое военное обозрение. – 2003. – 11-17 апреля.

См. также интервью министра иностранных дел Сербии и Черногории В.Драшковича «Независимой газете» от 30 ноября 2005 г.

[18] Петровская Ю., Вукелич И. Между революцией и контрреволюцией // НГ-Дипкурьер. – 2005. – 26 сентября.

[19] НГ-Дипкурьер. – 2003. – 24 ноября.

ние Косово независимости»[20], на деле же ничего не сделали ни для обуздания албанских экстремистов и прекращения их разговоров о независимости, ни для возвращения сербских беженцев.

В реальности сработал, как пишет российский эксперт Надежда Арбатова, «закон незаконных войн», заключающийся в том, что, «будучи даже успешными в военном отношении, они становятся источником новых проблем и угроз». Ведь в основе внутреннего конфликта в Косово, отмечает она, лежали две причины – националистическая политика С.Милошевича в отношении косовских албанцев и албанский экстремизм, направленный на воссоединение албанских общин с Албанией, на перекройку карты Южных Балкан. Война стран НАТО против Югославии разрешила лишь первую проблему, устранив С.Милошевича, но не разрешила проблему албанского экстремизма. Руководство НАТО закрыло глаза на то, что албанские экстремисты и их сторонники не были полностью разоружены, что многие из них заняли командные позиции в правоохранительных органах (вместо того, чтобы сесть на скамью подсудимых по соседству с С.Милошевичем, добавим мы от себя, –В.К.), что они продолжали вытеснять из провинции неалбанское население, создавали криминальные структуры, запугивали судей и свидетелей[21].

Как показали дальнейшие события, поддерживаемая косовскими экстремистами и Албанией идея создания «Великой Албании», которая включала бы Косово, Западную Македонию, нынешнюю Албанию, а также часть Черногории, Южной Сербии и Греции, – это, к сожалению, не миф, что очень скоро подтвердили события в Македонии, когда, восприняв действия НАТО в 1999 г. как своего рода карт-бланш на продолжение сепаратистских действий на территории бывшей Югославии, в 2001 г. военизированные албанские формирования при поддержке боевиков ОАК и Албании, завершив с помощью НАТО первый этап создания «Великой Албании» и добившись фактически монопольной власти в Косово, перешли ко второму этапу и попытались перенести вооруженную борьбу на территорию Македонии и создать второй албанский анклав. Вместо того, чтобы применить силу для прекращения этой этнической чистки, направленной против коренного населения Македонии, – как в 1999 г. страны НАТО поступили в Косово для защиты албанцев, – НАТО и ЕС пообещали широкую автономию албанскому населению Македонии, чтобы умиротворить их и прекратить шестимесячный вооруженный конфликт. Продолжая потакать албанским экстремистам, в ноябре 2004 г. ОБСЕ и страны НАТО и ЕС помогли сорвать референдум в Македонии, организованный теми политическими партиями страны, которые выступали за определенное ограничение предоставленных ранее албанцам прав автономии и закрепленных в Охридских соглашениях[22].

То, что первая гуманитарная интервенция НАТО не принесла стабильности в регион, еще раз подтвердили события 17-20 марта 2004 г., когда албанские экстремисты устроили антисербские погромы в Косово, которые, по заявлению Миссии ООН в Косово, «были явно спланированы». Погибли 30 и ранены более 500 человек, включая

[20] См., например, выступление Генерального секретаря Совета Европы В.Швиммера на пресс-конференции в Страсбурге в сентябре 2003 г. (газета «Коммерсант» от 1 октября 2003 г.).

[21] Арбатова Н. «Закон незаконных войн. Насильственные методы не могут быть оправданы никакими целями // Независимая газета. – 2004. – 31 марта. Речь, однако, можно скорее вести не о «националистической» политике С.Милошевича, а о его неоправданно жесткой и негибкой политике с использованием прежде всего силовых методов в отношении албанского населения Косово.

[22] http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3989000/3989645.stm, а также _3991000/3991313.stm. В результате посредничества НАТО и ЕС македонские албанцы должны получить право на самоуправление, а албанский язык – приобрести статус официального в областях, где албанцы составляют не менее 20% населения, а поскольку к ним относится и столица Македонии г. Скопье, то по существу он получит статус второго государственного. Интересно, что в это же самое время НАТО и ЕС закрывают глаза на отказ правительства Латвии предоставить русскоязычному населению страны право обучать своих детей на русском языке, не говоря уже о придании ему статуса официального или государственного языка.

17 военнослужащих из миротворческого контингента ООН (КФОР) и 40 полицейских ООН, были взорваны 35 сербских храмов и монастырей и сожжено более 800 домов, около 4 тыс. сербов и других неалбанцев, бросив имущество, бежали из Косово. Лишь срочная переброска резервов НАТО и угроза применить силу помогли восстановить контроль над ситуацией.

На этот раз не было ни С.Милошевича, ни сербской полиции, на которых можно было бы опять свалить всю вину за бесчинства, поэтому было невозможно отрицать, что первопричиной вооруженных столкновений и беспорядков в Косово была и остается деятельность албанских экстремистов, и командование КФОР впервые квалифицировало действия албанских экстремистов как этнические чистки[23]. Генеральный секретарь НАТО Я.де Хооп Схеффер назвал убийство сербов «достойным презрения и совершенно неприемлемым», но президент Косово И.Ругова, осудив – явно под давлением командования КФОР и Миссии ООН – акты насилия, в тот же день потребовал предоставления Косово независимости, выступив против предложений о разделе Косово на албанскую и сербскую части[24].

Судя по опубликованному в Нью-Йорке докладу международной организации Human Rights Watch, силы КФОР и полицейский контингент ООН оказались совершенно не подготовленными к очередному взрыву албанского экстремизма и не были готовы вмешаться и отбросить экстремистов. В то время, как часть миротворцев вела себя мужественно и с риском для собственной жизни спасала сербов (в частности, СМИ упоминали французский контингент), другие запирали ворота казарм и отсиживались за высоким забором[25]. Более того, выяснилось, что в ряде случаев контингенты военнослужащих нескольких стран НАТО, входивших в состав КФОР, отказывались выполнять приказы командования КФОР о решительном отпоре толпам албанцев, поскольку имели указания от своих правительств не принимать участия в такого рода мероприятиях (т.н. crowd control) без специального разрешения своих правительств[26].

Надо сказать, что, начиная еще с 1999 г., когда в Косово пришел КФОР, состоящий почти целиком из военнослужащих стран НАТО, албанские экстремисты, не получая отпора, проводили по существу «ползучую» этническую чистку с целью вынудить оставшиеся 100 тыс. сербского населения края (300 тыс. сербов бежали из Косово во время или сразу после вторжения войск НАТО в 1999 г.) покинуть Косово. Исторически сербские общины формировались вокруг храмов и монастырей Сербской Православной Церкви, поэтому албанские экстремисты взялись прежде всего за них – с 1999 г. боевики ОАК, лишь формально расформированной, но на деле продолжающей действовать, взорвали 112 храмов и монастырей[27].

Поэтому вполне обоснованно в заявлении МИД России по поводу этих событий говорилось, что «назревавшие в последние годы тревожные тенденции не получили адекватного ответа со стороны Миссии ООН для Косово и ведомых НАТО сил для Косово. Сегодня стало окончательно ясно, что попытки потакать экстремистам из числа косовских албанцев, взявшим курс на создание моноэтнического общества, провалились и создали серьезные риски дестабилизации всего региона»[28].

---

[23] Петровская Ю., Терехов А. На Балканах снова война // Независимая газета. – 2004. – 19 марта.

[24] EuroNews, 23.3.2004.

[25] http://news.bbc.co.uk/hi/russian/newsid_3554000/3554707.stm

[26] NATO doc. 057 DSCFC 05 E. Draft Report by John Smith (UK) to the Defence and Security Committee of NATO Parliamentary Assembly, 21 April 2005, para 19.

[27] Щипков Д. Албанцы переписывают историю // Независимая газета. – 2004. – 7 апреля.

[28] Петровская Ю. Марш-бросок Шойгу на Балканы // Независимая газета. – 2004. – 22 марта.

В свете этих событий было неудивительно, что сербское население Косово не приняло участия в парламентских выборах в крае в октябре 2004 г., «так как они не верят в обещания стран НАТО обеспечить безопасность и собственность сербов, не говоря уже об их политических правах, и не хотят придавать видимость законности этим выборам»[29]. А «умеренный» лидер победителей на выборах И.Ругова, не обращая никакого внимания на заявления руководителей НАТО и ЕС об их приверженности резолюциям Совета Безопасности ООН, в которых закреплен статус Косово как неотъемлемой части Сербии и Черногории, тут же заявил, что «это был великий день на пути признания независимости Косово, которое станет частью ЕС, НАТО и будет дружить с США»[30]. И вновь он не получил отпора от руководителей НАТО и ЕС.

Наконец, вопреки публично провозглашенной цели «распространения стабильности», незаконная «гуманитарная» интервенция НАТО позволила албанскому терроризму выжить, стать политически легитимным и, как сообщали СМИ, развить сложную сеть организованной преступности сначала в Европе, а в последнее время и в США. Албанские диаспоры быстро растут в Италии, Великобритании, Австрии, Германии, Швейцарии, Норвегии, Польше, Чехии и т.д., и европейские страны уже начинают испытывать на себе последствия этого «распространения стабильности». Бывшие боевики ОАК сегодня уже контролируют основные потоки героина в Италии и Великобритании, занимаются захватом заложников, организацией проституции и торговлей «живым товаром» и оружием. Как пишет печать, полицейские аналитики США и Европы уже серьезно опасаются, что «завтра «коза ностра» и «триады» покажутся ватагами бестолковых хулиганов по сравнению с опутавшей Европу сетью отлично организованных албанских кланов»[31]. По этим причинам, как заявил сербский епископ Артемий, «Косово в качестве протектората ООН уже стало «черной дырой» Европы… Там создано криминальное общество, в котором основной силой являются исламистские экстремисты-ваххабиты. В случае отделения от Сербии Косово станет плодотворной почвой для проповедников джихада и террористов «Аль-Каиды». И тогда это станет угрозой не только для Балканского региона и всей Европы, но и для Америки тоже»[32].

К сожалению, приходится констатировать, что с помощью шантажа и этнических чисток албанские сепаратисты «поддерживают на плаву» свою цель – полное отделение Косово от Сербии. В Вашингтоне, несмотря на публичные заявления, выдержанные в противоположном духе, видимо, не видят в этом ничего плохого, поскольку появление в Европе еще одного экстремистского государства, прячущегося за исламистскими лозунгами, или присоединение Косово к Албании вряд ли будет содействовать укреплению ЕС. Но вот близорукость ряда политических кругов в странах ЕС в этой связи не может не удивлять. Казалось бы, европейские страны, во многих из которых уже существуют многочисленные мусульманские диаспоры, должны были бы быть заинтересованы в установлении более жесткого контроля в отношении исламистских экстремистов и сепаратистов и в поддержке умеренно настроенных представителей мусульманского населения. Но, тем не менее, в этих условиях в Брюсселе появляется доклад т.н. «Международной кризисной группы», в котором говорится, что если Косово не приобретет независимости, то эта провинция вновь окажется ввергнутой в войну. В докладе отвергается возвращение Косово в состав Сербии или раздел этой

[29] EuroNews, 24.10.2004; Agence France Press Actualité, 24.10.2004; Петровская Ю. К независимости с новым парламентом // Независимая газета. – 2004. – 22 октября.

[30] ttp://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3948000/3948419.stm

[31] Владимиров И. Русскую мафию сменяет албанская // Независимая газета. – 2004. -14 апреля; Язькова А. Смерть Руговы затормозила переговоры по Косово // там же. – 2006. – 3 февраля.

[32] Круг П. «Черная дыра» в пороховой бочке // НГ-Религии. – 2006. – 18 октября.

провинции, но зато поддерживается «любая возможная форма объединения Косово с Албанией или другим соседним государством или территорией»[33]. То, что доклад полностью противоречит вышеупомянутой резолюции Совета Безопасности, подчеркивающей, что Косово остается неотъемлемой частью Сербии, его авторов, по-видимому, не интересует. Не задумываются они и над тем, что предоставление независимости Косово «полуавтоматически» приведет к присоединению края к Албании, что сразу же создаст проблемы для Македонии и Греции, где есть целые районы компактного проживания албанского меньшинства.

В свете этих результатов первой «гуманитарной» интервенции НАТО можно понять разочарование Генерального секретаря ООН К.Аннана, который причислил миротворческую операцию КФОР – в отличие от аналогичных операций в Восточном Тиморе и Намибии – к числу неудачных миссий ООН, объяснив это «хрупкостью мирного соглашения вследствие того, что *основные причины конфликта так и не были устранены*» (курсив наш. – В.К.). В этой связи К.Аннан подчеркнул на будущее важность того, чтобы «не позволять использовать нас в качестве фигового листка, прикрывающего отсутствие у международного сообщества политической воли для эффективного решения проблемы»[34].

Новый факт убийства двух сербов албанскими экстремистами в августе 2005 г. драматическим образом подтвердило слова Аннана о сохранении причин конфликта. Заявление руководителей Сербии и Черногории по этому поводу с полным основанием говорит о том, что положение в Косово совершенно не отвечает основополагающим требованиям, установленным ЕС и США для любого общества, претендующего на самоуправление[35].

Но, тем не менее, К.Аннан, как сообщила служба новостей Би-би-си

8 октября 2005 г., поддержал выдвинутое под давлением США и ЕС предложение спецпредставителя ООН в Косово о начале уже в 2005 г. переговоров об окончательном статусе края, хотя представители Сербии считали, что нынешняя обстановка в Косово, когда парламент и правительство края в реальности не отражают национальный состав населения и когда нападения на неалбанское население «не являются изолированными инцидентами», ждать полного поворота в развитии событий в течение нескольких месяцев «было бы неоправданным оптимизмом»[36]. Продолжая возражать против возвращения сербской армии и полиции в Косово для поддержания порядка и защиты сербского меньшинства – а резолюция 1244 Совета Безопасности ООН ставит их возвращение в зависимость от оценки ситуации командующим КФОР, – не предпринимая сколько-нибудь серьезных усилий для возвращения сербских беженцев и для налаживания прямого диалога между Приштиной и Белградом, в реальности США, НАТО и ЕС ведут дело к предоставлению Косово независимости. По положению на декабрь 2005 г., в Косово вернулись лишь 3% сербских беженцев, до сих пор не выплачивается адекватная компенсация за разрушенное имущество сербского населения[37]. Нападения на сербов в Косово продолжаются постоянно – только за 6 месяцев

[33] Kosovo could collapse into war, group warns. International Herald Tribune, 24 January 2005.

[34] Annan outlines requirements for successful peacekeeping, UN Daily News, 18 October 2004.

[35] Roger Cohen. Years after Milosevic, Serbia's Illusions Persists. International Herald Tribune, 31 August 2005.

[36] UN Daily News, issue DH/4338, 24 February 2005.

[37] Подробнее см. статью И.Вукелича «Распад как постоянное явление» и интервью руководящего сотудника секретариата НАТО Р.Серри в «НГ-Дипкурьер» от 14 марта 2005 г., а также выступление М.Тодоровича, депутата парламента Сербии и Черногории, на семинаре по вопросам положения на Балканах (июнь 2005 г.), NATO doc.129 SEV 05 E, 22 June 2005.

в 2006 г. было зафиксировано 200 таких случаев[38]. Но поскольку всем ясно, что выдвинутые ранее руководством ООН и КФОР предварительные условия о том, что до начала переговоров местная косовская администрация, сплошь состоящая из этнических албанцев, должна обеспечить демократические права, сохранность собственности местного сербского населения и законопорядок, а также создать гражданскую администрацию с участием сербского населения (т.н. «стандарты»), не выполняются этой администрацией, то в НАТО теперь заговорили о «сверхамбициозности» первоначально сформулированных стандартов и о необходимости их «приспособления к существующей реальности»[39]. К сожалению, по этому же пути пошел в конце концов и Совет Безопасности ООН, приняв с одобрения России в октябре 2005 г. резолюцию о начале переговоров о статусе Косово[40].

Председатель «парламента» Косово К.Бериша в сентябре 2006 г. обозначил позицию албанских сепаратистов на этих переговорах, заявив, что «если наша цель достижения независимости не будет осуществлена, то надо будет ожидать гражданского восстания», что вызвало возмущение сербов и совет от ООН «избегать провокационных заявлений»[41].

В этих условиях в текст новой конституции Сербии, одобренной на референдуме в октябре 2006 г., было вписано положение о том, что «край Косово и Метохия является составной частью территории Сербии, обладает статусом существенной автономии в рамках суверенного сербского государства и что из такого статуса Косово и Метохии вытекает конституционная обязанность всех государственных органов представлять и охранять государственные интересы Сербии в Косово и Метохии как в сфере внутренних, так и внешних политических сношений»[42].

Правительство Сербии настаивает на том, чтобы в ходе начавшихся в феврале 2006 г. в Вене переговоров сербским беженцам было гарантировано возвращение в те общины Косово по их выбору, где еще остаются сербы, поскольку сегодня 70% территории Косово «зачищено» от сербов, чтобы вокруг основных церквей и монастырей были созданы защитные зоны, в которых смогут селиться сербы, и чтобы была создана единая цепь новых общин с сербским или неалбанским большинством населения, которые имели бы право принимать на местном уровне решения по вопросам просвещения, здравоохранения, образования, культуры, а также право устанавливать специальные экономические и культурные связи с Сербией, которые помогут им выжить. Эти общины должны иметь свои суды первой инстанции и местную полицию, им должно быть отдано 30% мест и командных постов в полиции Косово. Косово должно оставаться номинальной частью Сербии по китайской модели «одна страна – две системы», но может самостоятельно участвовать в работе некоторых международных организаций, однако не тех, где могут быть представлены лишь независимые государства (таких как ООН)[43]. Страны НАТО внешне не возражают против этих условий, но, тем не менее, сначала называли создание «стабильной многонациональной общины» в Косово лишь «предпочтительной», а не единственно возможной целью, предусмотренной решениями Совета Безопасности ООН, не исключая тем самым отделения Косово, а с началом венских переговоров стали советовать сер-

[38] Круг П. «Черная дыра» в пороховой бочке // НГ-Религии. – 2006. – 18 октября.

[39] NATO doc. 057 DSCFC 05 E. Draft Report by John Smith (UK) to the Defence and Security Committee of NATO Parliamentary Assembly, 21 April 2005, para 15.

[40] http://news.bbc.co/uk/go/pr/fr/-/hi/russian/news/newsid_4373000/4373624.stm

[41] Reuters A.P. Kosovars warned on rhetoric // International Herald Tribune, 21 September 2006.

[42] Вукелич И. Сербия спешит поменять Конституцию // Независимая газета. – 2006. – 11 октября.

[43] Петровская Ю. Решение для Косово: одна страна – две системы // Независимая газета. – 2005. – 30 ноября. О позициях сторон на переговорах см. также: Языкова А. Смерть Руговы затормозила переговоры по Косово // Там же. – 2006. – 3 февраля; Петровская Ю. Три государства вместо одного // Там же. – 2006. – 22 февраля.

бам «примириться с неизбежным»[44]. Спецпредставитель ООН в Косово С.Ессен-Петерсен, выступая в том же духе, также заявил, что желание Руговы добиться независимости для Косово станет, возможно, реальностью[45].

К сожалению, политику России в отношении первого опыта «гуманитарной» интервенции НАТО трудно назвать последовательной. Выступив в 1999 г. с резким осуждением ее как противоречащей международному праву и направив своих десантников в Приштину для уравновешивания присутствия там сил НАТО, – что было встречено с пониманием как общественностью России, так и Югославии и сербским населением Косово, – Россия далее направила В.С. Черномырдина в Белград с весьма сомнительной миссией и в 2003 г. вывела своих десантников под смехотворным предлогом экономии средств и якобы достигнутой в Косово стабильности. Эти шаги тут же были подвергнуты резкой критике в ряде российских СМИ[46], но в то же время были использованы некоторыми обозревателями в Москве для того, чтобы вообще назвать марш-бросок наших десантников в Приштину «военно-политической ошибкой», «опаснейшей авантюрой» и даже «хулиганской выходкой»[47]. Между тем, очевидно, что присутствие российского военного контингента в Косово в 2004 г. могло бы не только ограничить ущерб от антисербских погромов, но и побудить НАТО в большей степени прислушиваться к мнению Москвы в вопросах косовского урегулирования. «Все равно жаль, – говорил о выводе наших войск из Косово генерал Герман Бокховен (Нидерланды), заместитель начальника Европейского военного штаба, – россияне помогали снизить напряженность в регионе»[48].

С другой стороны, в беседах с К.Аннаном в Москве в апреле 2004 г. Президент В.В. Путин, премьер-министр М.Фрадков и глава МИД России С.В. Лавров поставили вопрос о неполном исполнении резолюции 1244 Совета Безопасности ООН по Косово и подтвердили готовность Москвы к активному участию в косовском урегулировании[49]. Далее, в сентябре 2004 г. С.В. Лавров вновь акцентировал активное участие России в косовском урегулировании, приветствовав выдвижение Контактной группой по Косово в качестве приоритета задачу развития диалога с Белградом с точки зрения обеспечения безопасности для неалбанского населения и возвращения беженцев, а также задачу начала переговоров о децентрализации управления в Косово и призвав Миссию ООН и командование КФОР в будущем при необходимости применять власть, включая санкции, в отношении тех, включая руководство косовских албанцев, кто будет игнорировать решения Совета Безопасности ООН[50]. На переговорах в Белграде в ноябре 2005 г. С.Лавров поддержал позицию Сербии, категорически выступающей против изменения границ Сербии и Черногории с Албанией и Македонией и за международные гарантии соблюдения прав сербов в Косово и Метохии и возвращения сербских беженцев в Косово[51]. Перед началом венских переговоров Президент В.В. Путин потребовал от Запада «искать универсальные решения» в вопросе о ста-

[44] См. резолюцию Парламентской Ассамблеи НАТО (ноябрьская сессия 2005 г.), NATO doc. 198 PC 05 rev.1, para. 7c; An uncertain future awaits Kosovo//http://news.bbc.co.uk/2/hi/Europe/4740810.stm.2006.20.02.

[45] Wood. Nicholas. Kosovars gather to mourn Rugova // International Herald Tribune. 2006. 27 January.

[46] Ивашов Л. Косово: два акта предательства по отношению к сербам // Независимое военное обозрение. – 2004. – 26 марта-1 апреля.

[47] Ходаренок М., Мухин В.. Квашнин признал: наши войска уходят с Балкан // Независимая газета. – 2003. – 14 апреля.

[48] Интервью с генералом Г.Бокховеном см. в газете «Известия» от 14 июля 2003 г.

[49] Блинов А. Путин и Аннан – за центральную роль ООН // Независимая газета. – 2004. – 6 апреля.

[50] Стенограмма выступления С.В. Лаврова в Нью-Йорке 24 сентября 2004 г. // Пресс-бюллетень МИД России. – 2004. – 25 сентября. – № 2082.

[51] Сорокина Н. Балканский вулкан // Российская газета. – 2005. – 8 ноября.

тусе Косово. «Это чрезвычайно важный для нас вопрос, не только с точки зрения соблюдения принципов международного права, но и исходя из практических интересов постсоветского пространства», – подчеркнул Президент, явно имея в виду Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье. Комментируя предложение западных стран записать в документ для переговоров тезис о том, что Косово – это, мол, уникальный случай, который не создает прецедента для решения других территориальных конфликтов, В.В. Путин заметил, что «уникальность – это для тех, кто хочет обойти общие принципы международного права»[52].

В целом, однако, можно констатировать, что политический интерес руководства России к Сербии, частота политических контактов между ними заметно ослабли в последние годы. В последний раз про Сербию разве что всерьез вспомнили в марте 2004 г., когда Россия оказала гуманитарную помощь сербскому населению после погромов, совершенных албанскими экстремистами в Косово. В то же время, как отмечают российские обозреватели, политический и экономический интерес Запада к Сербии несравненно выше. Сербии сулят членство в ЕС и НАТО, однако эти обещания сопровождаются весьма жесткими условиями ускорения реформ, выдачи Р.Караджича и Р.Младича для суда над ними в крайне непопулярном в Сербии МТБЮ и фактического согласия Сербии на отделение Косово.

Таким образом, выполнение западных требований и членство Сербии в НАТО и ЕС привели бы к серьезным изменениям в Сербии, прежде всего к потере Косово, то есть 20% площади страны. Отделение же Косово несомненно приведет к поляризации сербского общества и, возможно, к радикализации политики Сербии и даже к новой перекройке границ на Балканах и новым конфликтам в этом многострадальном регионе[53].

* * *

Вместе с тем, нападение НАТО на Югославию, размеры нанесенного людского и материального ущерба народу Югославии и особенно резкая реакция на агрессию НАТО со стороны России, Китая, Индии и ряда других стран, а также определенной части общественного мнения на Западе усилили сомнения в странах НАТО в правильности навязанного Вашингтоном курса на активное вооруженное вмешательство блока в дела других государств.

Еще в декабре 1998 г. при обсуждении новой концепции в Совете НАТО многие из участников НАТО высказывали сомнения как относительно ведения военных операций за пределами границ членов НАТО, так и относительно проведения таких операций без санкции Совета Безопасности ООН. Отражая эти настроения, министр иностранных дел Франции Ю.Ведрин заявил тогда о беспокойстве в связи с тем, что расширение «миссии союза» несет в себе «риск его размывания и раскола между союзниками, чего нельзя допустить». Америка как единственная сверхдержава с ее гегемонистскими устремлениями, продолжал он, «ведет дело к созданию глобальной НАТО нового типа, которая более не хочет, чтобы ее действия были ограничены правом вето Китая или России при обращении в Совет Безопасности ООН»[54]. Ю.Ведрин и министр иностранных дел Германии Й.Фишер выступали за то, чтобы во всех случаях, кроме самообороны, НАТО при проведении военных операций за пределами своей территории предварительно заручалась разрешением Совета Безопасности ООН. «Было бы

[52] Меликова Н. Кремлю не нравится уникальность Косово // Независимая газета. – 2006. – 31 января.

[53] Петровская Ю., Вукелич И. Между революцией и контрреволюцией // НГ-Дипкурьер. – 2005. – 26 сентября.

[54] Christian Science Monitor, 18 December 1998, Vol.91, Issue 12, p. 11.

ошибкой, – заявил тогда Й.Фишер, – превращать в правило исключение, сделанное союзниками для Косово осенью 1998 г.»[55]. Однако в последующем государственный секретарь США М.Олбрайт сумела навязать союзникам точку зрения Вашингтона о том, что вопрос о необходимости получения предварительного разрешения от Совета Безопасности ООН будет решаться в НАТО в каждом отдельном случае, что в любом случае НАТО будет действовать в соответствии с принципами Устава ООН и что каждый раз вопрос о военных операциях блока будет решаться в НАТО консенсусом.

В действительности, как известно, страны НАТО начали войну против Югославии в марте 1999 г. без обращения в Совет Безопасности ООН, хотя именно он, в соответствии с Уставом ООН, несет главную ответственность за поддержание мира, и без обсуждения этой проблемы в Совете постоянного сотрудничества Россия – НАТО, хотя последний был создан в 1997 г. в соответствии с Основополагающим актом об отношениях России с НАТО именно для консультаций и возможного сотрудничества в такого рода вопросах международной безопасности. В период военных действий НАТО против Югославии американские официальные представители прямо говорили о том, что эти действия являются прототипом будущих действий блока. «Защита общих демократических ценностей – заявил тогдашний постоянный представитель США при НАТО А.Вершбоу в Брюсселе в начале мая 1999 г. – как раз и лежала в основе решения НАТО предпринять действия в Косово, и именно ею союз будет руководствоваться по мере того, как он будет сталкиваться с будущими угрозами безопасности евроатлантического региона. Действительно, Косово является как бы метафорой многих аспектов НАТО в XXI веке, провозглашенных на встрече в верхах в Вашингтоне. Косово подчеркивает жизненно важную роль НАТО в разрешении кризисов в Европе и по ее периферии…»[56].

Но уже тогда же, в конце мая – начале июня 1999 г., через месяц после принятия новой концепции и еще до окончания военных действий против Югославии, западноевропейские дипломаты высокого ранга стали подчеркивать в ходе неофициальных обсуждений в Дипломатической академии МИД России, что военные действия против Югославии нельзя рассматривать как прецедент, т.к. «это следствие стечения уникальных обстоятельств». Назвав события в Косово «исключительным случаем», министр иностранных дел Италии Л.Дини заявил, что «сегодня невозможно повторение вмешательства, подобного осуществленному в Косово, без мандата ООН».[57] В этом же духе вновь выступил и его коллега из ФРГ Й.Фишер.

Непринятие рядом стран мира линии США и НАТО на осуществление односторонних военных мер против других государств отразил и годовой доклад Генерального секретаря ООН К.Аннана о работе ООН в 1999 г. После ряда предыдущих двусмысленных заявлений Аннана его доклад на этот раз достаточно четко выступил против принижения главенствующей роли Совета Безопасности ООН в деле поддержания международного мира и безопасности, против принудительных мер без санкции Совета Безопасности, «угрожающих самой сути системы международной безопасности, основанной на Уставе ООН», против превращения дела предотвращения конфликтов «в сферу соперничества между ООН и региональными организациями» (пп. 66, 69)[58].

В результате, реагируя на эту определенную смену настроений в НАТО под давлением критики первого практического примера осуществления новой стратегической концепции НАТО и натовской версии гуманитарной интервенции, генеральный секретарь НАТО

[55] Под «исключением» Й.Фишер, видимо, имел в виду предупреждение, сделанное руководством НАТО Югославии осенью 1998 г., о том, что территория страны будет подвергнута бомбардировке, если правительство Югославии не прекратит преследование этнических албанцев в Косово. См.: The New York Times, 9 December 1998, Late Edition.

[56] The US Department of State Press Release, 6 May 1999.

[57] См. вышеупомянутый Сборник статей. – С. 27.

[58] Там же.

Дж. Робертсон, продолжая оправдывать агрессию НАТО в Косово, тем не менее заявил в Париже в мае 2000 года, что «Косово не является прецедентом для будущих действий НАТО», а является «уникальным обстоятельством», что НАТО «не превращается в крестоносца, борющегося за универсальные ценности», что члены НАТО «дорожат предсказуемым международным порядком» и т.п.[59]

Однако это заявление Робертсона, как и тот факт, что первый пример незаконной гуманитарной интервенции НАТО, осуществленной в соответствии со стратегической концепцией НАТО 1999 г., никак нельзя считать успешным, отнюдь не отменяет эту концепцию. И поскольку она направлена на претворение в жизнь внешне- и военно-политических целей США наименее дорогостоящим для США образом, официально эта концепция продолжает оставаться на вооружении НАТО, что и было подтверждено главой Информационного Бюро НАТО в Москве в марте 2005 года[60].

Но при этом в США и в Европе были сделаны совершенно различные выводы из войны против Югославии. Осенью 2003 г., через четыре года после нее, Фрейзер Камерон, директор исследовательского отдела брюссельского Центра по внешней политике, в полемике с А.Муравчиком, одним из создателей неоконсервативной идеологии администрации Дж. Буша-младшего, сформулирует их следующим образом: «Видимо уже ясно, что НАТО никогда больше не будет участвовать в войнах. Опыт Пентагона в Косово показал, что идея проведения военной кампании при попечительстве 26 стран полностью исключена… НАТО не исчезнет сразу, но она будет постепенно чахнуть, так как ей нечем скрепить свое единство и у нее нет набора инструментов, необходимых для противодействия современным угрозам безопасности». И далее: «Европейскому Союзу необходимо создавать свой (военныйт – В.К.) потенциал, … чтобы на мировой арене играть роль, соответствующую своей экономической мощи, удовлетворять свои интересы, когда в этом не хотят участвовать США (или НАТО)».[61]

При всем оптимизме оценок Камероном «мирного» будущего и перспектив «чахнущего» НАТО он правильно определил зарождение двух новых тенденций в НАТО после Косово: 1) Пентагон, осознав во время войны против Югославии все свое подавляющее превосходство над Европой в военной технологии, когда ВВС США пришлось выполнить 80% всех боевых вылетов с применением высокоточного оружия, принял решение в будущих конфликтах не связываться с НАТО как с блоком и не ограничивать себя необходимостью согласования на основе единогласия каждого своего шага, а действовать в будущем в одностороннем порядке, привлекая в качестве союзников наиболее лояльных членов и «партнеров» НАТО, которые в любом случае его поддержат; 2) после Косово ряд крупнейших европейских стран НАТО перестали доверять способности Вашингтона разумно применять свою беспрецедентную военную мощь и приняли решение о создании собственного объединенного военного потенциала в рамках всего ЕС или части его членов с тем, чтобы быть более независимыми от США в военном отношении.

[59] Polish Delegation to NATO Press Release, 19 May 2000.

[60] См. интервью директора этого Бюро И.Франсуа в «Независимом военном обозрении» № 8 от 4-10 марта 2005 г.

[61] Должен ли Европейский Союз уметь делать все то, что умеет НАТО?: Сборник «За» и «против» – обсуждение вариантов обеспечения евроатлантической безопасности». – Брюссель, 2004. – С.16, 22.

УЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА Д.И. ФЕЛЬДМАНА О ПРИЗНАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г.И. Курдюков*

Давид Исаакович Фельдман (1.10.1922 – 14.10.1994) был выдающимся ученым, внесшим большой вклад в развитие науки международного права. Он принадлежал к плеяде представителей отечественной науки международного права[1]. Значение его научных трудов актуально и по сей день. Можно выделить следующие направления научной деятельности Д.И. Фельдмана: 1) международно-правовое признание; 2) международная правосубъектность; 3) методология и система международного права; 4) история международного права и его науки. По этим направлениям им опубликованы монографии и статьи в издательствах Москвы и Казани. Труды Д.И. Фельдмана, особенно по вопросам международно-правового признания, нашли признание во всем мире. В настоящее время трудно назвать юристов-международников, которые превзошли бы Д.И. Фельдмана в этой области. Новое направление международно-правовых исследований в дальнейшем получило название казанской школы международного права Фельдмана.

Д.И. Фельдман работал в советское время. Он пережил основные этапы Советского государства, Великую Отечественную войну и распад СССР. Послевоенное мироустройство ознаменовалось созданием ООН, возникновением содружества социалистических государств и образованием государств в процессе деколонизации. Все эти события оказали влияние на развитие науки международного права, в частности международно-правового признания новых государств и правительств.

В те времена становление современного международного права происходило в условиях существования государств, противоположных по своим общественно-политическим и экономическим системам. Связующим звеном этих систем являлся принцип мирного сосуществования, идея которого была закреплена в Уставе ООН: «проявлять терпимость и жить в вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».

Первые работы советских ученых были посвящены международно-правовому признанию Советского государства. Но в целом таких работ было мало, и они не охватывали в полном объеме проблемы признания в международном праве. Фундаментальный подход Д.И. Фельдмана заключался в том, что он комплексно на монографическом уровне исследовал историю, теорию и практику международно-правового признания. Благодаря работам Д.И. Фельдмана, появляется системное учение о международно-правовом признании, он открыл диалектику процесса, включив многообразие вопросов, в том числе идеологию, политику, концепции. Д.И. Фельдман постоянно отмечал, что грань между международным правом, внешней политикой и дипломатией особенно подвижной бывает в вопросах признания.

Анализу были подвергнуты следующие субъекты международно-правового признания: вновь возникшие государства и правительства, борющиеся за независимость народы (нации), восставшие и воюющие стороны, международные организации. Д.И. Фельдман отмечал, что изменился круг признающих и признаваемых, когда среди существующих на международной арене государств – субъектов международного права

* **Геннадий Иринархович Курдюков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского государственного университета.

[1] О деятельности Д.И. Фельдмана см.: Жизнь, отданная науке / Под ред. Б.Л. Железнова, Г.И. Курдюкова. – Казань, 2004.

– составили социалистические и развивающиеся государства. Д.И. Фельдман обобщил громадную практику признания государств и открыл определенные закономерности. Можно без преувеличения сказать, что его доктрина стала своего рода нормой обычного права. Д.И. Фельдман доказал, что в международном праве сформировался институт признания новых государств и правительств. Д.И. Фельдман открыл следующую закономерность в международно-правовом регулировании признания: важнейшие элементы, виды и способы признания, право и обязанность признания нового государства, разграничение на признание де-факто и де-юре, юридические последствия признания регулируются в одних случаях международным обычаем, в других – обычной нормой права, в третьих – общепризнанными принципами международного права[2]. В частности, обязанность признания новых государств основывалась на принципе равноправия и самоопределения народов. В соответствии с этим принципом в международном праве сформировалась обычная норма признания новых государств как субъектов международного права. Что касается кодификации института международно-правового признания, то она не получила логического завершения. Общеизвестно, что в международном праве до сих пор нет кодифицированных норм, регулирующих отношения признания государств и правительств. Не имеется каких-либо норм права о формах, способах, времени и об объеме международно-правового признания. В 1949г. Комиссия международного права ООН включила в свою повестку вопрос о признании государств и правительств. Попытки КМП ООН не увенчались успехом и « портфель признания» пылится до сих пор, вследствие влияния многих политических факторов и подходов. В связи с этим А.Мовчан отмечал: «Позиция кодификаторов в международном праве осложнена тем, что они представляют различные мировоззрения, являются сторонниками различных юридических доктрин и школ, воспитаны и обучены в странах с различным общественно-политическим строем»[3].

Существование противоположных государств порождало и соответствующую идеологию. В то время Д.И. Фельдман неизбежно придерживался марксистско-ленинского подхода по исследуемым вопросам. Что поделаешь, идеология превалировала. Д.И. Фельдман обратился к анализу многочисленных концепций буржуазных юристов в области международно-правового признания[4]. Он последовательно подвергал критике правовые доктрины западных юристов, которые не учитывали новые реалии и по-прежнему отстаивали конститутивную теорию признания, отрицавшей новое государство как субъект международного права, если оно не признано другими государствами. По существу эта позиция защищалась и официальными лицами ООН. Так, в Меморандуме Генерального секретаря ООН о международной практике признания, представленном председателю Совета Безопасности, говорилось, что «признание нового государства или нового правительства существующего государства является односторонним актом, которым признающее государство может осуществить, либо отказать в нем». Д.И. Фельдман отмечал, что и в капитальных исследованиях западных юристов по общим вопросам международно-правового признания (В.Фридман, Р.Фолк, Ш.деВишер и др.), и в специальных монографиях по признанию вопросы рассматриваются предвзято, иногда с позиции антикоммунизма и антисоветизма. «Конститутивная теория признания, – писал Д.И. Фельдман, – пустила глубокие корни. Ее важнейшие принципы пронизывают дипломатическую, судебную практику многих

[2] См.: Фельдман Д.И. Проблема кодификации института признания новых государств и правительств в современном международном праве. В кн.: Признание в современном международном праве / Под. ред. Д.И. Фельдмана. – М., 1975. – С. 6-12.

[3] Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. – М., 1972. – С. 133.

[4] Фельдман Д.И. Современные теории международно-правового признания. – Казань: КГУ, 1963.

буржуазных государств. Вот почему борьба с конститутивизмом имеет важное принципиальное значение как для теории, так и для современной международно-правовой практики»[5].

Д.И. Фельдман последовательно отстаивал декларативную теорию международно-правового признания, согласно которой государство становится субъектом международного права и независимо от его признания, а лишь в силу самого факта своего образования, такое признание не наделяет государство субъектом международного права, и оно (признание) способствует новому субъекту быть равноправным членом международного сообщества государств. Раскрывая понятие и содержание института международно-правового признания, Д.И. Фельдман показал его неразрывную связь с общественно-политическими процессами противоположных государств, живущих в условиях мирного сосуществования и неизбежности взаимного международно-правового признания. Признание играет важную роль для налаживания международного сотрудничества. Конечно, и в настоящее время нельзя снимать с повестки дня принцип мирного сосуществования государств.

Д.И. Фельдман постоянно следил за практикой конститутивного признания. Так, он развенчал доктрину Хальштейна и опубликовал статью[6]. Содержание доктрины сводилось к тому, что ФРГ является единственным субъектом международного права, а ГДР (Германская Демократическая Республика), как часть ФРГ, оккупируется четырьмя державами. ФРГ заявила, что если некоторые государства признают ГДР, то она разорвет с ними дипломатические отношения, что и было сделано на практике.

Д.И. Фельдман с достоинством отвечал западным юристам, если они критиковали советскую концепцию международного права, а с другой стороны, объективно относился к таким трудам и оценивал их с позиции современного международного права, в том числе по вопросам признания. Эта тенденция была отмечена и в 1989г. в 7-томном курсе международного права. Авторы главы « Современная наука международного права в социалистических странах» писали, что «дальнейшее развитие советской науки международного права должно сопровождаться более дифференцированным подходом к различным буржуазным учениям и их концепциям».[7] Это и понятно, «на дворе» был другой климат, а именно, перестройка и новое политическое мышление.

Д.И. Фельдман критически относился к взглядам советских юристов по вопросам международного права, кстати, не только в своих работах, но и в лекциях для студентов. В одно время некоторыми советскими юристами особенности международного права рассматривались с классовых позиций. Своеобразной была концепция трех видов международного права: 1) международное право между буржуазными государствами – это буржуазное международное право; 2) международное право между социалистическими государствами – это социалистическое международное право; 3) международное право между капиталистическими и социалистическими государствами, но по классовому характеру оно никак не называлось, а утверждалось, что это право периода кризиса капитализма[8]. Таким образом, отрицалось общее международное право.

---

[5] Фельдман Д.И. Современные теории международно-правового признания. – С. 8. Американский профессор Д.Хазард написал рецензию на эту книгу в американском журнале международного права за 1963 г., в которой он отметил «расширение исследований по международному праву вплоть до малых столиц советских республик». Отвечая Д.Хазарду, Д.И. Фельдман писал, что «он сознательно игнорирует трансформацию, происшедшую с институтом признания». В кн.: Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. – Казань: КГУ, 1965. – С. 5.

[6] Фельдман Д.И. Противоправность доктрины Хальштейна // Советский ежегодник международного права. – М., 1963. – С. 158-164.

[7] Курс международного права: В семи томах. – М., 1989. – Т. 1. – С. 341.

[8] Там же. – С. 329, 330.

В своих лекциях нам, студентам, Д.И. Фельдман объяснял, что эта концепция принесла серьезный политический ущерб советской дипломатии. Если есть три международных права, то, вероятно, эти права не равнозначны, какое-то право лучше, какое-то хуже! Однако есть общепризнанные принципы международного права, общее международное право, нормы которого обязательны для всех государств, независимо от их общественно-политического строя. Другое дело, говорил Д.И.Фельдман, классовый характер международного права находит себя в процессе создания норм международного права, согласования воль государств и в их правоприменительной деятельности.

Работы Д.И. Фельдмана по вопросам международно-правового признания представляют большой интерес и в наши дни. Вместе с тем, надо учитывать, что мир изменился и настали другие времена, что не могло не сказаться на практике и теории международно-правового признания. Многие общие факторы повлияли на новые измерения и критерии признания. Г.И. Тункин назвал следующие важные события XX века, которые оказали наибольшее влияние на межгосударственную систему и международное право: Великая Октябрьская социалистическая революция, Первая мировая война и создание Лиги Наций, Вторая мировая война и создание ООН, ликвидация колониальной системы, революции второй половины XX века, перестройка в Советском Союзе, окончание холодной войны и распад СССР[9].

Парижская Хартия для новой Европы 21 ноября 1990 г. подвела итоги меняющейся политической и военной обстановки в Европе и провозгласила окончание холодной войны и идеологизацию в межгосударственных отношениях. Эра конфронтации и раскола закончилась, а сложные задачи могут быть решены только путем совместных действий, сотрудничества и солидарности. На 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР внес меморандум «ООН в постконфронтационном мире»[10]. В рамках ООН была определена целостная стратегия глобального партнерства и положены единые критерии планетарного общежития:

- баланс интересов и свобода выбора;
- политический реализм и ответственное поведение государств;
- обеспечение демократии и прав человека;
- взаимовыгодное экономическое сотрудничество;
- приверженность открытости и правопорядку при неуклонном соблюдении Устава ООН.

На признание государств и правительств в конце XX века и в начале XXI века повлияли территориальные изменения, внутренние события, интеграционные и дезинтеграционные процессы (распад Чехословакии, Югославии, СССР, объединение Германии), проведение плебисцита и демократических выборов, способствующих возникновению новых государств (Эритрея, Восточный Тимор, Черногория). Возникла своеобразная ситуация с территориальными образованиями, претендующими на международно-правовое признание (Турецкая Республика Северного Кипра, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Косово, проект ООН о конфедеративном государстве Кипр, состоящем из греческого и турецкого компонентных государств)[11]. Своеобразная ситуация была в Афганистане,

[9] Тункин Г.И. Международное право: наследие XX века // Российский ежегодник международного права. 1992. – СПб., 1994. – С. 7.

[10] Вестник МИД СССР. – 1990. – № 22. – С. 39.

[11] О'Коннел отмечал, что территориальные передвижки оказывают неожиданное и зачастую серьезное влияние на международные отношения затронутой ими территории // О'Коннел. Правопреемство государств. – М., 1957. – С. 33.

когда там шла борьба за правительственную власть[12]. На современном этапе сложные двусторонние отношения и признание между Израилем и Палестиной.

В связи с названными процессами практика государств пошла по пути установления новых критериев международно-правового признания. Правда, после распада СССР особых проблем не было. Россия стала правопреемником СССР, другие государства (бывшие союзные республики) без препятствий стали членами ООН и получили международно-правовое признание. На день распада СССР Россия была признана 105 государствами. В связи с тем, что Россия стала продолжателем СССР, ее признание подразумевалось само собой и не требовалось специального заявления о признании, не было также какой-либо переаккредитации зарубежных послов в Москве, а также послов, представленных бывшим СССР за рубежом.

По решению Европейского Совета (Маастрихт, 9-11 декабря 1991г.) 16декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание Совета ЕС на уровне министров иностранных дел, на котором было обсуждено положение в СССР и в некоторых странах Восточной Европы. Были согласованы следующие критерии официального признания новых государств, возникших на территории Советского Союза и Восточной Европы:

- соблюдение положений Устава ООН и обязательств, принятых по хельсинскому Заключительному акту и Парижской хартии, особенно в том, что касается верховенства закона, демократии и прав человека;

- гарантии прав этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках СБСЕ;

- уважение нерушимости всех границ, которые не могут быть изменены иначе, как мирными средствами и с общего согласия;

- принятие всех соответствующих обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия, а также безопасности и региональной стабильности;

- обязательство разрешать по соглашению, в том числе предусматривая в случае необходимости обращения в арбитраж, все вопросы, касающиеся правопреемства государства и региональных споров.

Также не будут признаваться государства, возникающие в результате агрессии. Сообщества и их страны-члены будут также учитывать влияние факта признания на соседние государства[13].

23 декбря 1991 г. опубликовано Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик. Европейское Сообщество и его государства-члены заявили: «Они готовы признать другие республики, составляющие Содружество, как только они получат гарантии от этих республик о готовности выполнять требования, содержащиеся в «Критериях о признании новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза», принятых министрами иностранных дел «двенадцати» 16 декабря 1991 г. В частности, они рассчитывают получить от республик гарантии выполнения ими международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений, заключенных Советским Союзом[14].

---

[12] Интересно отметить позицию Пакистана в отношении борющихся сил в Афганистане. Посол Пакистана в Российской Федерации И.Шурщед заявил: «Исторически наша политика всегда состояла в том, чтобы признавать любое правительство Афганистана, которое контролирует Кабул» // Известия. – 2001. – 15 сентября.

[13] Текст см.: Действующее международное право: В трех томах // Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 1996. – Т. 1. – С. 159-161.

[14] Текст см. там же. – С. 159-160.

В 1992 г. ЕС выдвинуло следующие условия для признания Республики Грузия: права человека, законность и демократия. Грузия приняла их, были восстановлены гражданский порядок и эффективный государственный контроль.

Более жесткие критерии признания применялись к государствам, возникшим после распада Югославии. С одной стороны, это было коллективное признание ЕС, с другой – явный конститутивный налет. Конечно, и здесь была политика. Р.Рич пишет, что вопрос признания государств после распада Югославии и СССР приобрел политический характер, и политические реальности первенствовали над последовательностью в применении критериев признания. Пример тому Босния и Герцоговина, несмотря на то, что ее правительство не имело эффективного контроля над большей частью своей территории, она была признана другими государствами и принята в ООН[15]. ЕС приняло «Декларацию о Югославии», в которой призвало все югославские республики объявить до 23 декабря 1991 г. свою позицию: хотят ли они быть признанными как независимые государства и принять обязательства вышеуказанных принципов. ЕС было принято решение о создании Арбитражной комиссии, состоящей из пяти членов. Члены комиссии избирались из разных конституционных судов стран ЕС. Комиссия вошла под названием Комиссии Р.Бадинтера (французский юрист). Полномочия Комиссии заключались в том, что она должна была принимать заявления от претендентов на признание и давать заключения на предмет их соответствия условиям ЕС[16]. Также Комиссия должна была разъяснить отдельные юридические аспекты, связанные с распадом Югославии. В Положении № 1 Арбитражной комиссии было записано следующее: а) результаты признания другими странами просто декларативны; в) государство обычно определяется как сообщество, которое состоит из территории и населения, подчиняющегося организованной политической власти; г) что такое государство характеризуется суверенитетом. По Парижско-Дейтонским соглашениям 1996 г. СРЮ и Республики Босния и Герцоговина были обязаны признать друг друга в качестве суверенных независимых государств. Интересна позиция о статусе Македонии. После распада Югославии Македония вошла под ее нынешним названием. Однако Греция выступила против этого названия. Официальный представитель МИДа Греции назвал такой шаг не помогающим стабильности в регионе или улучшению отношений между странами в этом регионе и потому не может считаться дружественным жестом в отношении Греции[17]. Греция потребовала от соседней республики, чтобы та изменила название, считая, что с исторической точки зрения само слово «Македония» принадлежит только Греции, а Македония должна быть названа Скопье (ныне столица Македонии). Македония отвечала традиционным критериям признания, но из-за протеста Греции она не сразу получила международно-правовое признание. Республика Македония отказалась от всех территориальных притязаний в любой форме и заявила, что использование названия «Македония» не может подразумевать никакую территориальную претензию в отношении другого государства. Комиссия Бадинтера в Заключении № 6 по Македонии пришла к выводу, что Македония отвечает критериям

[15] Rich R. Recognition of States: The Collapse of Yugoslavia and the Soviet Unione. – EJIL-1993-N1-vol.4. – P. 63.

На международном уровне решение признать другое государство остается политическим вопросом. Это очень важная проблема в межгосударственных отношениях, здесь больше преобладают политические аспекты, нежели юридические // Warbrick C. Recognition of States: Recent European Practice. In : Aspects of Statehood and institutionalism in Contemporary Europe (Ed.by M.D. Ewans). Dartmouth. – 1997. – P. 9.

[16] Заключения Комиссии смотри: Yugoslavia; aThrough Documents. From its creation to its dissolution, ed.by Trifunovska S. The Hague, 1996.

[17] Российская газета. – 1996. – 10 апреля.

ЕС, но тем не менее впоследствии члены ЕС отказались признать Македонию. В заявлении ЕС на Лиссабонском саммите 26-27июня 1992 г. говорилось о желании признать эту Республику под названием, которое не будет включать термин «Македония». Несмотря на это, Македония уже была признана другими государствами, в том числе и Российской Федерацией. При приеме Македонии в ООН был найден компромисс, и она получила название Бывшая Республика Югославии Македония (БРЮМ).

Таким образом, мы видим, что практика международно-правового признания за последние годы весьма противоречива, а порой и просто удивительна. Вместе с тем, расширились критерии признания, такие как уважение прав и основных свобод человека, гражданство, эффективность государственной власти и контроль на своей территории, независимость от зарубежной помощи, соблюдение принципа нерушимости границ, стабилизация внутренней ситуации в государстве. Повысилась роль коллективного признания и непризнания со стороны международных организаций, прежде всего ООН[18]. В системе ООН постепенно устанавливался режим непризнания, и это вызвало большой интерес со стороны существующих государств. Например, было подсчитано, что в мире около двухсот общностей заявили о своей независимости и создании государства. В большинстве случаев эти заявления встречают небольшую оппозицию или не встречают ее вообще со стороны других государств или международных организаций[19].

Возросло значение такого критерия, как способность выполнять международные обязательства, что является одним из требований Устава ООН (ст. 4). В связи с этим И.И. Лукашук отмечал, что данное правило применимо и к признанию государств: «Для полного участия в международных правоотношениях государство должно отвечать определенным требованиям, которые обнаруживают тенденцию к расширению»[20]. Признание новых государств как членов международного сообщества происходит при помощи издания акта индивидуального или коллективного признания существующими государствами, и они основывают свое решение на том, способен ли кандидат, по их мнению, действовать по нормам международного права[21].

В российской науке международного права появились высказывания о положительном значении конститутивной теории международно-правового признания. Например, О.Н.Хлестов пишет о такой тенденции, как увеличение значительного числа небольших государств. Около двух тысяч различных групп населения (в одной лишь Африке около 450) могут поставить вопрос о создании ими своих государств и, следовательно, их международно-правового признания. «В силу этого факта,- продолжает О.Н. Хлестов, – появляется все больше сторонников применения в практической деятельности конститутивной теории признания государств. Эта проблема стоит и перед Россией… Подход к признанию государств с позиции конститутивной теории в современных условиях, по видимому, больше отвечает национальным интересам России. Заметим, что аналогичный подход наблюдается во многих других федеративных государствах»[22]. Сравни также Г.М. Вельяминова: « Д.И. Фельдман даже писал, что в настоящее время спор доктрин якобы уже решен в пользу декларативной теории признания. Однако он же упомянул о том, что английский исследователь Дж. Кроуфорд допускает возможность возвращения конститутивных позиций в современную доктри-

[18] Th.D.Grant East Timor, the U.N. System, and Enforcing Non-Recognition in International Law // Vanderbilt journal of transnational law Band / Quelle Vol. 33 (2000) Nr. 2, S. 273-310.

[19] Ibidem. – P. 275.

[20] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М., 1996. – С. 317.

[21] См.: Hillgruber Ch. The Abmission jf New States to the International Community///EJIL.9 (1998). – P. 499.

[22] Хлестов О.Н. Международное право и Россия // Московский журнал международного права.- 1994. – № 4. – С. 56-57.

ну. Так что перечеркивать эти позиции не только рано, но, на наш взгляд, и необоснованно»[23]. Эту же позицию занимает П.Н. Бирюков: «Однако в последнее время, на мой взгляд, в практике международного общения наблюдается определенный возврат к конститутивной теории, когда непризнание новых государств со стороны ведущих держав мира означает фактическое невключение их в круг субъектов международного права. Данное обстоятельство во многом обусловлено распадом СССР и изменением соотношения сил на международной арене в пользу одной сверхдержавы»[24].

С другой стороны, во многих курсах международного права российских юристов подвергается критике конститутивная теория признания и подтверждается, что декларативная теория в большей степени отвечает реальностям международной жизни[25].

В настоящее время отдельной темой исследования является статус непризнанных территориальных образований; как уже говорилось, это Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, которые обратились к Российской Федерации о их международно-правовом признании. Активно обсуждается статус Косово. Абхазия пошла еще дальше, она обратилась о восстановлении ее в составе Российской Федерации. Основанием для такого шага, по мнению президента Южной Осетии Э.Кокойты, являются исторические документы: «Мы намерены в ближайшее время подать иск в Конституционный Суд о признании статуса Южной Осетии, так как существует документ о вхождении единой Осетии в состав Российской империи в 1774 г. и нет документа о выходе южной части Осетии из России. Так почему мы сегодня должны ставить вопрос о вхождении в состав России, если мы никогда из нее не выходили?»[26].

Каковы бы ни были практические и концептуальные подходы к таким образованиям, необходимо учитывать принципы самоопределения народов и территориальной целостности государств. К непризнанным образованиям применимо так называемое фактическое признание, которое является неофициальным, и оно осуществляется в форме постоянных или эпизодических контактов на правительственном и неправительственном уровнях. Например, эксперты Международного совета по демократическим институтам и государственному суверенитету пришли к выводу, что статус Приднестровья – это отдельное независимое государство, оно руководствуется общепринятыми принципами и нормами международного права, поддерживает контакты с 99 государствами[27].

---

[23] Вельяминов Г.М. Правовой статус субъектов Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2. – С. 10.

[24] Бирюков П.Н. Международное право: Уч. пособие. – М., 1998. – С. 63.

[25] См.: Международное право: Уч-к / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М., 20065. – С. 106. См. также: Международное право: Уч-к. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. – М., 2005. – С. 116.

[26] Российская газета. – 2006. – 24 марта.

[27] Жизнеспособность ПМР (Приднестровья) установлена». Доклад западных экспертов // Международная жизнь. – 2006. – № 8. – С. 83-101.

ДЕЛО О ГЕНОЦИДЕ

Решение Международного Суда ООН по делу *О применении Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории). Некоторые вопросы фактов и международного права*

А.Б. Мезяев*

1. Краткая история процесса.
2. Проблема юрисдикции Суда.
3. Решение Суда по существу спора (Документы, показания свидетелей и их оценка).
4. Выводы.

26 февраля 2007 года, через 14 лет после принятия дела к рассмотрению, Международный Суд ООН вынес свое окончательное решение по спору *О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* (*Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории*). Объявление данного решения застало меня в Белграде. Конечно, первая реакция большинства населения Сербии на решение Суда была понятна. В целом, оно было воспринято как победа. Однако данное решение не может быть оценено однозначно. В нем содержится ряд положений, которые откровенно дискредитируют Международный Суд как главный судебный орган ООН, а значит, как главного хранителя основных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН. Более того, кроме явных международно-правовых «валунов», заложенных Судом, данное решение еще и таит в себе ряд подводных камней, которые могут сыграть весьма печальную роль как для отдельных государств, так и для всего международного права в целом.

* * * * *

Краткая история процесса

Пожалуй, ни одно другое дело в истории Международного Суда ООН не имело столь интересную техническую (процессуальную) сторону. Как правило, обычно главное внимание привлекает решение по существу спора. Однако рассматриваемое нами дело особенно интересно именно вопросами технического характера, в том числе вопросами, связанными с юрисдикцией. Несмотря на то, что данный раздел статьи озаглавлен «кратким» изложением хода процесса, он, тем не менее, требует особого внимания, так как длился более 12 лет, за которые изменилась государственность обоих участников, изменились (по некоторым вопросам – практически полностью!) стратегия и тактика сторон, и даже полностью сменился весь состав самого Международного Суда![1]

***Александр Борисович Мезяев** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Академии управления «ТИСБИ», заместитель главного редактора КЖМП.

[1] Единственным постоянным судьей, который прошел от первого до последнего дня этой правовой эпопеи, является судья Р.Ранджева (Мадагаскар) а также судья *ad hoc* от Югославии М.Креча.

**Возбуждение дела и установление временных мер защиты*. 20 марта 1993 года в самый разгар гражданской войны не только на территории Боснии, но и на всей территории бывшей Югославии *Республика Босния и Герцеговина* (далее – «Босния» или «БиГ») направила в Международный Суд ООН жалобу на *Союзную Республику Югославия* (далее – «Югославия»[2] или «СРЮ»). В своей жалобе БиГ утверждала, что СРЮ нарушила и продолжает нарушать положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года (далее – «Конвенция», «Конвенция 1948 года» или «Конвенция о геноциде») в отношении Боснии. Одновременно было заявлено требование об установлении временных мер защиты по статье 73 Статута Международного Суда (далее – «Суд» или «МС»).

8 апреля 1993 года Суд установил такие временные меры. Суд постановил, что СРЮ должна немедленно, в соответствии со своими обязательствами по Конвенции 1948 года, предпринять все необходимые меры, имеющиеся в ее распоряжении, для предотвращения совершения преступления геноцида. Данный пункт распоряжения Суда был принят единогласно. В то же время следующий пункт был принят большинством в 13 голосов против 1 (против выступил российский судья Николай Константинович Тарасов): «*Правительство СРЮ должно, в частности, обеспечить, чтобы любые военные, паравоенные или иррегулярные вооруженные подразделения, которые находятся в его подчинении или получают его поддержку, а также любые организации или частные лица, находящиеся под его контролем, управлением или влиянием, не совершали акты геноцида, заговора с целью совершения геноцида, прямые и публичные призывы к совершению геноцида или соучастию в совершении геноцида, как против мусульманского населения БиГ, так и против любой другой национальной, этнической, расовой или религиозной группы*»[3].

Совершенно очевидно, что подобная формулировка предварительных мер ясно показывает, что Суд уже признал СРЮ виновной, ибо ни фактическое положение дел в Боснии, ни даже абстрактный подход к предотвращению геноцида в любом государстве не могли оправдать *односторонних* мер защиты. Сербское население Боснии подверглось геноциду много ранее апреля 1993 года, и это было хорошо известно. Однако Суд проявил откровенно избирательный подход. Даже лучшая из всех имеющихся возможностей объяснить такой подход Суда тем, что до подробного и документального рассмотрения дела он, рассматривая дело *prima facie,* стал жертвой СМИ, которые проводили оголтелую демонизацию сербов, выглядит маловероятной. Скорее, Суд был «сам обманываться рад», нежели, действительно, пал жертвой пропаганды. С одной стороны, пропагандистская война, которую вела Босния на международной арене, была, действительно, беспрецедентной, однако судьи МС являются весьма информированными гражданами правительств тех стран, которые на эту должность их и выдвигали. В этой связи, пожалуй, большее понимание причин такого решения Суда дает анализ его состава[4]. Чуть ниже мы рассмотрим проблему состава МС более подробно, показав критическую ее важность в настоящем деле. На данном же этапе отметим, что после принятия дела о геноциде в Боснии и вынесения дискриминационно-

[2] При этом термин «бывшая Югославия» применяется к СФРЮ – Социалистической Федеративной Республике Югославия».

[3] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro))*, Request for Indication of provisional Measures, Order of 8 April 1993.

[4] В 1993 году состав Суда был: Президент – Р.Дженнингс (Британия), вице-президент Ш.Ода (Япония), судьи Аго (Италия), Швебель (США), Беджауи (Алжир), Ни (Китай), Эвенсен (Норвегия), Гийом (Франция), Шахабуддин (Гайана), Агилар-Модслей (Венесуэла), Веерамантри (Шри Ланка), Ранджева (Мадагаскар), Аджибола (Нигерия) и Н.К. Тарасов (РФ).

го решения о временных мерах данный состав Международного Суда несет прямую ответственность за отказ указать на меры по защите части населения Биг (в первую очередь, боснийских сербов) и фактически является пособником боснийского геноцида сербского населения. Интересно отметить, что один из судей тогдашнего состава МС даже перешел на работу в Международный трибунал по бывшей Югославии, где зарекомендовал себя ревностным проводником политики Запада в отношении сербов[5]. Кроме того, в составе МС, вынесшем окончательное решение, оказался также бывший судья Международного трибунала по бывшей Югославии[6].

Таким образом, с самого первого дня рассмотрения дела Международный Суд ООН открыто и совершенно неоправданно встал на сторону БиГ, а точнее, *против* СРЮ.

**Предварительные возражения и встречные требования Югославии*. В 1995 году СРЮ выдвинула ряд предварительных возражений, касающихся юрисдикции и приемлемости жалобы. В июле 1996 года Международный Суд вынес решение по предварительным возражениям СРЮ, полностью отклонив их и постановив, что он обладает юрисдикцией рассматривать данное дело.

В 1997 году СРЮ выдвинула встречные требования против БиГ. Следует отметить, что в период между началом и окончанием процесса по данному делу оба государства претерпели коренные изменения по самой своей сути. В ноябре 1995 года были подписаны Дейтонские соглашения, полностью изменившие государственность Боснии и Герцеговины. Босния стала «Федерацией Боснии и Герцеговины», в которую вошли Мусульмано-Хорватская Федерация и Республика Сербская. В 2003 году Союзная Республика Югославия была преобразована в государство «Сербия и Черногория» (далее – СиЧ), а после выхода в 2006 году из состава этого государства Черногории превратилась в «Республику Сербия». Оговоримся сразу, что решение Международного Суда от 26 февраля 2007 года (окончательное решение по делу) было вынесено в отношении государства «Сербия и Черногория», при этом ряд предписаний, направленных в будущее, сделан в отношении Сербии[7].

Радикальные изменения государственности БиГ по Дейтонским соглашениям привели к весьма любопытному прецеденту. Коллективное руководство страны было расколото в отношении вопроса о дальнейшем продолжении дела в Суде. В июне 1999 года Председатель Президиума Боснии и Герцеговины Ж.Радишич назначил нового сопредставителя Боснии в МС, который на следующий день после его назначения заявил, что БиГ желает прекратить производство по делу. Представитель БиГ, однако, не согласился с данным заявлением и сообщил, что Президиум Боснии не принимал решения на данный счет. После смены Председателя Президиума БиГ новый председатель заявил о желании Боснии продолжать процесс. В конце концов, Президент Международного Суда заявил, что Суд, «проанализировав все полученные им документы, пришел к выводу, что БиГ не показала свое желание прекращения дела, так как отзыв жалобы не был сделан в безоговорочной форме».

Данный инцидент (продолжавшийся с 9 июня 1999 года по 16 октября 2000 года) поставил весьма интересный и важный вопрос: возможно ли международное судебное производство одной части государства против другой его части? Ведь фактически

[5] См., например: решения Апелляционной палаты МТБЮ, в состав которой входит судья Шахабуддин, по делам*: Прокурор против Слободана Милошевича.*

[6] В 2006 году в состав МС был избран марокканец Мохамед Беннуна, бывший судьей МТБЮ с 1998 по 2001 годы.

[7] См. параграфы 71-79 Решения Суда. См. также специальное Заявление Президента Международного Суда ООН, сделанное 26 февраля 2007 года для представителей СМИ сразу после официального провозглашения Решения Суда.

мусульманские власти БиГ вели судебный процесс против Республики Сербской, являвшейся частью Боснии по Дейтонским соглашениям!

Однако и в Югославии произошли весьма драматические события. Государственный переворот осенью 2000 года, в результате которого было свергнуто правительство Слободана Милошевича, привел к власти прозападное правительство Джинджича и Коштуницы. Это имело свои последствия как для стратегии, так и для тактики продолжения дела в МС. Что касается стратегии, то новое правительство отозвало свои встречные требования к БиГ. Данный шаг является, безусловно, глубоко ошибочным и, в определенной степени, преступным. Действуя таким образом, прозападное правительство Сербии, отказалось не только от наказания преступника, но даже и от установления исторической правды в отношении массовых преступлений против сербского народа в Боснии и Герцеговине. В отличие от требований БиГ к Югославии, встречные требования СРЮ были намного более убедительными и документально подкрепленными.

Что касается изменения тактики, то об этом подробнее будет сказано ниже.

**Заявление о пересмотре решения Суда по предварительным возражениям 1996 года*. В апреле 2001 года правительство СРЮ инициировало начало нового процесса по пересмотру решения МС, в котором он 11 июля 1996 года отклонил все предварительные возражения Югославии. Данная инициатива стала результатом изменения тактики нового правительства СРЮ. Если ранее Союзная Республика Югославия претендовала на продолжение СФРЮ, то новое правительство отказалось от этой претензии и вступило в члены ООН в качестве *нового* государства. Это и послужило основанием для формирования новой тактики СРЮ в Международном Суде. Югославия заявила, что Суд не имеет юрисдикции в отношении СРЮ *ratione personae*, так как, если СРЮ стала членом ООН только 1 ноября 2000 года, то в 1993 году – на момент возбуждения против нее дела, она не была членом ООН, участником Статута МС, а также участником Конвенции о геноциде. [Здесь следует отметить, что ссылка на Конвенцию о геноциде имеет чисто юрисдикционную основу и не связана с оспариванием обязанности выполнения собственно положений Конвенции!] 3 февраля 2003 года Международный Суд вынес решение по запросу о пересмотре, в котором он отклонил запрос.

Главными требованиями сторон были выдвинуты следующие:

*БиГ выдвинула 7 главных требований. Они касались установления и провозглашения того, что СиЧ через свои органы и органы, находящихся под ее контролем, нарушила свои обязательства по Конвенции против геноцида 1948 года, совершив умышленное уничтожение части несербского населения, этнических и религиозных групп на территории БиГ, включая мусульманское население страны посредством убийства членов этой группы, причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам этой группы, создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов группы, установления мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде данной группы, насильственного перемещения детей из одной группы в другую. Кроме того, требования касались как *совершения* со стороны СиЧ геноцида, так и *соучастия, заговора и оказания помощи* в совершении геноцида. Отдельные требования касались обвинения СиЧ в непредотвращении геноцида и ненаказании виновных в совершении геноцида. БиГ потребовала от Суда распорядиться о том, чтобы Сербия немедленно выдала всех лиц, обвиняемых в геноциде в МТБЮ, в том числе генерала Ратко Младича, а также выплатить компенсацию БиГ.

*Сербия просила Суд признать, что он не имеет юрисдикции в настоящем деле, и альтернативно, что требования Боснии не могут быть признаны либо в связи с от-

сутствием доказательств или их фактической или правовой необоснованностью, либо в связи с тем фактом, что указанные действия не могут быть признаны действиями государства Сербия.

Проблема юрисдикции Суда

Первым вопросом, который должен был решить Суд, являлся вопрос о юрисдикции. В отличие от многих других дел, проблема юрисдикции в настоящем деле является, вероятно, самым важным вопросом, без рассмотрения которого невозможно не только понять окончательное решение Суда, но и вообще место и роль Международного Суда ООН в современном мире.

Напомним, что первоначальная позиция СРЮ (с 1993 по середину 2000 гг.) заключалась в том, что Союзная Республика Югославия является продолжателем СФРЮ и, соответственно, является ее продолжателем в соответствующих международных договорах: Устава ООН и Статута Международного Суда, а также Конвенции о геноциде.

Однако в логическом продолжении занятой еще при вынесении решения о временных мерах защиты предвзятой по отношению к СРЮ позиции, члены МС вынесли два решения, которые прямо противоречили друг другу. В деле *Босния против СРЮ* Суд в 1996 году вынес решение о том, что он обладает юрисдикций для решения спора. Однако в 2004 году во время рассмотрения жалобы уже самой СРЮ против десяти стран НАТО, совершивших варварскую агрессию против Югославии, МС признал отсутствие своей юрисдикции в данных делах на том основании, что на момент подачи жалобы Югославия не являлась членом ООН и, соответственно, не имела доступа к Суду. Данное решение, однако, находится в полном противоречии с решением 1996 года, ибо совершенно очевидно, что если СРЮ не была членом ООН в 2004 году, она не являлась им и ранее, например, в 1993-1996 годах. Получается, что если надо судить Сербию, то она имеет доступ к Суду, а если надо Сербию защищать, то она доступа к Суду не имеет.

Та западня, в которую загнал себя Международный Суд, вынудила его вновь рассмотреть вопрос о юрисдикции одновременно с решением вопроса по существу. Параграф 80 Решения Суда в этой связи сформулирован нарочито скромно, как бы «мимоходом», однако при достаточном к нему внимании показывает, в каком глупом положении оказался Суд: «Несмотря на то, что настоящее дело достигло стадии устных слушаний, а также несмотря на вынесение решения об отклонении предварительных возражений, где Суд установил наличие своей юрисдикции, важные юрисдикционные вопросы были подняты вновь, и Суд должен вынести по ним свое решение». Данная формулировка призвана показать, что, несмотря на исчерпание, казалось бы, всех имевшихся у СРЮ средств оспорить юрисдикцию МС, Суд все-таки идет навстречу СиЧ и вновь рассмотрит вопрос о своей юрисдикции даже на стадии вынесения решения по существу спора, чего не бывало никогда ранее в истории Суда. Не правда ли, именно такое впечатление возникает от данных строк? На самом деле проблема в том, что независимо от того, потребовала бы СиЧ вновь рассмотреть вопрос о юрисдикции или нет, Суд не мог не вернуться к данному вопросу. Возвращение к вопросу о юрисдикции было жизненно необходимым для самого Суда, которому надо было найти оправдание своим абсолютно неправовым и несправедливым действиям, вынесенным ранее по другому делу, но *во время* рассмотрения дела БиГ против СРЮ.

Проблема возникла в 1999 году, когда во время массовых бомбардировок территории Югославии со стороны 10 стран НАТО, СРЮ возбудила в Международном Суде процесс против них. Для спасения этих стран от самого факта рассмотрения дела МС вынес решение о том, что на момент заявления жалобы Югославия не являлась чле-

ном ООН и, соответственно, не имела доступа в Международный Суд. Из данного решения может следовать только один вывод: если Суд признал, что СРЮ не была членом ООН в 1999 году, то она не была членом ООН и в 1993 году. Если она не имела доступа к МС в 1999 году, то она не имела такого доступа в 1993 году. Однако Суд сделал все возможное для того, чтобы доказать обратное. Сразу оговоримся, что это было сделано весьма неубедительно. Более того, подобная «натянутая» аргументация является доказательством *mens rea* Суда на *сознательный* отказ в вынесении справедливого решения.

В мотивировке своего решения по юрисдикции Суд положил немало сил на изложение проблемы изменения позиции СРЮ по поводу своего собственного статуса. Однако самое интересное заключается в том, что позиция СРЮ или ее изменение не могла никаким образом повлиять на позицию самого Суда, так как вопрос о юрисдикции Суд обязан решить самостоятельно!

Весьма интересно отметить в этой связи и позицию БиГ. С одной стороны, Босния по понятным причинам оспаривала право СРЮ на продолжение СФРЮ. В то же время позиция СРЮ была единственным законным способом для Боснии возбудить против нее дело в МС. Главными аргументами позиции БиГ на момент, когда Суд должен был решить вопрос о своей юрисдикции по делу окончательно вместе с решением вопроса по существу спора, были: *forum prorogatum,* эстоппель, принцип добросовестности и *res judicata*.

Вопрос о статусе Союзной Республики Югославия является ключевым вопросом не только данного дела, но и одним из важнейших международно-правовых вопросов современного международного права. Напомним, что после незаконного выхода ряда республик из состава СФРЮ, оставшиеся в ее составе республики – Сербия и Черногория – провозгласили создание государства «Союзная Республика Югославия», являющегося продолжателем СФРЮ. Это в полной мере соответствовало как внутригосударственному праву СФРЮ, так и международному праву. Однако так называемое «международное сообщество» в составе США и их сателлитов не признали продолжение СФРЮ со стороны СРЮ. К сожалению, к этой позиции присоединились Российская Федерация и некоторые другие государства. В Резолюции 757 (1992) Совет Безопасности ООН заявил, что он «*считает*, что СРЮ не может автоматически продолжать членство СФРЮ в ООН». Какие объяснения этому были даны? Политические причины такой позиции СБ ясны: необходимо доказать юридическую законность развала Югославии, а значит, доказать законность выхода ряда республик из состава СФРЮ. Если признать право СРЮ на продолжение СФРЮ – это означает признать незаконность выхода этих республик из состава бывшей Югославии, что было невозможно как политически (так как над развалом Югославии Западные правительства работали не одно десятилетие), так и юридически (после признания странами Запада республик, вышедших из состава СФРЮ). В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 47/1 (1992) говорится, что «Ассамблея … *считает*, что СРЮ не может автоматически продолжать членство СФРЮ в ООН…»[8]. Обратим внимание на то, что в обоих случаях ни СБ, ни ГА не указывают в своих резолюциях *юридических причин* того, что СРЮ не может быть продолжателем СФРЮ. И это понятно, ибо таких причин просто не существует.

В то же время важно отметить, что, приводя в качестве подтверждения своей позиции указанные резолюции, МС действует недобросовестно. С одной стороны, эти резолюции помещены в разделе «История статуса СРЮ в ООН», однако логика последующих выводов совершенно ясно демонстрирует, что эти резолюции положены в

[8] Резолюция была принята 127 голосами «за», при 6 голосах «против» и 26 воздержавшихся.

основу признания Судом выводов, в них содержащихся. Возникает вопрос: на каком основании: МС просто берет на веру мнения СБ и ГА? Такая позиция противоречит позиции любого суда, который должен проверить юридическую обоснованность любого действия государства или решения политического органа ООН. Такой подход является не только доказательством недобросовестности большинства членов МС, но и показателем *mens rea*.

Главным вопросом при разрешении юрисдикционного кризиса стал вопрос о применении *res judicata*. Как известно, *res judicata* – есть судебное решение особого характера, которое, будучи провозглашенным, является, таким образом, окончательным в разрешении вопроса[9]. В самом начале данного процесса МС должен был решить вопрос о статусе СРЮ в ООН и – соответственно – о ее доступе к Суду. Однако МС постоянно пытался обойти этот главный вопрос. В апреле 1993 года в своем решении о временных мерах МС *inert alia* отметил, что правовой статус СРЮ в ООН «не лишен правовых сложностей». Однако вместо того, чтобы решить эту сложность (на то он и главный суд мира, чтобы решать не простые дела, а именно сложные!), он заявил: «…но вопрос о том, является ли Югославия членом ООН и, соответственно, является ли она участником Статута МС, на данном этапе рассмотрения дела решать преждевременно».

В 1996 году, не решив вопроса о членстве СРЮ в ООН (!), МС вынес решение о том, что он обладает юрисдикцией рассматривать дело.

В апреле 2001 года СРЮ в своем запросе о пересмотре решения 1996 года заявила, что факт ее принятия в члены ООН представляет собой новый факт, который делает невозможным вывод, содержащийся в решении 1996 года. Однако постановление по данному запросу 2003 года (где просьба о пересмотре отклоняется на том основании, что данный факт *не* является новым!) вновь не содержит решения вопроса о членстве СРЮ в ООН! В своем Решении 2007 года с помощью постоянных повторов Международный Суд попытался произвести впечатление о том, что вопрос о соответствии предыдущих решений Суда рассматривается исключительно по требованию БиГ. Так, в очередной раз повторяя, что БиГ выдвинула утверждение о том, что юрисдикционные аргументы СиЧ должны быть отклонены потому, что решения МС обладают силой *res judicata*, МС начинает долгий и мучительный анализ данного принципа и его применимости к своим решениям.

Действительно, принцип *res judicata* является общепризнанным, а ряд судей и ученых рассматривают его даже в качестве «общего принципа права, признанного цивилизованными нациями» (такую квалификацию, например, в деле о Юго-Западной Африке, дал советский судья В.Корецкий). Более того, он установлен самим Статутом МС (статья 60). Однако *применение* данного принципа Международным Судом в настоящем деле является откровенным злоупотреблением. При этом, как будет показано ниже, этот факт является очевидным даже для большинства Суда.

Ухватившись за идею *res judicata* как за последнюю соломинку обосновать свои двойные стандарты, МС постановил, что его решение 1996 года об обладании юрисдикцией рассматривать дело «обладает силой *res judicata*».

Однако следует отметить, что *res judicata* – не любое решение суда, а только такое, которое *решает* определенный вопрос[10]. Более того, окончательное решение вопроса судом означает, что «судебное решение не оставляет никаких вопросов для судебного разрешения … когда оно абсолютно, полно и определенно»[11].

[9] Barnett P.R., Res Judicata, Estoppel and Foreign Judgment, Oxford University Press, 2001, p. 8.

[10] См.: Barnett P.R., Op. cit, p. 18.

[11] См.: Bower G.S., Turner A.K., The Doctrine of *Res Judicata*, 2nd ed., London, Butterworth, 1969, p. 72.

Сербия отмечала, что вопрос о том, обладала ли СРЮ доступом к Суду по статье 35 Статута, ни разу не был решен в данном деле и потому принцип *res judicata* неприменим. Однако Суд, сославшись на свои предыдущие решения в делах *Югославия против 10 стран НАТО,* заявил, что «юридические сложности» статуса СРЮ в ООН в 2000 году «были разрешены» «отказом Югославии от своей позиции, что она является продолжателем СФРЮ»! Тогда возникает вопрос: а если бы СРЮ не отказалась от этой позиции, разрешил бы МС эти мифические «сложности»? Да он просто обязан был их решить, причем независимо от позиции СРЮ! Почему же он не решал эти сложности в течение 7 (!) лет. Если для решения 1993 года отказ решить этот вопрос был если не оправдан, то, по крайней мере, понятен, то никаких оправданий и понятий для 7 лет сознательного отказа решения этого вопроса просто нет.

Продолжая свое самооправдание, МС процитировал соответствующие решения в делах *Законность применения силы* (дела НАТО) и заключил, что если раньше он не знал точно, каков же статус СРЮ в ООН, после ее приема в ООН стало ясно, что она членом ООН не была. Voi la! И вот на основе этой глупости – «имеются юридические сложности» – Суд выносит решение в делах НАТО! По меньшей мере, это недобросовестно. Впрочем, судья *ad hoc* М.Креча весьма точно объяснил суть ситуации в своем несогласном мнении. Он показал, что в данных делах один югославский судья противостоял пяти судьям из стран-членов НАТО (США, Британия, Франция, Нидерланды и Германия) – представителей тех самых стран, которые и бомбили Югославию. При таком раскладе сил рассчитывать на справедливое решение СРЮ было трудно.

Но теперь главное. Уверен, что данный параграф большинство Суда очень хотело бы не только не включать, но и вообще не думать об этом. Но без него вся шаткая логика просто не состоялась бы вообще. Поэтому данный параграф в Решении Суда все-таки есть. Он достоин полного цитирования:

«*В своем решении 1996 года Суд установил, что «Югославия юридически связана положениями Конвенции о геноциде на момент возбуждения против нее данного дела» и что «на основании статьи IX этой Конвенции он обладает юрисдикцией рассмотреть настоящий спор». Учитывая, что решение вопроса о доступе государства к Суду предшествует решению вопроса по юрисдикции […], отсюда с необходимостью вытекает, что к моменту вынесения вопроса по юрисдикции Суд уже решил вопрос о доступе государства к Суду. Решение же Суда по юрисдикции обладает силой res judicata*»[12].

Но вот самое важное:

«*Суд не считает необходимым для целей настоящего процесса возвращаться назад и рассматривать, на каком основании Суд мог сделать вывод» о том, что СРЮ имеет доступ к Суду*» (!!!)

Подобная аргументация – позор для Международного Суда ООН. Видимо, чувствуя невозможность поставить точку именно здесь, Суд попытался немного добавить высокопарного слога: «Вывод Суда диктуется самой сутью судебной функции и всеобще признанной необходимостью стабильности правовых отношений». Оставим в стороне риторический вопрос о том, является ли вынесение *заведомо* неправосудного решения «всеобще признанным» принципом. Или оценку того, продиктовано ли выведение стран НАТО из-под Суда продиктовано «стабильностью правовых отношений». Но вот пройти мимо необходимого логического вывода из данного тезиса невозможно. Фактически в данном параграфе своего Решения МС разрешил коллизию между стабильностью правовых отношений и вынесением справедливого решения. Если учесть, что Суд не оспаривал самого факта того, что в 1993 году Югославия, действительно,

[12] Параграф 132 Решения Суда.

не имела доступа к Суду, но лишь пытался объяснить свое неравноправное отношение к СРЮ, с одной стороны, и к странам НАТО, с другой, то можно сделать вывод о том, что решения 1993-2003 годов были фактически ошибочными. Даже если поверить в то, что Суд, действительно «не знал» и был смущен «юридическими сложностями» статуса СРЮ ранее, то с 2000 года, и уж тем более в 2006 году, он уже все знает, а значит, понимает, что выносимое решение не является справедливым. Таким образом, единственно возможным логическим выводом из этого является то, что Суд фактически установил принцип, согласно которому в случае противоречия между принципом справедливости судебного решения и принципом стабильности правовых отношений приоритет должен быть отдан второму[13].

Однако вот незадача! Обладают ли решения МС силой *res judicata* или нет – это не меняет двух фактов объективной реальности: когда речь шла о привлечении к Суду Югославии, было признано, что она доступ к Суду имела, а когда речь шла о привлечении к Суду стран НАТО, было признано, что она доступа к Суду не имела. Как примирить эти два факта? В отличие от многостраничных рассуждений о *res judicata*, это именно факты, а не их интерпретация. И как любые факты они требуют своего объяснения. Вывод из данной ситуации, к сожалению, может быть только одним – отсутствие чистой совести Суда. На самом деле объяснение этой позорной ситуации через *res judicata* еще более усугубляет положение Суда. К ранее заданному вопросу «Почему в деле против СРЮ было признано, что она имела доступ к Суду, а в деле против стран НАТО – что не имела» теперь добавляется новый: «Почему решение 2003 года в 2007 году (против СиЧ) обладает силой *res judicata*, а решение 2004 года (против стран НАТО) – не обладает?». Отсутствие ответа на этот вопрос не только доказывает политический характер решения МС, но является очередным доказательством *mens rea* МС на сокрытие незаконности своих действий. Слабая попытка все-таки, как бы обозначить ответ на последний вопрос, была предпринята. Международный Суд отметил в своем решении, что все предыдущие решения по делу *БиГ против СРЮ* не содержали определенного ответа на вопрос, является ли Югославия членом ООН или нет. Однако данное заявление уже просто неприлично, так как ухудшает ситуацию донельзя: ко всем уже названным нарушениям Суд добавляет еще одно, а именно: он признал наличие юрисдикции в деле, где не был решен вопрос о самом факте членства одной из сторон дела в ООН! В который раз убеждаешься, что хорошая мина при плохой игре выглядит не просто криво, но и во сто крат усугубляет положение «игрока». Если бы МС признал неверность своего предыдущего решения по делу против стран НАТО, то, пожалуй, мог бы получить определенное уважение. Вот только мог ли Суд *в таком составе* признать это?

На процессе против Слободана Милошевича в Международном трибунале по бывшей Югославии во время показаний свидетелей обвинения, которые «чушь прекрасную несли» столь самозабвенно, что вызывали приступы смеха у всех присутствующих, С.Милошевич однажды привел весьма точное сравнение с рассказами барона Мюнхаузена, однажды вытащившего себя из болота за собственные волосы[14]. К сожалению, приходится констатировать, что Международный Суд предпринял ту же тактику, но оказался гораздо менее успешным, чем барон.

[13] Данное решение весьма очевидно перекликается с решениями Международного трибунала по бывшей Югославии, где судьи постоянно вынуждены решать коллизию между принципом оперативного рассмотрения дела и принципом полного обеспечения прав обвиняемого. Во-первых, сама проблема этой коллизии создана искусственно: оперативное проведение процесса само по себе является правом обвиняемого. Однако эта искусственная проблема постоянно разрешается в МТБЮ на основе «интересов правосудия» в пользу оперативного процесса.

[14] См.: Показания свидетеля Филиппа Ку 11 сентября 2002 года (Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича… – С. 156).

Решение Суда

При анализе настоящего решения Суда мы выделим два главных блока вопросов: толкование Международным Судом положений Конвенции 1948 года и оценка представленных ему доказательств.

Рассмотрим сначала *первый* блок. Следует отметить, что первым важнейшим вопросом, который должен был решить Суд, являлся вопрос о том, предусматривает ли Конвенция 1948 года ответственность государств или физических лиц. Действительно, главным требованием Боснии было требование о признании Сербии виновной в *совершении* геноцида. В то же время единственный применимый в деле источник – Конвенция против геноцида – не дает простого ответа на вопрос о том, кто же является главным ее субъектом: государства или физические лица.

Босния утверждала, что Конвенция устанавливает ответственность государства: «Конвенция по геноциду установила универсальную договорную концепцию *ответственности государств за совершение геноцида*. Напомним, что статья IX Конвенции гласит: «*Споры между Договаривающимися сторонами по вопросу толкования, применения или выполнения настоящей конвенции, включая споры относительно ответственности того или иного государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного Суда по требованию одной из сторон в споре*». По мнению Боснии, данная статья «прямо налагает на сами государства обязанность не совершать геноцид». Что же касается толкования статьи I по обязательству предотвратить геноцид, то Босния свела первую и вторую части своих выводов с помощью следующей правовой эквилибристики: «Государство, которое само совершило геноцид, соответственно несет ответственность за то, что оно его не предотвратило».

Позиция Сербии заключалась в следующем. Конвенция 1948 года не устанавливает ответственности государств за совершение преступления геноцида, но только за его предотвращение и наказание в тех случаях, когда это преступление совершено физическими лицами.

В обоснование своей позиции Сербия указала на статьи I, V, VI и IX Конвенции. Кроме того, Сербия отметила, что для установления ответственности государства за акт геноцида как таковой нет другого способа, кроме как правила уголовного права. Эти правила, в частности, требуют установления индивидуальной уголовной ответственности.

При вынесении решения по данному вопросу Международный Суд ООН отметил, что Конвенция установила двойной характер ответственности. Обратившись к *travaux preparatoires* Конвенции 1948 года, МС обнаружил, что во время подготовки текста договора произошло перемещение соответствующей нормы из преамбулы в первую оперативную статью, а также была исключена связующая клаузула («в соответствии со следующими статьями»). По мнению Суда, эти два изменения подтверждают, что статья I налагает отдельные обязательства, кроме тех, которые указаны в других статьях Конвенции. В частности, государства-участники имеют прямое обязательство предотвращать геноцид».

Решение МС зависело от решения вопроса о том, обязано ли *само* государство по Конвенции 1948 года не совершать геноцид. Суд признал, что данное обязательство не выражено в статье I «прямым образом». Однако, по мнению Суда, это вытекает из других положений Конвенции. Во-первых, это вытекает из общего определения геноцида как «преступления по международному праву», логическим же следствием чего является обязательство не совершать данные действия. Во-вторых, обязательство *предотвращать* геноцид выражено в Конвенции уже «прямо». Суд, вновь полагаясь на логическое толкование, заявляет, что «было бы парадоксальным, если бы государства

имели бы обязательства предотвращать, … но не имели бы обязательства самим не совершать такие акты».

В качестве подтверждения своего вывода Суд также привел «необычную характеристику» Конвенции, которая, по его мнению, заключается в выражении статьи IX: «*включая* те [споры], которые касаются ответственности государства за геноцид или любые другие действия, перечисленные в статье III». Слово «включая», по мнению МС, подтверждает его убеждение в том, что споры, касающиеся ответственности государств-участников за геноцид и другие действия, по статье III охватываются более широкой группой споров, касающихся толкования, применения и реализации Конвенции.

Сербия выдвигала возражения против подобного вывода. Так, отмечалось, что данный вывод означает признание уголовной ответственности государства – института, который в современном международном праве не существует. Кроме того, сама суть Конвенции и содержание основных ее статей (в частности, статьи III, IV, V, VI, VII) регулируют не ответственность государств, а обязательства государств по осуществлению уголовного преследования и наказания отдельных физических лиц и, таким образом, являются стандартной конвенцией международного уголовного права. Наконец, *travaux preparatoires* Конвенции подтверждают, что прямое предложение о введении ответственности государств было отклонено. Однако Суд отклонил все возражения Сербии. В отношении первого аргумента было заявлено, что речь идет не об уголовной ответственности государства, а об «обязательстве по международному праву». В отношении второго аргумента МС заявил, что «двоякий характер ответственности [то есть ответственность и государств, и индивидов] является постоянной чертой международного права» и что ни в лингвистике, ни в структурировании текста «нет никаких оснований для отмены положений об индивидуальной уголовной ответственности значения статьи I, прочитанной вместе со статьями III (a) – (e), как устанавливающей ответственность государств». Третий аргумент вызвал наибольшие трудности у Суда, но был также отвергнут на том основании, хотя, действительно, обсуждение проекта Конвенции в Шестом Комитете ГА ООН «ясно показало», что ответственность по Конвенции предполагалась только для индивидов, «Председатель Комитета считал, что измененная статья IX предусматривает ответственность государств за геноцид». Каким образом мнение председателя Комитета могло изменить позицию государств, МС не объясняет, зато делает вывод, что измененная статья IX касается юрисдикции в отношении ответственности государств. Таким образом, по мнению МС *travaux preparatoires* можно рассматривать не как опровержение, а как подтверждение вывода об ответственности государств за совершение геноцида. На самом деле, в данной ситуации Суд столкнулся с необходимостью разрешить коллизию, когда государства высказали свою позицию «ясным образом», с одной стороны, и когда они выразили свою позицию, которая дает возможности для толкования. В лучших традициях разрешения подобных коллизий МТБЮ, Международный Суд отдал предпочтение удобному для него выбору толкованию во втором случае и удивительным забыванием первого. В МТБЮ стало уже нормой «обычного права», когда при разрешении коллизий между нормой специальной и нормой общей приоритет отдается общей норме с ее возможностями самого широкого толкования, при этом специальная норма полностью растворяется в чрезвычайно едкой по своим качествам кислоте словоблудия: от специальной нормы не остается ни следа, ни даже памяти о ней[15].

[15] См., например, решение МТБЮ в деле *Prosecutor v. Slobodan Milosevic* от 22 сентября 2004 года. (Комментарий данного решения, в том числе, практики МТБЮ, касающейся соотношения общей и специальной нормы; см.: Мезяев А.Б. Назначение адвоката на процессе против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые вопросы // Московский журнал международного права. – 2005. – № 2. – С. 99-118.)

Следует отметить, что при разрешении вопроса о том, был ли совершен геноцид на территории Боснии, МС сделал ряд важных выводов в целом по международно-правовой квалификации геноцида. Отметим ряд таких выводов [названных нами в начале статьи международно-правовыми «валунами»].

1. Проблема определения «группы как таковой».

Как известно, главная характеристика, отличающая геноцид от иных смежных преступлений, например, от преследований или убийства, – это специальный умысел (*dolus specialis*). В контексте Конвенции 1948 года это связано с необходимостью доказать, что преступник имел намерение совершить свои действия против группы «*так таковой*».

МС постановил, что определение «группы» по Конвенции 1948 года не может производиться с помощью «негативного подхода», который был использован БиГ (она утверждала, что СРЮ совершала геноцид против «несербского населения Боснии»), но только с помощью позитивного подхода. В обоснование данной позиции МС сослался на *travaux preparatoires,* когда геноцид противопоставлялся другим преступлениям, в частности, убийству, именно по причине его «отказа в самом существовании целых человеческих групп», в противовес «лишению права на жизнь отдельному человеку». Было также отмечено, что отклонение предложения включить в определение критерия «политического» и «культурного» также доказывает, что составители Конвенции стремились дать определению группы прочные и неизменяемые характеристики. МС отметил, что его вывод подтверждается и решением МТБЮ.

2. Проблема определения «*Группы или ее части*».

Суд также выделил три главных[16] критерия для определения «группы»: количественный, качественный, и критерий возможности (opportunity). В отношении первого критерия было отмечено, что «часть группы должна быть достаточно существенной для того, чтобы иметь последствия для всей группы». В отношении второго критерия МС полностью положился на решение МТБЮ по делу генерала Крстича, просто процитировав тезис о том, что важным критерием является установление «значимости в рамках данной группы». В отношении третьего критерия Суд сослался на позицию КМП ООН и МТБЮ и согласился с их выводами о том, что речь может идти и об ограниченном географическом районе».

Что касается *второго блока* вопросов, анализ которых является определяющим для понимания сущности решения Международного Суда, то он касается представленных Суду доказательств и их оценки.

Данное дело, несомненно, является самым сложным с точки зрения количества и оценки доказательств. Это касается документов, решений иных международных судебных органов, а также представления значительного числа свидетелей.

Еще до вынесения Решения было ясно, что выводы Суда могут основываться не на фактах, а на различных толкованиях фактов, совершенных другими институтами. В первую очередь это относится к решениям [в широком смысле] Международного трибунала по бывшей Югославии и документации различных органов ООН. Поэтому, не случайно, целый раздел Решения МС от 26 февраля 2007 года посвящен вопросам стандартов и методов доказательств. Первая попытка МС решить вопросы методики оценки противоречивых фактов и оспариваемых каждой стороной свидетельств была предпринята в Решении МС от 19 декабря 2005 года по делу *О вооруженной деятельности на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)*. В то же время у меня есть серьезные основания сомневаться в том, что эта попытка была в полной мере добросовестной. Действительно, какой смысл для дела *ДРК про-*

[16] Ниже Суд отметит, что эти список критериев не является исчерпывающим.

тив Уганды имела следующая фраза: «Суд отмечает, что свидетельства, полученные от непосредственно вовлеченных лиц, которые подверглись также перекрестному допросу профессиональных юристов […] получат особое отношение Суда»? [параграф 61 Решения по делу *ДРК против Уганды*]. Никакого. В том деле Суду не было представлено доказательств других судебных органов. Когда в декабре 1995 года я читал это решение МС, у меня не было никаких сомнений в том, что оно в значительной степени [не только в параграфе 61] подготовлено для другого, *будущего* Решения. И вот в параграфе 214 Решения по делу *БиГ против СиЧ*, МС, ссылаясь на решение по делу *ДРК против Уганды*, отмечает: «Юридический процесс в МТБЮ *подпадает* под данную формулировку». Действительно, «подпадает», особенно, если учесть, что эта формулировка была совершенно ни к месту сформулирована вынесшим практически тем же самым составом Суда несколькими месяцами ранее. Меня всегда поражают подобные вещи. Возникает вопрос: на кого они рассчитаны? Разве не очевидно, что такие заранее организованные прецеденты шиты белыми нитками?!

МС отметил, что процесс МТБЮ квалифицируется получением информации от непосредственно вовлеченных лиц, которые были подвергнуты впоследствии перекрестному допросу, достоверность которого не подвергалась сомнению.

Очень важным моментом является позиция Сторон в отношении документов МТБЮ. Если БиГ полностью и абсолютно полагалась на них как на святую истину, то позиция СиЧ нуждается в более подробном объяснении. В период с 1993 по 2000 годы позиция страны точно отражала суть вещей и не придавала документам МТБЮ никакого юридического значения. Это в полной мере отражено в Меморандумах СРЮ. После же прихода к власти в Сербии прозападного правительства, отношение к данному источнику информации было изменено. Ответчик стал не только признавать эти решения, но и сам цитировать их для подтверждения отдельных своих тезисов. В то же время ряд оговорок были сохранены и в позиции новых властей признавались только окончательные решения судебных и Апелляционной палат МТБЮ. МС признал все виды документов МТБЮ как источники, на которые он может полагаться при вынесении решения, правда, отметив, что документам разного уровня будет придан разный вес. Наибольший вес МС придал решениям судебных и Апелляционной палат.

Было также принято решение придать «определенный» вес решениям МТБЮ по назначению наказания (так называемые *Sentencing judgments*). Это весьма опасный прецедент признания подобного рода решений со стороны главного судебного органа ООН. Дело в том, что этот вид решений МТБЮ выносит при признании обвиняемым своей вины по одному пункту обвинения и без проведения судебного процесса. Однако, что более важно, это делается взамен за снятие с обвиняемого других пунктов обвинений и взятие с него обязательства давать показания против любых других обвиняемых МТБЮ по указанию прокуратуры. Такого рода решениям не может придаваться не только какого-либо веса, но они должны быть отвергнуты как незаконные. Это становится особенно ясно после практики применения таких решений.

В целом, по другим представленным свидетельствам, Международный Суд сформулировал следующие положения. «Ряд официальных документов, например, документы парламентских органов, не вызывает сомнений в смысле их точности, но их значимость. Другим примером являются заявления, записанные на аудио- или видеопленку (записи МТБЮ)» [параграф 225]. «Документы могут представлять собственные знания свидетеля, либо его мнение или понимание событий, либо быть показаниями с чужих слов. Стороны не столько оспаривали аутентичность таких материалов, сколько точность их представления (например, выделение тех или иных частей из общего контекста) или тот вес, который может быть придан данным материалам» [параграф 226].

«При оценке докладов официальных или независимых органов МС отметил, что руководствовался тремя ориентирами: источник информации (например, от сторонников или нейтральных наблюдателей); метод сбора информации (например, анонимные сообщения в прессе или результат судебной или квазисудебной деятельности); качество или характер информации (например, заявления против интересов, взаимно признанные факты или факты, которые не были подвергнуты сомнению)» [параграф 227].

«Оценка того значения, которое может быть придано тому или иному представленному Суду свидетельства, может привести либо к отклонению свидетельства как ненадежного, либо к признанию свидетельства как имеющего доказательственную силу. Суд также повторил свои общие «установки» по рассмотрению свидетельств, данные в его решениях в делах *Никарагуа против США* и *ДРК против Уганды*.

Однако все это не выходит за рамки общеизвестных понятий об оценке фактов, не может рассматриваться более, чем примитивная абстрактная «установка», и не может претендовать ни на методику, ни, тем более, на методологию оценки доказательств.

Суд отметил, что он должен произвести свою собственную оценку фактов, относящихся к делу, однако отметил, что имеется одно «необычное» обстоятельство: многие требования, выдвинутые БиГ, уже стали объектом рассмотрения МТБЮ.

Весьма важно подчеркнуть, что МС принял в качестве основных доказательства, которые содержат ложную информацию, причем этот факт был известен Суду. Так, в распоряжении Суда была информация о неверной информации, содержащейся в известном Докладе Генерального секретаря ООН «Взятие Сребреницы», представленном Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 1999 года. Однако МС использовал этот доклад без какой-либо проверки содержащейся в нем информации. Для объективного рассмотрения и оценки представленных Суду доказательств отдельной судебной процедуре исследования доказательств должен был подвергнуться каждый документ! Особенно это было важно в условиях очевидности ненадежности представленных МС документов! Чего стоит только известный «придержанный» доклад Генерального секретаря ООН о разоружении сторон. Последний пример неадекватности документов ООН по Югославии – заявление члена СБ ООН от Южной Африки, который после поездки в Косово[17] заявил, что отчеты ООН не соответствуют тому, что он увидел на месте в самых невероятных масштабах!

Как же были оценены представленные МС свидетельства на основе его примитивных «установок»?

Интересно отметить, какие факты были отобраны Судом (из более чем десятка тысяч представленных документов) вообще для раздела «Общие факты», в частности. Оценка этого отбора весьма показательная для уяснения *mens rea* Суда на нужное направление решения.

Так, Суд отметил, что «29 февраля – 1 марта 1992 года в БиГ прошел референдум по вопросу о независимости Боснии. 6 марта 1992 года БиГ официально провозгласила независимость. С 7 апреля 1992 года БиГ была признана Европейским Союзом. 7 апреля БиГ была признана США». Учитывая, что отбор общих фактов в самом начале судебного решения имеет целью их последующее использование для того или иного правового вывода, логично задать вопрос: каково правовое значение данных фактов для целей настоящего Решения? В отсутствие правового значения этих фактов очевидным является попытка придать им такое значение. Некоторые вещи в Решении МС вообще трудно объяснить. Туман в головах самих судей, составлявших текст и

[17] Данная поездка членов Совета Безопасности ООН была предпринята в апреле 2007 года по инициативе Российской Федерации в связи с попыткой продавить т.н. «План Ахтисаари», который предусматривает отделение Косово от Сербии.

имеющих мало представления о событиях в Югославии? Небрежность? Сознательная манипуляция фактами и терминами? В параграфе 235 говорится, что к моменту провозглашения независимости БиГ независимость Республики Сербской (в то время «Республики Сербского народа в БиГ») уже была провозглашена. Однако это не соответствует действительности ни по фактам, ни даже *по тексту самого Решения Суда*! Приводящиеся в Решении МС даты опровергают вышеуказанный вывод: независимость БиГ была провозглашена 15 октября 1991 года, а независимость РС – 9 января 1992 года. Возможно, что МС здесь допускает «ошибку» и приводит не дату провозглашения независимости, а дату провозглашения суверенитета БиГ. Однако и это не является разъяснением ситуации, так как решение о независимости РС, хотя и было принято 9 января 1992 года, но с оговоркой, что оно вступит в силу в момент международного признания БиГ. В любом случае является очевидным, что в параграфе 235 МС допускает небрежность в использовании фактической информации. Если же эта небрежность является умышленной, возникает лишь вопрос: для каких целей это сделано? Какое правовое значение для вывода или аргументации Суда имеет провозглашение не соответствующего действительности факта о том, что «независимость РС была объявлена после объявления независимости БиГ»???

При установлении круга участников событий в БиГ в апреле 1992 года МС назвал пять[18]: 1) «Югославская народная армия (ЮНА) – впоследствии Армия Югославии (АЮ)»; 2) Добровольческие подразделения, поддерживаемые ЮНА и в последствии – АЮ и МВД СРЮ; 3)Подразделения Территориальной обороны (ТО) боснийских сербов; 4) Полиция МВД боснийских сербов; 5) Армия БиГ, которая, по утверждению Суда, была создана только 15 апреля 1992 года.

Весьма показательна игра своими словами в расчете на игру чужими умами: первым и, соответственно, главным действующим лицом МС называет не просто «ЮНА», а «ЮНА – впоследствии ЮА»! Данная квалификация ЮНА не имеет никакого правового или фактического обоснования, но эта формулировка – показатель *mens rea* Международного Суда на обвинение сербов и только сербов. Действительно, почему МС называет ЮНА «впоследствии ЮА»? Ведь все незаконные армии самопровозглашенных республик бывшей Югославии могут носить название «впоследствии». Но эту «метку» получают только сербы. *Mens rea.* Не случайно всего лишь пятым – самым последним – участником конфликта названа армия БиГ. Но именно начало создания незаконных мусульманских военных формирований и стало главной причиной вооруженного конфликта! МС делает вид, что этого не было и что армия БиГ всего лишь один и последний участник против четырех других – сербских! Кроме того, очевидна и манипуляция с датами. 15 апреля 1992 года – это, конечно, дата создания армии БиГ, но только официальная. Фактически эта армия была создана до всех других перечисленных формирований! *Mens rea*!

Немало места уделил Суд и изложению теории «превращения» армии СФРЮ с «сербскую» армию. Так, в параграфе 238 Суд утверждает: «8 мая 1992 года все подразделения ЮНА, которые не были боснийского происхождения, были выведены из БиГ. Тем не менее, военнослужащие ЮНА сербско-боснийского происхождения, которые проходили службу в БиГ, были трансформированы (присоединились) к армии РС или к ТО РС. Боснийские сербы, проходившие службу в ЮНА за пределами Боснии, вернулись туда и были включены в армию РС. Оставшаяся часть ЮНА была трансформирована в ЮА». Возникает вопрос: а где же оказались босняки? Им в этой истории места не осталось. В истории, написанной МС. *Mens rea*!

[18] На самом деле участников конфликта было больше, в том числе подразделения боевиков муджахеддинов из арабских стран.

При оценке имеющихся свидетельств Суд рассмотрел два главных вопроса: были ли действительно совершены действия и подпадают ли они под статью 2 Конвенции 1948 года? Рамки настоящей статьи не позволяют отразить все факты, рассмотренные Судом, однако ряд фактов требует особого внимания. Во-первых, это события в Сараево и особенно – обстрел рынка «Маркале» и события в Сребренице в июле 1995 года.

Слово «Маркале» уже давно стало именем нарицательным. На Западе оно используется как символ «сербских зверств». Для тех немногих, кто в официальную версию не просто не поверил, но предпринял усилия для установления истины, это слово стало синонимом не только жестокости мусульманских властей Боснии, но и символом их невероятной подлости. Обстрел «Маркале» стал объектом рассмотрения сразу на нескольких процессах в Международном трибунале по бывшей Югославии. Так, например, в решении Международного Суда верно отмечается, что в деле генерала Галича 5 декабря 2003 года «большинство судебной палаты МТБЮ установило, что гражданское население в районе, контролируемом армией БиГ, подвергалось прямым и неизбирательным атакам с территории, находящейся под контролем Республики Сербской (РС)», и что «все преступления, перечисленные в Обвинительном акте, были совершены силами армии РС».

Данная цитата еще раз показывает, как опасны решения МТБЮ и как важно в новом судебном разбирательстве проводить собственную оценку каждого представленного свидетельства. [Между прочим, даже в самом МТБЮ использование показаний, данных на других процессах требуют дополнительной процедуры, в том числе возможности нового перекрестного допроса! А МС просто берет все на веру!] дело в том, что вышеуказанное решение, действительно, было принято не единогласно, но большинством два против одного. Лишь один судья предпринял собственную судейскую проверку представленных доказательств и пришел к выводу о невозможности виновности сербской стороны в данном обстреле.

На процессе против другого сербского генерала – Драгомира Милошевича – в июле 2007 года дал показания российский полковник А.Демуренко, который рассказал, как т.н. «международные миротворцы» помогали боснийскому правительству не только скрыть, что обстрел своего населения совершили мусульмане, но и то, что это было сделано специально для обвинения в этом преступлении боснийских сербов[19]. Несмотря на то, что свои показания Демуренко дал уже после вынесения Международным Судом ООН своего решения по данному делу, нельзя сказать, что МС о его свидетельствах не знал. Во-первых, как руководитель подразделения миссии ООН Демуренко сделал официальное заявление сразу после обстрела «Маркале», а во-вторых, его свидетельства были представлены на процессе против Слободана Милошевича[20]. Международный Суд в своем решении особо подчеркнул, что он внимательнейшим образом изучил все решения и процессы МТБЮ, таким образом, суть свидетельств Демуренко должна была быть известна Международному Суду – при достаточной его на то добросовестности – задолго до показаний российского полковника *viva voce* в МТБЮ.

Особую проблему составляет ссылка Международного Суда на решения МТБЮ по делу Слободана Милошевича.

---

[19] См. стенограмму заседания Международного трибунала по бывшей Югославии по делу *Prosecutor v. Dragomir Milosevic* от 5 июля 2007 года.

[20] См., например, перекрестные допросы свидетелей Ф.Томаса и Р.Смита (12 ноября и 9 октября 2003 года соответственно). Комментарии этих показаний см.: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича… – С. 292-295; 269-273.

Во-первых, это Решение по требованию об оправдании обвиняемого. Важно отметить, что данное требование было направлено в трибунал не С.Милошевичем, а *amicus curiae*, которые были назначены самим судом и выступали в качестве независимых наблюдателей процесса. Таким образом, даже назначенные самим судом юристы квалифицировали Обвинительную часть процесса как не представившую никаких существенных доказательств вины С.Милошевича. Тем не менее, судебная палата в полном противоречии не только с нормами права, но и морали вынесла решение о полном отклонении запроса. Даже если и поверить в то, что судьи «добросовестно заблуждались» в связи с обвинениями против С.Милошевича, содержащимися в Обвинительном заключении против него, то любой нормальный суд должен был прекратить процесс буквально через несколько дней после его начала, когда стало ясно, что прокуратура представляет ложных свидетелей. Тем не менее, МС сослался именно на это решение МТБЮ, в качестве авторитетного основания установления того факта, что «много мусульман было убито в лагере Лука в мае и июне 1992 года» [параграф 273]. И где же тут высокий стандарт к доказательствам, которым обещал следовать МС? Ведь нужно знать, что на процессе С.Милошевича вообще данный факт стал частью весьма общего обвинения (что имел общего С.Милошевич с лагерем в Боснии? Это ведь не дело против начальника лагеря или против охранника и т.д.), и вообще все пункты обвинения против С.Милошевича рассматривались в абсолютном большинстве случаев только одним свидетелем! (что является одним из главных методологических его проблем).

Чтобы использовать те или иные выводы, МТБЮ необходимо проверить, кто давал показания, каковы их источники, каков результат перекрестного допроса и т.д. Во всех случаях этого сделано не было. Хотя МС и пытается нам доказать, что данная работа и была проведена: «Суд внимательно изучил процессы МТБЮ и решения его палат по вышеуказанным делам» [параграф 277]. (Как видим, МС особо подчеркивает, что были изучены не только *решения палат*, но весь *процесс*). Если это и правда, тем хуже для МС. Если после проведенного изучения МС считает возможным делать те же выводы, что и МТБЮ, это является доказательством беспринципности и предвзятости самого МС[21].

Вторым главным объектом рассмотрения МС стали события в Сребренице в июле 1995 года. «Сребреница» также стала именем нарицательным. И также его смысл различен для тех, кто события в мире узнает по BBC или Euronews, и для тех, кто истину пытается искать. Это, конечно, относится к представителям «международной общественности». Сами сербы и босняки прекрасно знают, что же в Сребренице произошло *в действительности*.

Позиция МС была сформирована задолго до представления доказательств по этому вопросу. Это проявилось даже в структуре Решения МС, когда *до* изложения позиций сторон, не говоря уже об их оценке и собственных выводов Суда. *Mens rea*! МС заявил: «Нигде события в Сребренице не были описаны лучше, чем в решении МТБЮ по делу [генерала] Крстича» (!) Каково же это «лучшее в мире» описание? Вот оно.

«*События, касающиеся взятия боснийскими сербами «безопасного района» ООН в БиГ в июле 1995 года, стали хорошо известны всему миру. Несмотря на резолюцию СБ ООН о том, что анклав не должен подвергаться никаким военным нападениям, подразделения армии боснийских сербов напали и захватили город. В течение нескольких дней 25 тысяч боснийских мусульман, большинство из которых составляли*

[21] Подробнее анализ решения МТБЮ об отказе об оправдании С.Милошевича см.: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: Некоторые международно-правовые проблемы // Российский ежегодник международного права-2004. – СПб, 2005. – С. 91-112.

женщины, дети и люди пожилого возраста, в атмосфере террора были посажены в переполненные автобусы и вывезены на территорию, контролируемую армией БиГ. Однако мужское мусульманское население военного возраста было отделено. Так как тысячи из них попытались бежать из данного района, они были взяты в плен, помещены в лагеря с жестокими условиями, а затем были казнены. Больше 7 тысяч из них более никто не видел».

Данное, по утверждению МС, «лучшее из всех», описание отличается высшей степенью предвзятости и в целом не соответствует действительности. Если бы МС желал установления правды о Сребренице, он должен был бы обратиться также и к иным, нежели решения МТБЮ, источникам. Но что интересно, даже в рамках МТБЮ имеется достаточно информации, чтобы увидеть, что официальная версия событий в Сребренице есть ложь чистой воды. Так, «почему-то» МС не обратился к показаниям свидетелей защиты, давших свои показания на процессе Слободана Милошевича и на других процессах «сребренического цикла». *Mens rea*!

Во многом предательскую по отношению к боснийским сербам позицию заняло и новое правительство Сербии, которое во время слушаний отказалось от борьбы за установление правды о Сребренице, но лишь оспаривало *число* жертв.

Другим источником «объективной» информации и, соответственно, доказательств стало решение МТБЮ по делу *Прокурор против Благоевича и Йокича*. Параграфы 281-295 впечатляют: это сплошное цитирование решений МТБЮ. Однако с психологической точки зрения интересен вывод МС: «Суд не видит причин не согласиться с выводами МТБЮ». Интересно, возможен ли был другой вывод, если учесть, что рассмотрены были *только эти* решения? Практически только эти два источника стали основанием вывода Суда о том, что он «полностью убежден, что убийства по смыслу статьи II (a) и серьезные телесные и психические увечья по смыслу статьи II (b) Конвенции 1948 года были совершены во время убийств в Сребренице. То, что Международный Суд ООН «не увидел» причин не согласиться с решением МТБЮ о признании Благоевича виновным в совершении геноцида в Сребренице, говорит только об одном: МС не подверг данное решение элементарному анализу. Международный Суд ООН «не увидел причин» не согласиться с выводами МТБЮ только по причине своего *mens rea* на вынесение незаконного обвинительного приговора Сербии! Всего-то через три месяца после вынесения анализируемого нами Решения Международного Суда ООН Апелляционная палата МТБЮ отменила решение судебной палаты и сама сняла с Благоевича обвинение в геноциде!!![22]

Следует отметить, что БиГ утверждала, что в отношении мусульман Боснии были установлены такие условия, которые препятствовали деторождению: «насильственное разделение мусульманских мужчин и женщин в БиГ систематически практиковалось в различных оккупированных сербами районах …, что со всей достоверностью имело целью уменьшить степень рождения детей данной группы лиц в связи с невозможностью физического контакта в течение многих месяцев». Однако ни одного свидетельства данного утверждения на всех этапах дела Международному Суду представлено не было.

Босния утверждала также, что изнасилования и другие виды сексуальных преступлений против женщин приводили к травмам, которые нарушали репродуктивные функции, включая бесплодие. Единственным свидетельством данного утверждения была ссылка на Обвинительный акт прокуратуры МТБЮ против Гаговича, в котором утверждалось, что одна женщина не может более рожать в результате сексуального на-

[22] См.: *Prosecutor v. Blagojevic and Jokic*, [Appeals Chamber] Judgment, 9 May 2007.

силия и которое не было рассмотрено судом в связи со смертью обвиняемого. Других доказательств своего утверждения БиГ не представила.

Наконец, Босния утверждала, что боснийские женщины, подвергшиеся сексуальному насилию, могут быть отвергнуты своими мужьями или не смогут найти себе мужей. Это утверждение также на получило поддержку Суда в связи с отсутствием доказательств. В то же время в случае, если бы подтверждающие это обвинение факты были бы представлены, остается вопрос: можно ли было бы это назвать геноцидом? Совершенно очевидно, что нет. Подобное отвержение жертв сексуального насилия можно было бы в лучшем случае квалифицировать только как «самогеноцид».

Все иные утверждения по пункту (d) были также отклонены Международным Судом в связи с отсутствием свидетельств. Таким образом, Международный Суд постановил, что фактов, подтверждающих совершение действий по пункту (d), представлено не было.

Таким образом, в попытке доказать все пункты статьи II Конвенции 1948 года БиГ нанесла себе колоссальный моральный вред. Обвинения по (e) и (d) являются не только и даже не столько необоснованными, сколько позорящими самого заявителя. Неприкрытый расизм Боснии, действительно, впечатляет, ведь антропологически сербы и мусульмане не отличаются ничем. Мусульмане как нация есть выдумка Тито. Утверждения БиГ о том, что в случае рождения «сербского» ребенка у мусульманской женщины она будет отвергнута или что такой ребенок не будет считаться мусульманином, – позор для того, кто это утверждает. Правда, не думаю, что заявитель осознал, в какое положение он себя поставил, так как поддерживал эти утверждения на протяжении всех 13 лет процесса. Впрочем, этот момент все-таки, важен и нам стоит его для себя отметить. Просто, чтобы до конца понять с кем мы имеем дело.

Таким образом, Международный Суд ООН отклонил все обвинения БиГ в отношении Сербии по совершению геноцида. Однако он признал Сербию виновной в невыполнении положения Конвенции 1948 года по предотвращению геноцида.

Единственным фактом геноцида, совершенного на территории БиГ, были признаны события в Сребренице в июле 1995 года. Эти события требуют отдельного разговора и отдельного правового анализа. Так, нам еще предстоит понять, почему от истории этих событий, продолжавшихся несколько лет, когда убивались боснийские сербы, был отделен только «июль 1995 года», когда погибли боснийские мусульмане. Однако в рамках настоящей статьи мы сконцентрируемся только на некоторых аспектах трактовки этих событий Международным Судом. МС, не проведя собственного глубокого анализа событий в Сребренице в июле 1995 года, фактически признал для себя обязательным решения МТБЮ, в которых эти события были квалифицированы в качестве геноцида. Учитывая состав МС, такой подход понятен. Однако совершенно очевидно, что Международный суд допустил грубое нарушение своих полномочий и принял решение, не совместимое с Конвенцией 1948 года. Дело в том, что все решения МТБЮ по квалификации событий в Сребренице в качестве «геноцида», на которые столь слепо сослался МС, были приняты в противоречии с положениями Конвенции. И члены МС это прекрасно знали.

После признания того, что в БиГ геноцид, хотя и в одном-единственном случае, но имел место, МС решил вопрос об ответственности Сербии за него. МС разделил рассмотрение вопроса об ответственности СиЧ по событиям в Сребренице на две части:

- по с*овершению* геноцида (статья III пункт «a» Конвенции) и
- по заговору и соучастию в совершении геноцида (статья III пункты «b» и «e» Конвенции).

При рассмотрении вопроса об ответственности по *совершению* геноцида, МС выделил три вопроса, на которые он должен дать ответ:

1. Можно ли рассматривать совершение геноцида в качестве действия СиЧ по обычному международному праву ответственности государств?

2. Были ли деяния, перечисленные в статье III, кроме собственно геноцида, совершены лицами или органами, чьи действия рассматриваются в качестве действий СиЧ согласно тем же нормам ответственности государств?

3. Действовала ли СиЧ в соответствии с двойными обязательствами, вытекающими из статьи I Конвенции для предотвращения геноцида и наказания за него?

Отвечая на первый вопрос, МС отметил два его аспекта: имеются ли свидетельства того, что геноцид был совершен органами СиЧ; и имеются ли свидетельства того, что геноцид был совершен лицами или органами, которые *не* являются органами СиЧ, но действовали по инструкциям или под руководством или контролем СиЧ.

В качестве правовой основы анализа данного вопроса МС назвал статью 4 Статей КМП ООН об ответственности государств[23], заявив, что она отражает норму обычного международного права[24].

В обоснование своего тезиса о том, что офицеры армии Республики Сербской в БиГ являлись органами СРЮ, Босния утверждала, что Югославия выплачивала им жалование. СиЧ же ответила, что жалование выплачивалось не всем, а только некоторым офицерам.

МС отметил, что ему не было представлено никаких доказательств того, что Младич или какие-либо другие офицеры армии РС, согласно национальному праву Югославии, являлись *de jure* органами СРЮ. Более того, Суд отметил, что даже если бы и было доказано, что Р.Младич находился на денежном содержании СРЮ, этого было бы недостаточно для заключения о том, чтобы признать его органом государства-Ответчика для целей применения норм об ответственности государства. Тот же вывод был сделан в отношении правоенной группы «Скорпионы». В качестве альтернативного аргумента Босния утверждала, что и паравоенные группы, и армия РС, и сама Республика Сербская (!) являлись *de facto* органами Югославии.

Для решения этого вопроса МС применил свой известный тест, установленный в деле *Никарагуа против США* 1986 года. Согласно данному решению, лица, группы лиц или органы (entities) для целей определения международной ответственности могут быть приравнены к органам государства, даже если это не вытекает из положений национального права, если они действуют в «полной зависимости» от данного государства и являются простыми инструментами в руках этого государства. Применив данный тест как к армии РС, так и к самой РС, Суд пришел к выводу о невозможности такого приравнивания. Что касается паравоенных групп и, в частности, «Скорпионов», Суд указал, что в его распоряжении нет соответствующих доказательств для подобного признания. Суд сослался на показания свидетеля генерала Даннатта (представленного Боснией) который, в ответ на вопрос о том, кто осуществлял контроль над паравоенными группами из Сербии, ответил, что они находились под контролем Младича и армии РС. Отвечая на второй вопрос, МС определил его правовой основой статью 8 Статей КМП ООН об ответственности государств[25] вкупе с тестом, установленным

[23] Данная статья гласит: «*Поведение любого органа государства должно рассматриваться как деяние этого государства в соответствии с международным правом независимо от того, осуществляет этот орган законодательные, исполнительные, судебные или любые иные функции, независимо от положения, занимаемого им в организации государства, и независимо от его характера как органа центральной власти или административно-территориального деления государства*».

[24] Аргументации о том, на основании чего Суд пришел к данному выводу, представлено не было.

[25] Данная статья гласит: «Поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения».

в решении МС в деле *Никарагуа против США*[26]. Для решения вопроса необходимо не только установить, что лица или группы действовали в «полной зависимости» от соответствующего государства или по указаниям этого государства или под его «эффективным контролем», но также должно быть доказано, что такой «эффективный контроль» осуществлялся или инструкции государства давались не в целом, а по каждой конкретной операции, во время которой произошли предполагаемые нарушения международного права.

В этой связи следует отметить, что МС высказал свое давно ожидавшееся отношение по отклонению данного теста *Никарагуа* в деятельности МТБЮ. Вообще-то, определенная реакция уже была. Так, тогдашний Президент МС Жильбер Гийом (Франция) назвал деятельность МТБЮ как угрозу целостности международному праву. Дело в том, что в 1999 году Апелляционная палата МТБЮ в деле *Прокурор против Душко Тадича* в июле 1999 года отказалась применить тест Никарагуа (то есть необходимость установления не *общего*, а *эффективного* контроля) и создала свой собственный тест, намного меньшего уровня. В принципе, это главный метод деятельности МТБЮ вообще – для решения поставленных перед ним задач он постоянно «подправляет» нормы международного права в нужном ему направлении. После отхода от практики Международного Суда МТБЮ принял немало других решений, где уже стал изменять нормы действующих международных договоров. Все это поставило на повестку дня вопрос об опасности фрагментации современного международного права, что нашло отражение даже в работе Комиссии международного права ООН. Однако нынешний Президент Международного Суда Розалин Хиггинс (Британия) занимает иную позицию в отношении фрагментации международного права, которую она неоднократно высказывала как в ООН[27], так и в научных публикациях.[28] Вероятно, именно эта личная позиция Президента МС и решила общую тональность долгожданной реакции Суда на пересмотр теста *Никарагуа*: она носила попытку примирить два противоположных решения. При этом надо отметить, что в решении МС по делу *ДРК против Уганды*, вынесенном в декабре 2005 года, Суд также безоговорочно подтвердил тест *Никарагуа*. Несмотря на то, что факты оказания военной помощи повстанческому движению в Конго со стороны Уганды были установлены (и даже признаны самой Угандой), Суд не обнаружил убедительных свидетельств того, что действия повстанцев осуществлялись по «инструкциям», «указаниям» или под «контролем» Уганды[29].

Особо следует отметить, что МС рассмотрел аргумент Сербии о том, что ни в одном из решений МТБЮ, касающемся геноцида в Сребренице, не установлено участие

[26] В данном деле МС постановил, что для установления правовой ответственности США «должно быть доказано, что данное государство обладало *эффективным* контролем в отношении военных и паравоенных операций, во время которых и были совершены предполагаемые нарушения [международного права]».

[27] См, например, выступление Р.Хиггинс на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 октября 2006 года. Президент МС заявила, что опасения в отношении фрагментации международного права «не являются серьезными». В то же время ее попытка объяснить «несерьезность» этой опасности оказалась весьма неубедительной. Сославшись на то, что различные международные суды и трибуналы «регулярно ссылаются» на решения МС, Р.Хиггинс почему-то забыла упомянуть о существовании противоположных случаев. Таким образом «несерьезность» опасности фрагментации была со стороны Хиггинс заявлена, но не доказана.

[28] Higgins R., Babel of Judicial Voices? Ruminationa from the bench, // International and Comparative Law Quarterly, vol 55, October 2006? – P. 791-804.

[29] ICJ. *Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Judgement, 19 December 2005. Комментарий данного решения см.: Мезяев А.Б. Дело *О вооруженных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* в Международном Суде ООН: Некоторые международно-правовые вопросы» // Международное право – International Law, 2007.

руководителей Югославии. Интересно, что в принципе Суд мог просто согласиться с данным тезисом, как не требующим каких-либо доказательств. Однако Суд поступил по-другому. Он, в конце концов, согласился, с данным утверждением, но сделал это путем подробного анализа и с привлечением не имеющих юридического значения источников. Таким образом, Суд совершил некую странную, на первый взгляд, петлю на ровном месте. Тезис Сербии был очевиден и не требовал доказательств: действительно, ни в одном решении МТБЮ по Сребренице нет признания связи с руководством Югославии. Данную петлю можно сравнить с известной партией А.Карпова с Г.Каспаровым на звание чемпиона мира в 1986 году, когда Анатолий Карпов после длинной рокировки *сразу же* стал производить удивительный поход своего короля, мелкими королевскими шажками, на обратное место. Наблюдатели, конечно, понимали, что подобное чудо было продиктовано какими-то серьезными соображениями, но сразу понять их смысл было выше сил простого шахматного смертного. Данный вираж Суда на ровном месте, тем не менее, конечно, также имеет свою «высшую» причину: непрямое осуждение С.Милошевича. Посмотрим, какими средствами это было достигнуто.

Тремя главными источниками, на основе которых МС осуществил свой вираж, были доклады Генерального Секретаря ООН, одного голландского научного института и ЦРУ США. Все три доклада подтверждали, что С.Милошевич не был связан с совершением геноцида в Сребренице. Но… Их обильное цитирование показывает причину использования данных документов для подтверждения того, что они подтверждать никак не могли! В свою очередь, Доклад Нидерландского института военной документации содержит следующий вывод: «Нет никаких доказательств того, что имеется какая-либо связь [между геноцидом в Сребренице и] Белградом [=С.Милошевичем]. Более того, такая связь представляется крайне невероятной». Во время показаний на процессе против Слободана Милошевича заместителя командующего голландским батальоном [осуществлявшим защиту Сребреницы] С.Милошевич задал ему вопрос о том, может ли он подтвердить данный вывод. Свидетель ответил, что он также не имеет никаких доказательств обратного и, более того, все отчеты и мнения, которые ему довелось читать или слышать, не подтверждали данной связи.

МС также отметил, что «другие свидетельства, которые были представлены БиГ, касаются влияния, а не контроля Милошевича над боснийскими сербами. В основном, эти свидетельства содержатся в показаниях лорда Оуэна и генерала Уэсли Кларка, а также в книгах лорда Оуэна».

Вот это, пожалуй, главный виток петли: прямой контроль Милошевича над боснийскими сербами по Сребренице установлен не был, но то, что имеются свидетельства лордов и генералов о *влиянии* [потом мы увидим, какое огромное значение будет придано влиянию!] Милошевича – это *как бы* установлено. Однако следует отметить, что ни показания лорда, ни, тем более, показания генерала не могут быть признаны в качестве существенных и использоваться в качестве доказательств. Лорд Дэвид Оуэн, бывший министр иностранных дел Британии и активный участник переговорного процесса во время войны в Боснии, во время своих показаний на процессе против Слободана Милошевича не дал никаких *существенных* показаний, которые могли бы быть положены в основу каких-либо обвинений прокуратуры. Особо это касается критического пункта субъективной стороны вменяемых С.Милошевичу преступлений. Мне довелось присутствовать в зале суда по время показаний Д.Оуэна на процессе Слободана Милошевича. На главные вопросы прокуратуры и Суда о том, «кто осуществлял контроль» и «знал ли обвиняемый», Оуэн отвечал в пользу прокуратуры, но он не мог представить доказательств, на основании чего он делал свои выводы! Все

его «доказательства» сводились к фразам «я думаю», «я считаю», а самыми убедительными – «я уверен!»[30].

Раз уж анализируемое нами Решение МС сделало также ссылку и на книги лорда Оуэна, отметим любопытный избирательный подход Суда к этой книге. Так, лорд Оуэн весьма подробно описывает тот вклад, который внес С.Милошевич в достижение мира в Боснии в целом и по Плану Венса-Оуэна, в частности[31]. Возникает вопрос: как было возможно доказывать при помощи одного и того же источника, что С.Милошевич внес главный вклад в прекращение войны, и то, что он сознательно допустил геноцид? Такое использование книги Оуэна оказалось возможным только при помощи манипуляций: были взяты одни цитаты, а другие были проигнорированы.

Что же касается показаний У.Кларка, то они явились, пожалуй, самыми скандальными с точки зрения их неприемлемости. Так, показания Кларка были полностью закрытыми[32]. С.Милошевичу было открыто сказано, что он не может задавать Кларку никаких вопросов, касающихся доверия к свидетелю – то есть было откровенно и самым грубым образом отказано в праве, предусмотренном Статутом и Правилами процедуры самого трибунала. Более того, показания Кларка были обусловлены правительством США их правом полной свободы редактирования стенограммы заседания суда! В этой связи интересно отметить, что уже после смерти С.Милошевича генерал Кларк готовился давать показания при тех же условиях против другого бывшего президента Сербии – Милана Милутиновича. Однако судебная палата отклонила эти условия – и соответственно – саму возможность этих показаний как «несправедливые» и «нарушающие права обвиняемого»[33]. Апелляционная палата подтвердила эту квалификацию[34]. Таким образом, этот вывод является юридическим подтверждением неприемлемости показаний Кларка и в деле С.Милошевича! Впрочем, и без данных решений МТБЮ Международный Суд ООН мог «догадаться» о неприемлемости показаний Кларка. Однако МС «не догадался». То, что «недогадка» вкупе с игнорированием уже теперь и собственного признания МТБЮ о неприемлемости показаний Кларка являются для МС вполне умышленными, доказывается и другими фактами. Так, Международный Суд, полагаясь на показания Кларка, не смутился тем, что он представлял только свое «мнение», но не привел никаких доказательств своих слов. Более того, при явном провале «доказательственной базы» утверждений Кларка Международный Суд попытался оправдать Кларка – что является не только не допустимым, но и, на мой взгляд, аморальным для такого органа, как МС. Так, МС признал, что во время перекрестного допроса Слободан Милошевич обвинил Кларка во лжи. Таким образом, в данной ситуации действительно независимый суд не мог бы отдать предпочтение тому или иному «факту»: слова Кларка против слов Милошевича. Однако МС выдает себя с головой, пытаясь разрешить эту коллизию следующим образом: «Однако судебная палата [МТБЮ] признала показания Кларка достоверными при вынесении ей решения об отклонении требования об оправдании С.Милошевича в июне

[30] Подробнее показания Д.Оуэна см. в книге: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда. Книга 1 – Обвинительная часть. – Казань, 2006. – С. 288-292.

[31] См.: Owen D., Balkan Odyssey, Victor Gollancz, 1995, p. 89-149 и другие.

[32] Обычно публика допускалась в зал заседаний даже при даче показаний засекреченных свидетелей. В этом случае мы, присутствовавшие в зале, не видели только самого свидетеля, но могли видеть (а иногда и слышать) всех остальных, включая судей и обвиняемого. В случае с показаниями Кларка нам было заранее сказано, чтобы мы просто не приходили в трибунал в течение двух дней.

[33] См. решения судебной палаты МТБЮ по делу *Prosecutor v. Milutinovic et al*. от 15 января, 16 февраля и 14 марта 2007 года. Следует подчеркнуть, что обвинение против М.Милутиновича и других является практически полностью идентичным обвинению против Слободана Милошевича, так как первоначально оно было общим.

[34] См.: решение Апелляционной палаты МТБЮ от 20 апреля 2007 года.

2004 года». Напомним, что во вводной части своего Решения по делу Международный Суд обещал, что каждый представленный ему документ прошел тщательный анализ на предмет его достоверности, обоснованности и придания ему той степени доверия, которую он может играть в данном деле. Если бы это было действительно так, то МС должен был бы задаться вопросом: а *на каком основании* показания Кларка получили статус достоверных? В самом решении МТБЮ от 16 июня 2004 года такого ответа нет. Мог ли МС в этих условиях полагаться на показания Кларка? Конечно, нет. Но раз он это сделал, то это лишнее доказательство его *mens rea* на вынесение неправосудного приговора. Напомним, что это было сделано уже после признания самим МТБЮ неприемлемости показаний Кларка[35].

В целом можно сказать, что сама схема логики МС в настоящем деле схожа с решением по делу *Габчиково–Надьямарош (Венгрия/Словакия)*, в котором Суд признал Словакию виновной в том, что она превысила «пределы необходимой обороны», но не назвал ни одного из возможных вариантов, которые *реально* имелись в ее распоряжении. Как справедливо отметил в своем несогласном мнении судья Владлен Степанович Верещетин, на самом деле никаких реальных и адекватных мер у Словакии на тот момент времени не было, и потому решение Суда было несправедливым. В решении по делу о геноциде МС принял такое же несправедливое решение: Сербия была признана виновной в том, что не предприняла всех необходимых действий, но какие конкретно это могли быть действия сказано не было. И понятно почему. Во-первых, «влияние» СРЮ на боснийских сербов было установлено весьма условно. А во-вторых, если бы Суд попытался сформулировать хотя бы одно из тех самых «должных, но не предпринятых», он бы выставил себя откровенным посмешищем. Думаю, что в определенной степени МС даже опасался развивать эту тему далее, так как в составе Суда, несомненно, есть судьи, которые имеют всю необходимую информацию, которая приводит к выводу о том, что Сребреница – одна из величайших провокаций не только против боснийских сербов и Сербии, но и против всего человечества, которое заставили поверить в нее и более того, заставили совершенно искренне поддерживать наказание за совершение преступления в отношении главной жертвы этого преступления! Решение МС о вине Сербии в «непредотвращении» геноцида весьма опасно для вдохновителей принятия этого приговора: в распоряжении МС имеются документы, которые показывают, что правительства ряда стран Запада знали о готовящемся убийстве, но они тоже не предотвратили их, а значит, также являются виновными в нарушении Конвенции 1948 года!!!

У МС были весьма точные факты, доказывающие, что о том, что произойдет в Сребренице, лучше всего знали именно Западные «миротворцы» и «посредники», нежели сам генерал Младич и уж тем более Слободан Милошевич. Но по понятным причинам эти свидетельства были проигнорированы или оценены по совершенно другой шкале, нежели были оценены действия руководства Югославии. Ведь возникает простой вопрос: если западные «миротворцы» искренне предупреждали С.Милошевича о возможном геноциде в Сребренице, то почему они сами не предприняли мер по его предупреждению? Вся эта нелепая история с «предупреждением» С.Милошевича выглядит откровенной провокацией. Ясно одно: никаких действительно убедительных доказательств вины армии РС и генерала Младича до сих пор не представлено вообще. Ни в МТБЮ, ни в МС. Более того, альтернативная версия событий, представленная на ряде процессов в МТБЮ (процессы *Крстича*, *Благоевича и Йокича*, *Поповича и др.*), является намного более убедительной. Ее правота доказывается и действиями

[35] См.: *Prosecutor v. Milutinovic et al*., [Trial Chamber's] Decision on Prosecution Motion for Leave to Amend its Rule 65 ter Witness List to Add Wesley Clark, of 15 January 2007.

прокуратуры и судей Гаагского трибунала, которые для доказательства своей версии прибегают к фальсификациям.

Особое место при анализе оценки представленных Международному Суду доказательств заняли *показания свидетелей*. В принципе, свидетельские показания являются довольно редкими в практике Международного Суда ООН. За свою более чем 60-летнюю историю Суд заслушал свидетелей только в семи делах[36]. На данном процессе стороны представили 12 свидетелей: два свидетеля от Боснии и 10 свидетелей от Сербии. Хотя с точки зрения доказательственного значения, на мой взгляд, эти показания были несущественными, анализ данной стороны процесса необходим, так как показывает нам некоторые весьма любопытные стороны стратегии и тактики сторон, а также – в очередной раз – *mens rea* самого Суда.

Свидетели БиГ. Босния и Герцеговина представила двух свидетелей, и оба они являются «профессиональными» свидетелями МТБЮ.

Свидетель-эксперт Риедлмайер. Данный свидетель обеспечивал обвинение на процессах против М.Краишника и С.Милошевича, а также на готовящемся в настоящее время процессе против В.Шешеля. Суть его показаний заключалась в представлении информации о разрушении культурных ценностей мусульманского населения во время войны в Боснии. Цель же, понятно, заключалась в попытке доказать, что данные разрушения были проявлением (и потому, доказательством) умысла на совершение геноцида. Однако несмотря на, действительно, представленную информацию о разрушениях объектов культуры мусульман, доказательственного значения умысла геноцида она не имела. Во время перекрестного допроса свидетель был поставлен перед сложным вопросом избирательного подхода к подвергшимся его экспертизе территориям БиГ. Оказалось, что он исследовал не всю территорию, а лишь одну ее четверть, при этом половина муниципалитетов для экспертизы была ему указана прокуратурой МТБЮ. При попытке выяснить, известно ли эксперту о разрушениях православных культурных ценностей, оказалось, что это «не входило в его задачу». Более того, свидетель вообще ничего не знал даже о количестве таких монументов. Это весьма важный момент. Во время показаний Риедлмайера на процессе против бывшего президента Югославии Слободан Милошевич задал ему немало вопросов, поставивших свидетеля в тупик. С.Милошевич показал, что избирательный подход свидетеля, напрочь ничего не знавшего о разрушении православных святынь, имеет под собой вполне определенную причину. Ярким примером этой причины является мечеть в Фоче, построенная на месте разрушенной (специально для этого!) православной церкви.

Свидетель в своих показаниях постоянно выходил за рамки своей экспертизы (известная «болезнь» экспертов Гаагского трибунала!), переходя от культурных ценностей к рассуждениям об «убийствах и насилии против гражданского населения». Президент Суда Р.Хиггинс неоднократно останавливала свидетеля, напоминая ему, что он не может давать показания о насилии. Более того, во время перекрестного допроса выяснилось, что свидетель, столь уверенно и назойливо дававший «показания» об убийствах, на самом деле сам ничего не видел, а источником его знаний являются… доклады правительства США! Причины откровенной предвзятости «экспертизы» свидетеля Риедлмайера стали ясными, когда во время перекрестного допроса выяснилось, что свидетель еще в 1995 году требовал от президента США Клинтона снять эмбарго на поставки оружия в Боснию. Во время передопроса, проводимого обычно с целью восстановить поколебленное доверие к свидетелю, адвокат Боснии совершила смехотворную попытку реабилитировать своего свидетеля: «Господин Риедлмайер,

[36] *Корфу, Храм Преах Вихеар, Юго-Западная Африка, Ливийско-Тунисский континентальный шельф, «Электроника Сикула», Территориальный спор между Камеруном и Нигерией, Никарагуа против США*.

противная сторона пыталась утверждать, что вы являетесь предвзятым и даже попытались ввести Суд в заблуждение. Так ли это на самом деле?» И хотя свидетель ответил, что это совсем не так, это не смогло изменить ситуацию. Вопросы судей по завершении показаний свидетеля показали, что он прекрасно понял степень независимости и самого эксперта, и его экспертизы. Так, вопросы судей М.Креча и П.Томки показали, что свидетель давно работает не над сбором фактов, а над сбором доказательств геноцида, якобы совершенными сербами, не имея на это ни только квалификации, ни, как окажется впоследствии, даже реальных фактов[37].

Свидетель генерал Даннатт. Целью представления данного свидетеля была попытка доказать, что армия боснийских сербов находилась под командованием руководства Югославии. Показания данного свидетеля – Начальника Генштаба британской армии – были положены в основу обвинительного приговора против сербского генерала Р.Крстича в МТБЮ. Однако главной мерзостью представления этого свидетеля со стороны Боснии было то, что именно он был командующим британскими войсками во время войны НАТО против Югославии в 1999 году. Для того, видимо, чтобы подчеркнуть издевательский характер своего появления в качестве «обвинителя» Югославии, генерал Даннатт в самом начале своих показаний заявил: «Наверное, Суду будет интересно узнать, что именно я разрабатывал новую оперативную доктрину британской армии». Эта доктрина, как известно, была реализована в агрессиях Британии против Афганистана, Ирака и, конечно, Югославии.

Несмотря на свои громогласные заявления («армию боснийских сербов контролировал Белград и лично Милошевич»), на поверку оказалось, что цена им – грош, так как они представляют собой лишь *мнение* генерала, *но не* его *знания*. Не случайно даже президент Суда Р.Хиггинс была вынуждена задать дополнительные вопросы свидетелю, заявившему, что основой его выводов являются частые визиты генерала Младича в Белград. «Что кроме этого, кроме этих частых визитов, вы можете назвать, генерал?» – вопрошала судья Хиггинс. «Они поставляли им оружие и технику, проводили совместные операции», – ответил Даннатт. Это, впрочем, было возвращением к пройденному: *доказательств* этого так и не было представлено. Пытаясь получить хоть какие-то *доказательства* от свидетеля, судья Томка задал ему прямой вопрос: известно ли генералу о каком либо приказе руководства Югославии армии боснийских сербов. Ответом вновь было «нет».

В целом показания Даннатта не содержали никаких доказательств вообще и, кроме того, выглядели иногда глуповатыми: наученный в Гаагском трибунале отвечать на все вопросы сторон, обращаясь к *председателю* суда, генерал не смог понять специфику ситуации в Международном Суде ООН и отвечал даже на вопросы судей-мужчин «*Мадам* Президент».

Свидетели Сербии и Черногории.

Свидетель Майкл Роуз. Британский генерал Майкл Роуз является одним из немногих западных военных, которые сумели сохранить минимальный нейтралитет по отношению к воюющим сторонам. Будучи командующим силами ООН в Боснии в 1994-1995 годах, он внес свой небольшой, но – на фоне полной и открытой поддержки Западом боснийских мусульман – весьма ценный вклад в миротворческую операцию ООН в Боснии.

Генерал Роуз дал показания о том, как начинались события, которые привели к «июлю 1995 года» в Сребренице. Его показания приводят к выводу, что если и может идти речь о геноциде, то о геноциде сербов, а не мусульман. Он полностью развенчал образ боснийских мусульман как «невинных жертв сербов» вообще («все мирные соглашения нарушались всегда только мусульманами») и в Сребренице, в частности («Операция армии боснийских сербов началась после того, как войска [мусульманского]

[37] В этой связи интересно отметить, что ряд утверждений экспертизы Риедлмайера был отклонен, как не заслуживающий доверия даже в самом МТБЮ!

командира Насера Орича совершили массовые этнические чистки сербских деревень Сребреницы. … Генерал Младич согласился не проводить военную операцию в районе Сребреницы, но при условии вывода оттуда войск Насера Орича»). Весьма важно отметить и такие показания М.Роуза: «Имелись технические свидетельства, которые я представил президенту [Боснии и Герцеговины] Изетбеговичу, которые доказывали, что это его вооруженные силы нарушили мирное соглашение в сентябре [1994 года], что и изменило [так радикально] жизнь населения в Сараево. Именно правительство Боснии нарушило это мирное соглашение с целью создать себе образ жертв, в котором они, конечно, нуждались для обеспечения международной поддержки».

Попытки адвоката Боснии поколебать показания генерала Роуза были не менее жалкими, чем аналогичные попытки восстановить утраченное доверие к Риедлмаеру. Так, например, адвокат многозначительно задала Роузу вопрос, не согласен ли он с утверждением другого британского генерала – Р.Смита – (кстати, также бывшего свидетелем прокуратуры против Слободана Милошевича) о том, что, «как правило, тот, кто платит [имеется в виду то, что Югославия якобы финансировала Республику Сербскую], тот и командует». Интересно отметить, что этот афоризм был не только главным «доказательством» Боснии, но и главным доказательством генерала Смита в его показаниях на процессе против С.Милошевича[38].

Свидетель Витомир Попович. Бывший заместитель премьер-министра Республики Сербской (в 1993-1994 годах) показал, как Слободан Милошевич и все руководство Югославии пытались убедить, а потом и заставить власти боснийских сербов принять мирный план Вэнса-Оуэна (р. 10-15). Особенно важными были показания свидетеля о введении Югославией полного эмбарго в отношении Республики Сербской после того, как план был отвергнут[39].

Свидетель Владимир Миличевич. В.Миличевич, ответственный за прием беженцев, дал показания о, впрочем, хорошо известных фактах принятия Югославией беженцев из Боснии. Более того, СРЮ принимала не только сербов, изгнанных мусульманской армией, но и самих мусульман и даже … несколько сотен членов армии БиГ, бежавших именно в Сербию![40]

По не объясненным причинам накануне назначенной даты были отменены показания бывшего президента СРЮ З.Лилича.

Весьма интересным аспектом процесса стали *вопросы, заданные судьями* свидетелям.

Бывший президент Международного Суда ООН польский юрист Манфред Ляхс в свое время отмечал, что в течение длительного времени судьи МС воздерживались от задавания вопросов, полагая, что это может выдать их позицию и может быть негативно воспринято одной или даже обеими сторонами[41]. В настоящее время судьи задают вопросы достаточно часто, хотя опасность демонстрации своей позиции, безусловно, остается[42]. (Впрочем, иногда, судьи желают не скрыть, а продемонстрировать свою по-

[38] Подробнее о показаниях генерала Р.Смита см.: Мезяев А.Б., Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда. – С. 269-273.

[39] Подробнее о попытках С.Милошевича убедить боснийских сербов принять План Вэнса-Оуэна см. слушания во время показаний свидетелей З.Лилича и Р.Дониа: См.: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича…, 2006. – С. 234-238; 258-264.

[40] См. стенограмму слушаний (Документ Международного Суда ООН: CR 2006/28, p. 10-20).

[41] См.: Lachs M., Evidence in the Procedure of the International Court of Justice: Role of the Court // Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias, vol. I, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1992, p. 269.

[42] Обоснованность таких опасений была лишний раз доказана на ряде процессов в МТБЮ. Защита достаточно скандальным образом выразила свое возмущение «большим количеством» вопросов, задаваемых судьями. Председательствующий судья выразил свое удивление такой реакцией, заметив, что вопросы судей «в целом благоприятны для защиты». Здесь уже была очередь прокурора заявить свой протест. Адвокат одного из обвиняемых даже потребовал от судьи «рассмотреть вопрос о собственной дисквалификации». Таким образом, даже количество вопросов вызвало протесты со стороны обеих сторон.

зицию)[43]. Не только не побоялся показать свою позицию, но даже явно желал ее продемонстрировать Вице-президент Международного Суда мусульманин аль-Хасауни. Его вопрос был явно рассчитан не на получение информации, которая находилась во владении свидетеля, но на попытку выдвинуть аргумент против позиции, высказанной свидетелем. Впрочем, свидетель оказался сильнее судьи и заставил того быстро ретироваться. Судья аль-Хасауни попытался начать спор со свидетелем, указав ему, что тот, призывая к примирению, забывает о наказании. На это М.Роуз напомнил судье о том, чем закончилось наказание Германии после Первой мировой войны. Ответ Роуза намного глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Британский генерал, конечно, не столько проводил параллель между Германией и Сербией (такая параллель явно неуместна), но имел в виду исторические уроки политики полного уничтожения побежденного со стороны победителей.

В целом показания свидетелей следует оценить как важные, но, с точки зрения их значимости для доказательства главных позиций сторон, как несущественные. Свидетели Боснии не представили никаких существенных доказательств не только вины Сербии, но даже самого факта геноцида. Свидетелей Сербии можно разделить на две группы. Одна группа дала весьма важные показания, особенно громко прозвучавшие из уст независимого (генерал М.Роуз) участника событий. Другая группа больше сработала больше против Сербии, нежели в ее пользу. Так, такие свидетели, как Д.Михайлович и Д.Мичунович, дали столь малозначимые и, надо признать, малоубедительные, показания, что это наводило на мысль об их появлении в Суде в их личных пропагандистских целях. Все эти неудачные показания свидетелей Сербии были связаны исключительно с лицами новой власти Сербии, совершившими в 2000 году государственный переворот, в результате которого был свергнут Президент Слободан Милошевич. Позиция представителей этой власти и т.н. «демократической оппозиции Милошевичу» заключалась, во-первых, в самовосхвалении за указанный переворот и, во-вторых, в сваливании всей ответственности, реальной и мнимой, на С.Милошевича. Данная позиция в полной мере является объективно обусловленной для новых сербских властей, так как именно они и несут главную ответственность за те преступления, которые совершались некоторыми гражданами Югославии во время боснийской войны. Именно поэтому они так ненавидят С.Милошевича. Так, несмотря на широко разрекламированный в СМИ «контроль Милошевича над паравоенными формированиями», никаких доказательств этого на его процессе прокуратуре представить так и не удалось[44]. В то же время ряд свидетелей показали, что организовывали эти паравоенные группы официальные лица сегодняшнего «демократического» правительства Сербии, в частности, ее *нынешний* министр иностранных дел Вук Драшкович[45]. К сожалению, сейчас, после убийства Слободана Милошевича, главной стратегией и тактикой большинства его бывших соратников стало сваливание всей ответственности на него. Так, на проходящем сейчас процессе бывших политических и военных руководителей Сербии и Югославии обвиняемые проводят «защиту» сваливания всей ответственности на своего бывшего президента. Уверен, что эта позиция

[43] См, например, материалы судебного процесса в Бельгии против гражданина Руанды Нтийхаги, проходившего в феврале-сентябре 2007 года.

[44] Если, конечно, не считать, комических дискуссий о том, «сколько раз [президент Республики Сербской] Биляна Плавшич целовалась с [лидером паравоенной группы] Арканом. Если читатель думает, что я иронизирую или преувеличиваю, то отсылаю читателя к стенограммам заседания Гаагского трибунала по процессу против С.Милошевича. Этот (и многие другие аналогичные эпизоды) не были включены в мою книгу по той причине, чтобы она не превратилась в исключительно анекдотическую.

[45] См. показания свидетеля Воислава Шешеля на Защитной части процесса против С.Милошевича в октябре 2005 года.

является результатом соглашения между трибуналом, так и не смогшим доказать вину Слободана Милошевича, и защитой этих обвиняемых. Понять такую позицию можно – и они, и все мы понимаем, что в случае «Защиты Милошевича» их ждет та же участь, что и участь Президента. Так что, понять это, конечно, можно, но принять – нельзя. Лишь немногие, действительно, сильные духом люди сохранили свою честь, и отказываются от лжи во имя самосохранения. Таких людей немного, они – наперечет. В Гаагском трибунале из *Таких* остался только один – профессор Воислав Шешель[46].

К сожалению, решение МС опирается на показания свидетелей в весьма незначительной степени. Более того, в своей конструкции Суд опирался только на показания свидетелей Боснии. Показания свидетелей Сербии были фактически проигнорированы. Почему они остались без внимания? А если были сочтены несущественными, то почему Суд не привел объяснений их отклонения? *Mens rea*!

МС не дал полной или хотя бы подобия более-менее существенной оценки каждого из представленных свидетельств. Не было сказано, почему был исключен тот или иной документ или, наоборот, почему данный документ получил главное внимание Суда. Это одна из главных проблем Решения.

В обосновании своего Решения Суд, в основном, полагался только на пару десятков из нескольких тысяч источников, прежде всего – на решения МТБЮ.

Несмотря на то, что «доказательства» БиГ не имели никакого правового значения, тем не менее, представители Боснии (в основном иностранцы – в составе делегации Боснии 90% занимали граждане зарубежных государств) постоянно и даже назойливо повторяли как некую мантру, что «более убедительных доказательств себе нельзя даже представить». Впрочем, прекрасно понимая слабость своей доказательственной конструкции, БиГ были вынуждены выдвинуть «теоретический» тезис о том, что для установления специального умысла СРЮ достаточно использовать *примеры* действий. Суд отверг данный тезис, заявив, что для установления *dolus specialis* на уничтожение группы в целом или ее части необходимо убедительно доказать не на общей ситуации, а на конкретных фактах [парагрф 373]. Более того, Суд указал, что данный тезис противоречит решениям самого МТБЮ, включая как решения судебных палат, так и решения прокурора не включать обвинения в геноциде в ряд обвинительных актов. [пара 374]. И вот здесь МС приводит весьма любопытные примеры, требующие некоторого комментария. Так, МС указал, что обвинения в геноциде были отозваны из обвинительных актов против Д.Обреновича, М.Николича, Б.Плавшич и Д.Эрдемовича. Данные факты отзыва со стороны прокуратуры пунктов обвинения «геноцид» весьма любопытны, так как первоначально такие пункты обвинения против указанных обвиняемых были, но были не просто отозваны, но отозваны в связи с признанием вины данными обвиняемыми по другим пунктам обвинения без проведения судебного процесса. Данный институт, известный в англосаксонской системе права как «торговля признанием вины», не предусматривается Статутом МТБЮ. Мы уже отмечали в своих работах по Международному трибуналу по бывшей Югославии, что постепенно, с принятием самими судьями МТБЮ все новых и новых изменений Правил процедуры, возник фактически новый трибунал, существенно отличающийся от того, который был создан решением СБ ООН в 1993 году. Одним из таких нововведений стало признание законности использования трибуналом торговли признанием вины. Однако следует понимать, что такая торговля означает не только признание вины обвиняемым по одному пункту взамен за снятие всех других пунктов, но и «установление фактов» без

[46] О «деле» и готовящемся процессе В.Шешеля см. подробнее: Мезяев А.Б., Дело Воислава Шешеля в Гаагском трибунале: Некоторые вопросы международного права // Московский журнал международного права. – 2007. – № 3.

проведения судебного процесса и – главное – обязанности сторговавшегося обвиняемого давать показания против других, часто по тем же самым пунктам, которые были с него лично сняты. В рассматриваемых нами случаях торговли признанием вины в геноциде чрезвычайно важным является отметить, что отзыв обвинения в геноциде против «сторговавшихся» обвиняемых имел цену их обязанности дать показания против других обвиняемых, которые свою вину не признали и требовали проведения судебного процесса, в том числе, по пункту «геноцид». Таким образом, данный факт отзыва обвинения в геноциде с одних обвиняемых преследовал целью облегчение обвинения других в том же геноциде. Как видим, одних освобождали от обвинения, чтобы доказать обвинение в этом же преступлении других! Самым потрясающим проявлением такого юридического беспредела МТБЮ является дело Д.Эрдемовича, который был приговорен за убийство более 1000 человек в Сребренице к пяти годам лишения свободы, но был освобожден из тюрьмы досрочно за нужные прокуратуре МТБЮ показания против ряда обвиняемых, в том числе, против Слободана Милошевича[47].

Выводы

Наряду с рядом выводов, касающихся толкования Конвенции 1948 года, с которыми можно и нужно согласиться, Международный Суд ООН вынес ряд решений, не основывающихся на нормах действующего международного права. В настоящей статье нами представлены доказательства наличия у большинства Суда *mens rea* на вынесение этого несправедливого и незаконного решения.

Бывший Председатель Международного Суда ООН профессор Манфред Ляхс писал: «Раньше судьи не были связаны какими-либо формальными положениями закона – это было результатом их статуса. Они даже не давали обоснований своих решений. Однако с течением времени было признано, что обоснование является центральным вопросом и его отсутствие может привести к ничтожности решения».[48] В Статуте самого МС установлен принцип обоснованности судебного решения.

Однако следует отметить, что речь идет не только об обосновании отдельных положений решения, но и об обосновании каждого тезиса, использованного в аргументации. В противном случае, пришлось бы признать, что достаточно включить в аргументацию хотя бы один необоснованный – и потенциально ложный – тезис, и можно достичь любой необходимый вывод. Такое предположение приводит к абсурдному результату и, следовательно, должно быть отвергнуто. Таким образом, вывод будет следующим: обоснованным должен быть каждый тезис, использованный в аргументации Суда.

Не сумев законно обосновать ни свою юрисдикцию в настоящем деле, ни вину Сербии, МС вновь поставил на повестку дня теории и практики международного права вопрос: каков же, все-таки, правовой статус решения МС, вынесенного не на основе действующего международного права? Каковы правовые последствия такого решения? Какова дальнейшая судьба международного сообщества, главные судебные

[47] Судьбы обвиняемых МТБЮ, признавших без суда свою вину, далеко не так успешны, как рассчитывали «торговцы». Так, Милан Бабич, дав ложные показания против С.Милошевича, так и не получил смягчения наказания. Во время дачи своих показаний на процессе М.Мартича он был найден «повесившимся» в своей камере. Другой известный «торговец» М.Дероньич, показания которого на разных процессах в МТБЮ (в том числе на процессе С.Милошевича) так много цитировал в своем Решении Международный Суд ООН, после выполнения своей миссии «внезапно» умер, отбывая свой срок в шведской тюрьме через три месяца после Решения МС.

[48] См.: Lachs M., Evidence in the Procedure of the International Court of Justice: Role of the Court, // Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias, vol. I, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1992, p.266.

органы которого выносят откровенно необоснованные решения? Более того, когда это делается для того, чтобы осудить жертву и освятить ее палачей?

Сама сущность права вообще и международного права, в частности, приводит нас к выводу о том, что ни отдельные государства, ни международное сообщество в целом не связаны с решениями, вынесенными в нарушение принципа справедливости и законности. Решения МС по делу о геноциде в части признания Сербии виновной в нарушении положений Конвенции 1948 года о непредотвращении геноцида, а также по ее обязанности выдать в МТБЮ генерала Младича являются яркими примерами незаконности и несправедливости. В своем несогласном мнении российский судья Л.А. Скотников, в частности, отмечал, что МС вынес решение, не основывающееся на нормах действующего международного права. У той части мирового сообщества, у которой еще хватает мужества стоять на позициях сохранения основополагающих принципов международного права, есть все основания не признавать Решение МС от 27 февраля 2007 года в той части, которая противоречит нормам международного права.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Р.М. Валеев*

В отчетном докладе о работе ООН в 2006 году Генеральный секретарь Кофи А.Аннан, воспроизводив структуру своего доклада «При большей свободе: развитие; мир и безопасность; права человека, укрепление ООН», выделил дополнительно пятый раздел «Глобальная ориентация».

Что же собой представляет данное новое направление в деятельности ООН? Речь в нем идет об укреплении связей Организации с гражданским обществом.

Ориентация на тесное взаимодействие ООН с гражданским обществом началась с 90-х годов. Это, прежде всего, выразилось в тесном сотрудничестве гражданского общества с Экономическим и Социальным Советом, в поощрении участия представителей гражданского общества в различных форумах, конференциях, фондах и программах, проводимых в рамках ООН. В последние годы гуманитарные операции ООН стали осуществляться совместно с гражданским обществом. Проведение выборов, предотвращение конфликтов, миростроительство, оказание гуманитарной помощи, меры по защите окружающей среды, осуществление программы ООН по ВИЧ/СПИДу – далеко не полный перечень совместных мероприятий ООН с гражданским обществом.

Кроме того, конец XX столетия и начало нового века свидетельствуют об активизации в международных отношениях негосударственных субъектов и, прежде всего, неправительственных организаций.

В современных условиях неправительственные организации принимают участие в деятельности ООН при обсуждении не только экономических, социальных, культурных вопросов, но и расширили свою деятельность в области защиты прав человека, развития, сохранения мира и в других сферах.

Международные неправительственные организации (МНПО) как часть гражданского общества на современном этапе развития международных отношений играют

* **Револь Миргалимович Валеев –** доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета

весьма важную роль. НПО поднимают в рамках ООН новые вопросы и проблемы; предоставляют консультативные услуги экспертов в областях, в которых они играют ведущую роль; оказывают помощь в тех областях, где невозможно применять рыночные механизмы; выступают в качестве нового механизма в демократизации общества, в деле защиты прав человека; являются лучшим средством мобилизации общества и т.д.[1].

Организация Объединенных Наций активно сотрудничает с неправительственными организациями. Это сотрудничество, как правило, выражается в предоставлении МНПО консультативного статуса. Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) в соответствии со ст. 71 Устава ООН «уполномочивается проводить надлежащие мероприятия для консультации с неправительственными организациями, заинтересованными в вопросах, входящих в его компетенцию. Такие мероприятия могут быть условлены с международными организациями, а в случае необходимости с национальными организациями после консультации с заинтересованным Членом ООН».

По резолюции ЭКОСОС 1996/31 предусмотрены следующие категории консультативных отношений:

- общий (генеральный) консультативный статус;
- специальный консультативный статус;
- Роетер (список).

Первый статус предоставляется НПО, которые связаны с большинством видов деятельности ЭКОСОС, широко представляют основные слои общества в большом количестве стран различных регионов мира.

Специальный статус предоставляется НПО, имеющим компетенцию только в нескольких областях деятельности ЭКОСОС и его вспомогательных органов.

В Ростер включается НПО, которые функционируют в узких областях, но могут время от времени делать полезный вклад в работу ЭКОСОС.

По состоянию на 2003 г. Генеральным консультативным статусом при ЭКОСОС обладали 131 МНПО, специальным – 1080, в Ростер внесено 862 организации[2].

В современных условиях деятельность НПО вышла за рамки традиционной социально-экономической и гуманитарной областей. Она активно сотрудничает в ООН в области защиты прав человека и по осуществлению программы развития.

Неправительственные организации, по мнению А.Х. Абашидзе и Д.А. Урсина, могут преуспеть в области сохранения мира и безопасности – главной цели ООН. В условиях существования внутренних конфликтов НПО являются лучшим средством превентивной дипломатии, а именно в деле раннего предупреждения конфликтов[3].

В феврале 2003 года Генеральный секретарь учредил Группу видных деятелей для исследования вопроса об отношениях между ООН и гражданским обществом, которую возглавил бывший президент Бразилии Фернанду Энрики Кардозу.

Перед группой была поставлена задача проанализировать руководящие принципы, решения и практику, влияющие на доступ организации гражданского общества к обсуждениям и процессам, происходящим в ООН, и возможность участвовать в них; выявить передовую практику в системе ООН и в других международных организаци-

[1] Подробнее см.: Абашидзе А.Х., Урсин Д.А. Неправительственные организации: международно-правовые аспекты. – М., 2002; Малкина И.Б. Международные неправительственные организации в современном международном праве: Дис… к.ю.н. – Казань, 2001.

[2] См.: Энциклопедия Международных организаций. Международные неправительственные организации. – СПб., 2006. – Т. II.

[3] См.: Абашидзе А.Х. Урсин Д.А. Указ. соч. – С. 10-11.

ях в целях определения новых, передовых форм взаимодействия с гражданским обществом[4].

Доклад Группы видных деятелей под названием «Мы, народы: гражданское общество, Организация Объединенных Наций и глобальное управление» был представлен Генеральному секретарю 7 июня 2004 года.[5]

Доклад был подготовлен по итогам проведения широкомасштабного процесса консультации и обсуждений с гражданским обществом.

В самом начале исследования Группа поставила перед собой вопрос: «Зачем нужно укреплять взаимодействие между ООН и гражданским обществом?».

Она пришла к выводу о том, что, сохраняя уникальную роль как межправительственного форума, Организация для повышения эффективности должна вовлекать в свою деятельность множество категорий субъектов. Необходимо связать местный – страновый уровень с глобальным, ибо между обсуждаемыми в ООН вопросами и их оперативной реализацией лежит непроходимая пропасть, что негативно сказывается в работе по всем вопросам: от развития до безопасности.

Кроме того, Группа выделила еще один важный фактор – укрепление демократии в XXI веке за счет широкого участия общественности всего мира в делах ООН.

Как подчеркнул в своем отчетном докладе Кофи А.Аннан, если раньше основой демократических форм управления была представительная демократия, то сегодня растущее значение приобретает участие общественности в демократических процессах[6].

Выступая на Международной научно-практической конференции, проходившей в апреле 2003 года в С.Петербурге с участием Президентов РФ Владимира Путина, Франции Жака Ширака, Канцлера Германии Герхарда Шредера, декан факультета политических наук, профессор университета Рим-III (Италия) Луиджи Мочиа отметил: «демократия, сотрудничество, права человека, глобальное управление, растущая международная роль неправительственных организаций и гуманитарного общества в целом – это факторы, субъекты и условия установления нового мирового порядка. Проблемы, продолжающиеся в третьем тысячелетии, будут эффективно преодолены только выходя за традиционные границы нации – государств, в усилиях, направленных на установление институциональных структур и механизмов, способных реализовать участие и демократию в мировом управлении планетарными вопросами, такими как коллективная безопасность, права человека, социальная справедливость, защита окружающей среды и т.д.»[7]

Какие же предложения были рекомендованы Группой видных деятелей Генеральному секретарю ООН по реализации программы «Гражданское общество, ООН и глобальное управление»?

---

[4] См.: Записка Генерального секретаря. Документ ООН A/58/817, 11 июня 2004 г.

[5] Группа в понятие «гражданское общество» включает: ассоциацию граждан, которую они создают на добровольной основе для продвижения своих интересов, идей, идеологии. Это понятие не охватывает коммерческую (частный сектор) или управленческую деятельность (государственный сектор). Особую важность для ООН представляют массовые организации, профсоюзы, профессиональные ассоциации, социальные движения, организации коренных народов, религиозные организации, научные и общественно полезные неправительственные организации.

[6] См.: Доклад Генерального секретаря о работе Организации. Документ ООН A/61/1. Нью-Йорк, 2006 г.

[7] См.: Мочиа Луиджи. Новый демократический международный порядок и роль Европейского Союза // Мир, безопасность и международное право: взгляд в будущее. Международная научно-практическая конференция. – СПб., 2003. – С.123-134.

Эти рекомендации, в основном, сводятся к следующим выводам:

1. Генеральная Ассамблея должна регулярно привлекать организации гражданского общества к участию в своей деятельности, поскольку ограничение их участия в межправительственном процессе исключительно работой в Экономическом и Социальном Совете уже лишено смысла.

2. Партнерство с участием многих заинтересованных сторон для решения проблем как в области оперативной деятельности, так и вопросов политики.

3. Приоритетное внимание должно уделяться обеспечению взаимодействия на страновом уровне. Это позволило бы активизировать деятельность местных органов власти, обеспечить ее соответствие местным потребностям и гарантировать, что нормотворческая деятельность в ООН будет вестись с учетом местных условий.

4. Совету Безопасности следует углублять свой диалог путем активного вовлечения участников из стран, охваченных конфликтами, налаживать такой диалог в рамках полевых миссий СБ.

5. Систематическое вовлечение парламентариев, национальных парламентов и местных органов власти в деятельность ООН позволило бы укрепить глобальную систему управления, установить прочные связи между ООН и мировым общественным мнением.

6. Учитывая политизированность традиционных форм взаимодействия гражданского общества с ООН, предлагается объединить все существующие процедуры аккредитации при ООН в единый механизм, подотчетный Генеральной Ассамблеи. Возложить эту функцию на какой-либо из существующих комитетов ГА, а аккредитацию рассматривать как соглашение о сотрудничестве.

Состоящий из 187 пунктов, Доклад Группы видных деятелей подробно охватывает все аспекты деятельности ООН по вопросам взаимодействия с гражданским обществом, перспективы развития этих отношений, предложения и рекомендации по укреплению связей с гражданским обществом[8].

По мнению Кофи Аннана, улучшение отношений между ООН и гражданским обществом представляет собой важный элемент программы реформ Организации.

Глобальная ориентация Организации Объединенных Нации на XXI век охватывает не только укрепление связей с гражданским обществом, но и взаимодействие с деловыми кругами. Вовлечение их для достижения целей ООН в таких областях, как развитие, права человека и защита окружающей среды является, важнейшим фактором в области корпоративного гражданства.

Центральное место в осуществлении данной инициативы ООН занимает «Глобальный договор», который был представлен в январе 1999 года Генеральным секретарем ООН на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Договор предусматривает обязательство частных корпораций следовать в своей внутрикорпоративной деятельности защите прав человека, труда и окружающей среды[9].

В настоящее время в реализации «Глобального договора» участвуют свыше 3000 корпораций более чем из 100 стран.

[8] Подробнее см.: Документ ООН. A/58/817, 11 июня 2004 г. Мы, народы: гражданское общество, Организация Объединенных Нации и глобальное управление.

[9] См.: Кофи А.Аннан. Общая судьба – новая решимость. Годовой доклад о работе Организации за 2000 год, Нью Йорк, 2000 г.

Договор призывает деловые круги руководствоваться в своей деятельности девятью основополагающими принципами в области соблюдения прав человека, норм трудовых отношений и охраны окружающей среды:

Права человека

1. Предпринимательские круги должны оказывать поддержку и уважать соблюдение прав человека, провозглашенных международным сотрудничеством.

2. Обеспечить свою непричастность к нарушениям прав человека.

Трудовые отношения

3. Предпринимательские круги должны поддерживать свободу ассоциации и признание на деле права на заключение коллективных договоров.

4. Выступать за уничтожение всех форм принудительного труда.

5. Выступать за полное искоренение детского труда.

6. Выступать за ликвидацию дискриминации в сфере труда и занятости.

Охрана окружающей среды

7. Деловые круги должны способствовать предупреждению негативных воздействий на окружающую среду.

8. Предпринимать инициативы, направленные на повышение ответственности за состояние окружающей среды.

9. Содействовать развитию и распространению экологически чистых технологий.

В рамках Договора создаются условия для сотрудничества частного бизнеса с учреждениями ООН, международными организациями труда, неправительственными организациями, другими заинтересованными сторонами в деле создания более доступного и справедливого глобального рынка.

Договор является добровольной инициативой, направленной на создание основы для содействия устойчивому экономическому росту и повышению уровня жизни людей.

Чтобы стать участником договора, руководители компании должны направить письмо Генеральному секретарю ООН с выражением поддержки идей Глобального договора, а также готовности предпринять следующие действия:

Открыто заявить о своей поддержке Глобального договора и его девяти принципов и решимости публично проводить в жизнь концепцию Глобального договора посредством таких действий, как, например:

- информирование сотрудников, акционеров, клиентов и поставщиков;
- включение темы Глобального договора и его девяти принципов в программы подготовки и повышения квалификации работников компаний;
- отражение принципов Глобального договора в постановке стратегической цели компаний;
- включение данных о результатах участия в Глобальном договоре в годовые отчеты о деятельности компаний в другие открытые для публикации документы;
- публикация пресс-релизов о присоединении к Глобальному договору[10].

Раз в год компании-участники должны размещать на web-сайте Глобального договора информацию о практических результатах осуществления принципов договора и об извлеченных ими уроках.

[10] См.: Глобальный договор. Документ ООН. www.unglobalcompact.org

Как заявил Генеральный секретарь ООН Кофи А.Аннан, несмотря на то, что цели деловых кругов и ООН сильно различаются, тем не менее появляется все больше совпадающих целей. Государства-члены будут продолжать поддерживать эти усилия, и взаимодействие с деловыми кругами и другими общественными силами будет продолжать развиваться в качестве неотъемлемой части организованных преобразований, призванных сделать ООН, отвечающей потребностям XXI века[11].

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ООН

А.Р. Каюмова*

8 сентября 2006 года Генеральная Ассамблея ООН в рамках обсуждения мер по ликвидации международного терроризма одобрила представленный ГС ООН проект резолюции ***«Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций»***[1].

Как известно, рекомендации о разработке такой всеобъемлющей стратегии содержались в Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам 2004 года. 10 марта 2005 года основные элементы необходимых мер по борьбе с терроризмом были изложены Генеральным Секретарем ООН на проходившей в Мадриде Международной встрече на высшем уровне по вопросам демократии, терроризма и безопасности, а в Итоговом документе Всемирного Саммита тысячелетия 2005 года государства договорились осуществлять их дальнейшую проработку.

Результат непродолжительной, но плодотворной работы над элементами стратегии был представлен Генеральной Ассамблее в Докладе «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии»[2] 26 апреля 2006 года. Как заявил Генеральный Секретарь ООН, цель рекомендаций в отношении стратегии состоит в том, «чтобы направлять наши усилия и объединить нас путем уделения особого внимания *оперативным* элементам наших усилий, направленных на то, чтобы убеждать, лишать, предотвращать, укреплять возможности государств и защищать права человека»[3].

В основу всеобъемлющей стратегии положены **пять элементов,** каждый из которых включает в себя комплекс необходимых мероприятий, предпринимаемых на международном, региональном и национальном уровнях в целях эффективного противодействия терроризму.

Первый элемент – ***убеждать группы в необходимости отказаться от терроризма или его поддержки.*** В рамках данного элемента стратегии уделяется внимание уменьшению привлекательности терроризма для тех, кто мог бы его поддерживать. Важную роль в достижении этой цели должны сыграть гражданское общество и религиозные лидеры. Государства должны заниматься условиями, которые могут экс-

---

[11] Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации Объединенных Нации. Доклад А/61/1. Нью-Йорк, 2006.

*** Альфия Революевна Каюмова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета.

[1] Документ ООН А/60/L.62 от 6 сентября 2006 года.

[2] Документ ООН А/60/825 от 27 апреля 2006 года.

[3] Там же.

плуатироваться террористами для укрепления своей базы, в частности: не допускать проникновения экстремистских идеологий; предотвращать внутренние конфликты с применением силы; не допускать нарушений прав человека, религиозной и этнической дискриминации, политической изоляции и социально-экономической маргинализации.

Второй элемент стратегии – ***лишить террористов доступа к средствам для совершения нападения*** – финансовой поддержки; доступа к оружию, в том числе оружию массового уничтожения; не допускать использования средств связи и сети Интернет с целью вербовки, а также лишить террористов доступа к средствам передвижения путем ужесточения контроля на границах и пресечения преступной торговли незаконными документами.

Удерживать государства от поддержки террористических групп – третий элемент стратегии. Государства обязаны воздерживаться от организации, финансирования, поощрения, подготовки или оказания какой-либо иной поддержки террористической деятельности и принимать надлежащие меры для обеспечения того, чтобы их территория не использовалась для такой деятельности. В случае нарушений Совет Безопасности может вводить санкции против государств, которые укрывают террористов и оказывают им помощь.

В рамках четвертого элемента стратегии – ***укреплять потенциал государств по предотвращению терроризма –*** особое внимание уделяется определению практических средств, с помощью которых государства могут укрепить свой потенциал для предотвращения терроризма, а также соответствующих методов, с помощью которых ООН может использовать свои сравнительные преимущества для оказания помощи государствам в этом вопросе.

Наконец, последний, пятый, элемент стратегии, что не лишает его значимости и актуальности в современных условиях, – ***защита прав человека и соблюдение норм международного гуманитарного права в контексте терроризма и контртерроризма*****,** что означает поддержку и защиту прав как тех, кто стал жертвами терроризма и пострадал от его последствий, так и тех, кто подозревается в терроризме.

Необходимо отметить, что отдельные вопросы соблюдения прав человека и норм гуманитарного права в условиях борьбы с терроризмом неоднократно обсуждались в рамках ООН и региональных организаций. Большое внимание данной проблеме уделяют известные международные правозащитные неправительственные организации, в том числе МККК.

Война с терроризмом, началом которой послужили события 11 сентября 2001 года, имеет две стороны – террористические организации и государства, которые стремятся противопоставить новой угрозе все имеющиеся в их распоряжении механизмы и средства. Конфликт постепенно приобрел глобальные масштабы, что позволяет сделать вывод о начале третьей мировой войны. Однако эта война лишь условно может находиться в правовом поле права вооруженных конфликтов по ряду причин. Во-первых, в данную войну так или иначе втянуты многие государства, что не дает оснований для отнесения ее к внутреннему конфликту; во-вторых, признание за террористической организаций статуса воюющей стороны автоматически порождает ее международную правосубъектность (что, на наш взгляд, недопустимо: это все равно, что признать международную правосубъектность транснациональной преступной группы) и, как следствие, влечет необходимость предоставления статуса комбатантов лицам, которые не соблюдают методы и обычаи ведения войны, а методами своей борьбы избрали массовые убийства ни в чем не повинных женщин, стариков и детей.

Вместе с тем, отсутствие международно-правового регулирования продолжающегося конфликта не освобождает государства от взятых на себя обязательств по

международному праву. Все контртеррористические резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН в преамбуле содержат положение о том, что *любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, должны соответствовать обязательствам государств по международному праву, в частности, международным стандартам в области прав человека, праву беженцев и гуманитарному праву*[1]. Подобные положения содержатся также в докладах Генерального Секретаря ООН «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом»[2], выступлениях Верховного комиссара ООН по правам человека и специальных докладчиков договорных органов по правам человека.

В мае 2006 года Контртеррористический комитет СБ ООН утвердил Директивное руководство по правам человека, в котором отмечается, что ИДКТК и сам Комитет должны усилить контроль за мероприятиями, осуществляемыми государствами во исполнение резолюций 1373(2001) и 1624(2005) Совета Безопасности ООН, в контексте соблюдения ими международно-правовых стандартов в области прав человека и гуманитарного права[3].

Выступая 11 февраля 2005 года в МГУМО, Верховный комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур обозначила основные принципы, которым должны соответствовать все контртеррористические меры на национальном уровне:

- эти меры должны основываться на законе;
- собственно закон должен соответствовать требованиям прав человека;
- существующее законодательство следует должным образом применять;
- для обеспечения перечисленного выше должны существовать пользующиеся доверием институты, которые способны гарантировать законность правовых норм и их применения[4].

Каковы основные проблемы, связанные с обеспечением прав человека и соблюдением норм гуманитарного права в контексте контртеррористической деятельности?

Прежде всего, это ***определение пределов или рамок допустимых ответных мер государств на террористическую угрозу.*** Иначе говоря, насколько оправданы те или иные мероприятия, предпринимаемые государствами в исполнение резолюций Совета Безопасности ООН, в частности, применение вооруженных сил и ограничения прав человека при чрезвычайных обстоятельствах.

Как известно, 13 ноября 2001 года президент США издал Указ «О задержании, обращении и судебном преследовании неграждан США в ходе войны с терроризмом»[5]. В первой статье (а) Указа говорится, что террористы Аль-Каеды, совершив нападение на граждан и собственность Соединенных Штатов, привели к ситуации, требующей использования вооруженных сил государства. Действие Указа распространяется на лиц, не являющихся гражданами США, в отношении которых есть основания полагать, что они:

- являются или являлись членом группировки Аль-Каеда;
- участвовали или оказывали содействие совершению террористических действий против Соединенных Штатов и американских граждан;

---

[1] Например, резолюция СБ ООН 1566(2004) от 8 октября 2004 года; резолюция СБ ООН 1617(2005) от 29 июля 2005 года; резолюция СБ ООН 1624(2005) от 14 сентября 2005 года и другие.

[2] Например, доклад ГС ООН «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» // Документ ООН A/60/374 от 22 сентября 2005 года.

[3] http://www.un.org/sc/ctc/pg25may06_upd.shtml.

[4] Луиза Арбур. Рамки борьбы с терроризмом с позиции прав человека // Из выступления в МГУМО 11 февраля 2005 года.

[5] Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism// Military Order // White House Press Release // Office of the Spokesman. Washington, DC// November, 13, 2001.

- предоставляли защиту и укрывали вышеперечисленных лиц (ст. 2(а)).

Каждое лицо, подозреваемое в совершении указанных действий, может быть задержано, независимо от его нахождения – в пределах или за пределами Соединенных Штатов (ст. 3(а)), и привлечено к ответственности в специально создаваемых для этих целей военных трибуналах. Мера наказания установлена вплоть до пожизненного заключения и смертной казни (ст. 4 (а)).

Несколько позже была разработана и опубликована Концепция Национальной безопасности США, касающаяся, в том числе, и вопроса борьбы с международным терроризмом. В ходе данной борьбы США могут применять любые возможные методы, как официальные, так и неофициальные, включая работу специальных структур (ЦРУ, ФБР, АНБ). В частности:

- обнаружение мест дислокации террористических баз;
- информирование правительства соответствующей стороны о наличии на ее территории такой базы;
- в случае отказа правительства сотрудничать с США, правительство США может предпринимать самостоятельные действия по ликвидации этих баз, применяя как военные рейды, так и операции специальных служб.[6]

С 6 марта 2006 года на территории Российской Федерации действует новый закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который вводит ряд новых положений, в частности, предусматривает возможность применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом, в том числе за пределами территории Российской Федерации (статья 6). Статья 11 Федерального закона устанавливает правовой режим контртеррористической операции, на период проведения которой допускается применение временных ограничений, допускающих усиление охраны общественного порядка; ведение контроля телефонных переговоров и иной информации; ограничение свободы передвижения физических лиц и транспортных средств и т.д.

Подобные внутригосударственные акты за последние годы приняты во многих государствах. Международно-правовой основой для введения на национальном уровне временных ограничений, затрагивающих права человека, является статья 4 Международного Пакта о гражданских и политических правах, которая допускает возможность частичного отступления от обязательств по договору в исключительных обстоятельствах.

Условия применения статьи 4 Пакта подробно изложены в Замечаниях общего порядка Комитета по правам человека[7]. Согласно Замечанию общего порядка № 29(72) – «Отступления от положений Пакта во время чрезвычайного положения», любая мера, принимаемая государством в порядке отступления, должна носить исключительный и временный характер, приниматься только при наличии угрозы для жизни нации и соответствовать принципам пропорциональности и соразмерности. Ни при каких обстоятельствах государства-участники не могут ссылаться на статью 4 Пакта для оправдания таких своих действий в нарушение положений гуманитарного права или императивных норм международного права, как, например, взятие заложников, применение коллективных наказаний, произвольное лишение свободы или отход от основных принципов справедливого судебного разбирательства, включая презумпцию невиновности (п. 11).

[6] The National Security Strategy of the United States of America, September 2002 // http://www.srv1.nasledie.ru

[7] Документ ООН E/2004/87 от 25 июля 2004 года.

Как заявила Верховный комиссар ООН по правам человека, «Государство располагает монополией правового использования силы для подавления преступности. Однако право прибегать к насилию не безгранично»[8].

Здесь уместно вспомнить сегодняшнюю ситуацию, связанную с проведением Израилем контртеррористической операции в Ливане, которая привела к уничтожению тысяч лиц гражданского населения, ранениям, причинению огромного ущерба гражданской инфраструктуре и перемещению одного миллиона человек[9].

Следующая проблема, возникающая в контексте борьбы против терроризма, – ***соблюдение международно-правовых стандартов обращения с лицами, подозреваемыми в совершении терроризма,*** в частности, обеспечение процессуальных гарантий, неприменение пыток и вопросы экстрадиции.

В результате операций, проведенных Соединенными Штатами в ходе войны с терроризмом, с начала военных действий в Афганистане и Ираке по некоторым данным было задержано 50000 человек[10]. Однако эта цифра не является окончательной, поскольку, кроме этого, задержания лиц, подозреваемых в связях с террористами, производились по всему миру. Многие из задержанных были переведены на закрытую военную базу США Гуантанамо на Кубе, некоторые были переданы запрашивающим государствам, а ряд лиц содержится под стражей в местах, находящихся за пределами Соединенных Штатов, местонахождение которых не разглашается.

Новый скандал вокруг проблемы задержания лиц, подозреваемых в совершении актов терроризма, вспыхнул в ноябре 2005 года после появления в «Вашингтон Пост» публикации о существовании на территории ряда европейских стран секретных тюрем США, в которых содержатся предполагаемые террористы.

Европейский Союз и Совет Европы отреагировали на ситуацию созданием специальных комиссий по расследованию обстоятельств дела, которые работали параллельно. Комиссия ПАСЕ, представившая свой доклад для обсуждения на сессии, проходившей 27 июня 2006 года[11], пришла к выводу, что по крайней мере 20 стран, из которых 14 расположены в Европе, в последние годы так или иначе были причастны к тайным перевозкам заключенных ЦРУ. Все эти государства, как утверждают члены комиссии, с разной периодичностью использовали самолеты ЦРУ для перевозки заключенных, подозреваемых в терроризме, то есть не только принимали участие в незаконных операциях, но и фактически нарушали права человека.

С самого начала проведения Соединенными Штатами операций по задержанию лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, ряд международных неправительственных организаций, таких как Международный Комитет Красного Креста, Международная Амнистия и Human Rights Watch, высказывали озабоченность условиями содержания под стражей и обращения с заключенными. Кроме того, была выражена обеспокоенность в связи с передачей таких лиц под юрисдикцию государств, имеющих негативную репутацию в вопросах соблюдения прав человека. Неоднократно Соединенным Штатам указывалось на несоблюдение норм международного гуманитарного права, в частности, Женевской конвенции об обращении с военнопленными, Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Конвенции

[8] Там же.

[9] Совет ООН по правам человека назначил экспертов, которые займутся расследованием убийств Израилем гражданских лиц в Ливане // http://www.un.org.//russian//news

[10] Борелли С. Освещая проблему черной дыры в праве: международное право и заключение лиц под стражу за границей в ходе «войны с терроризмом» // Международный журнал Красного Креста. – Т. 87. – № 857. – 2005. – С. 53.

[11] Документ Совета Европы AS/Jur(2006) 16 Part II Committee on Legal Affairs and Human Rights // http://www.assambly.coe.int.

ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Совсем недавно Президент США Джордж Буш в своем выступлении фактически признал существование секретных тюрем ЦРУ и подтвердил, что к подозреваемым в терроризме применяются «альтернативные процедуры».

Положение с обеспечением прав человека в ходе конфликта в Чечне также находится в центре внимания правозащитных организаций. Из Годового Доклада Международной Амнистии: «Российские силы безопасности совершали серьезные нарушения прав человека и международного гуманитарного права в ходе непрекращающегося конфликта в Чеченской республике с практически полной безнаказанностью… Из разных регионов Российской Федерации продолжали поступать сообщения о пытках и жестоком обращении. Условия содержания в тюрьмах, как правило, являлись жестокими, бесчеловечными и унижающими достоинство»[12].

Что касается вопросов выдачи и невыдворения. Как известно, совершая экстрадицию, некоторые государства запрашивают и получают от других государств дипломатические заверения в том, что лица, возвращаемые или передаваемые таким государствам, не будут подвергаться там пыткам. Решение о степени убедительности таких заверений принимает исполнительная власть, в то время как правительства, у которых обычно запрашиваются заверения, известны своей неудовлетворительной практикой в области прав человека[13]. Неоднократно рассматривая обращения в связи с экстрадицией подозреваемых в терроризме, Комитет против пыток счел, что дипломатических заверений недостаточно для защиты от явной опасности подвергнуться пыткам и высылка представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции 1984 г. Вместе с тем, в контексте борьбы с терроризмом возникают определенные сложности в части соблюдения резолюции Совета Безопасности ООН 1373(2001), которая обязывает государства предупреждать злоупотребление правилами предоставления убежища и положениями Конвенции против пыток 1984 года, МПГПП 1966 года, Конвенции о статусе беженцев 1951 года и ряда других международно-правовых актов. Такая сложившаяся ситуация, конечно, требует своего международно-правового разрешения.

Третья проблема, возникающая в контексте контртеррористических мероприятий, и которая стала обсуждаться не так давно, касается темы о ***надлежащей правовой процедуре включения в списки лиц и организаций.*** Речь идет о списках, формируемых Комитетом по санкциям Совета Безопасности ООН, учрежденным в соответствии с резолюцией 1267(1999) от 15 октября 1999 года[14]. Управление Верховного Комиссара ООН по правам человека совместно с Управлением по правовым вопросам, департаментом по политическим вопросам ведет разработку предложений и руководящих принципов для государств-членов в отношении справедливых и четких процедур включения лиц и образований в списки для санкций ООН и исключения из таких списков.

Проблемы обеспечения соблюдения прав человека и норм гуманитарного права в контексте контртеррористических мероприятий продолжают оставаться актуальными. Их разрешение видится в закреплении ***международной уголовной юрисдикции*** в отношении терроризма. Сегодня терроризм является единственным международным преступлением, ответственность за совершение которого наступает по внутреннему праву государства, однако в свете последних событий видно, что государства не всег-

[12] Из Доклада МА за 2003 год // М., Изд-во «Права человека», 2003. – С. 102.

[13] О соблюдении Соединенными Штатами Международного Пакта о гражданских и политических правах // Из выступления представителя Хьюман Райтс Вотч в Комитете по правам человека 13 марта 2006 года // http://A:/Human Rights Watch.

[14] Документ ООН S/RES/1267(1999) от 15 октября 1999 года.

да в состоянии соразмерять борьбу с терроризмом со своими обязательствами, вытекающими из международных договоров по защите прав человека.

Каковы перспективы международной уголовной юрисдикции в отношении терроризма? Известно, что при разработке Статута Международного уголовного суда ставился вопрос о распространении его предметной юрисдикции, в том числе на проявления терроризма. Однако в процессе обсуждения терроризм был исключен из юрисдикции Суда по причине отсутствия общепринятого определения[15]. Большинство зарубежных ученых, давая оценку Статуту, положительно рассматривали данную ситуацию, считая это «мудрым шагом»[16].

После событий 11 сентября вопрос о распространении юрисдикции МУС на преступление международного терроризма встал с особой остротой и до сих пор обсуждается. Однако его решение выглядит бесперспективно, поскольку первая поправка к Статуту может быть сделана в соответствии с установленной процедурой не ранее 2009 года, и что более важно – основная сторона в борьбе с международным терроризмом – США – не признают юрисдикции Международного уголовного Суда.

Вместе с тем, закрепление международной уголовной юрисдикции в отношении лиц, подозреваемых в совершении терроризма, представляется вполне реальным. Решение вопроса может быть достигнуто двумя основными способами: – создание международного уголовного судебного органа в рамках разрабатываемой всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом, либо учреждение специального международного трибунала для преследования лиц, виновных в совершении терроризма, на основе резолюции Совета Безопасности ООН, по аналогии с Трибуналами ad hoc по Югославии и Руанде. Предметная юрисдикция такого трибунала могла бы включать 13 универсальных антитеррористических конвенций и нормы гуманитарного права (последний вариант кажется более вероятным).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ГИБКОСТИ В ДОКУМЕНТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Г.Р. Шайхутдинова*

Четкая процедура установления гибких интеграционных отношений между государствами-членами Европейского Союза была введена в 1997 году Амстердамским договором под названием «тесное сотрудничество». Процедура, предусмотренная Амстердамским Договором, была существенно изменена Ниццким договором, вступившим в силу в 2003 году. Ниццкий договор использует термин «продвинутое сотрудничество». Договор, учреждающий Конституцию для Европы, подписанный в Риме 29 октября 2004 года представителями двадцати пяти государств Европейского Союза, содержит развернутые положения о «продвинутом сотрудничестве».

---

[15] Подробнее: David J.Scheffer. The Rome Statute of International Criminal Court // AJIL. Vol.93:22 (1999), № 1, p. 29-30.

[16] Antonio Cassese. The Statute of International Criminal Court: Some Preliminary Reflections // EJIL. Vol. 10 (1999), № 1, p. 146.

* **Гульнара Раифовна Шайхутдинова –** кандидат юридических наук, магистр права Северо-Западного университета (г. Чикаго, США), доцент Академии управления «ТИСБИ».

Амстердамский договор

История обсуждения и принятия статей о тесном сотрудничестве, вошедших в Амстердамский договор, свидетельствует, что процесс этот занял всего семь минут и указанные статьи были приняты без изменений[1]. Несмотря на то, что статьи о тесном сотрудничестве имели особое значение для европейской интеграции, они не явились предметом тщательных обсуждений (или наоборот, слишком много обсуждались ранее), хотя предложения Германии и Франции, с одной стороны, и Великобритании, с другой стороны, серьезно противоречили друг другу[2].

Весьма примечателен тот факт, что упоминание о принципе гибкости отсутствует в преамбуле Амстердамского договора, что вероятно свидетельствует об имеющихся противоречиях в отношении к нему со стороны государств-членов Европейского Союза.

Термин «тесное сотрудничество» встречается в тексте Амстердамского договора пять раз, в том числе один раз в наименовании раздела VIa «Положения о тесном сотрудничестве». Во всех остальных случаях речь идет о «сотрудничестве» вообще. Определение термина «тесное сотрудничество» в Договоре также отсутствует. Это может объясняться тем, что принцип был принят консенсусом: политическому принципу было дано дополнительное юридическое значение[3]. По этой причине содержание принципа «тесного сотрудничества» можно понять, лишь уяснив условия, при которых он действует.

Статьи о тесном сотрудничестве содержатся в четырех частях Амстердамского договора. Это раздел VIa «Положения о тесном сотрудничестве» (в дальнейшем раздел VII), который содержит статьи К.15, К.16 и К.17; статья 5а, относящаяся к первой опоре; статья J.13, относящаяся ко второй опоре, и статья К.12, относящаяся к третьей опоре.

Раздел VIa «Положения о тесном сотрудничестве» представляет собой общие положения, так как устанавливает условия, которые должны быть соблюдены при осуществлении тесного сотрудничества в трех опорах. Указанный раздел состоит из трех статей К.15, К.16 и К.17 (в дальнейшем статьи 43, 44 и 45).

Статья К.15 определяет основные условия осуществления тесного сотрудничества. Государства-члены Европейского Союза могут использовать в этих целях «институты, процедуры и механизмы, установленные настоящим Договором [Амстердамским договором. – Г.Ш.] и Договором, учреждающим Европейское Сообщество»[4]. Условия осуществления тесного сотрудничества предусматривают, что оно:

«(a) должно иметь задачей достижение целей Союза, защиту и служение его интересам;

(b) должно уважать принципы, провозглашенные Амстердамским договором и Договором о Европейском Сообществе, и единую институциональную структуру Союза;

---

[1] См.: Duff Andrew (ed). *The Treaty of Amsterdam Text and Commentary;* London: Federal Trust, 1997. – С. 195.

[2] См.: главу I о декларации Ламерса-Шаубля от 1 сентября 1994 года, письме канцлера Гельмута Коля и президента Жака Ширака от 6 декабря 1995 года, письме Шаретта-Кинкеля от 17 октября 1996 года, речи Джона Мейджора в Лейдене в октябре 1994 года.

[3] Julian P. A. Chauvet. *Flexibility in the Treaty of Amsterdam: towards a legal understanding of a political concept.* – С. 11.

[4] Консолидированные тексты Договора о Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского Сообщества. *Европейское право*: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 547.

(c) используется только как крайняя мера в случае, когда цели указанных договоров не могут быть достигнуты путем применения соответствующих процедур, ими предусмотренных;

(d) касается по крайней мере большинства государств-членов;

(e) не оказывает воздействия на коммунитарное право и меры, принимаемые в соответствии с иными положениями указанных договоров;

(f) не затрагивает компетенцию, права, обязанности и интересы тех государств-членов, которые в нем не участвуют;

(g) открыто для всех государств-членов и позволяет им становиться участниками такого сотрудничества в любое время при условии, что они выполняют основное решение и решения, принятые в его рамках;

(h) удовлетворяет специальным дополнительным критериям, закрепленным в статье 5а Договора о Европейском Сообществе и статье К.12 Амстердамского договора, в зависимости от затрагиваемой области, и разрешено Советом в соответствии с процедурами, предусмотренными в этих договорах».[5]

Подпункты (a) и (b) пункта 1 статьи К.15 содержат важное условие: тесное сотрудничество должно иметь целью продвижение интересов Союза и уважение его принципов, то есть интересы государств-членов, образующих группу тесного сотрудничества, должны соответствовать интересам Союза в целом, определенным в соответствующих договорах. Механизм тесного сотрудничества помогает в данном случае определить, высветить эти общие цели, обозначить пути их достижения и начать продвижение в направлении их достижения.

Подпункт (c) пункта 1 статьи К.15 подчеркивает, что государства-члены ЕС могут прибегать к использованию механизма тесного сотрудничества только как «крайней мере», когда иным способом цели договоров ЕС не могут быть достигнуты. Речь, очевидно, идет о том, что если государства-члены ЕС могут провести соответствующее решение традиционным способом, определенным учредительными договорами, то они так и поступают. Но если по каким-либо причинам некоторые из государств-членов Европейского Союза не могут или не желают связать себя обязательствами в соответствующей сфере сотрудничества, то происходит обращение к механизму гибкого сотрудничества как к крайней мере. Учредительные договоры, разработанные и подписанные представителями государств-членов Союза, подлежат ратификации всеми их участниками. Обязательное условие вступления учредительного договора в силу – единогласная ратификация учредительного договора всеми государствами-участниками[6]. Вопросы интеграции регулируются, как правило, путем учета мнений всех государств-членов Европейского Союза, а правовые положения в различных сферах интеграции формулируются в учредительных договорах. Если хотя бы одно государство-участник ЕС не ратифицирует подписанный учредительный договор, содержащий положения об интеграции в какой-либо сфере сотрудничества, то такое сотрудничество не станет возможным, так как договор не вступит в силу. Это может заблокировать интеграцию Союза в какой-либо области. В подобной безвыходной ситуации может быть применено крайнее средство – интеграция лишь группы государств-членов Европейского Союза на основе иного механизма – механизма тесного сотрудничества.

Подпункт (d) пункта 1 статьи К.15 предусматривает обязательное условие – минимальное количество государств-членов Европейского Союза, которые могут ин-

[5] См.: Консолидированные тексты Договора о Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского Сообщества. *Европейское право*. Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 547-548.

[6] См.: *Европейское право*: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 125-126.

тегрироваться дальше в определенной сфере сотрудничества, не будучи связанными нежеланием или невозможностью интегрироваться других государств-членов. Это должно быть «по крайней мере большинство государств-членов». На момент вступления в силу Амстердамского договора – 1 мая 1999 года – государствами-членами Европейского Союза являлись 15 государств, соответственно большинство составляли 8 государств. Таким образом, гибкое сотрудничество могли осуществлять восемь и более государств.

Подпункт (e) пункта 1 статьи К.15 ставит условием, что тесное сотрудничество не должно затрагивать коммунитарное право и меры, принятые в соответствии с другими положениями указанных договоров. Суть данного положения заключается в том, что тесное сотрудничество должно осуществляться за рамками коммунитарного права.

Подпункт (f) пункта 1 статьи К.15 предусматривает гарантии соблюдения интересов государств-членов, не участвующих в тесном сотрудничестве. Таковое не должно ограничивать их компетенцию, права, обязанности и интересы. В пункте втором статьи К.15 для государств-членов, не участвующих в тесном сотрудничестве, предусмотрено обязательство на основе взаимности – они не должны препятствовать имплементации актов и решений о тесном сотрудничестве с государствами-членами, участвующими в таком сотрудничестве.

Важнейшее положение содержит подпункт (g) пункта 1 статьи К.15 – тесное сотрудничество открыто в любое время для всех государств-членов Европейского Союза, не участвующих в нем, при условии соблюдения ими условий принятого решения о тесном сотрудничестве. Это очевидно есть проявление концепции разноскоростной Европы, поскольку предполагает лишь временное неучастие в тесном сотрудничестве некоторых государств-членов.

Статья К.16 определяет условия голосования по вопросам о тесном сотрудничестве и распределении связанных с ним расходов.

Пункт первый статьи К.16 предусматривает применение соответствующих институциональных положений Амстердамского договора и Договора, учреждающего Европейское Сообщество, для принятия актов и решений, необходимых для проведения в жизнь тесного сотрудничества. В то время как все государства-члены Совета имеют право участвовать в обсуждении вопросов тесного сотрудничества, принимать решения могут только члены Совета, представляющие участвующие в тесном сотрудничестве государства-члены.

Квалифицированное большинство определяется в той же пропорции взвешенных голосов членов Совета, представляющих государства, участвующие в группе тесного сотрудничества, как это определено в статье 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество.

Пункт второй статьи 148 Договора, учреждающего Европейское Сообщество, предусматривает весьма сложную процедуру исчисления голосов при принятии Советом решений квалифицированным большинством голосов. Принимая во внимание, что речь идет о времени, когда Амстердамский договор, предусматривающий положения о тесном сотрудничестве, только вступил в силу, а именно 1 мая 1999 года, а на эту дату членами Европейского Союза были 15 государств-членов, рассмотрим указанную процедуру.

Каждый член Совета обладает определенным числом взвешенных голосов: Бельгия – 5, Дания – 3, Германия – 10, Греция – 5, Испания – 8, Франция – 10, Ирландия – 3, Италия – 10, Люксембург – 2, Нидерланды – 5, Австрия – 4, Португалия – 5, Финляндия – 3, Швеция – 4, Соединенное Королевство – 10.

«Решения считаются принятыми, если они собрали, по крайней мере:

- шестьдесят два голоса «за», подлежащих в силу настоящего Договора принятию по предложению Комиссии;

- шестьдесят два голоса «за», поданных не менее чем десятью членами Совета, – в остальных случаях»[7].

Таким образом, всего голосов 87, квалифицированное большинство составят 62 голоса. Соответственно, в целях пункта первого статьи К.16 исчисление квалифицированного большинства должно исходить из пропорции 62 от 87.

Единогласное решение также составляют голоса членов Совета, представляющих государства, участвующие в группе тесного сотрудничества.

Согласно пункту второму статьи К.16 расходы на осуществление тесного сотрудничества, кроме административных расходов, связанных с деятельностью институтов, несут сами участвующие в тесном сотрудничестве государства-члены Союза, если Совет единогласно не решит иным образом.

Статья К.17 Амстердамского договора предусматривает обязанность Совета и Комиссии регулярно информировать Европейский Парламент о развитии тесного сотрудничества.

Подпункт (h) пункта 1 статьи К.15 предусматривает, что тесное сотрудничество должно отвечать специальным дополнительным критериям, закрепленным в статье 5а Договора о Европейском Сообществе и статье К.12 Амстердамского договора, в зависимости от затрагиваемой области. Указанные статьи, а также статью J.13, можно определить как специальные статьи. Каждая из них соответствует одной из трех опор Европейского Союза.

Статья 5а (статья 11 Договора о Европейском Союзе) есть специальная статья, посвященная первой опоре Союза. Как отмечают исследователи, первая опора первоначально не предполагала разрешение применения принципа гибкости[8]. Поэтому она и содержит целый ряд условий осуществления тесного сотрудничества государствами-членами Европейского Союза. Тесное сотрудничество:

1) не должно затрагивать сферы исключительной компетенции Сообщества;

2) не должно затрагивать политику Сообщества, его действия и программы;

3) не должно затрагивать гражданство Союза или проводить дискриминационную политику среди граждан государств-членов;

4) остается в рамках полномочий, которыми Сообщество наделено Амстердамским договором;

5) не является дискриминацией или ограничением торговли между государствами-членами и не нарушает условий конкуренции между последними.

Исключение из сфер тесного сотрудничества, предусмотренное подпунктом (a) пункта первого статьи 5а, касается исключительной компетенции Сообщества (не компетенции государств-членов или совместной компетенции Сообщества и государств-членов).

Компетенция Сообщества, с одной стороны, государств-членов, с другой стороны, а также совместная компетенция Сообщества и государств-членов никогда не были определены. Но так как положения о тесном сотрудничестве будут инициироваться государствами-членами, то это условие не представляется удивительным. Некоторые государства-члены предложили составить список соответствующих полномочий в негативном, либо позитивном ключе, который бы применялся только к тесному сотруд-

[7] Договор, учреждающий Европейское Сообщество. См.: *Европейское право:* Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 654-655.

[8] De la Serre Francoise et Wallace Helen. – С. 27.

ничеству[9]. Однако, как справедливо отмечает Шовэ, здесь неизбежны противоречия между сторонниками федералистского направления развития Европейского Союза и их оппонентами. Ведь в случае определения перечня полномочий придется признать, что Европейский Союз – это федеративная система, в которой полномочиями распределены между государствами-членами и федеральными институтами, а также то, что компетенция Сообщества либо компетенция государств-членов ограничивается.

В подпункте (c) пункта первого статьи 5a предусмотрено еще одно исключение из сфер применения тесного сотрудничества, а именно оно не должно затрагивать сферу гражданства Союза. Гражданство является весьма чувствительной областью законодательства и, как таковое, гарантируется статьями 8, 8-A, 8-B, 8-C, 8-D и 8-E Договора о Европейском Союзе.

По мнению Шовэ, гражданство может законно рассматриваться как часть коммунитарного права (acquis), которое, в свою очередь, усиленно защищено[10]. Если согласиться с таким утверждением, то необходимо признать, что тесное сотрудничество не должно внедряться в сферу гражданства, так как это часть коммунитарного права. Углубление сотрудничества в сфере гражданства в отношении некоторых граждан Европейского Союза может нарушить равенство среди граждан Союза. Такое же объяснение относится и ко второй части подпункта (c) пункта первого статьи 5a, которая запрещает гибкие меры, могущие повлечь за собой дискриминацию между гражданами Союза.

Третье исключение предусмотрено подпунктом (e) пункта первого статьи 5a в отношении последствий влияния гибкой части законодательства на торговлю и конкуренцию между государствами-членами Европейского Союза: тесное сотрудничество «не создает дискриминации или ограничений в торговле … и не нарушает условий конкуренции …». Исследователями европейской интеграции подчеркивалось, что данное положение будет сложно применить. Крайне трудно представить себе правовое положение, применимое к некоторым государствам, которое ориентировано на торговлю и при этом не искажает конкуренцию с остальными государствами-членами Европейского Союза[11]. Более того, необходимо признать, что все гибкие политики, имеющие дело с торговлей или конкуренцией, будут предметом рассмотрения в Европейском Суде.

Следует также подчеркнуть, что государствам-членам, намеревающимся осуществлять тесное сотрудничество в торгово-экономической сфере, будет сложно сформулировать правовые положения, которые бы так или иначе не затрагивали коммунитарное право. Первая опора Союза основана на Договоре о Европейском Сообществе, поэтому возможность осуществить тесное сотрудничество в сфере торговли и конкуренции весьма затруднена.

Согласно пункту второму статьи 5a разрешение государствам-членам Европейского Союза использовать институты, процедуры и механизмы, предусмотренное Амстердамским договором, дается Советом Европейского Союза по предложению Европейской Комиссии и после консультаций с Европейским Парламентом. Совет принимает решение квалифицированным большинством голосов. Если член Совета по важным заявленным причинам национальной политики намеревается возразить против дачи такого разрешения квалифицированным большинством голосов, голосование не проводится. Совет может путем голосования квалифицированным большинством го-

[9] См. C. E. L. S. occasional papers. – C. 20.

[10] См.: Julian P. A. Chauvet. *Flexibility in the Treaty of Amsterdam: towards a legal understanding of a political concept.* – C. 14.

[11] Ibid., p. 14-15.

лосов передать вопрос Совету в составе глав государств и правительств для принятия решения путем единогласия.

Государства-члены Европейского Союза, намеревающиеся осуществлять тесное сотрудничество, могут обратиться с соответствующим запросом в Европейскую Комиссию, которая, в свою очередь, обращается с таким предложением в Совет. Комиссия может не обратиться с таким предложением в Совет, если сочтет это необходимым. Но она должна проинформировать государства-члены о причинах своего бездействия.

Согласно пункту третьему статьи 5а, в случае если государство-член Европейского Союза желает стать участником уже существующей группы тесного сотрудничества, оно должно уведомить Совет и Комиссию Европейского Союза о своем намерении. Комиссия высказывает свое мнение по вопросу вступления нового государства в течение трех месяцев с даты получения уведомления. В течение четырех месяцев с даты получения уведомления Комиссия принимает по нему решение и предлагает принятие необходимых мер.

Статья J.13 является статьей о тесном сотрудничестве, относящейся ко второй опоре Европейского Союза – единой внешней политике и политике безопасности. В данной статье не упоминается «тесное сотрудничество», но используется термин «конструктивное неучастие в голосовании».

Особенность данной статьи заключается в том, что она предусматривает две возможности – принятие решения по вопросу о тесном сотрудничестве единогласно и квалифицированным большинством голосов.

По общему положению пункта первого настоящей статьи решения принимаются Советом единогласно. Воздержавшиеся члены Совета не могут заблокировать принятие решения. В случае если член Совета воздержался при голосовании по вопросу о тесном сотрудничестве, он не обязан применять данное решение. В духе взаимной солидарности государство-член, не участвующий в тесном сотрудничестве, воздерживается от любых действий, которые могут противоречить или препятствовать действиям Союза, основанным на решении о тесном сотрудничестве, а другие государства-члены будут уважать его позицию.

По мнению Джулиана Шовэ, государства-члены Европейского Союза создают – как бы заочно – авангард путем голосования за указанный текст: с этого момента данное решение не будет применяться к государствам, которые голосовали против (статья J.13(1), остальные же государства-члены окажутся в так называемом «центральном ядре». Это и есть «конструктивное неучастие в голосовании». Термин применяется только к данному случаю[12].

Пункт первый статьи J.13 содержит важное положение о количественном составе государств-членов, которые могут создать группу тесного сотрудничества. Формирование такой группы происходит на основе голосования путем единогласия при учете тех государств-членов, которые воздержались при проведении голосования. Если голоса воздержавшихся составят более одной трети голосов, определяемых согласно статье 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество, то решение не принимается.

Таким образом, всего взвешенных голосов 87, одна треть составит 29 голосов. Если голоса воздержавшихся составят 30 голосов, то решение не пройдет. Возникает любопытная ситуация. Например, решение могут заблокировать всего 3 государства-члена, обладающие каждый 10 голосами. По десять голосов имеют Германия, Франция, Италия и Соединенное Королевство. Значит, любые три из названных четырех

[12] См.: Julian P.A. Chauvet. *Flexibility in the Treaty of Amsterdam: towards a legal understanding of a political concept.* – С. 12.

государств могут заблокировать принятие решения о тесном сотрудничестве. Минимальное число голосов для принятия решения о тесном сотрудничестве в вопросах второй опоры составляет 58, поданных любым количеством государств-членов. Это могут быть всего 7 государств, например, Германия, Франция, Италия, Соединенное Королевство (имеющие по 10 голосов), а также Испания (8 голосов), и 2 государства, имеющие 5 голосов (это могут быть Бельгия, Греция, Нидерланды или Португалия).

Иная процедура предусмотрена вторым пунктом статьи J.13. Совет принимает решение о тесном сотрудничестве квалифицированным большинством голосов в двух случаях:

1) при принятии совместных действий, общих позиций или принятии иных решений на основе общей стратегии;

2) при принятии какого-либо решения, проводящего в жизнь совместные действия или общие позиции.

Первый случай основан на статье J.2 Амстердамского договора. Она касается общей внешней политики и политики безопасности и определяет пути достижения Европейским Союзом целей в данной области, провозглашенных в статье J.1, и среди них:

«- определение общей стратегии;

- принятие совместных действий;

- принятие общих позиций»[13].

Правовые положения, касающиеся принятия совместных решений, определяются статьей J.4 Амстердамского договора, а правовые положения, касающиеся общих позиций, определяются статьей J.5 этого же договора.

Второй случай основан на статье J.3 Амстердамского договора. Согласно пункту второму данной статьи Европейский Совет принимает решение об общей стратегии, которую должен выполнять Союз в сферах, где государства-члены имеют общие важные интересы. Согласно пункту 3 данной статьи Совет принимает решения, необходимые для определения и выполнения общей внешней политики и политики в сфере безопасности на основе общих принципов, определенных Европейским Советом. Совет рекомендует общую стратегию Европейскому Совету и осуществляет ее, в особенности путем принятия совместных действий и общих позиций.

Голоса членов Совета будут в данном случае подсчитываться в соответствии со статьей 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество.

Пункт второй статьи J.13 Амстердамского договора предусматривает, что решение о тесном сотрудничестве считается принятым, если оно собрало по крайней мере 62 голоса «за» по крайней мере десяти членов Совета. Таким образом, мы видим, что тесное сотрудничество по вопросам второй опоры, касающимся принятия совместных действий, общих позиций или принятия иных решений на основе общей стратегии, а также принятия какого-либо решения, проводящего в жизнь совместные действия или общие позиции Европейского Союза, обусловлено более строгими положениями. Для формирования группы тесного сотрудничества по указанным вопросам необходимо участие по крайней мере десяти государств-членов, в то время как для первой опоры достаточно и восьми.

По мнению Даффа, специальная процедура голосования, предусмотренная вторым пунктом статьи J.13 для принятия решений о тесном сотрудничестве, может быть охарактеризована как «суперквалифицированное большинство голосов»[14]. Отчасти

---

[13] См.: Консолидированные тексты Договора о Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского Сообщества. *Европейское право:* Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 530.

[14] См.: Duff. – С. 1196.

можно согласиться с мнением исследователя, так как согласно пункту второму статьи 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество, решение квалифицированным большинством голосов считается принятым, если оно собрало по крайней мере 62 голоса «за» и если решение подлежит принятию по предложению Комиссии. Эти голоса могут быть поданы любым количеством государств-членов, минимально восемью (Германия, Франция, Италия и Соединенное Королевство – по 10 голосов, Испания – 8 голосов и еще 3 государства, обладающие 5 или 4 голосами (например, Бельгия, Греция, Нидерланды, Португалия либо Австрия и Швеция)). Согласно этой же статье 148(2), если решение должно приниматься не по предложению Комиссии, требуется 62 голоса «за», поданных не менее чем десятью членами Совета. В случае, предусмотренном вторым пунктом статьи J.13, требуется 62 взвешенных голоса, поданных по крайней мере десятью государствами-членами, хотя решение не должно приниматься по предложению Комиссии. Мы видим, что процедура квалифицированного большинства голосов отягощается в данном случае дополнительным условием по количеству государств-членов, подающих голоса.

В результате применения данного положения государства-члены Европейского Союза выступают единым фронтом (как минимум из десяти государств-членов) на международной арене, а не формируют гибкие группы, оставляя на обочине другие государства-члены.

Статья К.12 является положением, касающимся тесного сотрудничества в области полиции и правосудия, то есть положением о гибкости в реформированной третьей опоре Союза. Аналогично статьям К.15 и 5а, она предусматривает возможность для государств-членов Союза, намеревающихся осуществлять тесное сотрудничество, использовать институты, процедуры и механизмы, предусмотренные учредительными договорами. Такое сотрудничество должно:

1) уважать полномочия Европейского Сообщества и цели, провозглашенные в разделе VI «Положения о сотрудничестве в сфере полиции и правосудия по уголовным делам»;

2) иметь целью дать Союзу возможность развиваться быстрее в сфере свободы, безопасности и правосудия.

Разрешение на осуществление тесного сотрудничества в рамках третьей опоры дает Совет. По запросу заинтересованных государств-членов решение принимается Советом квалифицированным большинством голосов. Европейская Комиссия приглашается для выражения своего мнения по данному вопросу. Запрос также направляется Европейскому Парламенту.

Если какое-либо государство-член Совета объявит, что по важным причинам национальной политики оно выступает против дачи разрешения квалифицированным большинством голосов, голосование не проводится. В данном случае Совет может квалифицированным большинством голосов принять решение о передаче вопроса на единогласное решение Европейского Совета.

Голоса членов Совета определяются и подсчитываются согласно статье 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество. Решение требует по крайней мере 62 голоса «за», поданных по крайней мере 10 государствами-членами. Таким образом, процедура принятия решения в сфере тесного сотрудничества в рамках третьей опоры аналогична принятию решений по вопросам совместных действий и общих позиций и их имплементации в сфере второй опоры Союза.

Если государство-член Европейского Союза желает присоединиться к уже существующей группе тесного сотрудничества, оно должно уведомить о своем намерении Совет и Комиссию. Последняя в течение трех месяцев передает свое мнение Совету.

Комиссия может дать рекомендации государству-члену относительно принятия мер, необходимых для участия в тесном сотрудничестве. В течение четырех месяцев со дня получения уведомления Совет принимает решение по запросу государства-члена, а также мерам, которые ему необходимо предпринять. Решение считается принятым, если Совет квалифицированным большинством голосов не решит его временно отложить. В этом случае Совет указывает причины своего решения и устанавливает срок для его пересмотра. При принятии решения о вступлении в группу тесного сотрудничества нового государства-члена Совет действует согласно условиям, определенным в статье К.16 Амстердамского договора, то есть квалифицированное большинство определяется в той же пропорции взвешенных голосов членов Совета, представляющих государства, участвующие в группе тесного сотрудничества, как это определено в статье 148(2) Договора, учреждающего Европейское Сообщество. Единогласное решение также составляют голоса членов Совета, представляющих государства, участвующих в группе тесного сотрудничества.

Таким образом, решение о вступлении нового государства-члена в группу тесного сотрудничества принимается уже участвующими в такой группе государствами-членами. Это важно, поскольку данное положение обособляет группу государств-членов, участвующих в тесном сотрудничестве, от остальных государств-членов Европейского Союза, создает организацию внутри организации, или авангард. Расширение участия в тесном сотрудничестве происходит только по решению так называемой продвинутой группы. Это неизбежно приведет к формированию государств-членов второго сорта в рамках Союза либо группы государств, не желающих далее интегрироваться в рамках Европейского Союза.

В тексте Амстердамского договора нет определения понятия гибкости. Имеется лишь перечень условий осуществления тесного сотрудничества, который призван восполнить пробел в определении термина «гибкость». Условия, даже взятые вместе, не представляют собой определения термина «гибкость». По мнению некоторых исследователей, порядок их изложения также не представляется логичным[15], а перечень условий создает проблемы, ведь как бы многочисленны они ни были, они не могут ответить на все возможные вопросы, которые возникнут относительно применения принципа гибкости. Определение же дало бы варианты тех сфер, в которых государства-члены могли бы применить или не применить принцип гибкости[16]. Чтобы разрешить проблему, Шовэ предлагает переставить местами указанные условия по методу, предложенному Джо Шо[17], поскольку в общем положении есть четкая ссылка на специальные положения и наоборот.

Так, подпункт (h) пункта первого статьи К.15 Амстердамского договора предусматривает, что тесное сотрудничество должно соответствовать «специальным дополнительным критериям, предусмотренным в специальных положениях, в зависимости от затрагиваемой области…». Это положение рассматривается как общее положение. Пункт первый статьи 5а и пункт первый статьи К.12 предусматривают, что «государства-члены, намеревающиеся установить тесное сотрудничество между собой, могут быть уполномочены согласно статьям К.15 и К.16 Договора о Европейском Союзе…». Данное положение содержит ссылку на общее положение статьи К.15, которое должно быть учтено государствами-членами при осуществлении тесного сотрудничества в вопросах первой и третьей опоры. Таким образом, договаривающиеся стороны в

[15] См. Shaw Jo. *The Law of the European Union;* London: Macmillan. 1996. C. 72; Julian P. A. Chauvet. *Flexibility in the Treaty of Amsterdam: towards a legal understanding of a political concept.* C. 12.

[16] Julian P. A. Chauvet. C. 12.

[17] См. Shaw Jo. C. 72.

каждом случае должны будут учесть общие условия статей К.15 и К.16, а также специальное положение, касающееся того гибкого законодательства, которое они намереваются принять.

Джулиан Шовэ предлагает сгруппировать вначале общие положения, а затем специальные. Он аргументирует это следующими моментами:

1. Вводные предложения каждого их положений очень схожи, так же, как и условия, за ними следующие.

2. Такой порядок формирует определенную форму связи и упрощает общие замечания, позволяя избежать повторений.

3. Положение, которое рассматривается как отдельное (сотрудничество в сфере внешней политики и политики безопасности – J.13), логически соединится с другими[18].

Идея Джулиана Шовэ представляется вполне обоснованной, однако не получила четкого рассмотрения в его научном труде о принципе гибкости в Амстердамском договоре. Наш анализ текста Амстердамского договора показывает, что правовые положения о тесном сотрудничестве разбросаны по различным разделам без логического порядка, не представляют собой единой главы или части документа. Не только их применение, но и поиск в тексте и установление логических и формально-юридических связей в этой связи весьма затруднительны. Так, первым мы находим специальное положение – статью J.13, соответствующую второй опоре Европейского Союза, она содержится в разделе V. Затем следует специальное положение, посвященное третьей опоре, – статья К.12 в разделе VI. Затем следуют общие положения – статьи К.15, К.16 и К.17 в разделе VIa. И, наконец, специальное положение по первой опоре – статья 5а.

Было бы логично объединить указанные положения в единый раздел и разместить их в следующем порядке: вначале общие положения – статьи К.15, К.16 и К.17; затем специальные положения по опорам.

Примеры гибкости уже существовали до вступления в силу Амстердамского договора, поэтому вопрос: что же нового внес Амстердамский договор по сравнению с ними?

Главное, что сделал Амстердамский договор в отношении принципа гибкости заключается в том, что он впервые *разработал правовую основу* принципа гибкости, или тесного сотрудничества (по тексту Амстердамского договора).

Был осуществлен комплексный подход к правовому решению проблемы гибкого сотрудничества. Были сформулированы общее и специальные положения о тесном сотрудничестве, то есть правовые нормы общего характера, применимые к любому виду тесного сотрудничества, к каждой из трех опор Европейского Союза, а также правовые нормы, применимые только к отдельно взятой опоре Союза. Были сформулированы условия применения данного принципа, порядок принятия решений о гибком сотрудничестве и порядок распределения расходов, связанных с ним.

Все предыдущие примеры гибкого сотрудничества – Шенгенское право, валютный союз, Маастрихтский договор – предлагали практическое решение конкретных вопросов *с гибким элементом*, но не формулировали процедуру и механизм осуществления гибкого сотрудничества вообще, безотносительно к сфере применения. Шенгенское соглашение и Маастрихтский договор – это примеры реализации принципа гибкости, или тесного сотрудничества, причем примеры, осуществленные еще до создания правовой базы тесного сотрудничества. В данном случае имело

[18] См.: Julian P.A. Chauvet. – С. 12.

место определенное опережение развития практики гибкого сотрудничества между государствами-членами Европейского Союза по сравнению с развитием законодательной базы о гибком сотрудничестве Европейского Союза.

Ниццкий Договор

Ниццкая редакция Договора о Европейском Союзе содержит раздел VII «Положения о продвинутом сотрудничестве». Новые статьи, введенные Ниццким договором, – это статьи 43A-43B и 44A. Изменена редакция статей 43, 44, 45 и 46.

Статья 43 предусматривает возможность для государств-членов Европейского Союза, которые намереваются установить между собой продвинутое сотрудничество, воспользоваться институтами, процедурами и механизмами, предусмотренными настоящим Договором и Договором об учреждении Европейского Сообщества, при условии, что намеченное сотрудничество:

a) призвано способствовать достижению целей Союза и Сообщества, охранять и обеспечивать их интересы и продвигать вперед их интеграционный процесс;

b) уважает названные договоры, а также единый институциональный механизм Союза;

c) соблюдает достижения Сообщества и меры, принятые на основе других положений названных договоров;

d) остается в рамках полномочий Союза или Сообщества и не затрагивает сферы, относящиеся к исключительной компетенции Сообщества;

e) не наносит ущерба внутреннему рынку, как он определен в параграфе 2 статьи 14 Договора об учреждении Европейского Сообщества[19], а равно экономическому и социальному сплочению, установленному в соответствии с разделом XVII того же Договора[20];

f) не создает препятствий или дискриминации в отношении коммерческого оборота между государствами-членами и не влечет за собой искажений в конкуренции между ними;

g) объединяет как минимум восемь государств-членов;

h) уважает компетенцию, права и обязанности государств-членов, которые в нем не участвуют;

i) не затрагивает положений Протокола об интеграции Шенгенских достижений в рамки Европейского Союза;

j) является открытым для всех государств-членов в соответствии со статьей 43B.

Целеполагание в подпункте (a) пункта 1 настоящей статьи значительно усилено и содержит указание на то, что продвинутое сотрудничество имеет целью *усилить процесс интеграции*. Неслучайно французский текст Договора употребляет термин «усиленное сотрудничество».

Не меняется число государств-членов, которые могут составить группу продвинутого сотрудничества. Статья К.15 Амстердамского договора в подпункте (d) пункта 1 предусматривала участие «большинства государств-членов», что составляло восемь из пятнадцати государств-членов, которые состояли в Союзе на год подписания договора; Ниццкая редакция также говорит о «минимум восьми государствах-членах».

Подпункты (b), (c) и (f) пункта 1 статьи 43 повторяют подпункты статьи К.15 Амстердамского договора.

[19] «...пространство без внутренних границ, в рамках которого обеспечено свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов».

[20] раздел XVII «Экономическое и социальное сплочение» части третьей Договора об учреждении Европейского сообщества.

В новой редакции настоящей статьи исчез подпункт о том, что продвинутое сотрудничество применяется в качестве последнего средства, когда цели указанных договоров не могут быть достигнуты применением установленных ими соответствующих процедур. Данное положение составляет теперь отдельную статью 43A, причем она предусматривает, что органом, который уполномочен установить, что цели Союза не могут быть достигнуты, является Совет Европейского Союза. Более того, статья 43A содержит дополнительное требование о соблюдении «разумного срока» в достижении указанных целей.

Статья 43B конкретизирует подпункт (j) пункта первого статьи 43. Продвинутое сотрудничество при его установлении открыто для всех государств-членов. Оно также остается открытым для них в любое время в соответствии со статьями 27E и 40B настоящего Договора и статьей 11A Договора об учреждении Европейского Сообщества, при условии соблюдения первоначального решения и других решений, принятых в этих рамках. Комиссия и государства-члены, участвующие в продвинутом сотрудничестве, стараются поощрять участие как можно большего числа государств-членов.

Статья 11A – это бывшая статья 5A, которая устанавливает порядок присоединения государств-членов к продвинутому сотрудничеству, установленному в рамках Европейского Сообщества.

Статья 44, бывшая статья K.16 Амстердамского договора, заменена двумя статьями 44 и 44A, при этом статья 44 повторяет статью K.16, а также дополняет ее.

В целях принятия актов и решений, необходимых для реализации предусмотренного статьей 43 продвинутого сотрудничества, применяются соответствующие институциональные положения настоящего Договора и Договора об учреждении Европейского Сообщества. В то же время, хотя в обсуждениях могут участвовать все члены Совета, в принятии решений принимают участие только те из них, которые представляют государства-члены, участвующие в продвинутом сотрудничестве. Для определения квалифицированного большинства голосов используется та же пропорция голосов заинтересованных членов Совета, которая установлена в статье 205(2) Договора об учреждении Европейского Сообщества, *а также во втором и третьем абзацах параграфа 2 статьи 23 настоящего Договора применительно к продвинутому сотрудничеству, установленному в соответствии со статьей 27C*[21]. Единогласие образуется только за счет голосов заинтересованных членов Совета.

Согласно второму абзацу пункта 2 статьи 23 Ниццкого договора, если член Совета заявит о том, что по важным соображениям национальной политики, которые должны быть им изложены, он намерен выступить против решения, подлежащего принятию квалифицированным большинством, то голосование не проводится. Совет, постановляя квалифицированным большинством, может потребовать, чтобы вопрос был передан на рассмотрение Европейского совета в целях принятия решения путем единогласия.

Согласно третьему абзацу пункта 2 статьи 23 Ниццкого договора, голоса членов Совета взвешиваются в соответствии с параграфом 2 статьи 205 Договора об учреждении Европейского Сообщества. Чтобы быть принятыми, решения должны собрать не менее шестидесяти двух голосов, которые выражают поддержку, по меньшей мере, десяти членов.

Важное положение зафиксировано во втором абзаце пункта 1 статьи 44 Ниццкого договора. Акты и решения, необходимые для имплементации продвинутого сотрудни-

[21] Курсивом выделено дополнение в настоящую статью, внесенное Ниццким договором.

чества, предусмотренного статьей 43, не являются частью достижений Союза, то есть не являются частью acquis Союза. Это означает, что документы гибкого сотрудничества не признаются источниками права Европейского Союза.

Понятие acquis переводится на русский язык как «достижения» или «правовопорядок». Так, С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков рассматривают acquis применительно к Шенгенскому праву, а именно к протоколу «Об интеграции Шенгенских достижений в рамки Европейского Союза»: «Не только во французской, но и в английской его версиях, применен термин из французского языка «acquis», который можно также переводить как «знания», «опыт» (от французского acquérir – приобретать). Может показаться, что этим словом обозначаются реальные достижения, приобретения, блага Шенгенского процесса: открытые внутренние границы, единая виза и т.д. На самом деле термин «acquis» в данном случае имеет другое значение. Под Шенгенскими достижениями понимаются не фактические результаты одноименного процесса, а правила и документы, которые его регулируют. Понятие «Шенгенские достижения», таким образом, по своему содержанию и объему весьма близко к введенному ранее термину «Шенгенское право»[22].

Пункт 2 статьи 44 Ниццкого договора предусматривает, что государства-члены применяют акты и решения, принятые в целях реализации продвинутого сотрудничества, в котором они участвуют, в той мере, в какой эти акты и решения их затрагивают. Подобные акты и решения являются обязательными только для тех государств-членов, которые участвуют в продвинутом сотрудничестве, и в соответствующих случаях они подлежат прямому применению лишь в этих государствах. Государства-члены, не участвующие в продвинутом сотрудничестве, не препятствуют его реализации со стороны участвующих в нем государств-членов. Данная статья в части повторяет пункт 3 статьи К.15 Амстердамского договора, но и дополнена положением о том, что указанные акты и решения являются обязательными только для тех государств-членов, которые участвуют в продвинутом сотрудничестве, и в соответствующих случаях они подлежат *прямому применению* лишь в этих государствах. Вполне логично, что лишь государства-участники продвинутой группы будут связаны обязательствами выполнять положения актов и решений в сфере гибкого сотрудничества. Важно то, что эти акты и решения будут непосредственно применяться на их территориях. По данному признаку гибкое законодательство сближается по своей юридической природе с коммунитарным правом, с acquis.

Согласно статье 44А, расходы, вытекающие из реализации продвинутого сотрудничества, кроме понесенных институтами административных расходов, относятся на счет государств-членов, которые в нем участвуют, если только Совет, принимая решение на основе единогласия всех своих членов после консультации с Европейским парламентом, не решит иначе.

Статья 45 предусматривает обязанность Совета и Комиссии обеспечивать согласованный характер действий, предпринимаемых в целях реализации продвинутого сотрудничества, а также согласованность подобных действий со сферами политики Союза и Сообщества и сотрудничать между собой.

Статья 46 касается полномочий Суда Европейских сообществ применительно к сфере продвинутого сотрудничества. Положения Договора об учреждении Европейского сообщества, Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали

[22] См.: Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. *Шенгенские соглашения. Комментарий* / См.: http://eulaw.edu.ru/documents/

и Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии, которые касаются юрисдикции Суда Европейских сообществ и ее осуществления, применяются только к некоторым положениям Ниццкого договора, в том числе к положениям раздела VII о продвинутом сотрудничестве в рамках Европейского Союза на условиях, предусмотренных статьями 11 и 11А Договора об учреждении Европейского сообщества и статьей 40 Ниццкого договора.

Важность данного положения трудно переоценить. Ведь здесь предусмотрена юрисдикция Суда Европейских сообществ в отношении актов и решений, принимаемых с целью осуществления продвинутого сотрудничества. Данный признак гибкого законодательства еще теснее сближает его с правом Европейских сообществ.

Таким образом, на основе анализа практики продвинутого сотрудничества и статей 44 и 46 Ниццкой редакции Договора о Европейском Союзе мы можем выделить следующие 3 признака гибкого законодательства:

1) оно имеет форму международно-правовых договоров;

2) имеет прямое действие в государствах-членах Европейского Союза, участвующих в продвинутом сотрудничестве;

3) на него распространяется юрисдикция Суда Европейских сообществ.

Указанные признаки сближают гибкое законодательство с законодательством Европейского Сообщества, так называемым коммунитарным правом, или acquis. Это позволяет нам предложить использовать термин «гибкий acquis» применительно к актам и решениям, принимаемым для осуществления продвинутого сотрудничества. В английском варианте это звучит как flexible acquis, а во французском – acquis flexibilite.

Гибкий acquis не является частью acquis Европейского Союза. Он существует по воле и для государств-участников продвинутого сотрудничества.

Особый статус гибкого acquis, а также то обстоятельство, что он формируется на основе и с использованием институтов, процедур и механизмов Сообщества и Союза, позволяет нам высказать мнение о том, что он входит составной частью в европейское право, наряду с правом Европейских сообществ и правом Европейского Союза, представляет собой третью составляющую европейского права[23].

Эта составляющая непостоянна по содержанию, имеет тенденцию переходить в право Европейских сообществ (как, например, Шенгенское право), то есть непосредственно в первую опору Европейского Союза. Это представляется возможным благодаря тем признакам, которыми обладает гибкий acquis и которые сближают его с коммунитарным правом.

[23] Или даже четвертую составляющую европейского права, если взять за основу горизонтальную структуру европейского права, предложенную Л.М. Энтиным. См.: *Европейское право*: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 50-53.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТОВ ОБСЕ И ИХ РОЛЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Р.Ш. Гарипов*

В последнее время все большее значение приобретают так называемые нормы международного мягкого права, среди которых масса политических договоренностей. Государства признают обязательными подобные документы, хотя те не являются юридическими актами и носят декларативный характер. К числу подобных документов относятся и решения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, большая часть которых лишена юридической силы, однако имеет важное значение для международного права.

Отсутствие международно-правового характера решений ОБСЕ, по мнению некоторых авторов, является своеобразной «родовой травмой» этой организации[1]. Еще на консультациях, предшествовавших подписанию Заключительного Хельсинского акта 1975 года, было решено, что обязательства ОБСЕ носят не международно-правовой, а политический характер, то есть не имеют обязательной юридической силы. Поэтому начатый в Хельсинки процесс и принимаемые в его рамках решения, как правило, имеют политический, а не юридический характер. Отдельные (достаточно скромные) попытки принять решения, имеющие международно-правовой характер, например, в области Суда ОБСЕ по примирению и арбитражу, наталкивались на мощное сопротивление группы стран, в авангарде которых выступали США. В качестве основного аргумента выдвигался тезис о том, что международно-правовой характер решений СБСЕ изменит саму природу Совещания, придаст обязательствам юридическую силу и нарушит целостность общеевропейского единства, так как не все государства-участники захотят присоединиться к Конвенции[2].

В то же время процесс формирования ОБСЕ как международной региональной организации в настоящее время еще видимо не может считаться завершенным, что вызывает некоторые вопросы относительно места документов и договоренностей ОБСЕ в системе международного права.

Большинство решений, принимаемых в рамках Организации, носит рекомендательный характер, поэтому закономерна постановка вопроса о правовой природе договоренностей в рамках ОБСЕ. Необходимо определить, являются ли источниками международного права документы Организации. Известно, что дискуссия на эту тему ведется на всем протяжении развития ОБСЕ.

Как известно, в юридической науке, когда говорят об источниках права, имеют в виду формы, в которых выражена та или иная правовая норма. Говоря об источниках международного права, ряд авторов упоминают статью 38 Статута Международного Суда ООН, согласно которой к источникам относятся: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права, а также судебные решения и доктри-

* **Руслан Шавкатович Гарипов** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. arslan111@rambler.ru

[1] См.: Бенедиктов К. Россия и ОБСЕ: реальные и мнимые возможности сотрудничества // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д.Тренина– М., 2000. – С. 195.

[2] См.: Tanja G.L. Peaceful Settlement of Disputes within the Framework of the CSCE // Helsinki Monitor. – 1994. – № 3. – P. 48.

ны наиболее квалифицированных специалистов в качестве вспомогательных средств[3]. Однако в настоящее время данный перечень источников не может считаться исчерпывающим. Так, например, акты международных конференций и организаций стали тоже относить к источникам международного права. В связи с этим в современном международном праве получил распространение термин «мягкое право».

«Мягкое право» – это не значит мягко сформулированные международные договоры с ограничительным нормативным содержанием. Анализ доктрины и практики показывает, что термин «мягкое право» используется для обозначения двух различных явлений. В одном случае речь идет об особом виде международно-правовых норм, в другом – о неправовых международных нормах. В первом случае имеются в виду такие нормы, которые, в отличие от «твердого права», не порождают четких прав и обязанностей, а дают лишь общую установку, которой, тем не менее, субъекты обязаны следовать. Для подобных норм характерны слова и выражения типа «добиваться», «стремиться», «принимать необходимые меры» и т.п.

Ко второму виду норм «мягкого права» относятся те, что содержатся в неправовых актах, в резолюциях международных органов и организаций, в совместных заявлениях, коммюнике. О том, сколь велико может быть значение данных актов, свидетельствуют, например, решения конференций стран антигитлеровской коалиции. В наше время примером подобных норм служат документы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые стали главным инструментом перестройки системы международных отношений в Европе. Такого рода нормы являются не правовыми, а морально-политическими.

Нормы «мягкого права» взаимодействуют с нормами международного права, выполняя то, что по тем или иным причинам не могут делать последние. Нередко они обеспечивают предварительное, доправовое регулирование, прокладывая путь праву. Велико значение норм «мягкого права» особенно для деятельности международных органов и организаций, которые с их помощью осуществляют большой объем регулирования международных отношений и воздействуют на развитие международного права. Нормы «мягкого права» часто заполняют собой разрыв между договорными актами и обычным правом. Как правило, они принимаются в ответ на насущные политические проблемы.

Однако зачастую на практике можно встретить злоупотребления концепцией мягкого права. Так, например, профессор Ю.А. Решетов указывает на попытки представителей различных государств подобрать для международных соглашений такие наименования, которые они смогли бы использовать при толковании вопроса об их юридической силе в своих политических целях.[4] Хотя, необходимо отметить, что согласно статье 2 Венской конвенции о праве международных договоров, конкретное наименование международных соглашений не затрагивает их юридической силы[5].

Итак, являясь нормами мягкого права, документы ОБСЕ, будучи политически обязательными, оказывают определенное воздействие на систему международного права. Сила воздействия актов СБСЕ была настолько значительна, что многие юристы пытаются приблизить их к международному праву. Пишут об их «квазиправовом характере», а некоторые вообще считают их международно-правовыми актами, не-

[3] См.: Статут Международного Суда ООН // Международный уголовный суд: Сборник документов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 6.

[4] См.: Решетов Ю.А. К вопросу о «мягком праве» // Московский журнал международного права. – 1999. – № 2. – С. 27.

[5] См.: Конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г. // Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. – Т. I. – С. 345.

смотря на заявления участников, что документы порождают только политические обязательства.

По своей природе политические нормы представляют согласованную волю государств и в этом смысле имеют ту же природу, что и нормы международного права. От последних они отличаются тем, что, согласовав содержание правила, государства придали ему не юридическую, а политическую обязательную силу.

Обязательство вовсе не должно быть юридическим, чтобы его соблюдали стороны. Различие между юридическими и не юридическими обязательствами проявляется лишь в правовых последствиях и нисколько не влияет на обязательность нормы[6]. Санкции при нарушении политических норм заключаются в отрицательной реакции государств и международных организаций на нарушение этих норм. Государство-нарушитель может быть лишено возможности пользоваться благами, вытекающими из данной политической системы. Необходимо заметить, что политики отдают себе отчет в потенциальной опасности такого рода последствий.

Нарушение политически обязательных соглашений также неприемлемо, как и нарушение юридических обязательств и может быть приравнено к нарушению норм международного права. Таким образом, по мнению авторитетного юриста-международника Ари Блоеда, нет принципиального различия между политически обязательными и юридически обязательными нормами[7].

Различие между правовыми и неправовыми международными инструментами в последнее время часто исчезает, когда определенные международные договоры ссылаются на различные политические обязательства. В классификации норм международного права выделяют отсылочные нормы, обязывающие руководствоваться правилами, содержащимися в других нормах и актах. Такого рода нормы можно встретить во многих договорах. Отсылают и к неправовым нормам. Бывают отсылки к принципам морали, справедливости, к резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН и решениям международных совещаний, например, к документам ОБСЕ. По мнению профессора И.И. Лукашука, благодаря отсылочной норме содержание неправовой нормы обретает юридическую силу в рамках данного договора[8]. Так, советско-германский договор от 9 ноября 1990 года содержит положение о том, что обе стороны будут оказывать всемерное содействие развитию процесса безопасности и сотрудничества в Европе на основе Заключительного акта Хельсинки от 1 августа 1975 года. Аналогичные нормы содержатся также в Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Италией от 18 ноября 1990 года, в Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Испанией от 9 июля 1991 года и в ряде других документов. Однако такая трансформация политически обязательных договоренностей в юридически обязательные возникает только между определенными государствами, заключившими подобные договоры.

Обязательства ОБСЕ также могут приобрести юридически обязательный характер благодаря решениям Совета Безопасности ООН. Например, Резолюции 740 от 7 февраля 1992 года и 743 от 21 февраля 1992 года, которые обязывают стороны югославского конфликта руководствоваться принципами СБСЕ в решении своих вопросов[9].

---

[6] См.: P. van Dijk. The Final Act of Helsinki – Basis for a Pan-European System? // Netherlands Yearbook of International law. – 1980. – P. 110.

[7] См.: Arie Bloed. Institutional Aspects of the New CSCE // Legal Aspects of a New European Infrastructure. – NL. Utrecht, 1992. – P. 3.

[8] См.: Там же. – С. 112.

[9] См.: Ulrich Fastenrath. The Legal Significance of CSCE/OSCE Documents // OSCE Yearbook 1995/1996. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. – Baden-Baden, 1997. – P. 418.

Неоднократные ссылки в последующих договорах на Заключительный акт и на другие документы ОБСЕ сформулированы так, что не оставляют сомнений в признании их юридической силы и нормативности, а это свидетельство статуса данных актов как источников международного права.

Различие между правовыми и неправовыми нормами международного права исходит из концепции источников права. Согласно этой концепции к источникам международного права относятся только правовые нормы, то есть те, на которые можно ссылаться в суде. В соответствии со статьей 1 Конвенции по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ (которая является юридически обязательной) учреждается Суд по примирению и арбитражу, который создается для урегулирования путем примирения и арбитража споров, переданных ему на рассмотрение в соответствии с положениями данной Конвенции.

Примирение осуществляется примирительной комиссией, создаваемой для каждого спора. И согласно статье 24 Конвенции: «Примирительная комиссия оказывает помощь сторонам в споре в поисках урегулирования в соответствии с международным правом и их обязательствами в рамках СБСЕ»[10]. То есть, иными словами, Конвенция прямо указывает на возможность использования документов и договоренностей ОБСЕ (в том числе и неправовых) в судебном разбирательстве, относя их, таким образом, к источникам международного права.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что большинство документов ОБСЕ, являясь политически обязательными документами, приобретают юридическую силу в процессе их действия благодаря различным механизмам.

Для того чтобы более детально изучить роль документов ОБСЕ в системе международного права, необходимо подробно остановиться на самом главном документе – Хельсинском Заключительном акте 1975 года. Общеизвестна оценка Заключительного акта как документа огромного политического звучания. Возникает, однако, вопрос: является ли он источником международного права, то есть актом, содержащим нормы права? Существуют два основных подхода к оценке юридической силы Заключительного акта. В основу первого положена посылка, что этот документ не является международным договором, хотя и признается его международно-правовое значение. Второй подход признает его договорный характер.

Согласно Веской конвенции о праве международных договоров 1969 года, договор – международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом[11]. Однако некоторые авторы выделяют неформальные международные договоры, к которым также применимы нормы Конвенции и под которыми, согласно современной международно-правовой доктрине, понимаются письменные соглашения между государствами многостороннего характера, не содержащие положений о придании им юридически обязательной силы, но соблюдаемые заключившими их государствами, убежденными в том, что положения письменного согласованного текста для них обязательны к исполнению[12].

Основополагающий документ ОБСЕ – Хельсинский Заключительный акт – не именуется договором, хотя очевидно, что он представляет собой международное соглашение. В то же время договаривающиеся стороны согласились не регистрировать Заключительный акт на основании статьи 102 Устава ООН, пункт 1 которой гласит:

[10] См.: Конвенция по примирению и арбитражу в рамках СБСЕ. Женева, 15 декабря 1992 г. // Московский журнал международного права. – 1993. – № 3. – С. 161.

[11] См.: Конвенция о праве международных договоров. Вена, 23 мая 1969 г. // Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. – Т. I. – С.344.

[12] См.: Ушаков Н.А. Международное право. – М.: Юристъ, 2000. – С. 213.

«Всякий договор и всякое международное соглашение, заключенные любым членом Организации… должны быть, при первой возможности, зарегистрированы в Секретариате и им опубликованы»[13]. Думается, что на сегодняшний день, исходя из современных реалий, международный договор в его классическом виде не может считаться единственной формой согласования воль государств, в результате которого рождаются нормы международного права. Не говоря уже об обычае, можно назвать и другие формы выражения и официального закрепления достигнутой договоренности, например, нормоустановительные постановления международных организаций[14]. В свое время интересную мысль о правовой природе этих актов высказал Г.В. Игнатенко, который писал, что резолюция, или постановление международной организации характеризуется не только как акт международной организации, но и как специфическая форма межгосударственного соглашения, содержащая международно-правовые нормы, то есть как специфический источник международного права[15]. Сегодня уже многими учеными-международниками акты международных организаций признаются в качестве источников международного права.

Однако, если в отношении постановлений международных организаций такое решение еще может вызвать какие-либо возражения, поскольку международная организация вовне выступает не как некая сумма государств-членов, а как целостное образование, то применительно к актам межгосударственных конференций (например, Хельсинский Заключительный акт), даже если им не придается форма международного договора в чистом виде, данное решение справедливо, так как в основе таких актов лежит согласование воль государств, участвующих в конференции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Хельсинский Заключительный акт, являясь особой формой согласования воль государств-участников, является источником международного права и содержит международно-правовые нормы.

Отсутствие в Заключительном акте СБСЕ указания на то, что он подлежит регистрации в Секретариате ООН, не означает, что он не содержит в себе юридически обязательных правил поведения. Наоборот, он буквально пестрит обязательствами государств-участников по всем его трем частям и многочисленным разделам. Кроме того, государства-участники наделены широкими правами по осуществлению взаимного контроля (включая инспекции) за соблюдением договорных обязательств.

Юридическую силу Акта не колеблет и то, что содержащиеся в нем предписания различны по характеру обязательности. В частности, наряду с правовыми нормами, здесь имеются и ненормативные положения. Это указание на мотивы тех или иных действий, предписания индивидуального порядка и т.д., как, например, указание на созыв 15 июня 1977 года в Белграде подготовительной встречи для организации совещания представителей государств. Но соединение в одном документе нормативных и ненормативных положений не устраняет общей его квалификации как нормативного юридического акта, поскольку нормы права в нем все же присутствуют.

По мнению профессора Г.В. Игнатенко, характеристика мер укрепления доверия как нормативных положений в Хельсинском Заключительном акте, а затем в итоговом документе Стокгольмской конференции от 19 сентября 1986 года может расцениваться как совмещение юридических и политических обязательств[16]. Юридический аспект

[13] См.: Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. // Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. – Т. I. – С. 31.

[14] См.: Малинин С.А. О правотворческой деятельности межгосударственных организаций // Советский ежегодник международного права. – М., 1973. – С. 179-183.

[15] См.: Игнатенко Г.В. Международное право. – Свердловск, 1974. – С. 40.

[16] См.: Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. – М.: НОРМА, 2002. – С. 111.

обязательств выражается в следующем: во-первых, они связаны с регулированием отношений между государствами-участниками ОБСЕ. Во-вторых, имеют общий характер и должны реализовываться во всех предусмотренных случаях. В-третьих, используемые формулировки имеют форму долженствования («государства должны…», «будут предоставлять…», «будут обеспечивать…»). В-четвертых, предусмотрены меры контроля за соблюдением согласованных мер, инспекции.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе содействовал упрочению авторитета и развитию содержания принципов международного права. Например, принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву в Заключительном акте 1975 года содержит следующее положение: «При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, они будут сообразовываться со своими юридическими обязательствами по международному праву; они будут, кроме того, учитывать должным образом и выполнять положения Заключительного акта СБСЕ»[17]. Хотя четко различаются юридические обязательства по международному праву и положения Заключительного акта, государства договорились должным образом учитывать и выполнять эти положения, в том числе в нормотворческом процессе. В порядке выполнения своих обязательств по документам СБСЕ, а теперь и ОБСЕ государства регулярно принимают национально-правовые акты. Такие акты известны и в российской практике. В качестве примера можно выделить Постановление Правительства РФ от 7 августа 1995 года «О мероприятиях по реализации документов ОБСЕ», где сказано: «Принять надлежащие меры по отражению международных обязательств, принятых в рамках «Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности», в соответствующих актах законодательства Российской Федерации»[18].

Принципы взаимоотношений государств, закрепленные в Хельсинском Заключительном акте СБСЕ, имеют особое значение для развития международного права. Состояние международного правопорядка зависит от того, как соблюдаются и признаются принципы государствами. Нарушение одного принципа влечет нарушение всей системы международного права[19]. Принципы, закрепленные в Заключительном акте 1975 года, относятся к категории локальных норм, то есть пространственная сфера их действия ограничена рамками взаимоотношений государств-участников. Вместе с тем, они носят и общий характер, являясь основополагающими установлениями. Иначе говоря, юридически их можно квалифицировать как основные нормы регионального типа. Признание данного положения влечет за собой ряд правовых последствий, из которых можно отметить два. Во-первых, возникает необходимость неукоснительного их соблюдения в любой предметной сфере взаимоотношений европейских государств. Во-вторых, названными принципами участники Акта должны руководствоваться и при выработке всех последующих норм, касающихся их взаимоотношений.

Локальные нормы, как известно, являются составной частью международного права и, соответственно, подчиняются всем требованиям, предъявляемым к его нормам. В частности, они не могут противоречить нормам универсального типа jus cogens и, в первую очередь, основным принципам общего международного права. Не случай-

[17] См.: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1 августа 1975 г. // Действующее международное право. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. – Т. I. – С. 78.

[18] См.: Постановление Правительства РФ от 7 августа 1995 года № 798 «О мероприятиях по реализации документов ОБСЕ» // Собрание Законодательства. – 1995. – № 33. – Ст. 3395.

[19] См.: Международное публичное право. Курс лекций / Под ред. Г.И. Курдюкова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 69.

но поэтому в Хельсинском документе подчеркивается, что принципы взаимоотношений участников Акта находятся в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций и что государства будут действовать, в применении этих принципов, в соответствии с целями и принципами Устава ООН.

Между указанными документами нет не только противоречий, но можно даже говорить о значительном их текстуальном совпадении, особенно положений, касающихся содержания принципов. Семь принципов, зафиксированных в Декларации 1970 года (неприменение силы или угрозы силой; разрешение споров мирными средствами; невмешательство во внутренние дела; сотрудничество между государствами; равноправие и самоопределение народов; суверенное равенство государств; добросовестное выполнение обязательств, принятых в соответствии с Уставом ООН), воспроизводятся и в Хельсинском Заключительном акте. Отдельные незначительные изменения формулировок не меняют сущности соответствующих принципов.

Вместе с тем, в Заключительном акте выделено в качестве самостоятельных еще три принципа: нерушимость границ; территориальная целостность государств; уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений. Необходимо отметить, что в Декларации 1970 года в той или иной форме упоминаются положения, составляющие стержень названных принципов. Однако в Заключительном акте они выражены более четко и полнее раскрыто их содержание, присутствует элемент конкретизации. Опыт Совещания с успехом может быть использован при дальнейшей работе по кодификации принципов общего международного права. Необходимо отметить, что ряд западных авторов признают юридически обязательную силу изложенных в Хельсинском Заключительном акте принципов[20].

Итак, анализ Заключительного акта показывает, что его содержание находится в полном соответствии с Уставом ООН. В тексте Акта неоднократно подчеркивается приверженность государств-участников целям и принципам Организации Объединенных Наций. Правовой основой для выработки положений Акта, относящихся к безопасности, служит глава VIII Устава ООН – «Региональные соглашения». По мнению ряда специалистов, из этого следует, что Заключительный акт, являясь собой формой согласования государств, по своей юридической силе может быть приравнен к региональным соглашениям[21].

Также хотелось бы выделить мнение одного известного американского специалиста Томаса Фрэнка, который заявил, что документы ОБСЕ вместе с существующей практикой могут считаться отправной точкой для нового международного (регионального) обычного права[22]. Данную позицию поддерживают и ряд других специалистов, например, итальянский юрист Джорджио Сакердотти и датский специалист по международному праву Ари Блоед. Так, в частности, в одной из статей утверждается, что Хельсинские соглашения так часто упоминаются (применяются) государствами-участниками, что можно говорить об их постепенной трансформации в нормы международного обычного права[23].

Профессор И.И. Лукашук в своей работе поднимает вопрос о значении для прогрессивного развития международного права не вступивших в силу конвенций и не ратифицированных договоров (к числу которых в определенной степени можно отнести

[20] См.: Wolfgang Heusel. Weiches Volkerrecht. – Baden-Baden, 1991. – P. 176.

[21] См.: Малинин С.А. Совещание в Хельсинки (1975 года) и международное право // Правоведение. – 1976. – № 2. – С. 27.

[22] См.: Thomas M. Franck. The Emerging Right to Democratic Governance // American Journal of International Law. – 1992. – P. 67.

[23] См.: Arie Bloed. Institutional Aspects of the New CSCE // Legal Aspects of a New European Infrastructure. – NL. Utrecht, 1992. – P. 5.

и Хельсинский Заключительный акт 1975 года). Он напоминает, что эти акты были разработаны квалифицированными юристами, обсуждены и приняты представителями государств на дипломатических конференциях. И это дает основание рассматривать их в качестве авторитетных материалов практики государств, в чем определяется их роль в формировании обычных норм и в толковании позитивного права[24].

В дискуссиях о будущей институционализации СБСЕ выдвигались требования придать договоренностям в рамках СБСЕ обязательный международно-правовой характер. «Именно СБСЕ может стать несущей конструкцией общеевропейского дома. Но для этого, по меньшей мере, необходимо, чтобы документы Совещания носили характер международных договоров, а не только политических обязательств, хотя бы и тщательно разработанных»[25]. Тем не менее, по мнению других специалистов, не следует стремиться к большей степени обязательности данных договоренностей. Договоры, обладающие всеми качествами международных, могут заключаться на уровне организационных структур, непосредственно связанных с процессом СБСЕ[26]. Так, по мнению профессора Г.В. Игнатенко, речь не должна идти о тождестве актов международной конференции и международных договоров. Что же касается тезиса о политической обязательности, использованного лишь в отдельных актах, то его интерпретация не может игнорировать реальных юридических предписаний, нормативных формулировок, содержащихся в актах ОБСЕ, а также не учитывать соотношения между этими актами и последующими международными договорами, последующей практикой государств[27].

Итак, подводя итог, можно сделать следующие выводы: с точки зрения международного права большинство принимаемых в рамках ОБСЕ документов, не носят юридически обязательного характера, и такой подход часто имеет негативную правовую оценку. Ведь необходимо стремиться к обязательному характеру принимаемых актов, так как в противном случае такие положения могут привести к их нарушению. Тем не менее, договоренности в рамках ОБСЕ имеют три преимущества:

Первое: юридически необязательный характер договоренностей может облегчить общее развитие ОБСЕ, так как обеспечивает институтам ОБСЕ необходимую гибкость.

Второе: к договоренностям в рамках ОБСЕ относятся, как правило, как к международным договорам. Они приобрели в какой-то мере обязательный юридический характер, в то время как другие межгосударственные договоренности таким качеством не обладают. Государства-участники ОБСЕ придерживаются соблюдения своих договоренностей и принимают участие в различных конференциях по проблемам имплементации[28].

Третье: договоренности в рамках ОБСЕ оказывают стимулирующее воздействие на развитие международного права. Они способны регулировать поведение государств наравне с нормами международного права, что можно рассматривать в качестве ин-

[24] См.: Лукашук И.И. Кодификация и прогрессивное развитие международного права в XXI веке // Российский ежегодник международного права. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 29.

[25] См.: Смирнов Н.А. Общеевропейский дом и европейское правовое пространство // Московский журнал международного права. – 1992. – № 3. – С. 95.

[26] См.: Крайкемайер А. На пути к единой системе ценностей в рамках СБСЕ // Московский журнал международного права. – 1993. – № 3. – С. 65.

[27] См.: Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право. – М.: НОРМА, 2002. – С. 112.

[28] См.: Bloed A. Institutional Aspects of the Helsinki Process. After the Follow Up Meetings of Vienna // Netherlands International Law Review. – 1989. – № 3. – P.342-363.

дикатора возникновения новых международно-правовых стандартов. В ряде научных источников подчеркивается важность таких соглашений в процессе становления международного права[29].

Хельсинский процесс при помощи политических актов перестроил систему международных отношений в Европе. Если бы государства попытались добиться того же при помощи международного права, то потребовались бы десятилетия. Во многих странах парламенты едва ли ратифицировали договор с тем же содержанием, что и Заключительный акт СБСЕ[30]. То есть государства-участники не проигнорировали регистрацию принятых ими обязательств в рамках статьи 102 Устава ООН, а просто попытались ускорить процесс их принятия, исключив долгую процедуру парламентских слушаний.

К тому же по довольно единодушной оценке юристов-международников регистрация соглашения в Секретариате ООН является, как общее правило, определенным свидетельством того, что соглашение является договором, в то время как не регистрация его еще не доказывает, что это соглашение – не договор[31].

Совещание не имело своей целью создать новое международное право в Европе. Оно было призвано установить общие правила поведения и взаимоотношений между государствами-участниками для мирного сосуществования в Европе. Однако сейчас, по прошествии многих лет, можно говорить об определенной трансформации данных правил поведения в нормы международного права.

[29] См.: P. van Dijk. The Implementation of the Final Act of Helsinki: The Creation of New Structures or the Involvement of Existing Ones? // Michigan Journal of International Law. – 1989. – Vol. 10. – № 1. – P. 114–115.

[30] См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: БЕК, 1997. – С. 142.

[31] См.: Nutchinson D.N. The Significance of the registration or nonregistration of an international agreement in Determining whether or not it is a treaty // Current Legal Problems. – Oxford, 1993. – V 46. – P. 275.

Нет особой нужды доказывать актуальность темы преподавания международного права. Проблемы, связанные с преподаванием международного права, являются вечными, и потому эта тема станет постоянной темой «Казанского журнала международного права».

Открывается тема анализом рассмотрения данной проблемы в системе Организации Объединенных Наций, в рамках которой находится на опять-таки постоянной основе пункт «Программа ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права».

Мы публикуем также статьи ведущих российских юристов-международников и преподавателей Юрия Михайловича Колосова о проблемах преподавания международного права в свете тенденций развития высшей школы в России и Евгения Григорьевича Ляхова об особенностях преподавания международного правав вузах системы МВД России.

В конце раздела мы публикуем Вопросник по проблемам преподавания международного права. Убедительно просим читателей журнала откликнуться на наш призыв и направить нам Ваши ответы на данный Вопросник. От того, насколько полны и аргументированы будут Ваши ответы, во многом зависит качество открываемой нами общероссийской дискуссии по проблемам преподавания международного права. Просим заведующих кафедрами передать эти Вопросники своим преподавателям и оказать содействие в организации как можно более широкого участия в дискуссии. Заранее благодарим Вас.

О РАССМОТРЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ООН

Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права была учреждена резолюцией Генеральой Ассамблеи ООН 2099 (XX) от 20 декабря 1965 года.

Сначала пункт, посвященный выполнению Программы, включался в повестку дня сессий ГА ООН ежегодно, затем – раз в два года.

Рассмотрим основные моменты рассмотрения данной Программы за последнее десятилетие (1997-2007 годы), при этом мы сконцентрируем внимание только на тех аспектах Программы, которые касаются *преподавания* международного права, опуская иные (изучение, распространение, более широкое признание) ее аспекты. В то же время в некоторых случаях такое разделение сделать невозможно, так как многие мероприятия по преподаванию международного права одновременно выполняют и иные задачи Программы.

При выполнении положений Программы Генеральному Секретарю ООН оказывает помощь Консультативный Комитет. Члены Комитета избираются Генеральной Ассамблеей на 4 года. В настоящее время на период с 2004 по 2007 гг. избраны 25 членов, в том числе от Российской Федерации. Комитет заседает ежегодно.

Основными этапами рассмотрения Программы являются:

- Работа Консультативного Комитета по Программе и разработка им рекомендаций.

- Доклады Генерального Секретаря ООН о ее осуществлении за двухгодичный период.

- Рассмотрение темы в Шестом комитете ГА и представление Доклада по его результатам (как правило, представляется проект резолюции ГА).

- Рассмотрение темы на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и принятие резолюции.

В своих докладах Генеральный Секретарь ООН представляет информацию о проведении основных учебных мероприятий, проводимых ООН в целом и ее Учебным и научно-исследовательским институтом.

Среди главных мероприятий по преподаванию МП в этом контексте особо выделяются:

- Семинар по международному праву;
- Программа стажировок в области международного права;
- Региональные курсы международного права.

**Семинар по международному праву*

Семинар по международному праву имеет целью предоставить его участникам возможность более близкого ознакомления с работой ряда международных органов, в частности, с работой Комиссии международного права. Данный семинар проводится ежегодно в течение трех недель во время сессии Комиссии международного права ООН в Женеве. В семинаре участвуют, как правило, 24 человека (в последние годы особое внимание уделяется равному соотношению участия мужчин и женщин). В основном, участники семинара – аспиранты и молодые преподаватели и работники государственных органов. Значительному количеству участников выделяются стипендии (полные и неполные), что позволяет обеспечить адекватное географическое представительство участников.

Так, на семинаре 2003 года участвовали представители Азербайджана, Анголы, Габона, Ганы, Германии, Греции, Израиля, Индии, Испании, Камеруна, Канады, Катара, Кении, Коста-Рики, Латвии, Малайзии, Мьянмы, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Румынии, Сенегала, Финляндии и Франции.

На семинаре 2005 года участники представляли Бельгию, Бенин, Гану, Германию, Индию, Индонезию, Иран (Исламскую Республику), Канаду, Китай, Колумбию, Конго, Литву, Малайзию, Мали, Мексику, Непал, Нигерию, Новую Зеландию, Норвегию, Соединенные Штаты Америки, Того, Чешскую Республику, Финляндию и Ямайку.

Следует отметить, что семинар финансируется за счет добровольных взносов государств-членов и в форме национальных стипендий, предоставляемых правительствами гражданам своих стран. В 2005 году стипендии участникам предоставили правительства Германии, Мексики, Новой Зеландии, Финляндии, Чешской Республики, Швейцарии и Швеции. Благодаря этим стипендиям была обеспечена адекватная географическая представленность участников и были приглашены достойные кандидаты, которые, в противном случае, не смогли бы принять участие в работе Семинара.

Участникам семинара читаются лекции ведущими юристами-международниками мира, как правило, членами Комиссии международного права ООН и, как правило, по темам, находящимся на рассмотрении Комиссии. Кроме того, перед участниками семинара выступают представители многочисленных специализированных учреждений ООН и международных организаций, имеющих штаб-квартиры в Женеве (Всемирная организация здравоохранения, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и по делам беженцев, Международный Комитет Красного Креста, Всемирная Торговая Организация и др.). Так, на семинаре 2003 года были прочитаны лекции по темам: Рамочная кон-

венция ВОЗ по борьбе против табака; международное право, касающееся беженцев, новые вызовы современному международному гуманитарному праву.

В 2005 году члены Комиссии прочитали стипендиатам лекции по следующим темам: «Односторонние акты» (В.Родригес-Седеньо совместно с М.И. Торрес Касорла); «Дипломатическая защита» (Дж. Дугард); «Консультативное заключение Международного Суда от 9 июля 2004 года» (Дж. Момтаз); «Международная ответственность за действия, не запрещенные международным правом» (П.С. Рао); «Общие природные ресурсы» (Ч.Ямада); «Фрагментация международного права» (М.Коскенниеми) и «Ответственность международных организаций» (Дж. Гая).

Представители других организаций прочитали лекции по следующим темам: «Работа Комиссии международного права» (А.Пронто, сотрудник по правовым вопросам, Управление по правовым вопросам); «Международное беженское право. Новейшие события» (В.Кочетел, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)); «Система урегулирования споров Всемирной торговой организации» (И.Ренуф, юрисконсульт Всемирной торговой организации) и «Работа Комитета по правам человека» (М.Шмидт, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)).

В 2006 году в Семинаре участвовали 25 человек из Индонезии, Перу, Сенегала, Тринидада и Тобаго, Мексики, Армении, Эфиопии, Венгрии, Кении, Того, России, Японии, Марокко, Иордании, Конго, Лесото, Финляндии, Греции, Китая, Франции, Италии, Бразилии, Гаити, Камбоджи и Австралии.

Участникам Семинара были прочитаны лекции членами Комиссии международного права: Джорджо Гая – «*Ответственность международных организаций»;* Пемараджу Ш. Рао – «*Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом»*; Тусей Ямада – *«Общие природные ресурсы: право трансграничных водоносных горизонтов»*; Здзислав Галицкий – *«Aut dedere aut judicare»*; Ян Броунли: *«Работа Международного Суда»*; Джон Дугард – *«Дипломатическая защита»*; Джамшид Момтаз – *«Рассмотрение Дарфурского дела в Международном уголовном суде»*; Мартти Коскенниеми – *«Фрагментация международного права»*. С лекциями выступили также помощник руководителя Семинара по международному праву Витторио Майнетти на тему *«Введение в работу Комиссии международного права»*; проф. международного права Университета Малаги Мария Исабель Торрес Касорла на тему *«Односторонние акты государств»*; бывший заместитель и исполнявший обязанности Верховного комиссара по правам человека Бертран Рамчаран на тему *«Новый Совет по правам человека»*; Юрисконсульт Международного комитета Красного Креста Елена Пежич на тему *«Актуальные проблемы международного гуманитарного права»*; судья Административного трибунала ООН Брижит Стерн на тему *«Работа АТООН»*. Была также организована встреча с Юрисконсультом ООН Николя Мишелем, который выступил перед участниками Семинара, рассказав о работе Управления по правовым вопросам. Участники Семинара посетили Европейскую организацию по ядерным исследованиям, Всемирную торговую организацию. Обсуждались главным образом вопросы, касающиеся системы урегулирования споров, принятой в ВТО, а также правовой практики Апелляционного органа. Были организованы общие прения в помещениях Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), в которых принимал участие начальник Секции по правовым вопросам Хельмут Бусс и старший сотрудник по правовым вопросам Секции операций по защите и юридических консультаций Стивенсон Вольфсон. В ходе этого мероприятия обсуждались в основном вопросы, касающиеся структуры и мандата УВКБ, а также беженского права. Участники Семинара посетили также Управле-

ние Верховного комиссара по правам человека. После краткого брифинга по вопросам работы Комитета по правам человека, который провел г-н Маркус Шмидт (УВКПЧ), участники Семинара присутствовали при обсуждении в Комитете по правам человека доклада МООНК. Все участники Семинара были разделены на три рабочие группы по следующим темам: *«Фрагментация международного права»*, *«Односторонние акты государств»* и *«Дипломатическая защита»*. Деятельностью этих рабочих групп руководили Председатель Исследовательской группы и специальные докладчики Комиссии по этим вопросам – М.Коскенниеми, В.Родригес Седеньо и Дж. Дугард. Группы представили результаты своей работы участникам Семинара. Кроме того, каждому участнику было поручено подготовить краткий письменный отчет по одной из лекций. Представленные отчеты были сведены в единый документ и распространены среди всех участников.

Всего к 2007 году в семинаре участвовали 952 человека из 157 стран мира.

**Программа стажировок в области международного права*.

Резолюции ГА ООН, принимаемые по проблеме преподавания МП, уполномочивают Генерального Секретаря ООН предоставлять ежегодные стипендии для прохождения стажировок по международному праву. Обычно каждый год предоставляется 18-19 стипендий. Получатели стипендий имеют возможность в течение 6 недель посещать лекций, читаемые в Гаагской Академии международного права, и также проходят интенсивную программу семинаров и ознакомительных визитов (Международный Суд ООН, МТБЮ, Постоянная палата третейского суда, Европол, Трибунал по урегулированию взаимных претензий между Ираном и США и др.).

В 2005 году были прочитаны лекции по следующим темам: «Международное право для человечества: к новому праву народов» (А.Канкаду-Триндаде, судья и бывший председатель Межамериканского суда по правам человека); «Восстановление мира с помощью многосторонних операций после вооруженных конфликтов» (П.Дайе, Парижский университет X); «Международный Суд» (Э.Давид, Свободный университет Брюсселя); «Доступ к международному правосудию в связи с экологическими спорами» (Г.Лойбль, Венский университет); «Современные гуманитарные интервенции» (В.С. Мани, директор, Национальный юридический университет штата Гуджарат); «Многосторонность в противовес односторонности: санкционирование применения силы Советом Безопасности» (Л.А. Сицилианос, Афинский университет); и «Вклад международного права в сохранение культурного разнообразия» (Д.Терп, Монреальский университет).

На специальных семинарах в 2005 году, в частности, рассматривались следующие темы: «Международное гуманитарное право» (А.-М. Ла Роза, юрисконсульт, Международный комитет Красного Креста); «Международное беженское право» (В.Робер, юрисконсульт, УВКБ); «Многосторонняя торговая система» (Г.Марсо, советник, Отдел по правовым вопросам, Всемирная торговая организация, Женева); «Морское право» (А.Майю, профессор, Экс-Марсельский университет); «Право международных договоров» (Г.Хафнер, профессор, Венский университет); «Международная защита прав человека» (Й.Диалло, специалист по правам человека, бывший сотрудник УВКПЧ); «Международное экологическое право» (Л.Буасон де Шазурне, профессор кафедры права, Женевский университет); «Международное уголовное право» (Э.Давид, профессор, Свободный университет Брюсселя); и «Деятельность Комиссии международного права» (Дж. Момтаз, профессор, Тегеранский университет и Председатель Комиссии международного права).

В 2003 году поступило 197 заявок из 56 стран. Было отобрано 19 стипендиатов из Алжира, Анголы, Бенина, Болгарии, Буркина-Фасо, Камбоджи, ЦАР, Конго, Джибути, Доминиканской Республики, Сальвадора, Экваториальной Гвинеи, Габона, Казахстана, Лаоса, Мексики, Марокко, Руанды, Словении.

В 2005 году для участия в Программе стипендий в области международного права поступила 291 заявка из 56 стран. Было отобрано 16 стипендиатов (8 мужчин и 8 женщин) из следующих стран: Гондурас, Грузия, Кабо-Верде, Камбоджа, Коморские Острова, Кот-д'Ивуар, Кыргызстан, Ливан, Маврикий, Мали, Монголия, Нигер, Перу, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские Острова и Того. В 2005 году в Программе приняли также участие три наблюдателя, представлявшие Ливан, Румынию и Турцию.

Специальное место в Программе выделено для программы стипендий и стажировок в области международного морского права имени Ш.А. Амерасингхе. Данная программа была создана в 1981 году в память первого президента Конференции ООН по морскому праву. Целью программы является предоставление возможности, прежде всего, государственным служащим и научным работникам и преподавателям приобрести дополнительные знания в области морского права в системе органов ООН и различных международных учреждениях (Нидерландский институт морского права, Институт международных исследований в Чили, юридический факультет Оксфордского университета в Англии и др.).

**Симпозиумы ЮНСИТРАЛ*

Целью данных симпозиумов является оказание технической помощи, прежде всего, развивающимся странам, и поддержки в проведении реформ в области коммерческого права, в частности, проведение конференций, направление миссий, законодательная экспертиза.

**Региональные курсы международного права*

Региональные курсы проводятся по различным вопросам международного права, представляющим особый интерес для тех регионов, в которых они проходят. Однако периодичность и сам факт проведения курсов зависят от «желания государств принять» эти мероприятия и от добровольных взносов для их проведения.

В 1999 году Управление по правовым вопросам Секретариата ООН совместно с ЮНИТАР провели региональный курс по МП для стипендиатов по международному праву для представителей стран Центральной Азии и Ближнего Востока (ноябрь – декабрь 1999 г., Исламская Республика Иран).

В феврале 2004 года в Кито (Эквадор) прошел региональный курс международного права для стран Латинской Америки. В октябре – ноябре 2005 года региональные курсы по вопросам международного права для стран Азиатского региона прошли в Таиланде. В курсах приняли участие представители из таких стран как Бангладеш, Бруней, Бутан, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Мальдивские Острова, Монголия, Мьянма, Непал, Пакистан, Папуа – Новая Гвинея, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор, Филиппины, Шри-Ланка и Япония.

Всего с 1967 года прошло 22 региональных курса по международному праву.

В последний раз обсуждение вопроса «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права» в рамках ООН состоялось в ноябре 2005 года в Шестом Комитете ГА ООН.

При обсуждении данного пункта повестки дня выступили представители Мексики, Польши, Танзании и Российской Федерации. Ниже мы приводим краткое изложение их выступлений.

Представитель Мексики отметил, что Программа способствует профессиональной подготовке юристов-международников во всех странах, особенно в развивающихся странах. Из числа мероприятий, проведенных в рамках этой программы, его делегация обращает особое внимание на ежегодный семинар по международному праву, который дает возможность новым поколениям юристов ознакомиться с темами, изучаемыми Комиссией международного права, изданиями о правовой практике ООН и аудиовизуальной библиотекой международного права ООН. Помимо своего непосредственного результата, осуществляемые ООН виды деятельности оказывают разностороннее воздействие на национальную пропагандистскую и образовательную работу. В Мексике эта деятельность повысила качество учебных семинаров для студентов университетов. Ввиду финансовых ограничений, связанных с проведением данной деятельности, очень важно, чтобы страны делали добровольные взносы в эту программу. Относительно небольшие суммы имеют существенные последствия для достижения целей Организации Объединенных Наций. Мексика сама сделала ряд скромных взносов, демонстрируя свою приверженность совершенствованию знания международного права и его неукоснительному применению.

Представитель Польши отметил, что этот пункт повестки дня стал особенно актуальным ввиду растущего принятия международным сообществом верховенства права в качестве важной основы международных отношений. В Итоговом документе Всемирного саммита правительства подтвердили свою приверженность международному праву. В этом контексте примечательно то, что тема «Справедливый мир на основе права» будет центральной на заседании Американского общества международного права в 2006 году, посвященном его столетию. Такие встречи дают возможность осмысления ответственности юристов-международников за создание более справедливого, безопасного и процветающего мира. Такая цель потребует также совместных действий государств, правительственных и неправительственных организаций, деловых кругов и гражданского общества. В связи с этим Генеральный Секретарь в 1999 году определил консолидацию и развитие международного права как самую важную после мира и безопасности цель Организации. Приверженность содействию соблюдению международного права должна быть усилена, и политика государств и международных организаций должна соответствовать этой цели. Единственным способом борьбы с теми, кто нарушает международное право, является распространение знания о его основных принципах и смысле среди миллионов потенциальных жертв нарушений. Вот почему преподавание международного права является таким важным. Резолюция Института международного права о преподавании публичного международного права 1997 года может служить образцом стандартизации преподавания этого предмета. Представитель Польши заявила, что книга польского юриста профессора Манфреда Ляхса «The Teacher in International Law: Teachings and Teaching» должна быть главным источником знания по этому предмету для юристов-международников, преподавателей и политиков. Профессор Ляхс подчеркивал значение преподавания права и необходимость усиления моральной приверженности интернационалистов формированию более гуманного мира. Помимо всех мероприятий, описанных в докладе Генерального Секретаря, предстоит еще много сделать не только ООН, но также и в первую очередь государствам-членам. Интересам всех отвечает предоставление свободного доступа к веб-сайту Сборника договоров ООН. Делегация оратора приветствует сообщение о том, что доступ к базе данных будет расширен.

Представитель Танзании отметил, что невозможно переоценить роль Программы помощи в содействии развивающимся странам в наращивании их потенциала. Кроме того, различные мероприятия, описанные в докладе Генерального Секретаря, также дали базовые знания лицам, которые будут служить международному сообществу в области международного права. Его делегация отдает должное деятельности Управления по правовым вопросам, направленной на поддержку этой программы, в частности, составлению и распространению правовых изданий ООН. В связи с этим заслуживает высокой оценки также деятельность Учебного и научно-исследовательского института ООН. Танзания выражает свою искреннюю благодарность перечисленным в разделе IV доклада государствам-членам, которые сделали щедрые взносы в Программу на двухгодичный период 2004-2005 годов. Она всегда выступала за расширение Программы и за увеличение ассигнований, выделяемых в рамках регулярного бюджета Управлению по правовым вопросам.

Представитель Российской Федерации заявил, что Россия всегда придавала значение работе, которую проводят различные органы в рамках и вне рамок системы ООН в соответствии с Программой помощи. Семинары и стипендии в рамках Программы предоставляют возможность молодым юристам-международникам не только повышать свою квалификацию, но и обсуждать проблемы международного права в неофициальной обстановке. Российская Федерация является последовательным сторонником применения принципов международного права в международных отношениях. Принятие Устава ООН явилось подлинной вехой в этом процессе. В июне 2005 года Россия принимала Международную конференцию, посвященную 60-й годовщине принятия Устава, на которой состоялось плодотворное обсуждение различных аспектов современного международного права. Роль международного права должна постоянно повышаться, и Программа внесет значительный вклад в достижение этой цели.

Последней резолюцией ГА ООН по теме преподавания международного права стала резолюция 60/19, принятая в январе 2006 года. Приводим текст этой резолюции полностью.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей
[*по докладу Шестого комитета (A/60/514)*]
60/19. Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права

Генеральная Ассамблея,

с признательностью принимая к сведению доклад Генерального секретаря об осуществлении Программы помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права и руководящие принципы и рекомендации, касающиеся дальнейшего осуществления Программы, которые были приняты Консультативным комитетом по Программе,

считая, что международное право должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех университетах,

с признательностью отмечая усилия, прилагаемые государствами на двусторонней основе с целью оказания помощи в преподавании и изучении международного права,

будучи убеждена, тем не менее, в том, что следует побуждать государства и международные организации и учреждения к оказанию дальнейшей поддержки Программе и расширению их деятельности по содействию преподаванию, изучению,

распространению и более широкому признанию международного права, в частности, тех видов деятельности, которые приносят особую пользу для лиц из развивающихся стран,

вновь подтверждая свои резолюции 2464 (XXIII) от 20 декабря 1968 года, 2550 (XXIV) от 12 декабря 1969 года, 2838 (XXVI) от 18 декабря 1971 года, 3106 (XXVIII) от 12 декабря 1973 года, 3502 (XXX) от 15 декабря 1975 года, 32/146 от 16 декабря 1977 года, 36/108 от 10 декабря 1981 года и 38/129 от 19 декабря 1983 года, в которых она заявила или напомнила о том, что при осуществлении Программы желательно в максимально возможной степени использовать ресурсы и возможности, предоставляемые государствами-членами, международными организациями и другими донорами, а также свои резолюции 34/144 от 17 декабря 1979 года, 40/66 от 11 декабря 1985 года, 42/148 от 7 декабря 1987 года, 44/28 от 4 декабря 1989 года, 46/50 от 9 декабря 1991 года, 48/29 от 9 декабря 1993 года, 50/43 от 11 декабря 1995 года, 52/152 от 15 декабря 1997 года, 54/102 от 9 декабря 1999 года, 56/77 от 12 декабря 2001 года и 58/73 от 9 декабря 2003 года, в которых она, кроме того, выразила или вновь подтвердила надежду на то, что при назначении лекторов для семинаров в рамках программы стипендий в области международного права будет приниматься во внимание необходимость обеспечения представительства основных правовых систем и сбалансированности представительства различных географических регионов,

1) одобряет руководящие принципы и рекомендации, содержащиеся в разделе III доклада Генерального Секретаря и принятые Консультативным комитетом по Программе помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права, в частности, те из них, которые направлены на достижение наилучших результатов в осуществлении Программы в рамках политики максимальных финансовых ограничений;

2) уполномочивает Генерального Секретаря осуществлять в 2006 и 2007 годах виды деятельности, указанные в его докладе, включая предоставление:

a) ряда стипендий по международному праву как в 2006, так и в 2007 годах, которые будут определены с учетом общего объема ресурсов для Программы и которые будут предоставлены по просьбе правительств развивающихся стран;

b) по крайней мере одной стипендии как в 2006, так и в 2007 годах в рамках Программы стипендий имени Г.Ш. Амерасингхе в области морского права при условии внесения новых добровольных взносов специально в фонд этих стипендий;

c) помощи, с учетом общего объема ресурсов Программы, в виде

оплаты путевых расходов одного участника из каждой развивающейся страны, который будет приглашен для участия в региональных курсах, которые могут быть организованы в 2006 и 2007 годах;

и, при необходимости, обеспечение финансирования вышеупомянутых видов деятельности за счет ассигнований по регулярному бюджету, а также за счет добровольных финансовых взносов, предназначенных для каждого из соответствующих видов деятельности, которые поступят в ответ на просьбы, содержащиеся в пунктах 12–14, ниже;

3) выражает признательность Генеральному Секретарю за его конструктивные усилия по содействию подготовке кадров и оказанию помощи в области международного права в рамках Программы в 2004 и 2005 годах, в частности, за организацию сороковой и сорок первой сессий Семинара по международному праву, состоявшихся в Женеве соответственно в 2004 и 2005 годах, и за деятельность Управления по правовым вопросам Секретариата, связанную с программой стипендий в области международного

права и Программой стипендий имени Г.Ш. Амерасингхе в области морского права, осуществлявшуюся соответственно через его Отдел кодификации и Отдел по вопросам океана и морскому праву;

4) просит Генерального Секретаря рассмотреть возможность допущения к участию в различных компонентах Программы кандидатов из стран, которые готовы нести все расходы, связанные с таким участием;

5) просит также Генерального Секретаря рассмотреть вопрос об относительных преимуществах использования имеющихся ресурсов и добровольных взносов для финансирования региональных, субрегиональных или национальных курсов в отличие от курсов, организуемых в рамках системы ООН;

6) просит далее Генерального Секретаря и впредь обеспечивать необходимые ресурсы в бюджете по программам для Программы на следующий и будущие двухгодичные периоды в целях сохранения ее эффективности;

7) признает важность периодических юридических изданий, перечисленных в докладе Генерального секретаря, и настоятельно рекомендует продолжать их публикацию;

8) приветствует усилия Управления по правовым вопросам по обновлению серии сборников договоров (Treaty Series) ООН и «Юридического ежегодника ООН», а также усилия по размещению в Интернете текста сборников договоров и другой правовой информации;

9) выражает признательность Учебному и научно-исследовательскому институту ООН за его участие в Программе в рамках мероприятий, о которых говорится в докладе Генерального Секретаря;

10) выражает также признательность Гаагской академии международного права за тот ценный вклад, который она продолжает вносить в осуществление Программы, обеспечивая кандидатам в рамках программы стипендий в области международного права возможность посещать мероприятия Программы и участвовать в них параллельно с курсами Академии;

11) с признательностью отмечает вклад Гаагской академии в преподавание, изучение, распространение и более широкое признание международного права и призывает государства-члены и заинтересованные организации положительно откликнуться на призыв Академии продолжать поддержку и, по возможности, увеличивать их финансовые взносы, чтобы позволить ей осуществлять свою деятельность, в частности, мероприятия, касающиеся летних курсов, региональных курсов и программ Научно-исследовательского центра по вопросам международного права и международных отношений;

12) просит Генерального Секретаря продолжать пропагандировать Программу и периодически предлагать государствам-членам, университетам, благотворительным фондам и другим заинтересованным национальным и международным учреждениям и организациям, а также частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Программы или каким-либо иным образом оказывать помощь в ее осуществлении и возможном расширении;

13) вновь обращается с просьбой к государствам-членам, заинтересованным организациям и частным лицам делать добровольные

взносы, в частности, для финансирования Семинара по международному праву, программы стипендий в области международного права, Программы стипендий имени Г.Ш. Амерасингхе в области морского права и Аудиовизуальной библиотеки ООН по международному праву, и выражает признательность тем государствам-членам, учреждениям и частным лицам, которые внесли добровольные взносы в этих целях;

14) настоятельно призывает, в частности, все правительства делать добровольные взносы для организации Учебным и научно-исследовательским институтом ООН региональных курсов повышения квалификации в области международного права, особенно для покрытия суммы, необходимой для выплаты суточных слушателям в количестве до двадцати пяти человек на каждом из региональных курсов, облегчая тем самым бремя потенциальных принимающих стран и предоставляя Институту возможность и далее организовывать эти региональные курсы;

15) просит Генерального Секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят второй сессии доклад об осуществлении Программы в 2006 и 2007 годах и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе представить рекомендации относительно выполнения Программы в последующие годы;

16) постановляет включить в предварительную повестку дня своей шестьдесят второй сессии пункт, озаглавленный «Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права».

53-е пленарное заседание, 23 ноября 2005 года.

В преамбуле Резолюции упоминаются *Руководящие принципы и рекомендации, касающиеся дальнейшего осуществления Программы, которые были приняты Консультативным комитетом по Программе.* В соответствии со своей резолюцией 58/73 Генеральная Ассамблея назначила членами Консультативного комитета на период с 1 января 2004 года по 31 декабря 2007 года 25 государств-членов, которыми стали: Гана, Германия, Иран (Исламская Республика), Италия, Канада, Кения, Кипр, Колумбия, Ливан, Малайзия, Мексика, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Пакистан, Португалия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Судан, Тринидад и Тобаго, Украина, Уругвай, Франция, Чешская Республика, Эфиопия и Ямайка.

В пункте 14 своей резолюции 58/737 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря представить ей на ее шестидесятой сессии доклад об осуществлении Программы в 2004 и 2005 годах и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе представить рекомендации относительно выполнения Программы в последующие годы. При формулировании таких руководящих принципов и рекомендаций учитывался тот факт, что Ассамблея не предусматривает в своей резолюции выделение новых бюджетных ресурсов для Программы, а вместо этого исходит из финансирования такой деятельности за счет существующего общего уровня ассигнований и добровольных взносов государств. В рекомендациях содержится рекомендация о том, чтобы Организация Объединенных Наций и другие учреждения продолжали нынешнюю деятельность в рамках Программы и расширяли и развивали ее в том случае, если будут поступать новые средства за счет добровольных взносов. В принципе новую деятельность следует осуществлять только в том случае, если общий уровень ассигнований или добровольных взносов позволяет делать это.

Приводим также текст данных Принципов и рекомендаций:

Семинар по международному праву. Ожидается, что, если от государств будут по-прежнему поступать добровольные взносы в достаточном объеме, новые сессии в рамках Семинара будут проведены в 2006 и 2007 годах одновременно с сессиями Комиссии международного права. Сессии в рамках Семинара должны планироваться так, чтобы было возможно обеспечивать их адекватное обслуживание, включая, по мере необходимости, устный перевод.

Международное публичное право и деятельность в других областях. В течение двухгодичного периода 2006-2007 годов Управление по правовым вопросам и его Отдел кодификации намереваются продолжать выполнять различные функции, связанные с целями Программы, как они изложены в настоящем докладе, а именно: участие в Программе стипендий в области международного права; проведение региональных курсов повышения квалификации; подготовка стажеров; лекции по тематике международного права; выполнение функций секретариата для Консультативного комитета и Шестого комитета по пункту повестки дня, касающемуся Программы помощи ООН; и распространение информации по вопросам кодификации и прогрессивного развития международного права. Что касается подготовки стажеров, то при их отборе должным образом учитывается географическое распределение, но в то же время в полной мере используются существующие возможности, независимо от гражданства.

Деятельность в области морского права и океанов: Мемориальная стипендия им. Г.Ш. Амерасингхе. Управление по правовым вопросам будет по-прежнему предоставлять как минимум одну стипендию в год в соответствии с правилами и руководящими принципами.

Деятельность, касающаяся права международной торговли. Меры по содействию профессиональной подготовке и помощи в области права международной торговли представляют особый интерес для развивающихся стран. Генеральный Секретарь через Отдел права международной торговли Управления по правовым вопросам будет в течение двухгодичного периода 2006-2007 годов принимать необходимые меры по осуществлению рекомендаций, адресованных ему в этой связи ЮНСИТРАЛ и Генеральной Ассамблеей.

Публикации. Ожидается, что Секретариат будет продолжать свои усилия по сокращению отставания в выпуске United Nations Treaty Series («Сборник договоров Организации Объединенных Наций»). Секретариату также необходимо продолжать принимать усилия для публикации на всех официальных языках ООН, насколько это возможно, информации по вопросам, представляющим интерес с точки зрения права, в Интернете на странице ООН, а также с помощью других электронных средств.

Распространение юридических изданий ООН. Копии юридических изданий Организации Объединенных Наций, выпущенных в 2006 и 2007 годах, будут предоставляться учреждениям в развивающихся странах, которые получали такие публикации в рамках Программы, и другим учреждениям в развивающихся странах, когда просьбы о таких публикациях будут поступать от соответствующих государств-членов. Каждая новая просьба будет рассматриваться по отдельности, и при этом будет также учитываться наличие соответствующей юридической публикации.

Стипендии, предоставляемые национальными учреждениями. Полученная от правительств информация в отношении стипендий, предоставляемых национальными учреждениями, будет по просьбе этих правительств распространяться среди всех государств-членов.

Программа стипендий в области международного права. В рамках регулярного бюджета ООН каждый год должны по-прежнему предоставляться несколько стипендий. Дополнительные стипендии могут также предоставляться за счет Целевого фонда Программы помощи в зависимости от объема добровольных взносов, получаемых каждый год. Программа должна быть также открыта для ограниченного числа наблюдателей от правительств, готовых покрывать их расходы. Необходимо придерживаться руководящих принципов, содержащихся в резолюциях Генеральной Ассамблеи, в частности, желательности использования, по мере возможности, ресурсов и средств, предоставляемых государствами-членами, международными организациями и други-

ми донорами, а также необходимости при назначении лекторов для проведения семинаров в рамках Программы стипендий в области международного права обеспечивать представительство основных правовых систем и баланс между различными географическими регионами. Требуется прилагать все усилия для обеспечения и поддержания высокого уровня лекций и семинаров. Кроме того, при осуществлении Программы стипендий следует максимально использовать существующие людские и материальные ресурсы Организации, с тем чтобы добиваться как можно лучших результатов в рамках политики максимальной финансовой сдержанности. По мере возможности, экспертов-преподавателей для семинаров следует отбирать из числа сотрудников Организации, тем самым сводя к минимуму гонорары консультантов и в полной мере используя экспертные знания сотрудников Организации в области международного права и в смежных областях. Начиная с 1998 года, Программа стипендий осуществляется в одноязычном формате, по очереди на английском и французском языках. Это изменение по сравнению с предыдущим двуязычным форматом позволило сократить расходы в рамках Программы, а также повысить ее качество. Одноязычный формат будет сохранен для программ стипендий в 2006 и 2007 годах. По приглашению Управления по правовым вопросам ЮНИТАР должен по-прежнему участвовать, при необходимости и в соответствии с изложенными выше руководящими принципами, в осуществлении этих аспектов Программы стипендий.

Согласно докладу Генерального Секретаря ООН, главными финансистами Программы (по семинару МП и Программе стипендий в области МП) являются Германия, Австрия, Мексика, Финляндия, Швеция, Монако и Швейцария. Ряд государств вносят регулярные, но символические взносы (по 200-500 долларов США).

Следующее рассмотрение вопроса о выполнении Программы ООН в области преподавания международного права назначено на 62-ю сессию ГА ООН.

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ)

Ю.М. Колосов*

Международное право консервативно (многие договоры действуют с XIX столетия), но в то же время оно динамично развивается. Едва ли не ежедневно появляются новые международные договоры, расширяется и конкретизируется компетенция международных организаций. Новое толкование норм международного права (как официальное, так и доктринальное) также влияет на изменение международных правоотношений. Международное право не может не «откликаться» на изменения в международных отношениях, хотя в силу консерватизма не всегда за ними успевает. Тенденции современного неординарного развития международного права нуждаются в академических исследованиях и в разработке практических рекомендаций при его преподавании.

* **Юрий Михайлович Колосов –** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ.

Изложенные выше факторы требуют их учета в процессе преподавания международного права. Представляется, что в ряде случаев содержание преподавания международного права должно даже опережать нормотворческий и правоприменительный процессы. Среди этих тенденций отметим следующие.

В процессе имплементации международного права наблюдается все большее переплетение и взаимовлияние норм международного права, международного частного права и национального законодательства.

Например, международные экономические отношения, как никакие другие, развиваются в рамках их глобализации. Дефицит энергетических ресурсов, их трансграничное использование, трансграничные экологические проблемы вынуждают государства вступать в правоотношения, без решения которых невозможно стабильное и безопасное развитие народов. Здесь на первый план выступают нормы международного инвестиционного права. Без «взаимодействия» финансовых ресурсов различных стран прогресс и устойчивое развитие национальных экономик становятся проблематичными. Соответственно, в рамках международного экономического права приоритетными становятся правовые аспекты международного инвестиционного права.

Неравномерность промышленного развития государств и регионов влечет за собой интенсификацию трудовой миграции, которая усложняет решение проблем обеспечения прав человека, а также взаимодействия государств в сфере гражданско-правовых отношений.

Все острее становятся энергетические проблемы и дефицит водных ресурсов. Трансграничное перемещение энергоресурсов и воды неизбежно усложняют международные правоотношения в таможенной и экологической областях.

Многомерное понятие международной безопасности не ограничивается решением проблем ограничения вооружений и нераспространения оружия массового поражения. Оно также включает борьбу с терроризмом, с организованной преступностью, с коррупцией, с распространением наркотиков.

Многие актуальные вопросы можно решать только на глобальном уровне в рамках универсальных международных организаций, компетенция которых расширяется и усложняется.

Углубление государственных взаимосвязей и взаимопроникновение частного капитала сопровождается появлением все большего числа споров, которые рассматриваются как в национальных, так и в международных арбитражных и судебных органах.

Многополярность и многомерность современного мира означает необходимость детального анализа компетенции и практики деятельности региональных организаций.

Изложенное выше предполагает внесение определенных корректив в преподавание международного права и, как следствие, в содержание учебников по международному праву.

Первая проблема связана с переходом нашей высшей школы на систему бакалавр-магистр.

Прежняя (и кое-где еще сохраняющаяся) система пятилетнего высшего образования позволяла предусмотреть в учебных планах преподавание международного права в полном объеме. В зависимости от специализации высшего учебного заведения (а также от состава профессорско-преподавательского корпуса) международное право преподавалось в течение 2-х – 7-ми семестров. Программа включала чтение лекций и семинарские занятия по общему курсу международного права (в некоторых вузах они охватывали как публичное, так и частное право в рамках одной кафедры). В результате

выпускник нашей высшей школы был подготовлен к работе в любых государственных учреждениях, в сфере частного бизнеса, а также для поступления в аспирантуру.

Мои контакты со студентами и магистрами многих зарубежных вузов свидетельствовали об их лучшей подготовленности к работе в сфере бизнеса и адвокатуры, но об очень ограниченных познаниях в области международного публичного права.

Как результат – наши выпускники в течение нескольких месяцев адаптировались к работе в любых структурах, требующих юридических знаний.

Переход к системе бакалавр-магистр меняет ситуацию коренным образом. Выпускник сегодняшний бакалавратуры крайне редко востребован в государственных структурах, в сфере частного бизнеса и, по существу, не может поступить в аспирантуру (хотя формально юридически это допустимо). Только диплом магистра, по существу, означает получение законченного высшего образования.

Поскольку юридически диплом бакалавра является свидетельством о высшем образовании, необходимо подумать о корректировке учебных планов бакалавратуры.

Бакалавр должен быть подготовлен: для работы по специальности в государственном секторе и в частном секторе, для поступления в магистратуру (как отечественную, так и зарубежную), для поступления в аспирантуру.

Возникает вопрос: чем может отличаться двухгодичная магистратура от трехлетней (очной) аспирантуры? Представляется, что аспирантура призвана подготовить ее выпускника, прежде всего, для преподавательской работы в вузе и для научно-исследовательской работы. Магистратура должна подготовить выпускника к работе на высокопрофессиональном уровне. Учащийся магистратуры с самого начала должен иметь мотивацию для работы в избранной им сфере и, соответственно, изучать необходимые ему спецкурсы и писать магистерскую диссертацию по прикладной тематике. Аспирант должен глубже изучать проблемы теории и готовить диссертацию с акцентом на теоретические аспекты, даже если она носит прикладной характер.

С учетом этих задач учебный план бакалавратуры мог бы включать изучение международного права в полном объеме (в его классическом понимании отечественной наукой). Изучение международного права должно было бы продолжаться от 4-х до 5-ти семестров, в общей сложности не менее 200 часов. Это позволило бы бакалавру легко адаптироваться к работе в государственных структурах и в частном секторе, а также претендовать на обучение в аспирантуре. Авторитет диплома бакалавра необходимо всячески повышать, чего невозможно сделать без глубокого освоения всех отраслей и институтов современного международного права.

Магистратура в учебном плане должна была бы делать акцент на углубленное изучение отдельных отраслей и институтов международного права (по выбору самого магистранта). Соответственно, кафедры международного права должны были бы иметь набор программ спецкурсов, рассчитанных на основные потребности «потребителей» выпускников магистратуры: право международных договоров, право международных организаций, дипломатическое и консульское право, международное право поощрения и защиты прав человека, соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права, международно-правовая ответственность и мирное урегулирование споров, международное экономическое право и право ряда отраслей – морское, воздушное, космическое, природоохранное и т.п. В то же время кафедры должны были бы быть готовы к индивидуальной работе с магистрантами по темам, которые не охвачены готовыми программами спецкурсов. Мотивация поступающего в магистратуру должна стать одним из основных критериев для его зачисления.

Программа каждого спецкурса магистратуры должна быть рассчитана минимум на 32 часа (лекций и семинаров-коллоквиумов).

Для магистрантов и аспирантов, не имеющих базового юридического образования, можно было бы факультативно преподавать общий курс международного права (по сокращенной бакалаврской программе).

Наконец, как в бакалавратуре, так и в магистратуре акцент следовало бы делать на практику применения норм международного права (так называемое case law).

Каким же сейчас видится учебник по международному праву?

Преподавание классических основ международного права выдержало в наших вузах проверку временем. Без постижения этих основ не может быть качественной подготовки ни магистров, ни аспирантов. Поэтому общая часть учебника должна содержать все разделы, которые входят сегодня во все отечественные учебники.

В то же время особенная часть учебника должна включать главы, которые отражали бы содержание основных (обязательных) спецкурсов для магистратуры.

Подходящим аналогом (структурно) мы бы считали учебник «Европейское право»[1], в котором части I-IV содержат основы права Европейского Союза, а часть V посвящена отраслям права Европейского Союза, которые и следует преподавать в качестве спецкурсов в магистратуре. Если следовать этому аналогу, можно было бы избежать подготовки отдельных учебников для бакалавратуры и магистратуры. Более того, бакалавр, планирующий поступление в магистратуру, имел бы неплохой ориентир, ознакомившись с особенной частью такого учебника, а магистрант без базового юридического образования имел бы в своем распоряжении общую часть учебника.

Разумеется, такой учебник имел бы очень большой объем, но учащиеся бакалавратуры могли бы ограничиться изучением общей части, а магистранты – части особенной.

Что касается изучения региональных особенностей международного права, то за аналог соответствующих программ можно было бы принять учебник «Европейское международное право»[2]. Такие программы могли бы быть предложены магистрам и аспирантам с учетом их специализации.

Мы изложили свое видение инновационного подхода к преподаванию международного права, сознавая, что могут быть предложены и иные подходы. Было бы полезно развернуть по этому вопросу дискуссию на страницах «Казанского журнала международного права», а также и других специализированных журналов.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО» В ВУЗАХ МВД РОССИИ

Е.Г. Ляхов*

Российская Федерация – одно из немногих государств мира, законодательно объявивших о включении норм и принципов современного международного права в национальную (внутригосударственную) правовую систему. Дипломатическая деятельность России, Советского Союза и Российской Федерации, опиравшихся на международное право и содействовавших его развитию, всегда была направлена на решение важнейших для страны и всего человечества вопросов войны и мира, обеспечения

[1] Европейское право: Учебник для вузов. – 2-е изд., пересм. и доп. // Под ред. Л.М. Энтина. – М., 2005.

[2] Европейское международное право: Учебник // Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой, П.В. Саваськова. – М., 2005.

* **Евгений Григорьевич Ляхов –** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского университета МВД России.

международной безопасности. Венский конгресс 1815 г. дал миру институт нейтралитета в лице Швейцарии, мирные конференции 1899 и 1907 гг. – важнейшие правила и обычаи ведения «самого ужасного, самого отвратительного» (Л.Н. Толстой) – войны; выработка и подписание Устава ООН (1945 год), борьба за его эффективность и нерушимость, мирное сосуществование и сотрудничество государств с различным политическим строем; инициативы по созданию глобальной системы по борьбе с угрозами и вызовами человечеству, включая международный терроризм, все это вехи Истории, которыми гордится наша страна. Международное право играет все возрастающую роль в регулировании международных и нередко внутригосударственных (национальных и межнациональных отношений.

Огромное значение оно имеет для решения вопросов, которые входят в компетенцию МВД России, – предупреждение преступности и борьба с ней, обращение с правонарушителями, противодействие, контроль и борьба с терроризмом, другими преступлениями; покушающимися на общественную, национальную (внутригосударственную) и международную безопасность.

В настоящей статье показываются особенности преподавания учебного курса «Международное публичное право» в вузах системы МВД на основе учебной программы и практики ее преподавания на международно-правовом факультете Московского университета МВД России.

По объему часов (аудиторных) изучение международного права в вузах МВД России прошло путь от 30 часов в Высшей следственной школе МВД СССР в 1970 г. до 100 часов в Московском университете МВД России в настоящее время.

К общим методическим требованиям относятся:

- преподавание, все формы обучения (лекция, семинар, экзамен, консультация, письменные работы, групповые и индивидуальные консультации и др.) – квинтэссенция преподавателя как личности, ученого, методиста;

- юрист, правовед – человек, знающий философию – наиболее общие законы существования природы и общества, экономическую теорию и на этой основе умеющий писать, трактовать и применять писаные законы - право (внутригосударственное) и международное; на кафедре Прав человека и международного права Московского университета МВД РФ преподаются дисциплины, взаимодополняющие друг друга и помогающие становлению юриста, юриста-международника: обеспечение прав человека в деятельности ОВД, международное (публичное) право, международное уманитарное право, актуальные проблемы международного права, международное сотрудничество в борьбе с преступностью, международное частное право, европейское право.

К специальным методическим требованиям относятся:

- преподаватель международного права должен владеть общей теорией международного права, отраслевыми теориями, теорией государства и права, теорией конституционного, гражданского, административного и уголовного права, основами внутренней, внешней и международной политики. В связи с тем, что основная задача международного права – это обеспечение международного мира и безопасности, надо знать главные угрозы и вызовы Человечеству и России, которые делятся на две группы:

«Старые», вечные угрозы: термоядерная угроза (равно мирная и военная), угроза загрязнения окружающей среды, эпидемии, голод.

Новые угрозы: сепаратизм, нестабильность целых регионов Земли (например, Ближний Восток);

- появление и разрастание, «оразнообразивание» международных (агрессия, геноцид) и уголовных преступлений, равно покушающихся на общественную, национальную (государственную) и международную безопасность (терроризм и международный терроризм, наркобизнес и др.).

Главная цель существования международного права – обеспечение мирных экономических, политических, гуманитарных международных связей, предупреждение международных воин и конфликтов. Эта цель должна преследоваться при проведении всех форм занятий и практически по всем темам, но особенно следующим: «Право международной безопасности», «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и терроризмом», «Правила и обычай ведения войны», «Мирные средства разрешения международных споров и конфликтов».

При чтении лекций по указанным темам необходимо соотносить юридическое содержание с соответствующими национальными и международными угрозами безопасности личности, обществу, государству. Весьма важным является применение технических средств обучения, наглядно показывающих возможности права в обеспечении всех видов безопасности.

На семинарских занятиях важным является установление связи между Концепцией национальной безопасности России, угрозами ее безопасности и возможностями международного права как регулятора межгосударственных отношений, имеющих большую специфику.

В связи с тем, что тематика дипломных работ и рефератов по международному праву по вышеуказанным темам является преобладающей на кафедре прав человека и международного права, необходима разработка специальных методик помощи слушателям, избравшим соответствующие темы. Например, обретение навыков работы с иностранной литературой и документами ООН, других международных организаций.

К междисциплинарным методическим проблемам относятся:

Взаимодействие ученых различных кафедр Московского университета МВД России, например, кафедры прав человека и международного права, с одной стороны, и кафедры теории государства и права, кафедры конституционного и муниципального права, уголовного права, административного права – с другой включает исследование проблем борьбы с преступностью и терроризмом, обеспечения национального и международного правопорядка, предупреждения конфликтных ситуаций. Необходимо также налаживать межкафедральное взаимодействие по созданию учебных методик при проведении различных форм занятий по смежным темам, особенно при чтении лекций по вопросам экстрадиции, правовым основам противодействия терроризму и т.п.

Особенно важным является координация методических усилий по внедрению в сознание слушателей усилиями всех правовых кафедр Университета того, что обеспечение национального правопорядка в России и борьба с преступностью являются общим делом национального (внутригосударственного) и международного права, ибо согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью национальной правовой системы.

Требуется создание межкафедральных методик, связанных со способами борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом, национальной рознью и нетерпимостью правовыми и международно-правовыми способами.

Ниже нами предлагаются некоторые краткие рекомендации и комментарии по учету особенностей преподавания курса «Международное публичное право» в вузах системы МВД России по отдельным темам курса.

Тема 1. «Понятие, особенности и система международного права».

Разъясняя вопросы понятия и особенностей международного права, необходимо слушателям МВД, сориентированным на нормы внутригосударственного права, ибо их специальность прежде всего и главным образом – обеспечение внутригосударственного правопорядка и борьба с преступностью, показать единое в теории национального и международного права, объекты правового регулирования – важнейшие общественные отношения; субъекты – участники такого рода отношений, физические и юридические лица и государства, создание норм – проявление воли одного государства и согласование волеизъявлений двух и более субъектов международного права; характер обеспечительного принуждения – государственно-властный, на международной арене – индивидуальный или коллективный.

Тема 2. «Становление и развитие международного права»

Освещать эту тему лучше в виде очерка, потому что по содержанию и характеру изложения историко-теоретических положений он в наибольшей степени отвечает задачам этой темы. В ней необходимо рассказывать о том, когда появилось международное право, почему оно возникло и какие этапы прошло в своем развитии, каковы тенденции развития международного права в XXI в. Международное право возникло одновременно с появлением государств и прошло в своем развитии соответствующие этапы: международное право рабовладельческого периода, феодального, буржуазный и современный тип международного права – право эпохи глобализации, СМИ, блоковых систем, многополярности мира, существования оружия массового поражения, быстрого роста населения Земли (от 6,5 до 12 млрд. к 2040 году от Рождества Христова). Важно подчеркивать, что во все времена любой исторический тип международного нрава имел прогрессивный характер, помогая создавать и обеспечивать международный правопорядок.

Для слушателей МВД необходимо провести сравнительный анализ сущности и содержания международного правопорядка и национального (внутригосударственного) правопорядка и законности на различных этапах существования международного права.

Тема 3. «Источники международного права»

Эта тема является одной из центральных в теории права вообще и международного права, в частности. Источник права – оформленное волеизъявление государства; источник международного права – это форма, в которой оно существует, это оформленное волеизъявление двух и более государств. Источники международного права – международный договор и международный обычай.

Каждый источник (форма) международного права неповторим и юридически значим, но наиболее важными для современных международных отношений являются:

- Устав ООН.
- Статут Международного Суда.
- Статут Международного уголовного Суда.
- К межведомственным международным актам – источникам международною права соответствующего уровня – следует отнести договоры МВД и МИД России и правоприменительными ведомствами других государств. Особое место занимает Устав Интерпола 1956 г., который подписывается руководителями правоохранительных органов (от России – министр внутренних дел), но рассматривается как межправительственное соглашение.

Обычай как источник (форма) международного права сохраняет свои позиции в большинстве его отраслей, но особенно в тех, которые регулируют вопросы международной безопасности и относительно государств, не являющихся участниками важнейших договоров в этой сфере, например Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (в воде, в воздухе и космическом пространстве) 1963 г., но следующих положениям Договора как обычной норме.

Тема 4. «Соотношение международного и внутригосударственного права»

Две теории соотношения международного и государственного права оказывают решающее влияние на правотворческую и правоприменительную практику государств: монистическая и дуалистическая. Согласно монистической теории международное и внутригосударственное право образуют одну (единую) правовую систему. Слушателям надо знать, что для практики важно не только то, образует ли международное и внутригосударственное право единую правовую систему или же являются двумя самостоятельными правовыми системами, а и то, может ли какой-либо государственный орган, включая суд, или должностное лицо при решении конкретного дела, относящегося к их компетенции, для обоснования своего решения сослаться непосредственно на международный договор или международный обычай. Еще более важно для практики выяснить, имеет ли в каких-либо случаях то или иное положение международного права, на которое можно сослаться при решении конкретного дела непосредственно, приоритет по отношению к тому или иному положению внутригосударственного права в случае коллизии между ними. Существуют еще некоторые проблемы, которые могут быть замечены при простом сопоставлении ряда норм международного и внутригосударственного права. Даже если каким-либо нормам международного права (как показывает практика, чаще всего нормам, содержащимся в договорах) придается сила во внутригосударственной сфере и они получают приоритет в случае их расхождения с нормами внутригосударственного права, зачастую, четко не решается вопрос об уровне этих норм. Так, нормы договоров, не требующих ратификации, в случае включения таких договоров в законодательство того или иного государства не могут иметь приоритет по отношению к нормам законов, принятых парламентом, а лишь по отношению к нормам, содержащимся в актах правительства. В качестве примера нечеткости законодательства в такого рода вопросах можно сослаться на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой просто провозглашается приоритет международных правил перед правилами, установленными законом.

Тема 5. «Субъекты международного права»

Наиболее плодотворным методическим приемом чтения лекций и проведения иных занятий по этой теме для слушателей вузов МВД РФ является сравнительный метод, когда сравниваются субъекты национального права и права международного. К субъектам национального (внутригосударственного) права относятся: государство в целом (например, проведение референдума), органы государства, муниципальные образования, физические и юридические лица. Они обладают правосубъектностью согласно национальному праву.

Международная правосубъектность не зависит от количества прав и обязанностей, возникающих у лица, т.е. от объема его международной правоспособности. Круг субъектов международного права определяется способностью лиц участвовать в межгосударственных отношениях, регулируемых международным правом. Участник только таких отношений может объективно подпадать под прямое воздействие международного права. Если по национальному праву все субъекты первичны, то согласно

международно-правовым велениям они делятся на первичные, естественные государства и Центр Римской (католической) церкви – Ватикан, производные: международные организации и органы, нации (народы), борющиеся за свое освобождение. Особое место занимает личность как участник международно-правовых отношений. Согласно международному праву таковой она (личность) является в двух случаях:

- в связи с совершением ею международных уголовных преступлений, типа воинских, преступлений против человечности, преступлений против международного мира;

в случае обращения в международные органы за защитой своих прав, нарушенных в родной стране (стране гражданства).

Тема 6. «Население и международное право»

Международное право не оказывает непосредственного регулятивного воздействия на правовой статус населения (в целом на какие-либо его категории и отдельных лиц), но это не означает, что оно никак не затрагивает населения. Имеется ряд международно-правовых норм, договорных и обычных, прямо или косвенно относящихся к населению, в частности по вопросам гражданства, выдачи преступников, прав человека, режима иностранцев. И даже те нормы международного права, которые прямо не посвящены населению, оказывают воздействие на его правовое положение. Обязывая государства действовать определенным образом по отношению друг к другу, международное право налагает на государства обязанность предпринимать те или иные действия и в сфере его внутренней жизни, в том числе разрабатывать, принимать и применять правовые акты, касающиеся положения населения в целом или его различных категорий.

В связи с тем, что сотрудники органов внутренних дел на практике соприкасаются со всеми категориями населения, необходимо сопоставить взгляды ученых отечественных авторов и западных авторов на процесс взаимодействия национального и международного права относительно прав личности. В зарубежной доктрине многие авторы рассматривают предоставление индивидам прямого доступа в международные судебные органы в качестве стороны в процессе как одно из основных доказательств возможности прямого регулирования международным правом положения населения. При рассмотрении правового и международно-правового статуса различных категорий населения необходимо опираться на международные договоры в этой сфере (например, Пакты о правах человека 1966 г.) и внутригосударственные законы и подзаконные акты (например, законы о правовом положении иностранных граждан, апатридов, бипатридов и т.д.). Хорошую помощь при раскрытии этой темы оказывают знания, приобретенные слушателями при изучении учебных курсов: конституционное право, по национальной и зарубежной истории государства и права, которые читаются до изучения курса международного права.

Слушатели должны знать основания, приемы и способы приобретения и утраты гражданства, правовой режим граждан страны, иностранцев (виды режима), роль МВД в обеспечении правового статуса всех категорий лиц, находящихся, например, в России, и российских граждан, находящихся за рубежом. .

При проведении занятий по этой теме следует обратить внимание на тот факт, что в некоторых учебниках вопросы ее рассматриваются вместе с темой международно-правового содействия обеспечению прав человека. Методологически и методически это едва ли верно, ибо правовой статус населения и защита прав личности, наций и народов – это разные плоскости правовой и политической активности и значимости.

Поэтому в большинстве учебников авторских и коллективов авторов эти темы справедливо рассматриваются отдельно.

Тема 7. « Территория и международное право»

В международном праве под территорией понимается весь Земной шар, включая его сухопутные и водные пространства, недра и воздушное пространство над ними, а также космическое пространство. Все эти пространства с точки зрения международного права разделяются на территории государств, территории с международным режимом, территории со смешанным режимом, и у них имеется свой международно-правовой статус.

Слушатели вузов МВД должны хорошо разбираться в правовом режиме различных территорий, ибо им на этих территориях бороться с преступностью и обеспечивать правопорядок.

Понятия «территория» и «границы» нераздельны.

Границы имеют огромное значение для каждого государства и служат для решения следующих проблем:

1) определения пределов территории государства;
2) обеспечения безопасности государства;
3) контроля за миграционными потоками физических лиц;
4) контроля за передвижением товаров, грузов и других видов экономических связей.

Что касается России, то в последние годы во многих ее приграничных районах интенсифицируется хозяйственная деятельность. Нередко заключаются соглашения об эксплуатации естественных ресурсов (вопросы водопользования и т.д.). Все это требует постоянного внимания не только к внешнеполитическим вопросам сотрудничества с соседними государствами, но и к вопросам техники установления и обустройства границ России. Пограничная политика занимает важное место во внешней политике России, поскольку она имеет границы с 16 сопредельными государствами протяженностью свыше 60 тыс. км.

Тема 8. «Право международных договоров»

Знание слушателями вузов МВД структуры международного договора и стадий его заключения, условий и порядка вступления его в силу помогает применять на практике, например, договоры об экстрадиции, о взаимной правовой помощи по уголовным делам, т.е. участвовать в важнейших правовых процессах международного сотрудничества в борьбе с преступностью. На семинарских занятиях по теме «Международный договор» необходимо организовывать разработку слушателями проекта договора на заданную тему.

Важно уяснение слушателями специальных многочисленных терминов, связанных с созданием и жизнью международного договора: ратификация, денонсация, новация, пролонгация, регистрация, опубликование и др.

Особое место при изучении этой темы занимает (как и в национальном правоприменении толкование законов) толкование международных договоров, ибо умение установить истинное (законодательное, властное, договорное) содержание положений договора и дать заключение – главное в деятельности юриста-международника. Нужно знать, что такое официальное и не официальное толкование, владеть приемами, способами толкования: историческим, логическим, систематическим, грамматическим и др.

Тема 9. «Международно-правовое содействие осуществлению прав человека»

При изучении этой темы необходимо подчеркнуть, что она охватывает широкий круг вопросов: от правил и обычаев ведения войны до защиты прав ребенка. Некоторые авторы именуют эту область гуманитарным правом. Название очень объемное и не совсем адекватное явлению. Мы остановимся на содействии соблюдению и осуществлению прав человека международно-правовыми способами, ибо главная нагрузка по обеспечению прав человека лежит на государстве. С позиций международного права права и свободы человека – это права, главные для характеристики правового положения лица в любом современном обществе. Различные общества имеют разные социально-политические возможности для обеспечения прав человека. Но, в принципе, для государств характерно определенное совпадение взглядов на то, какие права должны быть предоставлены индивидам и закреплены в национальных законах. Реальное обеспечение этих прав может быть различным. Оно основывается на уровне развития данного общества, на него оказывают влияние национальные, религиозные и другие особенности. Наряду с этим есть некое общее понимание их смысла и роли.

Термин «права человека» означает, что они неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Нельзя противопоставлять какое-либо одно право или свободу другим, ибо стремление добиться соблюдения одной группы прав и свобод может быть использовано для ущемления другой. Признание неделимости прав человека не исключает определенной их градации, приоритетов. Например, на первое место всегда ставят право на жизнь как важнейшее право, без обеспечения которого становится бессмысленной постановка вопроса о соблюдении остальных прав и свобод. Однако соблюдения лишь одного права на жизнь недостаточно для полноценного существования и развития личности в обществе. Для этого требуются уважение и соблюдение и других прав и свобод.

В процессе изучения могут применяться методы, присущие другим категориям процедур, прежде всего рассмотрению жалоб. При проведении занятий особо нужно остановиться на деятельности Европейского суда по правам человека как органа международной юстиции.

Тема 10. «Международное морское право».

Необходимо подчеркнуть, что морское право – одна из самых древних отраслей международного права, состоящая из норм и принципов глобального, регионального и локального характера. Специализация в вузах МВД применительно к морскому праву связана, в частности, с определением правового статуса как правонарушителя, так и оперативного работника, находящихся, например, в открытом море или территориальных водах государства, в прилежащей зоне, в Антарктике. Раскрывать эту тему необходимо, последовательно определяя правовой статус внутренних морских вод, территориального моря, прилежащих зон, открытого моря (пять свобод открытого моря), континентального шельфа, исключительной экономической зоны, морского дна, международных морских проливов и каналов, международных рек.

Тема 11. «Международное воздушное право»

Воздушное международное право – это комплексная система правовых принципов и норм, регулирующих отношения между государствами, международными авиационными организациями, между самими организациями по поводу использования гражданской авиацией воздушного пространства над государственной территорией, международными пространствами и пространствами со смешанным правовым режимом в целях осуществления международных регулярных и нерегулярных полетов

и выполнения международных воздушных перевозок. Деятельность гражданской авиации в качестве международного транспорта носит строго упорядоченный характер. В регулировании ее деятельности участвуют нормы международного публичного воздушного права, международного частного воздушного права и национального законодательства. Раскрыв предмет и функции, систему, источники и принципы международного воздушного права, необходимо остановиться на проблемах обеспечения безопасности на воздушном транспорте и в аэропортах, на проблеме борьбы с актами терроризма на основе международных конвенций 1963, 1970, 1971, 1988 и 1991 гг.

Тема 12. «Международное космическое право»

Изучение этой темы имеет свой профессиональный аспект относительно участия сотрудников ОВД в обеспечении безопасности предметов космической деятельности Человека и самого покорителя космоса.

Тема 13. «Международное право охраны окружающей среды»

Сохранение и улучшение жизнеспособных условий окружающей среды на Земле – одна из важнейших задач международного права, тесно связанная с другими международно-правовыми проблемами – предотвращением термоядерной катастрофы, эпидемий и голода.

Проблема международно-правовой охраны окружающей среды относится к числу общепланетарных проблем: воздействие на природу, происходящее в результате человеческой деятельности, не признает государственных границ, и возникший и углубляющийся экологический кризис затрагивает интересы всех стран мирового сообщества. В настоящее время проблема выхода из экологического кризиса и предотвращения возникновения нового связывается с необходимостью достижения экологической безопасности. Охарактеризовав источники и принципы МПОС, необходимо специально остановиться на правовых основах охраны конкретных природных объектов: Мирового океана, атмосферы Земли, Космоса, предотвращении насильственного изменения климата, живого и растительного мира. Для слушателей вузов МВД важно знать об инициативах СССР и Российской Федерации по созданию международной экологической полиции. Российская Федерация является участником более чем 30 многосторонних международных соглашений, которые либо прямо направлены на защиту земных экосистем (типа договоров о защите Арктики), либо касаются экологической безопасности Земли (типа Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах 1963 г.). Двусторонние договоры о защите окружающей среды (их тоже более 30) направлены на обеспечение экологической безопасности в приграничных областях двух государств – борьбу с загрязнением природных сред, включая подземную, разработку технологий по защите окружающей среды и т.п.

Важными источниками права окружающей среды являются также решения и постановления Правительства РФ, направленные на реализацию международных договоров в этой области. Например, в декабре 1997 г. было принято Постановление «об обеспечении выполнения положений Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике».

Тема 14. «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и терроризмом»

Эта тема занимает особое место в учебном курсе «Международное право» в вузах МВД:

1. Практически каждый выпускник вузов МВД в той или иной степени, прямо или косвенно участвует в международных усилиях по борьбе с преступностью.

2. Международно-правовой факультет Московского университета МВД РФ готовит специально кадры для Интерпола и тех подразделений МВД, которые связаны с международной борьбой с преступностью.

3. МВД обстоятельно задействовано в акциях по противодействию и борьбе с терроризмом и международным терроризмом.

В лекциях и на семинарских занятиях, при написании рефератов и дипломных работ необходимо обращать внимание на вопросы методологии, основные направления и формы международной борьбы с преступностью и терроризмом, на деятельность ООН, Интерпола и других международных органов и организаций в этой области.

Центральным при рассмотрении этой темы остается вопрос о правовых, международно-правовых, институционных и институциональных основах и системах контроля над преступностью и терроризмом.

Международно-правовую основу в борьбе с общеуголовной преступностью составляют многосторонние соглашения (типа Европейской конвенции о выдаче 1957 г.) и двусторонние соглашения о выдаче и правовой помощи по уголовным делам. Международно-правовую основу борьбы с терроризмом и международным терроризмом составляют 12 многосторонних конвенций и множество двусторонних. Учреждаются или определяются властные контртеррористические институты (типа Совета Безопасности ООН) и институциональные органы и системы органов (типа Контртеррористического комитета СБ ООН).

Тема 15. «Дипломатическое и консульское право»

В лекциях и на семинарских занятиях в вузах МВД России необходимо рассмотреть международные соглашения, на основе которых осуществляется предупреждение террористических атак на дипломатических и консульских агентов, а также особенности представительского положения делегаций России на конгрессах и конференциях, посвященных предупреждению преступности и терроризму и борьбе с ними.

Тема 16. «Право международных конференций»

Наиболее продуктивно освещать вопросы этой темы (подготовка и созыв конференций, ее работа, принятие актов и их правовое значение) в вузах МВД России, опираясь на соответствующее составляющее, например Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, когда общее – правовая сущность конференции – показывается через отдельное, через работу конкретной международной конференции, которая занимается профильными для сотрудников Министерства вопросами. Особенно если преподаватель принимал участие в подготовке или участвовал в работе такой конференции.

Тема 17. «Право международных организаций»

Раскрывать эти характерные для ММПО признаки следует на примере Организации Объединенных Наций – ведущей организации в сфере обеспечения международного мира и безопасности и Международной организации уголовной полиции – ведущей организации в сфере международной борьбы с уголовной преступностью.

Освещая правовую основу и деятельность ООН, центральное внимание необходимо уделить Совету Безопасности ООН как единственному в мире международному органу, имеющему право принимать обязательное для государств решения, как органу, который в настоящее время стоит лицом к лицу с терроризмом и иными глобальными проблемами. Здесь же надо рассмотреть и вопрос об увеличении числа посто-

янных членов СБ ООН. Слушателей необходимо познакомить с другими наиболее важными ММПО – специализированными учреждениями ООН, региональными организациями, ОАГ, АС, ШОС и др., включая своеобразную региональную военную организацию НАТО, а также показать место и значение в современном мире международных неправительственных организаций типа Красного Креста, Всемирной федерации профсоюзов.

18. «Мирное урегулирование международных споров»

Главное внимание и Устав ООН, и мы должны уделять тем международным спорам, продолжение которых может угрожать международному миру и безопасности. Осветив правовое содержание принципа мирного разрешения международных споров, как одного из столпов международного правопорядка необходимо рассмотреть мирные средства их разрешения: консультации сторон, обследование, примирение (согласительная процедура), добрые услуги, посредничество, международный арбитраж и судебное разбирательство. Весьма важна роль ООН и других международных организаций в вопросах мирного разрешения международных споров.

Тема 19. «Право международной безопасности».

Объективный научный анализ характера и особенностей современных средств и методов ведения военных действий свидетельствует о невозможности обеспечить национальную безопасность только военно-техническими средствами, созданием мощной обороны. Добавим к этому, что появились «обычные» уголовные деяния (типа терроризма), которые равно покушаются на все виды безопасности, и в силу этого обстоятельства и МВД России оказывается вовлеченным в обеспечение международной безопасности, хотя его задача – обеспечение безопасности личности и общества, в отдельных случаях – национальной безопасности.

К основным средствам обеспечения международной безопасности относятся: коллективная безопасность, разоружение и ограничение вооружений, борьба с незаконной торговлей оружием, нейтралитет, безъядерные зоны, ныне – средства борьбы с международным терроризмом. Каждое из этих средств используется благодаря существованию покоящихся на национальном и международном праве внутригосударственных и международных, институционных и институциональных систем.

Тема 20. «Право вооруженных конфликтов».

Данная тема посвящена вырабатывавшимся тысячелетиями обычаям, затем нормам национального и международного права, правилам, которым должны следовать государства и все иные участники вооруженного конфликта и при всех обстоятельствах. К важнейшим источникам права вооруженных конфликтов относят Петербургскую декларацию об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г., Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. о законах и обычаях сухопутной войны, о бомбардировании морскими силами во время войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны и некоторые другие. Всего в Гааге были приняты 13 конвенций и Декларация о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров.

Недостатком большинства из принятых на этих конференциях документов явилось то, что они содержали clausula si omnes (оговорку всеобщности), согласно которой положения Конвенции были «лишь для договаривающихся держав и только в том случае», если воюющие в ней участвуют.

Важнейшими источниками права вооруженных конфликтов также являются четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. (об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; об обращении с военнопленными; о защите гражданского населения во время войны). Они распространили действие правил ведения войны на «вооруженные конфликты, не носящие международного характера», признали за партизанами правовой статус комбатантов, запретили не обусловленное военной необходимостью уничтожение имущества, принадлежащего частным лицам, государственным и общественным организациям. Был сделан важный шаг в направлении установления правового режима гражданского населения в районах вооруженных конфликтов.

Однако вскоре после принятия Женевских конвенций 1949 г. оказалось, что их нормы не всегда способны адекватно учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху научно-технической революции. Стало очевидно, что они применимы скорее к последствиям военных действий, нежели к их непосредственному ведению. Указанный пробел в определенной мере восполнили принятые в 1977 г. два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол I) и вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II).

Главными в этой теме вопросами являются: правовые последствия начала войны; нейтралитет во время войны, правовое положение участников вооруженных конфликтов (комбатанты, некомбатанты); правовой режим военной оккупации; запрещенные средства и методы ведения военных действий; правовая регламентация окончания военных действий и состояния войны. Особое внимание следует уделить правилам и обычаям, действующим в период вооруженных конфликтов немеждународного характера. Сотрудники ОВД, как известно, принимают участие в обеспечении правопорядка в России и различных точках Земного шара, когда страна на грани вооруженного конфликта. В 1994-1996 гг. в Чечне (Россия) незнание обеими сторонами (чеченскими боевиками и населением, с одной стороны, и сотрудниками федеральных сил, с другой) правил и обычаев ведения военных действий приводило к потерям с той и другой стороны.

Тема 21. «Принуждение и ответственность в международном праве»

В этой теме необходимо рассмотреть вопросы, связанные с гарантиями действенности и эффективности всей системы международного права и каждой его отрасли.

Общее замечание: в зависимости от оснований применения мер международно-правового принуждения следует различать таковые санкционного и несанкционного характера. Первые – реакция на нарушение международного права; вторые – реакция на какие-либо обстоятельства, действия, ситуации, не нарушающие международное право, но требующие для предотвращения или устранения вредных последствий применения принуждения. В зависимости от цели их применения можно, следуя принятой в теории права классификации, выделить меры предупреждения (превентивные меры), меры пресечения, меры защиты (меры восстановления нарушенного права) и меры ответственности. Слушатели должны овладеть основной терминологией темы: реторсии, репрессалии, вооруженные самозащитные меры, институциональные и неинституциональные меры, репарации, реституции, оккупация территории, материальная и политическая ответственность, объективная ответственность в международном праве (несанкционная).

ВОПРОСНИК
по проблемам преподавания международного права

Данный Вопросник преследует цель составления долгосрочной программы работы «Казанского журнала международного права» в области предложения и обсуждения путей решения главных проблем преподавания международного права в Российской Федерации.

Просим всех читателей КЖМП не только самим откликнуться на наш призыв, но и передать нашу просьбу прислать ответы на данный Вопросник Вашим коллегам по кафедре и коллегам в других вузах Вашего города.

1. Каковы, на Ваш взгляд, цели преподавания международного права в юридическом образовании в России?

2. Какие бы Вы выделили главные проблемы преподавания международного права в современной высшей школе РФ?

Каковы возможные пути преодоления этих проблем?

3. Каковы должны быть межпредметные связи между курсом международного публичного права и другими предметами?

Каков Ваш личный опыт (опыт Вашего вуза) в решении проблемы межпредметных связей?

Применяют ли студенты знания, полученные после изучения курса международного права, при изучении других учебных курсов?

Считаете ли Вы необходимым введение международно-правового компонента в другие учебные курсы? Если да, то каким должны быть их объем и содержание? Как в таком случае должна решаться проблема изложения материала до начала изучения основного курса?

4. Каковы главные мотивации изучения международного публичного права для сегодняшних студентов юридических вузов? Как Вы решаете проблему мотивации?

5. Какова эффективность преподавания международного права в вашем вузе?

а) Проводите ли Вы проверки остаточных знаний, и каковы их результаты?

Какие темы запоминаются студентами лучше, а какие – хуже? В чем, на Ваш взгляд, главные сложности в данном вопросе, и каковы пути их преодоления?

б) Какова эффективность преподавания международного права в Вашем вузе после окончания студентами их обучения?

Применяют ли они нормы международного права в своей практической деятельности?

Каково место в практической работе Ваших выпускников знаний, полученных в вузе, и знаний, полученных из иных источников (самообразование, дополнительное образование, аспирантура, повышение квалификации и т.д.)?

6. Каковы главные формы контроля получаемых студентом знаний?

Какие Вы видите здесь основные проблемы?

Как Вы решаете эти проблемы?

Как проводится экзамен по международному праву в Вашем вузе?

7. Каковы типичные ошибки, допускаемые студентами при изучении курса международного права?

Каковы, на ваш взгляд, их причины и пути их преодоления?

8. Каковы особенности преподавания международного права в Вашем вузе?

9. Каковы главные проблемы преподавания отдельных отраслей международного права в качестве спецкурсов («Международное гуманитарное право», «Международная защита прав человека» и др.)?

10. Какие темы Вы бы хотели поднять и провести по ним общероссийскую дискуссию в области преподавания международного права на страницах «Казанского журнала международного права»?

ИЗБРАННАЯ РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ПРЕПОДАВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Избранная Российская библиография:

1. Богуславский М.М. Учет фактора международных отношений в правовых исследованиях и в преподавании правовых дисциплин // Задачи юридических наук в свете решений XXVI съезда КПСС. – Тарту, 1982. – С. 14-16.

2. Буткевич В.Г. Изучение международного права в Киевском государственном университете // Вестник Киевского университета, Международные отношения и международное право. – 1987. – Вып. 24. – С. 3-8.

3. Гаагская и Гаванская академии международного права. Летний семестр 1947 г. «Советское государство». – 1948. – № 2. – С. 53-58.

4. Горшков Г. Совершенствовать международно-правовую подготовку офицеров // Морской сборник. – 1983. – № 11. – С. 51-55.

5. Грабарь В.Э., Фабриков Э.М. Краткий очерк истории кафедры международного права Московского университета // Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 180. Труды юридического факультета, кн. 8. – М., 1956. С. 195-202.

6. Игнатенко Г.В., Остапенко Д.Д. Международное право в системе юридического образования (в аспекте проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права) // Международное и внутригосударственное право: Проблемы сравнительного правоведения. – Свердловск, 1984. – С. 3-12.

7. Матвеев Г.К. Подготовка кадров и научная деятельность на факультете международных отношений и международного права // Вестник Киевского университета. Серия «Международные отношения и международное право». – 1983. – Вып. 17. – С. 3-12.

8. Мешера В. Ф. О преподавании морского права // Советский ежегодник международного права. 1977. – М., 1979. – С. 268-271.

9. Пыдер Т. Преподавание международного права в Тартуском университете в 1920-1940 гг. // Советское право. – Таллинн. – 1989. – № 5. – С. 325-327.

10. Пыдер Т.В., Ярвелайд П. М. Преподавание международного права в Тартуском университете в 1920-1940 гг. как важный фактор подготовки дипломатического корпуса Эстонской республики (к постановке проблемы) // Ученые записки Тартуского университета. – 1990. – Вып. 909. – С. 106-112.

11. Сабанин А.В. Летняя сессия 1923 года Академии международного права в Гааге // Международная жизнь. – 1924. – № 1. – С. 98-106.

12. Савинский Л.И. Об изучении курса международного права в свете решений XXII съезда КПСС: Учебное пособие. – М.: Изд. ВШ МВД СССР, 1962. – 8 с.

13. Савинский Л.И. Об изучении курса международного права в свете решений XXIV съезда КПСС (Учебное пособие). – М.: Изд. ВШ МВД СССР, 1972. – 5 с.

14. Уусталь А. Международное право на юридическом факультете Тартуского университета (1802-1918 гг.) // Сов. право. – Таллин, 1981. – № 6. – С. 737-743.

15. Шебанов А.Ф. Изучение международного права в высших учебных заведениях СССР // Советский ежегодник международного права, 1958. – М., 1959. – С. 296-304.

Избранная зарубежная библиография:

1. Agrawala, & Saxena (eds.), Preparing Students for Practice in International Law: On Teaching the Law of International Transactions: New Horizons of International Law and Developing Countries (1983).

2. Agrawala, S.K., T. S. Rama Rao and J. N. Saxena, eds., Preparing Students for Practice in International Law: On Teaching the Law of International Transactions: New Horizons of International Law and Developing Countries, (1983), 427 pp.

3. Barrett, John, «International Legal Education in U.S. Law Schools: Plenty of Offerings, But Too Few Students,», 31 Int'l. Lawyer 845 (1997).

4. Barrett, John, «Recent Development: International Legal Education in the United States: Being Educated for Domestic Practice While Living in a Global Society,», 12 Am. U.J. Int'l. L. & Policy 975 (1997).

5. Blackett, Adelle, «Globalization and its Ambiguities: Implications for Law School Curricular Reform,» 37 Columbia J. of Transnational L. 57(1998).

6. Booysen, Hercules, «International Law as an University Course,» 21 S. African Yrbk. of Int'l. L. 147 (1996).

7. Boyle, Francis, «Of Ideals and Things: International Law Scholarship and the Prison-House f Language,» 26 Harvard Int'l. L. J. (1985).

8. Broms, Bengt, «International Law in the Law School Curriculum,» in R. St. J. Macdonald (ed.), Essays in Honour of Wang Tieya, 79 (1994).

9. Brown, Edward D., «The Teaching of International Law in the United Kingdom,» in Bin Cheng (ed.), International Law: Teaching and Practice, 167 (1982).

10. Buckingham, Donald E., «Bringing the World to the Classroom: Computers as Masters or Slaves?,» 90th ASIL Proceedings 20 (1996).

11. Buckingham, Donald E., «Why Not Teach International Law in High Schools?,» ASIL Newsletter 20 (March-May 1995).

12. M. Cardozo, The Practical State of Teaching and Research in International Law 1974: A Report for the American Society of International Law (Wash., D.C.: ASIL, 1977).

13. Cheng, Bin, «How should we study international law?,» 13 Chinese Yrbk. of Int'l. L. & Affs. 214 (1994-1995).

14. Chinkin, Christine, and Romana Sadurska, «Learning about International Law through Dispute Resolution,» 40 *Int'l & Comp. L. Q.* 529 (1991).

15. Cohen, Jerome, «Ethnocentrism and the Teaching of International Law,» in R. St. J. Macdonald (ed.), *Essays in Honour of Wang Tieya*, 191 (1993).

16. Crawford, James, «Teaching and Research in International Law in Australia,» *Australian Yrbk. of Int'l. L.* 176 (1981-1983).

17. D'Amato, Anthony, «International Law in the Curriculum,» 2 *Pace Yrbk. Of Int'l L.* 83 (1990).

18. De Boer, Ted, Lea Brilmayer, and Kurt Siehr, «Teaching Private International Law and Comparative Law,» in Rene Lefeber (ed.), Contemporary International Law Issues: Opportunities at a Time of Momentous Change 275 (1994).

19. Dupuy, The University Teaching of Social Sciences: International Law (Lanham, MD: UNESCO, 1967).

20. Dutheil de la Rochere, Jacqueline, «The Teaching of Public International Law in France,» in Bin Cheng (ed.), International Law: Teaching and Practice, 183 (1982).

21. Edwards, International Legal Studies: a Survey of Teaching in American Law Schools, 1963-1964 (New York:.Columbia Law School, 1965).

22. Edwards, International Legal Studies: a Survey of Teaching in Political Science Departments (Wash., DC: Amer. Soc. Int'l Law/Amer. Pol. Sci. Ass'n, 1963).

23. Ferguson-Brown, K., «Teaching Public International Law in South Africa: Problems and Possibilities,» 27 *Comp & Int'l L. J. of S. Africa* 52 (1994).

24. Gamble, John, «The Decade's Emphasis on Education in International Law,» *87th ASIL Proceedings* 362 (1993).

25. Gamble, John, «International Law Teaching: Are We Making Progress?,» *85th ASIL Proceedings* 102 (1991).

26. Gamble, John, «International Legal Scholarship: A Perspective on Teaching and Publishing,» 39 *J. of Legal Ed.* 39(1989).

27. Gamble, John, «Re-examination of the Teaching of International Law,» *78th ASIL Proceedings* 200 (1983).

28. Gamble, John, Christopher Joyner. *Teaching International Law: Approaches and Perspectives*, (1997), 110 pp.

29. Gamble, Teaching International Law in The 1990s (Wash., DC: Amer. Soc. Int'l Law, 1992)

30. Gamble, John, «The Teaching of International Law: Future Role for the Training of Scholars and Practitioners,» in 195 *Contemporary International Law Issues: Sharing Pan-European and American Perspectives* (1992).

31. Gamble, John, «Teaching of International Law: Innovative Techniques,» in *Contemporary International Law Issues: Opportunities at a Time of Momentous Change* 367 (1994).

32. Gamble & Joyner, Teaching International Law: Approaches and Perspectives, ASIL Bulletin No. 11 (Wash., D.C.: .Amer. Soc. Int'l Law, 1997).

33. Ginther, Konrad, «A Note on the Teaching of International Law in Austria,» in Bin Cheng (ed.), *International Law: Teaching and Practice,* 199 (1982).

34. Gonick & Weisband, Teaching World Politics: Contending Pedagogies For a New World Order (Boulder, CO: .Westview.Press, 1992)

35. Ellen Hey, Teaching International Law: State-Consent as Consent to a Process of Normative Development and Ensuing Problems (The Hague: Kluwer Law International, 2003).

36. Howard (ed.), Teaching International Environmental Law: Ideas and Experiences from the Seminar Room and the Lecture Hall, ASIL Bulletin No. 6 (Wash., D.C.: Amer. Soc. Int'l Law, 1994).

37. Jackson & McGeorge, Teaching International Business Transactions, ASIL Bulletin No. 8 (Wash., D.C.: Amer. Soc. Int'l Law, 1995).

38. Head, John, «A Fulbright Lecturer's Experience Teaching International Law in China,» *ASIL Newsletter* 8 (Sept-Oct 1994).

39. Howard, Eric S. (ed.), *Teaching International Environmental Law: Ideas and Experiences from the Seminar Room and the Lecture Hall*, (ASIL Bulletin No. 6, 1994), 38 pp.

40. Jefferson, Kurt W., «The Bosnian War Crimes Trial Simulation: Teaching Students about the Fuzziness of World Politics and International Law,» 32 *Pol. Sci. & Politics* 589 (1999).

41. Joyner, Christopher, «Teaching International Law: Views from an International Relations Political Scientist,» 5 *ILSA J. Int'l. & Com. L.* 377 (1999).

42. Kennedy, David, «International Legal Education,» 26 *Harvard Int'l. L. J.* 362 (1985).

43. Klare, Peace And World Security Studies: a Curriculum Guide (6th ed. Boulder, CO: Lynne Reinner, 1994).

44. Ku, et al., Teaching International Law to Undergraduates: Papers Presented by the ASIL Panel at Annual Meeting of the American Political Science Association, August 29, 1996, ASIL Bulletin: Educational Resources on Int'l Law #10 (1997).

45. Ku, Charlotte, Alison Dundes Renteln, Paul F. Diehl, and Paul Zarins, «Teaching International Law to Undergraduates: Papers Presented at the ASIL Panel – Annual Meeting of the American Political Science Association, August 29, 1996,» *ASIL Bulletin: Educational Resources on Int'l Law* #10 (1997).

46. Li, Zhaojie, «Teaching, Research, and the Dissemination of International Law in China: the Contribution of Wang Tieya,» 31 *Canadian Yrbk. of Int'l. L.* 189 (1993).

47. Lillich, Richard, «The Teaching of International Human Rights Law in U.S. Law Schools,» 77 *Amer. J. of Int'l. L.* 855 (1983).

48. Lachs, The Teacher in International Law (2nd ed. The Hague, Neth.: Martinus Nijhoff, 1986)

49. Lantis, Kuzma & Boehrer (ed.), The New International Studies Classroom: Active Teaching, Active Learning (Boulder, CO: Lynne Rienner, 2000) Patnogic, Promotion, Dissemination And Teaching of International Refugee Law: A Guide (2nd ed. Sanremo, Italy: Villa Nobel (1989).

50. Macdonald, R. St. J., «An Historical Introduction to the Teaching of International Law in Canada,» 21 *Canadian Yrbk. of Int'l. L.* 235 (1983).

51. Mahalu, Costa R., «The Teaching of International Law in Anglophonic Africa,» 24 *Archiv des Volkerrechts,* 196 (1986).

52. McCormack, Timothy, Gerry Simpson, «Simulating Multilateral Treaty Making in the Teaching of International Law,» 10 *Legal Ed. Rev.* 61 (1999).

53. Onuma, Yasuaki, «Japanese International Law in the Postwar Period: Perspectives on the Teaching and Research of International Law in Postwar Japan,» 33 *Japanese Annual of Int'l L.* 25 (1990).

54. Onuma, Yasuaki, «Japanese International Law in the Prewar Period: Perspectives on the Teaching and Research of International Law in Pre-war Japan,» 29 *Japanese Annual of Int'l. L.* 23 (1986).

55. Orford, Anne, «Citizenship, Sovereignty and Globalisation: Teaching International Law in the Post-Soviet Era,» 6 *Legal Ed. Rev.* 251 (1995).

56. Reisman, W. Michael, «The Teaching of International Law in the Eighties,» 20 *The Int'l. Lawyer* 987 (1986).

57. Sanchez, Gloria, «A Paradigm Shift in Legal Education: Preparing Law Students for the Twenty-First Century: Teaching Foreign Law, Culture, and Legal Language of the Major U.S. American Trading Partners,» 34 *San Diego L. Rev.* 635 (1997).

58. Shearer, «The Teaching of International Law in Australian Schools,» 9 *Adelaide L. Rev.* 61 (1983).

59. Simpson, Gerry, «On the Magic Mountain: Teaching Public International Law,» 10 *Eur. J. I. L.* 722 (1999).

60. Sprudzs, International Legal Research Perspectives (Buffalo, NY: Hein, 1988) Teaching International Business Transactions, ASIL Bulletin: Educational Resources on Int'l Law #8 (1995).

61. «Teaching International Business Transactions,» *ASIL Bulletin: Educational Resources on Int'l Law* #8, (1995).

62. «Teaching International Relations and International Organizations in International Law Courses: Constructing the State-of-the-art International Law Course,» *87 ASIL Proceedings* 398 (1993).

63. Tolley, Howard, «Project THRO: Teaching Human Rights On-line,» 20 *Human Rgts. Q.* 945(1998).

64. Viera-Gallo, Jose Antonio, «Ethical Issues in International Legal Education,» 14 *American Univ. Int'l L. Rev.* 1391(1999).

65. Wang, Tieya, «The Teaching and Research on International Law in Present day China,» 10 *Tulane Eur. & Civil L. Forum* 61 (1995).

66. Woolsey, Introduction to The Study of International Law: Designed as an Aid in Teaching, And in Historical Studies.(4th ed.1981).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО РУАНДЕ: *МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЛОЖЬ О РУАНДИЙСКОМ ГЕНОЦИДЕ*

Кристофер К. Блэк (Канада)
адвокат Международного трибунала по Руанде*

Руандийская трагедия не может быть понята без понимания сущности и деятельности так называемого Международного уголовного трибунала по Руанде (далее – МТР). В то же время сущность и деятельность МТР не может быть понята без уяснения того, что в действительности произошло в Руанде в 1994 году. Важно подчеркнуть, что сам МТР является частью событий в Руанде и, соответственно, не может рассматриваться отдельно от них.

Международный уголовный трибунал по Руанде был создан в 1995 году и так же, как и Международный трибунал по бывшей Югославии, является креатурой США. Для создания обоих трибуналов Совет Безопасности ООН сослался на главу VII Устава ООН, хотя данная глава не содержит норм, которые, при добросовестном толковании, могли бы быть истолкованы как допускающие создание уголовных трибуналов. Создание этих трибуналов нарушает основополагающие принципы, установленные в Уставе ООН, в первую очередь, право на самоопределение и право на национальный суверенитет. Также грубо нарушен принцип, согласно которому ни одно государство не обязано передавать своих граждан для без соответствующего договора, что, например, предусмотрено Римским Статутом Международного уголовного суда (далее – МУС). Важно отметить, что МУС не имеет какой-либо юрисдикции над гражданами тех государств, которые не являются участниками его Статута. Так, граждане США или Израиля, чьи военные преступления хорошо известны и продолжаются без каких-либо правовых последствий, не подпадают под юрисдикцию МУС. Тем не менее, ни правительство Руанды, ни правительство Югославии не подписывали какого-либо договора и не выражали своего согласия на юрисдикцию этих трибуналов. Не было также дано согласия на применение ретроактивной юрисдикции этими трибуналами (что, например, не дозволяется Римским Статутом МУС). Никто в настоящее время не может судить правительство США за те преступления, которые оно совершило и совершает сейчас. Даже Британия, которая является участником Римского Статута МУС, не может быть судима за, например, преступления, совершенные ее военщиной в Кении, Ирландии, Югославии, Руанде, Ираке, Афганистане, Аргентине и в других странах. Однако МТР незаконно присвоил себе ретроактивную юрисдикцию, таким образом нарушая признанный принцип международной юрисдикции. Ситуация становится еще хуже, когда начинаешь понимать, что МТР контролируется и финансируется теми же силами, которые контролируют и финансируют Трибунал по бывшей Югославии. Это США и Британия и их НАТОвские союзники, поддерживающие силы так называемого Руандийского Патриотического Фронта (далее – РПФ), вторгшиеся в Руанду из Уганды и захватившие там власть в 1994 году. Новые власти Руанды с самого начала поставили под свой контроль вопрос о том, кто будет и кто не будет обвинен трибуналом, предоставлять или не предоставлять тех или иных свидетелей на процессы, а также практически все решения, которые принимает трибунал. Иными словами, заключенные МТР знают, что их будут судить те, кто напал и победил

* В настоящее время К.Блэк является защитником обвиняемого Международным трибуналом по Руанде бывшего Командующего Национальной жандармерией Руанды генерала Агюстена Ндидилиманы.

их в 1994 году, даже без надежды на какую-либо справедливость их судебных разбирательств. Печальное и глупое согласие других членов Совета Безопасности ООН (особенно России и Китая) и Генеральной Ассамблеи ООН на создание этих органов является предметом для отдельного исследования. Народы мира должны знать, почему правительства мира допустили создание органов, которые нарушили наиболее важные и фундаментальные основы Устава ООН и международного права. Мир должен знать, почему они соглашаются совершать коллективный суицид как суверенные нации, разрешая создание органов, полностью не признающих их существование в качестве суверенных государств. Теперь ни одно государство не находится в безопасности от создания таких трибуналов и можно ожидать, что если МУС не сможет или не захочет действовать, будут создаваться новые трибуналы, когда сильные мира сего сочтут это в своих интересах[1]. Как видно из Закона США о военных комиссиях 2006 года, которые допускают взятие пленных и лиц, похищение людей прямо с улиц, создана новая система вне рамок Женевских Конвенций – система, неизвестная ни судам США, ни международному праву. Это система, в которой нет никаких прав, но только репрессии, пытки и казни, осуществляемые военными трибуналами США, действующими по произвольным правилам и процедурам, и чьей единственной целью, похоже, является терроризирование мира и демонстрация полной власти, присвоенной США и их союзниками над всеми государствами и народами мира, что является откровенным издевательством над нормами и сущностью права.

Международный трибунал по Руанде выполняет три главные задачи в войне в Руанде, и все три имеют различное выражение в пропаганде, которая является первой и главной функцией МТР:

1) демонизация проигравшей стороны;

2) оправдание и даже освящение стороны, совершившей агрессию; и

3) сокрытие реальной роли, которую сыграли США и их союзники в этой войне.

Все эти три задачи совмещаются с распространением теории о необходимости гуманитарных интервенций, когда США и их союзники, присвоившие себе название «международного сообщества», сочтут это в своих интересах. МТР достигает эти задачи, предоставив полный иммунитет от уголовного преследования членам РПФ и их западным и африканским союзникам, в первую очередь, Уганде. В то же время МТР обвинил только представителей народа хуту: военных, министров, мэров, священников, интеллектуальную элиту. Ни один из членов РПФ не был обвинен, хотя известно, что с самого начала своей деятельности Канцелярия Главного прокурора МТР и ООН в целом обладали серьезными и заслуживающими доверия свидетельствами и информацией о массовых убийствах, совершенных РПФ в войне между 1990 и концом 1994 гг. Бывший прокурор МТР Л.Арбур – та самая, которая составила обвинение против президента Слободана Милошевича по политическом заказу и разрешила продолжение агрессии против Югославии, также успешно выполнила заказ своих хозяев из США и РПФ, когда в 1997 году она распорядилась прекратить расследование сбития самолета президента Руанды 6 августа 1994 года, когда были убиты сразу два президента – Руанды и Бурунди. Это событие, как известно, послужило началом возобновления агрессии РПФ с целью захвата власти в Руанде.

[1] ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: статья написана в марте 2007 года (то есть за несколько месяцев до принятия решения Советом Безопасности ООН о создании нового трибунала по Ливану. Несмотря на то, что Российская Федерация прямо заявила, что создание этого трибунала не может быть обосновано главой VII Устава ООН, тем не менее, делегация РФ и СБ ООН воздержалась при голосовании, разрешив, тем самым, принятие незаконного решения.

Временная юрисдикция МТР была установлена с 1 января по 31 декабря 1994 года. Причиной такого решения было исключить из юрисдикции МТР первоначальную агрессию РПФ в 1990 году, которая послужила началом войны и всех событий до конца 1993 года и после 1 января 1995 года. Территориальная юрисдикция МТР также ограничена территорией Руанды. Это исключает из компетенции МТР военные преступления, совершенные Угандой и другими странами во время войны, проходившей за пределами Руанды, но тесно с ней связанной, включая вторжение сил РПФ в Демократическую Республику Конго (далее – ДРК) с помощью США. Тем не менее, совершенно ясно, что сбитие президентского самолета в ночь на 6 апреля 1994 года над Кигали подпадает под юрисдикцию МТР. Сбитие самолета, на котором находились президенты Руанды и Бурунди вместе в начальником Генерального штаба, рассматривается как начало событий 1994 года, которые возобновили военные действия. Всеобще признано, что те, кто несет ответственность за нападение на самолет, несут ответственность и за последовавшие за этим массовые преступления. Именно в таком ключе это рассматривалось и Канцелярией Главного прокурора МТР. Вскоре после того, как Л.Арбур была назначена на эту должность, была создана следственная группа для установления и выдвижения обвинения против лиц, виновных в сбитии самолета. Однако установкой для этого стала теория, продвигавшаяся РПФ и США, что виновниками были «экстремисты хуту». Никаких свидетельств этого, тем не менее, представлено не было. Напротив, имелись убедительные свидетельства того, что нападение на президентский самолет было совершено РПФ и бельгийскими солдатами в составе сил ООН в Руанде. К счастью, главным следователем группы МТР был назначен австралийский юрист Майкл Хуриган. Ему удалось определить тех лиц, которые участвовали в нападении на самолет. Допрос этих лиц показал, что все они были членами РПФ и что они получили приказ от лидера РПФ – нынешнего президента Руанды Поля Кагаме. Было установлено также, что нападение готовилось и было осуществлено с помощью ряда зарубежных государств. Солдаты РПФ, в частности Абдул Рузибиза, дали показания об этом на судебном *Процессе Военных – II* [адвокатом на котором и является автор настоящей статьи. – Прим. редакции]. М.Хуриган доложил Арбур о результатах своего расследования, однако Главный прокурор распорядилась о … прекращении расследования. Похоже, что это было сделано по приказу правительства США, так как доклад Хуригана содержал информацию об участии в преступлениях не только бельгийцев, но и ЦРУ США. После прихода на должность Главного прокурора МТР Карлы дел Понте она сделала громкое заявление о возможных обвинениях в отношении РПФ, но тут же она была лишена своего поста в МТР.

МТР контролирует информацию и другими способами. Так, главным видом показаний в этом трибунале является *hearsay* – то есть информация, услышанная свидетелем от других лиц, но не информация, которой обладает сам свидетель. Имеется очень небольшое количество прямых свидетельств, которые были представлены в МТР. Большинство свидетелей составляют хуту, которые в настоящее время содержатся в тюрьмах в Руанде, причем содержатся там без адвокатов и даже без выдвижения обвинений против них, и соответственно, без перспектив судебного процесса, и которым была предложена свобода в обмен на показания против заключенных МТР. Другие свидетели МТР – тутси, которые являются членами передовых отрядов РПФ, такие как ИБУКА и АВЕГА. Эксперты прокуратуры МТР являются известными сторонниками РПФ. Адвокатам защиты не разрешается свободный перекрестный допрос свидетелей, он контролируется очень жестко как в отношении времени, не позволяя задать важные вопросы, так и по его предмету. Адвокаты, пытающиеся обеспечить

честный и справедливый процесс, наказываются или исключаются из процессов под различными предлогами. Свидетелей защиты убивают. Адвокаты защиты и подсудимые подвергаются угрозам со стороны официальных лиц трибунала, РПФ, США, включая ЦРУ. Отсутствие каких-либо судебных свидетельств, похоже, не очень волнует судей. И это несмотря на то, что на судебных процессах не было никаких судебных свидетельств геноцида тутси: ни фотографий, ни эксгумаций, ни тел, ни идентификации погибших. Единственным свидетельством в МТР являются очень сомнительные свидетели, которые утверждают, что они являются единственными, спасшимися от предполагаемых массовых убийств тутси, и все из которых имеют интерес в даче ложных показаний. Адвокаты обвиняемых МТР вынуждены работать с фальшивыми свидетелями обвинения при полном контроле над их вопросами на перекрестных допросах, не имея при этом достаточных ресурсов и при отсутствии права на принудительный вызов необходимых свидетелей. Более того, они подвергаются личным угрозам и постоянным атакам самого трибунала на их честность и *bona fide*. Те условия, в которых работают адвокаты МТР, требуют отдельного разговора. Однако в настоящей статье мы сконцентрируемся на анализе событий в Руанде, которые и привели к созданию трибунала. Война в Руанде началась в 1990 году, когда т.н. Руандийский Патриотический Фронт, состоящий из тутси, и большинство которого составляли военнослужащие угандийской армии, вторгся на территорию Руанды с согласия и при соучастии президента Уганды Й.Мусевени. Истоки войны уходят в XIX век. Сначала немцы, а после Первой мировой войны бельгийцы, управляли Руандой в качестве своей колонии. Население Руанды состоит из трех народов: тва составляет до 1% населения, хотя и является самым древним в этом регионе; тутси – нилотский народ, который пришел в данный регион несколько столетий назад (от 10 до 14%); и хуту – народ банту, который проживал в данном районе с незапамятных времен, и по крайней мере, на несколько столетий раньше тутси. Хорошо известные своими военными способностями тутси, тем не менее, установили систему доминирования над, в основном, крестьянским населением хуту. Короли тутси распространили свой контроль над вождями хуту до того, как в регион пришли европейцы. Однако европейцы подтвердили доминирующий статус тутси, когда установили свою систему полагания на аристократию тутси для обеспечения контроля над абсолютным большинством населения хуту большинства населения страны. В течение столетий в Руанде существовала и развивалась феодальная система, в которой хуту заставляли работать на тутси в течение нескольких дней в неделю бесплатно, и при этом никто из хуту не мог принимать участие в управлении, не допускался в армию или церковнослужители и даже не мог посещать школу. Такая ситуация продолжалась до окончания Второй мировой войны, когда была свергнута монархия тутси. В период с 1959 по 1961 годы в Руанде была провозглашена республика, и к управлению страной пришло большинство. Сопротивление со стороны тутси было незначительным, многие бежали в Уганду, Танзанию и Конго. Однако большинство тутси осталось в стране и попыталось адаптироваться к новой ситуации. Между 1963 и 1973 годами тутси из Уганды пытались несколько раз совершать военные нападения на приграничные районы с Руандой, но все нападения были отбиты, хотя и с человеческими потерями с обеих сторон. В конце концов, нападения прекратились, Руанда стала развиваться, и к концу 1980-х годов была известна как «африканская Швейцария». Однако в конце 1980-х годов тутси стали политической проблемой уже самой Уганды, где на тутси особо полагалась армия Й.Мусевени для

победы над силами тогдашнего президента М.Оботе. Мусевени чувствовал угрозу с их стороны и хотел избавиться от этого груза. Тутси в Уганде с помощью тутси в Европе, Америке и Африке начали выдвигать в качестве своей цели возвращение власти в Руанде. В этих своих стремлениях они получили помощь от США, которые искали себе плацдарм для вторжения в Конго. В свое время правительство хуту отклонило просьбу США о предоставлении территории Руанды в качестве плацдарма для вторжения в Конго. Таким обарзом, США нашли активных партнеров для реализации своей цели в лице тутси. Тутси сформировали несколько военных группировок, которые, в конце концов, объединились под названием Руандийского Патриотического Фронта с его военным крылом – Руандийской Патриотической Армией. В октябре 1990 года силы РПФ атаковали Руанду с территории Уганды. До того, как они были отброшены обратно, однако было убито более 40 тысяч гражданских лиц – хуту. После провала прямой атаки РПФ избрал тактику террора, когда нападениям подвергались гражданское население и правительственные объекты. Они также начали широкомасштабную пропаганду с помощью различных западных групп по обвинению правительства в различных нарушениях прав человека. Правительство Руанды под интенсивным политическим, экономическим и военным давлением, большинство которого исходило от США, в 1993 году согласилось на подписание Мирного Соглашения, по которому РПФ получил существенно больше власти в армии и правительстве, чем могло быть обосновано их числом в населении страны. Многие хуту рассматривали это как капитуляцию. Тутси же рассматривали это как возможность подготовки к новой войне и окончательному реваншу. Соглашение предусматривало введение в столицу страны Кигали 600 сотрудников службы безопасности. Впоследствии именно эти силы превратились в троянского коня для правительства хуту. Соглашение также призывало к созданию коалиционного временного правительства и выборам в течение нескольких месяцев. Оно также предусматривало введение миротворческих сил ООН. Тем не менее, совершенно ясно, что РПФ никогда бы не смогла получить большинство на честных выборах, и, таким образом, планами РПФ было только военное решение. Силы ООН под командованием канадского генерала Даллэра, в нарушение принципа нейтралитета, оказали помощь РПФ в нелегальном ввозе в страну огромного количества оружия, амуниции и солдат для подготовки «окончательного решения руандийского вопроса», при этом, обвиняя в данных действиях правительство страны, хотя ни одно из этих обвинений никогда не было подтверждено. Ситуация была осложнена тем фактом, что многие министры по мирному соглашению были в руках партий РПФ, включая офис премьер-министра. Это означало, что большинство пропагандистских атак осуществлялось не против правительства как такого, но против популярного в народе президента – хуту Жювеналя Хабиаримана. Тем не менее, РПФ и ООН обвиняли во всех грехах именно Ж.Хабиариману, в то время как подготовка РПФ к войне умышленно замалчивалась. Война возобновилась в ночь на 6 апреля 1994 года, когда РПФ был сбит президентский самолет, возвращавшийся из Танзании со встречи между президентами Уганды, Танзании, Руанды и Бурунди. Президент Бурунди М.Ндадайе – другой президент-хуту был убит с участием военнослужащих-тутси из армии Бурунди в октябре 1993 года, в этом также была замешана РПФ. При приземлении самолета с саммита со стороны РПФ были выпущены две ракеты. Канадский генерал Даллэр и бельгийский контингент ООНовских сил также участвовали в нападении. Перехваченные сообщения для РПФ показывают, что им помогали бельгийцы. Следует отметить,

что за 2 дня до этого убийства помощник государственного секретаря США по африканским делам Херман Коэн угрожал президенту Руанды Ж.Хабиаримане, что если тот не передаст всю власть РПФ, то будет убит. Немедленно после сбития самолета РПФ началось общее наступление по всей стране. Были убиты сотни тысяч хуту и местных тутси. Некоторые офицеры РПФ заявляли, что в 1994 году они убили, по крайней мере, два миллиона хуту. Армия Руанды в связи с нехваткой оружия и амуниции была вынуждена отойти в Конго вместе с двумя миллионами беженцев-хуту. В это момент РПФ и их западные союзники начали пропагандистскую кампанию по убеждению международного сообщества в том, что большинство убитых были тутси и что произошел геноцид. Целью этой кампании было убеждение всего мира в том, что все хуту являются преступниками, которые не могут принимать какого-либо участия в управлении страной. Этот тезис является также и сегодняшней политикой новых властей Руанды. Позднее США использовали РПФ и угандийскую армию как уполномоченные силы вторжения в Демократическую Республику Конго для свержения двух президентов этой страны – Ж.Мобуту, а затем и Л.-Д.Кабилы с целью захвата колоссальных природных ресурсов этой страны. Роль трибунала, обслуживаемого западными СМИ, способствовала таким образом, продвижению дезинформации и мифа о геноциде против тутси, а также «недосмотре» Запада. На самом деле, США и их союзники были прямо вовлечены в эти кровавые события, что делает вполне обоснованным заявление тогдашнего Генерального Секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали о том, что США на 100% виновны в событиях в Руанде 1994 года.

Данная статья является попыткой краткого исследования истоков войны в Руанде и использования Международного трибунала по Руанде как орудия этой войны. Я могу только надеяться, что этот текст станет стимулом для дальнейших исследований о реальной истории войны в Руанде и реальной роли МТР и его последствий для народов Африки и всего мира.

Международное право существует не в вакууме. Оно является элементом более широкой системы международных отношений. В этой связи анализ международного права не только «изнутри», но и «снаружи», во взаимодействии с другими элементами системы, является одним из необходимых аспектов его научного изучения. Международное право подвергается анализу не только со стороны самих юристов-международников, но и со стороны представителей других наук. Представляется, что ознакомление со взглядами на международное право историков, политологов, философов, специалистов в области международных отношений и других гуманитарных наук было бы очень полезным.

В настоящем номере мы публикуем статью доктора политических наук А.Н. Савельева «Фикция международного права и реальность американского рейха».

В своей статье А.Н. Савельев проводит весьма интересный анализ международного права на современном его этапе, который отражает точку зрения значительного числа ученых в области политических наук. Конечно, во многом выводы автора некоторым могут показаться спорными. Что ж, это будет хорошим поводом для научной дискуссии! Редакция ««Казанского журнала международного права» приглашает читателей к активной междисциплинарной научной дискуссии.

ФИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И РЕАЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО «РЕЙХА»

А.Н. Савельев*

Деятельность Гаагского трибунала вызывает настолько много вопросов, настолько не соответствует элементарным представлениям о процедурах правосудия и понятиям о справедливости, что вполне закономерно все эти вопросы объединить: каким же образом под эгидой ООН мог образоваться «международный институт», которому вполне может быть дана квалификация «террористический»? Для ответа на этот вопрос сквозь напластования «политкорректности» необходимо увидеть смысл текущего периода мировой истории. Не погружаясь в длинные рассуждения по этому поводу, следует сразу сказать, что перед нами разворачивается драматическая картина агрессии мировой олигархии против суверенных наций и международного права.

Схватка с мировой олигархией дает истории новых героев и подвижников. Находясь на острие олигархической атаки против наций и государств, Сербия дает образцы героического сопротивления в таких личностях, как Слободан Милошевич и Воислав Шешель. Их мученическое служение своему народу в застенках Гаагского трибунала разоблачает человеконенавистнические планы «мировой закулисы». Этот термин, введенный русским философом Иваном Ильиным, становится ключевым для определения субъекта агрессии, угрожающего мировым цивилизациям, народам и культурам.

Мы вправе предположить, что «мировая закулиса» получила какую-то особую власть над институтами международного права, сделав кризис международного права более чем очевидным.

Философия позволяет выделить ключевые альтернативы в международно-правовых подходах, в самих подходах к понятиям права. Сегодня мы можем видеть разъединение некогда переплетенных линий европейской философской мысли, связанных с именами Канта и Гегеля. Кантовский подход предполагал рассмотрение индивида

* **Андрей Николаевич Савельев** – доктор политических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации.

отдельно от его социального окружения, от традиций, от нации и государства. Соответствующим образом строились и представления о международном праве. Согласно Канту, человечество должно стремиться к всеобщему правовому гражданскому обществу и общему для всех общественному устройству. Им выдвинута идея «всемирного гражданского права», которое якобы установит вечный мир. Гегелевское учение о международном праве, напротив, опирается на представление о государстве как о ключевом правовом институте, для которого международные соглашения всего лишь являются внешним продолжением внутреннего права. Вечный мир отвергался Гегелем как нездоровая иллюзия.

Оба философа были далеки от тех плоских интерпретаций, которые превратили Канта в основателя доктрины «общечеловеческих ценностей», а Гегеля – в основателя доктрины «тоталитаризма». Только последние десятилетия европейской истории привели к тому, что «линия Канта» свелась к представлению, что мир населен независимыми индивидами, которые свободно кооперируются в народы, а те создают свободные федерации. В этом подходе государство исключается, а нация ставится ниже индивида – то есть целое превозносится над частью. Причем нетрудно заметить, что такой парадокс, который изумил бы не только ученого-логика, но и мало-мальски вменяемого человека, распространяется вовсе не универсально, а в отношении только тех народов и государств, против которых направлено нечто, что называют «мировым сообществом» или «цивилизованным миром».

XX век отмечен масштабными философскими учениями, имеющими важное значение для понимания роли и места международного права. В то же время XX век отмечен и фантастическими иллюзиями, которые превратили международное право в инструмент агрессии.

Зададимся вопросом: что остается от международного права за вычетом двусторонних межгосударственных отношений? Кажется, что не так мало – прежде всего международные организации, среди которых выделяются особенно значимые для судеб мира ООН и НАТО. Помимо этих поистине планетарных организаций, имеются и другие – например, Евросоюз и СНГ, ОБСЕ и ШОС и др. Каждая из подобных организаций – не только субъект правоотношений, но и целая правовая история. Так, ситуация видится поверхностно – при рассмотрении в основном институциональной структуры межгосударственного взаимодействия. Кажется, что многосторонние соглашения играют важную роль, отражая многие аспекты международного права, и даже формируют некие «общепринятые нормы права».

Конкретно-исторический анализ говорит о другом. ООН – организация, созданная странами антигитлеровской коалиции и ставшая площадкой конкурентной борьбы сверхдержав и созданных ими коалиций стран. НАТО – военный блок, широко используемый для достижения политических и экономических целей США. Евросоюз – надгосударственное конфедеративное образование с неясными основаниями и перспективами. ОБСЕ – анахронизм времен советской борьбы за мир, превратившийся сегодня в своеобразную подрывную организацию, осуществляющую надзор за правами человека в пользу проамериканских сил. И так далее. Мы всюду видим вовсе не планетарный интерес и вовсе не равноправное сотрудничество.

Разного рода международные Конвенции до середины XX века служили одной цели: выработать некоторые правила, соблюдаемые сторонами, столкнувшимися в войнах и прочего рода конфликтах. Соответствующие нормы были необходимы, поскольку в условиях войны вести согласования позиций было крайне сложно, если вообще возможно. Они, как указывал еще в XIX веке Н.Я. Данилевский, были защищены только дипломатическим обычаем.

Международное право до середины XX века возникло и существовало как соглашения преимущественно послевоенного периода, фиксирующие новый «расклад сил». Образование ООН было продолжением этого естественного состояния: суверены договариваются о разделе мира. И пока суверенитет незыблем, не столь важен и фиктивный характер их договоренностей. Изменение ситуации тут же ликвидирует договор, а новая война разрешит, кто приобретет и кто потеряет при становлении нового порядка.

Согласно Гегелю, международное право вытекает из согласия суверенных воль и является лишь внешним проявлением внутреннего права государства. Действительно, международное право не знает законодательства, но состоит почти сплошь из договоров. Законодательство требует процедуры легитимации на национальной почве и составляется в борьбе политических сил, в рамках национальной политической культуры. Международный договор может быть расторгнут без всякой парламентской процедуры – одним росчерком пера. Так прекратили свое действие важнейшие договоры, отражавшие паритет вооружений между СССР и США, так умер принцип нерушимости границ в Европе.

В XX веке возникла фикция суверенитетов больших геополитических пространств – сателлиты признавались суверенами лишь для того, чтобы получить лишний голос в большой политической игре, в конкуренции великих держав. Гегелевское представление о международном праве как о долженствовании, а не о действительном праве сначала реализуется в самом ярком виде, а потом деградирует до фарисейского обмана.

Один из самых значимых русских философов Иван Ильин писал: «В XIX веке в Европе расцвела абстрактная и формальная юриспруденция, которая считалась только с положительным правом и не хотела слышать о естественном (т.е. верном, идеальном, совестном праве), в ней можно было найти лишь скудные намеки на социальную идею и бледные остатки христианской идеологии, причем то и другое считалось «субъективным и ненаучным». Поражение права идеологией и устранение из него национальной традиции, жизни духа происходят именно через «научность» – возвышение параграфа над жизнью. В международном праве эта трансформация состоялась с некоторой задержкой – в силу столкновения различных идеологий и связанных с ними «научных» подходов к праву. Такого рода «научность» присутствует в хладнокровном цинизме Гаагского трибунала, в ужимках его постыдных процедур, в наглости его судей, в лживости его прокуроров.

Моментом рождения современного международного права стал Нюрнбергский процесс, где происходила имитация общего понимания странами-победительницами принципов установления вины и ответственности побежденной Германии. Очевидно, что правовые нормы придумывались на ходу и обращались к предшествующим событиям, лишая процесс всякой логики. Если бы победители действовали по праву победителя, то они бы следовали традиции – «горе побежденным». На практике так оно и происходило. Но суд над руководством гитлеровской Германии должен был создать иллюзию правового акта, карающего не волей победителя, а высоким принципом, ясным всякому человеку и принятым как очевидность любым государством послевоенного мира. Гитлеровских чиновников обвиняли в преступлениях против человечности, в пренебрежении правилами и обычаями войны. Но осудить их предполагалось не по военной традиции, не по уголовному праву стран, в которых совершались преступления, а в соответствии с некими «принципами гуманности». Символично, что гуманность была реализована казнью через повешение.

Стремительность Нюрнбергского процесса в сравнении с множеством двусторонних договоренностей по послевоенному урегулированию также указывает на имита-

ционный характер его процедур и пропагандистском характере мероприятия. Во всех грехах войны должна была быть обвинена Германия. Собственные грехи стран-победительниц необходимо было срочно списать. Вне всяких сомнений, ровно такую же задачу ставят и организаторы Гаагского трибунала. При этом они в затруднении: казнь была бы слишком очевидным зверством, а выпускать свои жертвы из застенков им не велят все те же «принципы гуманности». Смехотворность доказательной базы не дает возможности свершить суд скорый и правый. Поэтому процессы по бывшей Югославии затягиваются на годы, не в пример Нюрнбергскому. Но право силы и здесь должно восторжествовать, вновь прикрывшись гуманизмом и попирая ради фикции международного права представления о справедливости и профессиональной порядочности суда и обвинения.

Если не считать организаторов Нюрнбергского процесса мечтателями, то вполне логично предположить, что процесс был для них не средством правосудия, а средством пропаганды. Возникновение неких принципов, на страже которых, как оказалось, стояли все противники фашизма, должно было выделить группу стран, присвоивших себе право судить от имени этих принципов. Скрытая конкуренция вокруг ведущей роли в этом деле была конкуренцией за присвоение морального капитала победы над фашизмом. В случае с Гаагским трибуналом также была предпринята попытка создать инструмент политической репрессии в отношении сил, так или иначе противостоявших натовской и американской агрессии против Югославии и Сербии. Эта попытка не увенчалась успехом, потому что мир ужаснулся войне в Европе. Никаких общезначимых принципов гуманизма, как оказалось, быть не может. Человечность понимается американскими агрессорами и их союзниками совсем не так, как большинством ответственных граждан европейских стран. Мир не принял американских «принципов гуманизма». Как не смог принять их и после Нюрнберга, вслед за которым на основе все тех же принципов разразилась Холодная война.

Иным мыслителям, а тем более политикам, будет трудно согласиться, что современное международное право возникло и реализуется как средство мирового господства или же как средство противодействия этому господству. Борьба за мировое господство, а вовсе не стремление к принятию общепланетарных решений с учетом мнения большинства государств, создает институт ООН. Не случайно этот институт подвержен деградации в связи с уходом противостояния двух сверхдержав – НАТО в арсенале средств господства более удобный инструмент, чем ООН. А в иных случаях уже и НАТО – слишком обременительный и сложный механизм для организации агрессии. Сложные международные процедуры могут быть отброшены. Агрессия США в Ираке потребовала создания марионеточного правительства, от имени которого проведен судебный процесс над Саддамом Хусейном и организована его казнь. В данном случае международный судебный процесс не был необходимостью, хотя в оккупации Ирака участвовали многие страны, а руководство этого государства было обвинено в преступлениях, вполне сходных с преступлениями гитлеровских нацистов. В войне против Ирака США не использовали традиций войны, рассматривая пленных как террористов, а не как солдат. Главу государства унижали как бандита. Тем не менее, все это подано как торжество «принципов гуманизма». Неудивительно, что в отношении американцев перестают действовать обычаи войны. Ведь они сами попирают эти обычаи.

Ярким примером фарисейского характера современного международного права являются многочисленные международные соглашения, связанные с борьбой с терроризмом. Причем самым примитивным образом к терроризму относят оружие слабых – захват заложников. То есть угрозу убийства ни в чем не повинных людей рассмат-

ривают как преступление, а прямое уничтожение таких же людей бомбардировками в Югославии, Ираке, Афганистане – только как «непреодолимую справедливость» (или какое там еще название придумали для своих зверств американские стратеги?). Зверства чеченских банд в России и албанских банд в Косово к терроризму не относят, а участников сопротивления в Иране, Афганистане, Палестине называют террористами и бандитами с завидным постоянством.

Война НАТО против Югославии по замыслу американских стратегов во многом должна была повторить коалиционные действия против гитлеровской Германии и, вне всяких сомнений, отработать на практике аналогичные действия против Российской Федерации. В правовом отношении «разоблачения» международными организациями сербской политики полностью аналогичны «разоблачениям» политики России в Чечне. Оба прецедента связаны с ведением войны на уничтожение и провозглашением морального принципа, от имени которого должны быть уничтожена Югославия и Россия. Перенос пропагандистского инструментария в сферу права изобличает американскую стратегию в том, что она сама пытается приписать другим странам – в расистском замысле, который намереваются провести, фальсифицируя право.

Пересмотр всей системы международных соглашений после краха СССР отражает новую реальность, в которой у США уже больше нет сильного конкурента, мешающего завладеть фикцией международного права. Единоличное владение фикцией создает условия для манипуляции – европейская политика следует за американской, весь мир приводится к присяге, абстрактному принципу, за которым стоит конкретный интерес властвующей в США секты.

Причем у секты имеется свой отряд пропагандистов даже в среде ученых, чьи труды признаются выдающимся вкладом в современную философию. Надо быть изощренным демагогом, чтобы на Всемирном философском конгрессе 2003 года заявить, что единственная сверхдержава способна отделять свои интересы от всеобщих интересов, но в то же время упование мира состоит в том, что данная сверхдержава «идентична со старейшей конституционной демократией на земле». Уповать должны, вероятно, страны, подвергшиеся «гуманитарным интервенциям» и «принуждению к демократии». Никто не возразил Юргену Хабермасу и не пристыдил его. Зато ученый получил одобрение и поддержку со стороны американских «гуманистов», провозгласивших также свое монопольное право на ядерный удар по той стране, которую США объявят агрессором.

Фальсификация права происходит с отрывом права от традиционных культа и культуры, от государства и нации. Право перестает пониматься как часть культуры государственного общежития, как продолжение моральных принципов, отраженных в религиозных представлениях многих поколений. Взамен традиции приходит умозрительный принцип – фактически набор звонких фраз и благих пожеланий. Фикция становится неопровержимой, поскольку ускользает из системы координат, в которой определена граница между истиной и ложью.

Выдающийся немецкий философ Карл Шмитт говорил, что правовые термины скрывают теологические смыслы. Более того, юридизм иногда становится своеобразной религией, формальной «научностью», фальсифицирующей смысл права. Американский протестант, оторвавшийся от традиций пиетизма и прочих локальных культов периода становления США, теперь уповает на сеть параграфов, известных даже не ему самому, а некоему юристу, некому специалисту по международному (или иному) праву. Этой маскировочной сетью американские агрессоры покрывают ветхозаветную секту своих правителей, навязывают фарисейский образ поведения всему миру.

Американский правящий слой свободен от какой-либо нравственной ответственности, поскольку считает свою «гражданскую религию» верхом совершенства – она не сковывает его ни в чем, она оправдывает его во всем. Универсальная юридическая теология навязывает эту моральную гегемонию иным цивилизациям, разрушая их культурные основы. Католик близок американской «гражданской религии» только тем, что католический приход может стать и все больше становится подобием протестантской секты – не только на периферии христианского мира, но и в Европе. Исламист ненавистен американскому сектанту тем, что опровергает универсальность его культового выбора – поклонение священному параграфу, умозрительному принципу, тайной доктрине американской гегемонии. Ислам для американца – нечто абсолютно чужое и враждебное. Православный же для американского сектанта ненавистен вдвойне, поскольку изобличает его в обмане: универсальный юридизм противостоит христианскому мировоззрению с сатанинской ненавистью. Отпадение от христианского универсализма более всего обличается именно православной верой, православными народами, историей противостояния «латинства» и православия.

Обращаясь у еще к одной идее Карла Шмитта, мы можем если не точно указать заказчиков Гаагских судебных профанаций, то хотя бы обозначить «подозреваемого». Шмит открыл одну из своих выдающихся работ чеканной формулой: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении». То есть тот, кто способен в интересах спасения нации, государства, иного политического субъекта переступить через любой формализм и своей волей ввести чрезвычайные меры – вплоть до военных. Таким образом, по тому, кто принял решение о чрезвычайно положении, мы можем судить об «адресе» суверена. Кто был неформальным вдохновителем антисербской войны, организатором антисербских пропагандистских фальсификаций в течение последнего десятилетия XX века? Кто вдохновил ООН на создание такого чрезвычайного института, как Гаагский трибунал? Можно сказать, что это США и Великобритания. Но разве народы этих стран принимали участие в подобных решениях? Разве они наделяли свои парламенты полномочиями одобрять акты геноцида сербов? Разве между двумя народами этих государств был организован какой-то ментальный канал, чтобы согласовать антисербскую стратегию? Очевидно, нет. Но тогда мы не можем избежать уверенного вывода о том, что в антисербской стратегии, в организации «гаагской тирании» прослеживается присутствие некоей секты. Главным признаком этой секты является кровожадный расизм, главным инструментом – международное право.

Карл Шмитт утверждал: «Идеи господствующего государства становятся господствующими идеями на международном уровне». Это было ясно во все времена человеческой истории, поскольку слабые должны были склонять голову перед силой. Но заставлять искренне радоваться оккупации, считать ее высшим проявлением справедливости – это из разряда политических технологий современности, из разряда сектантского мракобесия.

Шмитт писал: «Наверняка можно считать, что народ только тогда завоеван, когда он без протеста воспринимает иностранную лексику и политические идеи, чуждые ему концепции права, в особенности международного права». Покорность «чужому» – это слом жизнеспособности «своего», но восприятие «чужого» как настоящего «своего», открытого с трепетом и восторгом, – это шизофрения современного мира, навязанная ему тайной сектой мракобесов. Одно дело насильственное присвоение «политической прибавочной стоимости», другое – восприятие этого присвоения как свободного дара, приносимого на алтарь умозрительного принципа! В первом случае это покорность силе, во втором – сумасшествие, согласие на тотальную зависимость, несвобода не только политическая, но и ментальная.

Карл Шмитт разоблачал невозможность правового универсализма, пацифистскую проповедь которого вела Лига наций. И ставил проблему: что же создает формообразующий принцип для сосуществования различных по весу политических суверенов? Шмитт ввел понятие «рейх» в юридический дискурс, заявив, что вопрос не только в международных соглашениях, но также в пространстве, воле народа и политической идее. Политическое пространство обычно шире государственного, воля народа не всегда умещается в политических границах, политическая идея всегда переступает их.

Культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского, переместившиеся в сферу политики, становятся «рейхами» Шмитта. Этот термин, рожденный под впечатлением германских триумфов рубежа 30-х – 40-х годов XX века, сегодня малопригоден как правовой, но в то же время верно фиксирует альтернативу «гражданской религии» международного права с его фиктивным универсализмом. Он может отразить современную политику США – «американский рейх».

В свей конкретности американский рейх отличен от прочих «рейхов» истории и отмечен своеобразием политической идеи – идеи мирового господства без какого-либо культурного содержания. Это цивилизация без культуры, голое господство, тирания. Это цивилизация суеверного страха перед любым иным суверенитетом, иной культурой. «Гуманитарный принцип» здесь полностью вырождается в расизм секты, составленной мировой олигархией. В этой секте состоялся «конец истории», в ней истреблено понятие о ценности традиции, культуры, народа.

Фикция Евросоюза – замечательное достижение американской политики. Европейским счастьем стали оккупация Европы силами НАТО и добровольная уступка суверенитетов американской секте, шизофренически мечтающей обезличить весь мир и увидеть в нем лишь свое собственное отражение. Главным препятствием на пути утверждения этой фикции была Югославия. Война против Югославии, потоки всеевропейской клеветы на сербов и создание Международного трибунала – звенья одной цепи, разделы одного и того же сценария борьбы США за непререкаемое господство. Втянув европейские страны в коалиционные действия, США сделали их соучастниками преступления – развязывания войны в Европе, не спровоцированной никакими агрессивными действиями, кроме действий самих США.

Мультикультурная смесь народов, забывающих свои традиции, представляет собой стратегический выбор США для Европы. Если нет национальных границ, нет суверенитетов европейских наций, а есть только чересполосица разнообразных стилей жизни и свободное перемещение от одного культурного суррогата к другому, то Европой будет править только абстрактный правовой принцип. Уже не культура и традиция будут создавать право, а напротив, абстрактное право разрешать или запрещать тот или иной культурный выбор. Псевдофольклор как маргинальная субкультура разрешен, большой культурный стиль исторических наций – ни под каким видом! Ибо это тоталитаризм! История должна прекратиться, а мировая олигархия – употребить все достояние человечества. А там – хоть трава не расти!

Европейский союз образован не стремлением народов жить в одном государстве, а стремлением проамериканских сил в Европе приобщиться к глобальной олигархии, войти в расистскую секту ценой разрушения национальных суверенитетов. Одурачивание народов состоялось теми же техническими средствами, которые были осуждены в Нюрнберге, – геббельсовской пропагандой. Не случайно «Катынский синдром» поляков целиком и полностью повторяет нацистскую фальшивку о расстреле русскими пленных польских офицеров. Масштабная клевета на русских – то самое общеевропейское дело, которое готовится вместе с вторжением в Россию, если она вздумает со-

противляться американской гегемонии. А она пока не сопротивляется, сколь бы «суверенными» ни казались некоторые высказывания президента Российской Федерации.

Евросоюз и Гаагский трибунал замечательны тем, что вырваны из систем национального права и не имеют ровным счетом никаких оснований для разработки своих процедур – никаких, кроме чисто умозрительных, создаваемых к случаю и чрезвычайных. Право таким образом обращается в системный произвол – произвольное установление границ между добром и злом. Лишенный каких-либо корней в своем отечестве, евробюрократ должен возвыситься над любым государством и продиктовать ему высшие принципы бытия, среди которых важнейшее место связано с верховенством оторванной от какого-либо социума бюрократии. Убивший свою совесть «научностью» безликих параграфов судья-самозванец становится машиной убийства, устройством для пыток лидеров национального сопротивления. Международное право, офальшивленное мировой закулисой, обращается в жертвенный алтарь кровожадной секты, порабощающей мир силами американо-британского альянса.

Неудивительно, что международное право так и не доросло до полноценной теории. Вся теория сводится к концепции делимого суверенитета, которая позволяет американскому «рейху» вторгаться во внутренние дела других государств. Поэтому все современное международное право состоит из прецедентов, опровергаемых новыми прецедентами. Хаос выдается за сложность, и международная деятельность становится тяжким бременем, которое бюрократия накладывает на нацию. Это бремя выражается в содержании невероятного количества дипломатов – лиц без внятного круга обязанностей и с огромными «представительскими расходами». Но более всего – в измене интересам собственного государства. Соблазн измены очевиден в дипломатической повседневности, а эксцесс измены замаскирован международным правом – хаотическим набором примитивных принципов, возвеличенных как последнее откровение цивилизации.

Международное право всюду терпит крах, если за ним не стоит идея мирового господства сверхдержавы. Именно эта идея и подкрепляющая ее сила создают иллюзию всеобщей выгоды от действия всеобщих правил. Нет нужды углубляться в анализ деятельности СНГ, ЕвразЭС, соглашений по ЕЭП, соглашений по антитеррористической деятельности и прочих мертворожденных бюрократических структур, где Россия надеялась сыграть роль регионального гегемона, но не нашла для этого убедительных аргументов. Бессодержательность деятельности всех этих международно-правовых «изобретений» раскрыта в их безрезультатности. Да и нет в России сатанинской секты, которая пошла бы по стопам американского рейха. Россия все же остается христианской страной и в муках ищет путей возрождения.

Следование давно опровергнутому реальной политикой принципу нерушимости границ в отношении непризнанных государств доводит ситуацию до полного абсурда: европейские демагоги считают, что независимость Косово ни в коем случае не может быть прецедентом для Приднестровской Молдавской Республики, Абхазии и Южной Осетии, но при этом попытки последних получить международное признание независимости прямо будто бы попирают суверенитет сложившихся государств. В то же время Косово было признано частью Сербии даже в условиях попрания всех принципов права, которые «мировая закулиса» навязывает суверенным государствам в момент расчленения Югославии. А границы современной Молдавии и современной Грузии никогда не признавались тождественными границам прежних союзных республик СССР. Очевидный абсурд правовых аргументов в пользу отторжения Косово от Сербии, но сохранения Приднестровья в составе Молдавии, а Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии вновь высвечивает присутствие международной секты, в ко-

торой элементарная логика попирается мракобесным мифом. Двойной стандарт в данном случае свидетельствует как о безнравственности выносящих вердикты международных институтов, так и о том, что на самом деле никаких международно-правовых принципов не существует.

Верховенство международного права над национальным – это верховенство оккупанта, верховенство безнравственной силы, верховенство изменника над нацией, государством и гражданином. Реальный суверенитет нации не может признавать над собой никакого международного права. Это не значит, что международное право должно быть отменено. Оно лишь должно занять свое естественное положение в мире суверенных наций. Отменено должно быть «гаагское право». Признание его становится подчинением фикции, убивающей суверенитет и физически истребляющей народы. Фикция «гаагского права», «гаагской тирании» – это религия секты, догма мировой олигархии. Сопротивление этой секте и этой догме – долг национальных правительств.

ИНТЕРВЬЮ ПРЕЗИДЕНТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ ПРОФЕССОРА Р.ВОЛЬФРУМА ДЛЯ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

Президент Международного трибунала ООН по морскому праву профессор Рудигер Вольфрум дал интервью заместителю главного редактора «Казанского журнала международного права» А.Б. Мезяеву 21 мая 2007 года в г. Хайдельберге (Германия).

А.Мезяев: Господин Президент, благодарим Вас за любезное согласие дать интервью нашему журналу. Мой первый вопрос связан с общим положением Конвенции ООН по морскому праву в современном мире. На момент представления Вашего последнего доклада о деятельности трибунала в июне 2006 года ее участниками являлись 149 государств. Каковы, на Ваш взгляд, основные препятствия для остальных государств для присоединения к Конвенции?

Р.Вольфрум: На сегодняшний день участников уже 153. Что касается других государств – их около сорока, то это объясняется в первую очередь отсутствием их интереса к морскому праву вообще и, таким образом, отсутствие их интереса к Конвенции самоочевидно. Имеется и группа государств, не согласная с рядом положений Конвенции. Так, хорошо известна проблема островов в Эгейском море для Турции. Для Перу и Эквадора – это проблема их национальных конституций, в которых установлена ширина территориального моря в 200 морских миль, и данные государства утверждают, что не могут присоединиться к Конвенции до того, как будут внесены изменения в их основные законы.

А.Мезяев: Каков вклад Международного трибунала в развитие международного морского права и в международное право в целом?

Р.Вольфрум: Считаю, что вклад Международного трибунала по морскому праву, прежде всего, связан с таким вопросом, как ответственность государств – дело «Сайга». Большой вклад трибунала просматривается в развитие процедуры немедленного освобождения судна по Конвенции 1982 года. Судебная практика Трибунала внесла существенный вклад в решение таких вопросов, как взаимоотношения между государством флага и государством владельца судна. И, конечно, это вклад в вопросы международного экологического права.

А.Мезяев: Какова, на Ваш взгляд, главная «слабость» Трибунала? Почему государства все еще предпочитают обращаться за разрешением их морских споров в Международный Суд ООН, а не Международный трибунал по морскому праву? Так, в настоящее время в трибунале вообще нет дел, за исключением приостановленного в 2001 году дела *Чили – Европейский Союз*, в то время как в Международном Суде ООН на рассмотрении находятся два дела по делимитации морских границ (Никарагуа – Гондурас и Румыния – Украина), а также еще два дела, *связанных* с вопросами морского права (Никарагуа против Колумбии и Коста-Рика против Никарагуа).

Р.Вольфрум: Я бы не сказал, что государства предпочитают Международный Суд ООН. Когда те или иные дела, связанные с морским правом передаются государствами в Международный Суд, то это происходит по определенным причинам следующего порядка. В отличие от нашего Трибунала, обращение в МС как в орган по решению

споров по конкретному договору предусматривается в очень большом количестве международных соглашений. Так, действительно, в настоящее время дело о делимитации морской границы между Румынией и Украиной передано на рассмотрение МС ООН. Но это произошло потому, что, согласно их договору, государства были обязаны передать свой спор на рассмотрение именно этого суда. Вообще-то, и в МС не так уж и много дел, связанных с морским правом. Например, дело о споре между Уругваем и Аргентиной [на первый взгляд, связанным с морским правом] не является делом по решению международного морского права, а больше связано с вопросами экологического права.

А.Мезяев: Каково Ваше мнение по проблеме множественности и «профилерации» международных судов на данном этапе развития международного права?

Р.Вольфрум: Это очень важный вопрос. Вообще-то, подобное «разделение полномочий» существует и в национальном праве, но никто не сетует по этому поводу. Фрагментация в международном праве существовала всегда. В настоящее время существуют Международный Суд ООН, наш Трибунал и региональные суды. Увеличение количества международных судов связано, в том числе, с тем, что государства предпочитают обращение в более специализированные суды.

Если бы у нас было только международное обычное право – я, конечно, утрирую, – то было бы достаточно одного международного суда, однако когда у нас так много специфических и детализированных международных договоров – «профилерация» является весьма положительной тенденцией.

А.Мезяев: Позвольте уточнить Вашу позицию, непосредственно связанную с предыдущим вопросом – а именно о риске фрагментации международного права. Согласны ли Вы с решением Комиссии международного права ООН, принятым в 2006 году, о том, что риска фрагментации международному праву не существует?

Р.Вольфрум: Да, я согласен. Такого риска, действительно, нет. Это полностью преувеличенная проблема в академических кругах и средствах массовой информации. Так что я согласен с решением КМП ООН на 100%.

А.Мезяев: Тем не менее, в 2006 году на встрече правовых советников МИДов стран мира Вы выступили с инициативой проведения встречи руководителей всех международных судов с целью обмена мнениями по вопросу обеспечения единства международного права…

Р.Вольфрум: Решение о такой встрече принято, и она должна состояться в 2007 году под председательством Президента Международного Суда ООН Розалин Хиггинс.

А.Мезяев: Какие вопросы Вы собираетесь поставить на данной встрече?

Р.Вольфрум: Пока не могу Вам сказать об этом.

А.Мезяев: Каково положение дел с выполнением решений Международного трибунала по морскому праву?

Р.Вольфрум: Все наши решения, а их мы вынесли 13, выполнены на 200%. Мы не связаны вопросом выполнения, это вопрос компетенции государств. Главная проблема для нас – убедить государства принять нашу юрисдикцию. В национальном праве нет проблемы юрисдикции, но есть проблема выполнения решений.

А.Мезяев: Каковы, на Ваш взгляд, наиболее важные темы для научного исследования в области морского права и международного публичного права в целом?

Р.Вольфрум: В международном морском праве я бы выделил проблему форм использования морской среды, проблему энергии моря, практически нет международно-правовых научных исследований этих тем. Очень важна проблема генетических ресурсов морского дна. Чрезвычайно актуальными является научная разработка вопросов международного морского экологического права. Малоисследованными являются вопросы международного морского права с связи с борьбой с терроризмом и пиратством.

В международном публичном праве в целом я бы подчеркнул проблему адаптации действующего международного гуманитарного права реалиям сегодняшнего дня. Здесь много проблем. Так, например, сегодня возникает вопрос: какие нормы применяются в государстве, находящемся под международным управлением? Очень серьезна проблема пропорциональности применения военной силы, проблема так называемого побочного ущерба.

А.Мезяев: Благодарю Вас, господин Президент, за Ваши ответы.

Р.Вольфрум: Был рад ответить на Ваши вопросы. Приветствую начало издания нового международно-правового журнала и желаю «Казанскому журналу международного права» дальнейшего развития и больших творческих успехов.

ШЕСТАЯ СЕССИЯ ПОСТОЯННОГО ФОРУМА ООН ПО ВОПРОСАМ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

С 14 по 25 мая 2007 года в г. Нью-Йорк в штаб-квартире Организации Объединенных Наций прошло шестое ежегодное заседание Постоянного Форума ООН по вопросам коренных народов. На Форум съехались представители государственных и межгосударственных учреждений, неправительственных организаций, академических кругов, а также большое количество представителей самих коренных народов. Всего в работе шестой сессии приняло участие около 1000 человек. Досадным обстоятельством явился тот факт, что представителю Российской Федерации Юрию Бойченко было отказано в получении визы для въезда на территорию США, и он не смог принять участия в работе Форума. Однако на Форуме присутствовал представитель «Казанского журнала международного права» доцент Руслан Гарипов. Таким образом, читатели нашего журнала имеют возможность подробнее узнать об этом событии.

Постоянный Форум был образован в соответствии с резолюцией 2000/22 ЭКОСОС от 28 июля 2000 года и уже в 2002 году провел свое первое заседание. Форум является вспомогательным органом Экономического и Социального Совета, и в его задачи входят консультации и принятие рекомендаций по социально-экономическому развитию, культуре, образованию, здравоохранению и другим вопросам коренных народов, а также содействие координации в рамках системы ООН деятельности, относящейся к вопросам коренных народов, подготовка и распространение информации по проблемам коренных народов.

В 1924 году вождь племени Кайюга[1] по имени Дескахех отправился в Женеву с намерением выступить в Лиге Наций, чтобы обратить внимание международной общественности к проблемам своего народа. Ему не дали возможности выступить, но он положил начало борьбе коренных народов за свои права на международном уровне, продолжающейся и по сегодняшний день.

В настоящее время в мире насчитывается более 300 млн. человек в 70 странах, принадлежащих к категории «коренные народы»[2]. Все они являются наследниками различных культур, уникальных в своем роде и богатых в своем разнообразии. Многие из них продолжают вести традиционный образ жизни, который вели их предки. Однако в условиях глобализации, ухудшения экологии и ряда других негативных факторов их существование находится на грани исчезновения, поэтому необходимо особое внимание со стороны международного сообщества к нуждам коренных народов в целях сохранения их культуры, языка и самобытности.

Открытие Постоянного Форума было поручено вождю племени Онондага как представителю народа, населявшего некогда территорию Нью-Йорка. Вождь приветс-

[1] Племя Кайюга входит в союз шести племен некогда могущественной конфедерации ирокезов, населявших северо-восток США, район Великих озер и частично Канаду. Самоназвание ирокезов – «Хауденосауни», что переводится как «Люди длинного дома». Союз включает в себя такие племена, как Онондага, Онейда, Кайюга, Могавки, Сенека и Тускарорра. В настоящее время в США и Канаде насчитывается около 125 тыс. человек.

[2] Что касается Российской Федерации, у нас используется термин «Коренные малочисленные народы», который включает в себя 45 народностей, проживающих на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющих традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающих в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающих себя самостоятельными этническими общностями. См.: Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

твовал участников шестой сессии на своем родном языке и пожелал плодотворной работы. В тот же вечер недалеко от здания ООН были организованы культурные выступления и состоялся митинг в поддержку принятия Декларации ООН о правах коренных народов.

Не обошлось и без эксцессов. В первый же день во время регистрации участников Форума одну из представительниц коренных народов Эквадора попросили снять головной убор во время фотографирования на пропуск, на что она ответила отказом и заявила о необходимости проявлять уважение к традициям ее народа и, в частности, к ее национальному костюму. Следует отметить, что большая часть представителей коренных народов прибыли на Форум в своих национальных одеждах, что дало возможность участникам сессии наблюдать богатство и разнообразие различных культур и традиций.

В ходе шестой сессии Форума, озаглавленной как «Территории, земли и природные ресурсы», обсуждались самые различные вопросы: изменение климата и его негативное влияние на традиционный образ жизни коренных народов; необходимость сохранения биологического разнообразия; добыча урана на территории племени Навахо в США; потеря аборигенами контроля над своими землями; отсутствие доступа коренных народов к политической, социальной и экономической сферам жизни общества и т.д.

Главной темой разговоров явилась недавно принятая Советом по правам человека Декларация ООН по правам коренных народов[3], которая пока еще не была одобрена Генеральной Ассамблеей. Документ закрепляет за коренными народами самые различные права: культурные, религиозные, право на образование на родном языке, право на самоопределение и т.д. Основным же положением Декларации явилось закрепление за коренными народами права на их исконные земли, а также недра и природные ресурсы (ст. 26). Именно данное положение стало камнем преткновения и отказом в принятии документа Россией и рядом других государств, на территории которых проживают коренные народы.

Поэтому основной озабоченностью коренных народов на шестой сессии было высказывание о необходимости скорейшего принятия данной Декларации. Звучали всеобщие надежды на ее одобрение Генеральной Ассамблеей ООН в предстоящей сессии этой осенью.

Таким образом, Постоянный Форум ООН по вопросам коренных народов явился местом диалога представителей различных культур, верований и традиций. Он объединил в себе людей с общими проблемами и тревогами, дал возможность заявить о себе и высказать свое видение решения различных задач. Шестая сессия не стала исключением, на протяжении 10 дней коренные народы имели возможность конструктивно участвовать в международном диалоге, они делали доклады, выступления, организовывали дискуссии по самому широкому кругу вопросов.

В заключение хотелось бы привести мнения некоторых из участников Форума о работе шестой сессии:

Бернд Галлеп (Программа поддержки организаций коренных народов, Эквадор): «В качестве позитивного впечатления от работы Форума является то, что коренные народы получили возможность на международном уровне говорить о своих проблемах и встречаться друг с другом. Что касается негативного впечатления – слишком большое

[3] Декларация была принята 29 июня 2006 года. Текст документа можно найти на официальном сайте ООН по следующей ссылке: http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/LTD/N06/625/12/PDF/N0662512.pdf?OpenElement

количество участников, очень шумно во время заседаний, нет эффективного обмена идеями, бюрократизм».

Майкл Хил (резервация апачи Сан Карлос, Аризона, США): «Апачи Чирикахуа рады возможности участвовать в работе шестой сессии Форума, который объединил в себе представителей различных коренных народов мира и дал возможность заявить о себе и своих проблемах. Однако необходимо предоставить больше полномочий в работе Постоянного Форума ООН самим коренным народам и их организациям».

Джина Косентино (кафедра политологии университета Торонто, Канада): «Шестая сессия Форума ООН по вопросам коренных народов посвящена важным вопросам, связанным с землей и природными ресурсами территорий коренных народов. До сих пор коренные народы продолжают терять контроль над своими землями. Обсуждение этих вопросов на международном уровне явилось основной прерогативой Форума».

Марк Франко (племя Виннимим Винту, Калифорния, США): «Для нас данный Форум явился местом, где мы смогли заявить о себе, наш голос был услышан. К сожалению, на Форуме не было представителей правительства США, которые не хотят признавать нас и наши требования. Мы не собираемся сдаваться и будем продолжать бороться за свои права».

13 сентября 2007 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила Декларацию о правах коренных народов. После напряженных переговоров из одобренного Советом по правам человека текста были изъяты некоторые спорные положения и добавлен пункт, который подтверждает целостность и суверенитет государств. Вместе с тем в тексте Декларации сохранилось право коренных народов на самоопределение. В документе говорится, что в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

«Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций», – говорится в Декларации. Документ призывает государства обеспечивать эффективные механизмы предупреждения любого действия, направленного на лишение коренных народов своих земель, территории или ресурсов или на их переселение. «Коренные народы не подлежат принудительному удалению со своих земель или территорий. Никакое перемещение не осуществляется без свободного предварительного и осознанного согласия коренных народов...», – гласит одно из ключевых положений. В Декларации также подтверждается право коренных народов на свою традиционную медицину и на сохранение практики врачевания, включая сохранение важнейших лекарственных растений, животных и минералов.

ЗАЯВЛЕНИЕ ИСПОЛКОМА РАМП ПО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫМ АСПЕКТАМ ПРОБЛЕМЫ КОСОВО

6 июля 2007 года Исполнительный Комитет Российской Ассоциации международного права принял следующее Заявление.

Исполком Российской Ассоциации международного права выражает серьезную озабоченность в связи с ситуацией, сложившейся вокруг автономного края Республики Сербия – Косово и Метохия.

Попытки ряда государств провозгласить независимость Косово и Метохии, используя международные механизмы, не имеют никаких международно-правовых оснований и являются грубейшим нарушением основополагающих принципов современного международного права, носящих характер jus cogens, в первую очередь, принципа территориальной целостности государств.

Урегулирование любых проблем автономного края Косово и Метохия может производиться только на основе принципов международного права, положений Устава ООН, законодательства Республики Сербия, Резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 и свободного волеизъявления всего, а не части народа Республики Сербия. Принятая в 2006 году на всенародном референдуме Конституция Сербии четко подтвердила статус Косово и Метохии в качестве неотъемлемой части страны.

Исполком Российской Ассоциации международного права заявляет, что любые варианты решения проблемы Косово и Метохии в нарушение основных принципов международного права будут квалифицироваться как противоправные и не имеющие юридических последствий.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.Б. Мезяев

1. Рабочие Комитеты и Комиссии РАМП.
2. Порядок работы Ежегодного Собрания РАМП.
3. Проекты РАМП:
– Курс Международного права РАМП
– Ежегодник Международного права СНГ

Для всех нас – членов российского международно-правового сообщества – всегда особым событием являются наши Ежегодные Собрания Российской Ассоциации международного права. Мы готовимся к ним целый год и начинаем *предвкушать* новую встречу задолго до ее начала. Это, действительно, уникальный форум. Несмотря на то, что мы можем стоять на различных теоретических позициях и порою яростно спорить друг с другом, мы – члены Ассоциации остаемся единой семьей единомышленников. Именно потому, что Ежегодное Собрание РАМП является столь важным событием, мне бы хотелось представить членам Ассоциации свои предложения, каса-

ющиеся введения некоторых новых моментов в работе РАМП. Надеюсь не только на положительный отклик, но и на практическую реакцию, о которой подробнее сказано в конце данного текста.

1. Рабочие Группы (Комитеты) и Комиссии РАМП.

Рабочие Группы (Комитеты)

Рабочие Группы (Комитеты) РАМП должны стать постоянно действующими органами Ассоциации, созданными по принципу отрасли либо отдельного вопроса международного права, например: Комитет РАМП по международному уголовному праву, Рабочая Группа РАМП по обычному международному праву и т.д.

Создание Рабочих Групп или Комитетов обусловлено все более стремительным усложнением современного международного права, наличием большого количества отраслей и объективной необходимостью специализации в рамках международного публичного и частного права. Довольно часто для рассмотрения того или иного вопроса требуются глубоко специализированные знания в рамках одной из отраслей международного права.

Данная система является признанной как для деятельности государственных органов (например, Государственная Дума РФ), так и для научных организаций (например, Институт международного права). Такая система признана в [Всемирной] Ассоциации международного права, а также в большинстве ассоциаций международного права государств и национальных отделений [В]АМП. Это признание является объективным и позволяет достаточно эффективно прорабатывать глубину тех или иных вопросов, обсуждаемых Ассоциацией.

Целями создания Рабочих Групп (Комитетов) являются:

- *во-первых*, объединение членов РАМП по интересам, что даст новые возможности работы в рамках определенных тем/вопросов, в том числе не только во время Ежегодных Собраний РАМП, но на постоянной основе;
- *во-вторых*, создание органов РАМП, ответственных за проработку соответствующих вопросов, представляющих интерес для РАМП (в том числе подготовка Рекомендаций, Консультативных заключений, Докладов и т.д.).

Комиссии РАМП

Комиссии Российской Ассоциации международного права могут создаваться для работы над некоторыми вопросами, носящими временный характер. Например, Комиссия по изучению вопроса ратификации РФ Статута МУС или Комиссия РАМП по наблюдению за деятельностью Международного трибунала по бывшей Югославии и т.д.

ПРЕДЛАГАЮ *inter alia* создать:

- Комитет по преподаванию МП;
- Комиссию по наблюдению за деятельностью МТБЮ;
- Комитет по тенденциям развития международного права.

2. Порядок работы Ежегодного Собрания РАМП.

Формат пленарных заседаний с *представлением* докладов является признанным, и его, конечно, следует сохранить. В то же время предлагаю ввести дополнительно новые форматы заседаний, в частности, формат *обсуждения* докладов.

Выгоды и преимущества реализации данного предложения очевидны.

До настоящего времени, по большому счету, редкие случаи обсуждения докладов проходят на уровне ответных реплик, а не (за редким исключением) на уровне реального научного обсуждения. Эта проблема в деятельности Ежегодного Собрания РАМП является объективно обусловленной. До сих пор, если кто-либо из участников желает выступить по прозвучавшему докладу, вынужден, во-первых, ориентироваться исключительно на слуховое восприятие информации и, во-вторых, имеет всего несколько часов, а то и минут для подготовки своего выступления.

Создание сайта Ассоциации предоставляет технические возможности для преодоления этого негативного момента.

ПРЕДЛАГАЮ:

За 4-5 месяцев до созыва Ежегодного Собрания РАМП на сайте размещать информацию о сроках и тематике Собрания.

В период за 2-3 месяца члены Ассоциации, желающие, чтобы их доклады подверглись полномасштабному обсуждению, должны размещать тексты своих выступлений на сайте РАМП для всеобщего сведения.

У нас, таким образом, появляется возможность проведения реальных обсуждений докладов, которые являются глубоко осмысленными, основанных на внимательном прочтении (а не заслушивании) текстов, и при достаточном количестве времени, при возможности обращения к «домашним» источникам и т.д.

Конечно, для желающих представить свои доклады без предоставления возможности их предварительного ознакомления следует выделить день докладов. Но следует выделить и день обсуждений.

Таким образом, предлагается примерно следующий режим проведения Ежегодных Собраний РАМП:

первый день – традиционный формат представления докладов;

второй день – формат обсуждения заранее опубликованных на сайте докладов; вечер второго дня – заседания Комитетов, Рабочих Групп и Комиссий;

третий день – представление докладов председателей Комитетов, Рабочих Групп и Комиссий об их работе (как в течение всего года, так и встречи накануне); их обсуждение в общем составе РАМП («день межкомитетского заседания»);

четвертый день – по рекомендации руководства Ассоциации; обсуждение и принятие Заявлений РАМП.

3. Проекты РАМП.

Российская Ассоциация международного права объединяет в своих рядах выдающихся ученых и практиков в области права. Многие из них являются авторами фундаментальных трудов и проектов.

Однако до сих пор наша Ассоциация не организовала собственные «всеРАМПовские» проекты.

ПРЕДЛАГАЮ: организовать ряд проектов Ассоциации, в которых бы могли принять участие все члены РАМП.

1) Курс международного права РАМП

Со времени создания «Курса МП [в семи томах]» прошло достаточно много времени. Назрела необходимость создания нового курса. При этом я имею в виду как со-

здание нового академического курса (авторами которого бы стали лишь некоторые наиболее видные представители теории международного права), но и отдельного «*Курса международного права Российской Ассоциации международного права*», который бы был не только теоретическим, но и практическим курсом и который бы был постоянным проектом РАМП [о критерии *постоянства* «Курса» подробнее см. ниже].

В качестве примера можно привести известный двухтомник «Международное право: достижения и перспективы», изданный ЮНЕСКО в 1992 году под редакцией тогдашнего президента Международного Суда ООН М.Беджауи. В чем была его особенность и даже уникальность? В том, что каждая глава этого всеобъемлющего курса была написана отдельным автором, и эти авторы представляли все правовые системы мира. В каком курсе можно ознакомиться с позицией по тому или иному вопросу международного права представителя не только США, Англии, Франции и других стран Запада, но, например, представителя Сенегала, Таиланда, Бенина, Папуа Новой Гвинеи и других государств? До сих пор этот курс остается уникальным и неповторимым.

Можно провести некую аналогию и предлагаемым мною «Курсом международного права РАМП». Среди членов нашей Ассоциации есть ученые, занимающиеся тем или иным вопросом всю жизнь, написавшие по данному вопросу десятки монографий и сотни статей. Именно они должны написать соответствующую главу или параграф Курса. Среди членов нашей Ассоциации есть люди, защитившие диссертации по самым интересным аспектам современного международного права – именно они должны написать соответствующие разделы «Курса». Если будет несколько кандидатов на один раздел – раздел должен писаться коллективом авторов.

Таким образом, впервые будет издан «Курс международного права», в котором каждый параграф будет написан ведущим специалистом в данной области и который будет создан всем международно-правовым сообществом России в полном составе. Имеется еще один аспект этого «Курса», о котором подробнее будет сказано в пункте 5.

2) *Ежегодник международного права СНГ.*

В настоящее время в мире издается множество т.н. Ежегодников международного права. Кроме страновых ежегодников (Британский Ежегодник МП, Французский Ежегодник МП и т.д.), стали выпускаться тематические ежегодники (Ежегодник международного гуманитарного права, Ежегодник международного экологического права и др.). Стали появляться региональные ежегодники – Африканский ежегодник МП, Азиатский ежегодник МП, Балтийский ежегодник МП и др.

Однако до сих пор не появилось Ежегодника международного права стран СНГ. Думаю, что интерес к международно-правовым проблемам стран СНГ должен исходить, прежде всего, из России. И наша Ассоциация могла бы выступить инициатором создания такого ежегодника. Кстати, в этой связи будет не лишним напомнить, что принятый Российской Академией наук в 2001 году Список приоритетных научных направлений в области как международных отношений, так и международного права называет правовые исследования в рамках СНГ.

3) *Тематические сборники РАМП по правовым позициям Ассоциации*

Весьма важным является подготовка и издание тематических сборников РАМП по тем или иным вопросам международного права, которые бы отражали правовую позицию Ассоциации по важнейшим, на определенный период времени, вопросам.

Приведу пример. Разве создание и деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии не является таким вопросом, по которому общественная организация юристов-международников России должна заявить свое отношение? Думаю, не

просто должна, но обязана. Таких примеров можно привести много. Данные тематические сборники РАМП должны содержать общую позицию Ассоциации по главным вопросам МП. За определенный период времени (например, за 3-4 месяца) на сайте РАМП должна размещаться информация о предлагаемых Руководством РАМП темах, по которым в текущем году имеется необходимость сформулировать общую позицию РАМП. Члены РАМП представляют также на сайте свои соображения и комментарии. Могут также предлагаться и другие вопросы. На Ежегодном Собрании РАМП данные вопросы проходят последнюю стадию обсуждения (с учетом предварительного обсуждения на сайте) и принятие общей правовой позиции РАМП путем голосования.

Данный вопрос тесно связан с уже давно практикующимися *Заявлениями* РАМП. *Правовые позиции* РАМП ни в коей мере не должны заменить *Заявления*. Это разные вещи. Заявления РАМП, как правило, очень краткие, по большей части они связаны только с текущими вопросами, и в них не всегда имеется возможность изложения юридической аргументации. Как правило, Заявления РАМП принимаются для публикации в СМИ. Цель принятия общей правовой позиции РАМП заключается несколько в ином – в подготовке и ознакомлении мировой международно-правовой общественности с позицией нашей ассоциации. Здесь вместо краткости, необходимой для публикации в СМИ, РАМП будет более свободна.

Кстати, среди Комитетов РАМП должен быть Комитет по правовым позициям, в компетенцию которого входили бы задачи, аналогичные задачам Комиссии Международного права ООН. Комитет занимался бы отбором тем, которые требуют выработки правовой позиции РАМП, сбором предложений и подготовкой проектов, а также вопросом Заявлений РАМП.

Среди первых тем для выработки правовой позиции РАМП предлагаю тему правового статуса лиц, находящихся в Следственном изоляторе ООН в Гааге (Схевенингене). Данный изолятор является некоей «сумеречной зоной» на территории Европы. Большинство этих лиц (отбор производится по этническому признаку) лишены не только основополагающих прав человека, но и – как обнаружилось в практике попыток защитить права этих лиц – лишены возможности использования защитных механизмов, предусмотренных международными универсальными и региональными договорами.

1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СУДЬИ В.С. ВЕРЕЩЕТИНА

Международный арбитраж и международный суд, близкие по своей природе и задачам институты (мирное разрешение споров с помощью третьей стороны), возникли в разные исторические эпохи и на разных этапах развития международного права. Если арбитраж в той или иной форме существовал уже в древней Индии, Греции и средневековой Европе, то первый международный суд был учрежден на региональном уровне пятью государствами Центральной Америки в 1908 г. и просуществовал лишь одно десятилетие.

Идея создания постоянного международного суда, действующего на глобальном уровне в соответствии с заранее установленной процедурой, активно обсуждалась в литературе в конце XIX века, а затем и на Второй конференции мира в Гааге в 1907 г. На практике эта идея была реализована лишь после Первой мировой войны, когда в 1922 г. приступила к работе Постоянная палата международного правосудия. Ее активная жизнь продолжалась менее двадцати лет, но она оставила заметный след в истории международного судебного разбирательства.

Следующий этап в развитии международного правосудия связан с созданием после окончания Второй мировой войны новой глобальной организации по поддержанию мира. Важной составной частью Организации Объединенных Наций, ее главным судебным органом стал Международный Суд, недавно отметивший свое шестидесятилетие. Статут Суда и его Регламент во многом базируются на соответствующих документах Постоянной палаты международного правосудия. Размещается Суд так же, как ранее Палата, во Дворце Мира в Гааге.

Нынешний этап развития международных отношений и международного права характеризуется разнообразием и ростом количества международных судебных учреждений. Наряду с Международным Судом ООН, занимающим среди них центральное место, на основе ряда международных соглашений и решений международных организаций были созданы другие специализированные суды и трибуналы, компетенция которых ограничена определенным регионом или предметом их ведения (иногда и тем и другим).

Так, на глобальном уровне видную роль играют Международный трибунал по морскому праву и недавно созданный Международный уголовный суд. На региональном уровне широко известна деятельность судов и трибуналов в области прав человека и международного уголовного права: Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, временные международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде. В 2006 г. учрежден новый Африканский суд по правам человека и правам народов. Широкой компетенцией обладает Суд европейских сообществ. На региональном уровне действует также Экономический суд СНГ. Этот перечень может быть, конечно, продолжен.

Несмотря на большое разнообразие органов международного правосудия и нередко высказываемые в этой связи опасения относительно возможной противоречивости принимаемых ими решений по аналогичным вопросам права и отсюда угрозы нарушения единства общего международного права, формальной иерархии международных судебных органов не существует. Часто встречающееся применительно к Международному Суду ООН наименование «Всемирный Суд» (World Court) не связано с какими-либо особыми полномочиями этого суда по отношению к другим судеб-

ным органам, а свидетельствует лишь об общепланетарном составе государств- участников Статута Суда и его широкой компетенции по всем межгосударственным спорам, которые могут быть решены на основе международного права.

Очевидно с дальнейшим развитием международной судебной системы, которая пока не является «системой» в строгом смысле этого понятия, возникнет потребность если не в субординации, то по крайней мере в определенной координации и взаимодействии между различными международными судебными учреждениями. Предложения по этому вопросу уже неоднократно выдвигались в литературе и на различных международных форумах, включая ООН.

«Пролиферация» международных судов и трибуналов привела к появлению концепций, согласно которым в международном праве следует различать две самостоятельные части: право для применения судами и трибуналами и некое более широкое по своим источникам и менее обязательное право, регулирующее поведение государств вне судебной сферы. Несостоятельность таких концепций проистекает из того, что они, с одной стороны, объективно понижают юридическую силу международного права, растворяя его принципы и нормы среди неправовых социальных регуляторов и политических интересов государств, а, с другой стороны, приводят к абсурдному выводу о том, что суд якобы может решать вопросы правомерности действий государств, руководствуясь при этом правом, отличающимся от того, которое фактически регулирует их отношения. Отрицание существования в общем международном праве самостоятельной части, якобы предназначенной только для применения судами, не исключает того, что в соответствии со спецификой суда или трибунала его учредительный акт или регламент могут содержать не только процессуальные нормы, но и указывать на конкретные источники материального права, которые должны применяться данным судебным органом.

Российская наука международного права внесла существенный вклад в зарождение и развитие институтов международного арбитража и суда. Достаточно вспомнить вошедшие в историю международного права имена Ф. Мартенса и Л.Камаровского. Монография профессора Камаровского «О международном суде», впервые опубликованная в 1881 г., вышла в издании на французском языке в 1887 г. и получила широкое распространение за рубежом. Со времени учреждения Международного Суда ООН в 1946 г. советские, а затем российские юристы всегда входили в состав членов Суда. Среди них были такие известные международники, как С.Б. Крылов, Ф.И. Кожевников и В.А. Корецкий.

Тем не менее, до настоящего времени наша страна, в отличие от многих других крупных стран, ни разу не соглашалась на передачу какого-либо своего спора с другим государством на решениие Международным Судом ООН. В прошлом это часто объясняли «классово-чуждым составом» большинства членов Суда. Советский Союз, как правило, делал оговорки в отношении статей международных договоров, предусматривающих разрешение споров об их применении и толковании Международным Судом ООН.

Начиная с 1989 г., когда Советский Союз снял такого рода оговорки к ряду договорв в области прав человека, наметился определенный сдвиг в отношении нашей страны к Международному Суду ООН и другим органам международного правосудия. Значительным событием стало выступление перед членами Международного Суда ООН Президента Российской Федерации В.В. Путина в ноябре 2005 г. в ходе его официального визита в Нидерланды.

После окончания холодной войны и идеологического раскола мира все большее число государств стало обращаться к международной судебной процедуре для разре-

шения своих споров. Только за последнее десятилетие около 60-ти государств участвовали, в том или ином качестве, в спорах, рассмотренных Международным Судом ООН. В их число входит и ряд государств Восточной Европы. Так, в 1997 г. Судом было вынесено решение по спору между Венгрией и Словакией в связи со строительством комплекса гидросооружений на р. Дунай (дело «Габчиково-Надьямарош»). В настоящее время на рассмотрении Суда находится спор между Румынией и Украиной о делимитации границы в Черном море.

Решения и консультативные заключения Международного Суда ООН ныне касаются практически всех основных отраслей международного публичного права и ряда отраслей и институтов национального и международного частного права. Эти решения и заключения оказывают влияние на толкование и развитие норм международного права и правоприменительную деятельность национальных судов. Без знания практики Международного Суда ООН и других международных судебных органов невозможно глубокое постижение действующего международного права в его развитии. Поэтому следует всячески приветствовать намерение Казанского журнала международного права иметь постоянную рубрику, которая поможет читателям Журнала регулярно знакомиться с текущей деятельностью Международного Суда ООН и других органов международного правосудия.

Профессор В.С. ВЕРЕЩЕТИН,
член Международного Суда ООН с 1995 по 2006 гг.

В ЧЕСТЬ СУДЬИ В.С. ВЕРЕЩЕТИНА*

Одним из событий, анализируемым в настоящем выпуске 2006 года, в Международном Суде ООН стало избрание новых членов Суда, в том числе из Российской Федерации.

Вступлению в должность нового судьи от РФ мы посвятим отдельный материал, настоящая же статья посвящена завершившему свои полномочия судье Владлену Степановичу Верещетину.

1995-2006 годы ознаменовались воистину огромным вкладом судьи В.С. Верещетина как в деятельность Международного Суда, так и, в целом, в международное право.

Владлен Степанович Верещетин *родился 8 января 1932 года в г. Брянск.*

В 1954 году окончил факультет международного права МГИМО. В 1958 году закончил аспирантуру по специальности «Международное право» МГИМО. Кандидатскую диссертацию защитил в 1959 году, а докторскую – в 1976 году. С 1982 года – профессор.

* Когда макет настоящего выпуска КЖМП был уже в печати, мы обнаружили, что статья схожего содержания – в честь 75-летия профессора В.С. Верещетина – только что была опубликована в журнале «Государство и право». (См.: Пунжин С.М., Вайлс Н., «Российский учёный в Международном Суде ООН», // Государство и право, 2007, № 4. с. 47-55). Однако обращаем внимание наших читателей на то, что в отличие от статьи указанных авторов, где упомянуты только некоторые особые позиции судьи В.С. Верещетина, мы рассматриваем все особые позиции, которые были заявлены Владленом Степановичем за время его работы в Международном Суде.

С 1958 по 1967 годы – сотрудник аппарата Президиума Академии наук СССР. В 1967-1981 годах – Первый заместитель председателя и советник по правовым вопросам ИНТЕРКОСМОСа при Академии наук СССР.

В 1981-1995 годах – Заместитель директора и Руководитель отдела международного права Института государства и права Академии наук СССР. В эти же годы Владлен Степанович возглавляет Научный совет по международному и сравнительному праву Института. В 1979-1982 годах – профессор Университета дружбы народов. В 1991 году – профессор международного права Школы права в университете Акрона (США).

Читал лекции по теории и различным отраслям международного права в Институте международного права и международных отношений в Салониках (Греция), Европейском университете во Флоренции (Италия), университетах Акрона и Миссисипи (США), Институте международного публичного и частного права в Гааге (Нидерланды).

С 1984 года – член Постоянной палаты третейского суда в Гааге.

В 1979-1990 годах – член делегации СССР на сессиях Комитета ООН по использованию космического пространства и его Юридического подкомитета.

В 1992-1994 годах – член Комиссии международного права ООН. В 1994 году возглавлял Комиссию.

С 1985 года – вице-президент Советской, затем – Российской ассоциации международного права. С 1984 года – вице-президент Советской, затем – Российской ассоциации содействия ООН.

С 1978 года – вице-президент, Почетный директор Международного института космического права.

С 1990 года – член Комитета по вопросам политики и финансов Ассоциации международного права.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995 г.)

Награжден орденами Октябрьской революции, Дружбы народов и «Знак почета» (1981, 1971, 1967 годы).

Член Редакционных Советов «Российского юридического журнала», «European Journal of International Law» и «Journal of Space Law».

В.С. Верещетин был избран судьей Международного Суда ООН 26 января 1995 года и переизбран вновь в октябре 1996 года.

За годы работы в Международном Суде В.С. Верещетин принял участие в рассмотрении 40 дел, включая 4 консультативных заключения.

Во время визита в Международный Суд Президента России в 2005 году Председатель Суда Д.Ши заявил: «Нет ничего более приятного для меня, чем отметить огромный вклад судьи Верещетина в коллегиальную деятельность Суда. Острый ум и естественное интеллектуальное любопытство судьи Верещетина всегда вдохновляли правовые дебаты Суда, а его глубокое понимание российской традиции международного права являлось озаряющим для его коллег»[1].

Действительно, решения по таким делам, как *Ордер на арест*, отличаются глубочайшим анализом, безупречной точностью формулировок и важным вкладом в развитие действующего международного права. Несмотря на то, что позиция каждого конкретного судьи и его вклад в общее решение Суда являются тайной, в некоторых случаях можно догадаться, что то или иное решение испытывает особое влияние оп-

[1] Address by Judge Shi, President of the International Court of Justice, on the Occasion of the Visit by the President of the Russian Federation, Mr. Vladimir Putin, 2 November 2005.

ределенного специалиста. Конечно, догадки – дело опасное, однако рискну предположить, что среди решений Суда, испытавших на себе наибольшее влияние позиции Владлена Степановича, следует в первую очередь назвать решение по делу *Ордер на арест (Демократическая Республика Конго против Бельгии)*. Данное решение является безусловной жемчужиной решений Международного Суда последних лет[2]. Прежде всего, это относится к «высшему пилотажу» правовой аргументации и безупречным выводам. Многие части решения можно использовать в качестве учебного материала по ряду разделов международного права, прежде всего, таких как «Юрисдикция в международном праве», «Дипломатическое право» и «Международное уголовное право». Данное решение важно отметить еще и потому, что в настоящее время существует ряд государств, которые хотят своей практикой изменить существующие нормы действующего международного права. Такая позиция охватывает все уровни: и обучение (например, в ряде зарубежных учебников международного права среди источников международного права прямо называются практика государств и национально-правовые акты), и законодательство, и судебная практика. Эти государства пытаются утверждать, что их практика создает некие «тенденции развития международного права»[3]. Решение по делу об ордере на арест внесло ясность не только по данному конкретному спору между ДРК и Бельгией, но дало понять, что большинство Международного Суда не поддерживает создание «нового» международного права в обход законных форм и методов его создания.

Интересно отметить, что В.С. Верещетин посвятил анализу этого решения Суда несколько академических работ. В одной из них Владлен Степанович отметил, что решение Суда касалось иммунитета *действующего* министра иностранных дел, но не затронуло вопроса о том, имеет ли иммунитет за совершение самых тяжких международных преступлений *бывший* министр иностранных дел. Он высказал свою позицию о том, что признание иммунитета бывших высших руководителей противоречило бы самой цели института иммунитета. Это подтверждается давно сформированной позицией Суда, согласно которой иммунитеты предоставляются не для личного пользования, а для исполнения функций от имени государства или международной организации[4].

* * * * *

При анализе вклада В.С. Верещетина в деятельность Международного Суда и в международное право в целом, особое внимание следует уделить его особым позициям, которые он занимал по ряду рассматривавшихся Судом споров.

За годы работы в Международном Суде В.С. Верещетин заявил 10 деклараций, 4 особых и 6 несогласных мнений.

Многие из этих блестящих юридических текстов можно рассматривать как доктрину, то есть тот самый источник, который указан в статье 38 Статута Международного Суда! Действительно, эти тексты отвечают всем требованиям для того, чтобы быть квалифицированными в качестве «трудов наиболее выдающихся специалистов в области международного права».

---

[2] Анализ решения см.: Мезяев А.Б. Дело об ордере на арест (Демократическая Республика Конго против Бельгии) // Российский ежегодник международного права - 2003, СПб., 2003, с. 84-99.

[3] См.: Курдюков Г.И., Мезяев А.Б., Проблема универсальной юрисдикции в современном международном праве // Ученые записки Казанского университета. Том 144, 2003, с. 464-476.

[4] См.: Vereshchetin V.S., On the Expanding Reach of the Rulings of the International Court of Justice // Volkerrecht als Wertordnung. Common Values in Intenational Law. Essays in Honour of Ch.Tomuschat, N.P.Engel Verlag, 2006, p. 626.

Вообще, внимание к особым позициям отдельных судей Международного Суда и других судов всегда было достаточно высоким. Анализу значения этого института посвящено немало академических трудов. Ряд выдающихся юристов-международников неоднократно подчеркивали те или иные важнейшие аспекты особых позиций международного судьи.

Так, например, Х.Лаутерпахт писал, что «включив положение о праве судей на особое или несогласное мнение, Статут Международного Суда внес полезный вклад в развитие международного права и авторитет международной юстиции»[5].

Дж.Фитцморис отмечал, что «конечно, наилучшим вариантом является решение, принятое единогласно, но такое решение привлекает гораздо меньшее внимание юристов, нежели принятое большинством и сопровождаемое несколькими особыми или несогласными мнениями»[6]. Он также подчеркивал, что «во многих случаях решение может быть должным образом понято только в свете противоположного мнения»[7]. В этом его поддерживал и Х.Лаутерпахт: «Трудно назвать какое-либо дело, в котором индивидуальное мнение не помогало бы лучшему пониманию общего решения Суда»[8].

Профессор международного права Р.Ананд (Индия) считал, что «особое или несогласное мнение – не только право, но должно рассматриваться как обязанность судьи»[9].

Профессор Л.Протт (Австралия) подчеркивал, что Международный Суд ООН не может просто требовать исполнения вынесенного им решения, полагаясь на свою власть, но должен убедить стороны в своей правоте, и институт индивидуальных мнений играет здесь весьма важную роль[10].

Профессор Мэрфи (США) отмечал, что довольно часто несогласное мнение вчера становится действующим правом сегодня. И хотя он писал это в контексте англосаксонского права, данный вывод во многом справедлив и в отношении международного права. Несмотря на наличие определенных несовпадений в подходах юристов различных правовых систем (в первую очередь, представителей романо-германской и англосаксонской правовых систем), институт особого и несогласного мнения в международном праве объективен. Профессор И.Хусаин (Пакистан) считает, что эта обусловленность диктуется самим характером международного права, прежде всего, его не[полной] кодифицированностью[11].

Значение особой позиции судьи В.С. Верещетина, таким образом, является важным не только для более глубокого понимания тех конкретных споров, которые рассматривались Международным Судом, но и для более глубокого осмысления важнейших вопросов современного международного права.

Фактически, через свою особую позицию, занятую им по ряду решений Суда, В.С. Верещетин написал своеобразный учебник актуальных проблем международного права. Глубокому анализу этого учебника должны быть посвящены монографии. В настоящей статье мы предпримем лишь попытку кратко очертить те главные вопросы, которые были столь глубоко разработаны Владленом Степановичем в его особой позиции в отношении ряда решений Международного Суда.

---

[5] Lauterpacht H., The Development of International Law by the International Court, London, 1958, p. 66.

[6] Fitzmaurice G., The Law and Procedure of the International Court of Justice: General Principles and Substantive Law // British Yearbook of International Law, vol. 27, 1950, p. 1-2.

[7] Ibid.

[8] Lauterpacht H., Op. cit., p. 69.

[9] Anand R.P., The Role of Individual and Dissenting Opinions in International Adjudication // International and Comparative Law Quarterly, July 1965, vol. 14, p. 807.

[10] Prott L., The Latent Power of Culture and the International Judge, Professional Books, Abingdon, Oxon, 1979, p. 116.

[11] Hussian I., Dissenting and Separate Opinions at the World Court, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht/Boston/Lancaster, 1984, p. 7.

Декларации В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С.Верещетин заявил 10 деклараций[12].

*В декларации[13] по делу *Сухопутная и морская граница (Камерун против Нигерии)* [Распоряжение по временным мерам, 1996] В.С. Верещетин отметил, что в связи с неясностью фактического положения дел во время пограничного инцидента между Камеруном и Нигерией (стороны представили прямо противоположную информацию), а также отказом самого Суда от прояснения этого вопроса распоряжение Международного Суда «обеспечить положение их войск на момент до 3 февраля 19996 года» оставляет сторонам самим определять это положение. Таким образом, решение Суда можно расценить как содержащее внутреннее противоречие.

*В декларации по делу *Морская делимитация и территориальный вопрос (Катар против Бахрейна)* (2001 г.) В.С. Верещетин не согласился с решением Суда о том, что принадлежность одного из спорных островов может быть определена исключительно на основе решения бывшей метрополии [формально – protected power]. Международный Суд заявил, что, установив принадлежность суверенитета над островом на основе британского решения 1939 года, в исследовании аргументов сторон по оригинальному титулу, по *effectivite* и по принципу *uti possidetis juris* нет необходимости.

В своей декларации Владлен Степанович Верещетин совершенно точно заявил, что базировать свое решение без учета других факторов недопустимо. Более того, В.С. Верещетин квалифицировал данный подход Суда как вызывающий вопросы с точки зрения его международно-правовой законности.

*Декларация по консультативному заключению в деле *Законность применения или угрозы применения ядерного оружия* (1996 года). Это решение занимает особое место в истории Международного Суда. Решение по одному из пунктов было принято семью голосами против семи при решающем голосе президента Суда. Суд постановил, что *«с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми Суд располагает, Суд не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства».*

Ответ Суда, – заявил В.С. Верещетин, – с моей точки зрения, адекватно отражает сложившееся правовое положение и некоторым образом указывает на дальнейшее развитие норм международного права, применимых в период вооруженного конфликта. Однако я считаю себя обязанным разъяснить причины, вынудившие меня голосовать за пункт 2 Е постановляющей части, который создает впечатление о нерешительности Суда и косвенно признает существование «серой области» в нынешнем регулировании этого вопроса. Сторонники мнения о том, что любому суду должно быть запрещено заявлять о *non liquet*, рассматривают это запрещение как непосредственное следствие концепции «полноты» правовой системы. Критически оценивая значение для нашего дела теоретической полемики по вопросу о *non liquet*, нельзя упускать из виду тот факт, что эта полемика касается, главным образом, если не исключительно, допустимости или недопустимости *non liquet* в ходе процедуры рассмотрения споров, когда Суд призван вынести обязательное окончательное решение, урегулирующее спор между Участниками. Даже в таких случаях

[12] Из них пять деклараций идентичного содержания вынесены по делу Югославия против стран НАТО и рассматриваются в связи с их логикой в разделе «Несогласные мнения В.С. Верещетина».

[13] Совместно с судьями Ши (Китай) и Веерамантри (Шри Ланка).

возможность заявления о *non liquet* не исключается некоторыми авторитетными специалистами в области права, хотя данную точку зрения нельзя убедительно обосновать арбитражной и судебной практикой. Однако в связи с настоящим делом Суд участвует в консультативной процедуре. Ему предложено не разрешить фактический спор между конкретными государствами-участниками, а изложить соответствующие нормы права, если он их определит на нынешнем этапе развития права. Ничто в формулировке вопроса, поставленного перед Судом, или же в письменных и устных представлениях государств Суду нельзя толковать как просьбу заполнить пробелы, если таковые будут найдены, в нынешнем статусе норм права, касающихся этого вопроса. Напротив, несколько государств прямо указали, что Суд «не просят быть законодателем или разработать режим ядерного разоружения» и что «Суд не должен ни теоретизировать, ни заниматься нормотворчеством, но будет разъяснять право, каким оно существует и как он его понимает...». Даже если бы Суд просили заполнить пробелы, ему пришлось бы отказаться брать на себя бремя нормотворчества, которое вообще не должно быть функцией Суда. В ходе консультативной процедуры, когда Суд находит пробел в праве или находит право несовершенным, он должен всего лишь указать на это, не пытаясь заполнить пробел или улучшить право посредством судебного нормотворчества. Суд нельзя винить в нерешительности или уклончивости, если право, которое он должен применить, само по себе является неубедительным. Еще менее обоснованным было бы любое утверждение о нерешительности или уклончивости Суда в связи с данным конкретным Заключением, в котором дается недвусмысленный – пусть и не исчерпывающий – ответ на поставленный перед Судом вопрос. В своем ответе Суд ясно признает, что угроза ядерным оружием или его применение подпадали бы под действие запрещений и жестких ограничений, установленных Уставом Организации Объединенных Наций и рядом других многосторонних договоров и конкретных положений, а также обычными нормами и принципами права вооруженных конфликтов. Более того, Суд установил, что угроза ядерным оружием или его применение «в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфликта, и в частности, принципам и нормам гуманитарного права». Вполне вероятно, что посредством предположения, заключения или по аналогии Суд (причем именно это некоторые государства в своих письменных и устных докладах призывали его сделать) мог бы вывести из вышесказанного некую общую норму, полностью запрещающую угрозу ядерным оружием или его применение, не оставляя места для какой-либо «серой области», даже носящей исключительный характер. Однако Суд не мог игнорировать некоторые важные соображения, которые воспрепятствовали тому, чтобы он пошел по этому пути. К тем соображениям, которые были изложены в мотивировочной части Заключения, я хотел бы добавить следующее. Те самые государства, которые призывали Суд проявить мужество и выполнить свою «историческую миссию», настаивали на том, чтобы Суд оставался в рамках своей судебной функции и не выступал в качестве законодателя, просили Суд изложить право таким, каким оно является, а не таким, каким оно должно быть. Во-вторых, Суд не может не отметить тот факт, что в прошлом все действующие запрещения в отношении применения других видов оружия массового уничтожения (биологического, химического), а также особые ограничения в отношении ядерного оружия устанавливались с помощью конкретных международных договоров или отдельных договорных положений, что, несомненно, указывает на образ действия, выбранный международным сообществом как наиболее подходящий для установления полного запрещения применения оружия массового уничтожения и

его окончательной ликвидации. И, в-третьих, Суд должен позаботиться об авторитетности и действенности «выведенной» общей нормы, касающейся вопроса, по которому мнения государств столь существенно расходятся. С моей точки зрения, – подчеркнул судья Верещетин, – рассматриваемое дело представляет собой хороший пример случая, когда абсолютная ясность Заключения была бы «обманчивой» и когда, с другой стороны, его кажущаяся нерешительность может оказаться полезной в качестве руководства к действию. Суд также показал, что наиболее подходящим способом положить конец существованию любых «серых областей» в правовом статусе ядерного оружия было бы «ядерное разоружение во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем». Соответственно, Суд установил, что существует обязательство государств вести в духе доброй воли и завершить переговоры, ведущие к достижению этой высшей цели.

Через три года после вынесения данного решения в своей статье, опубликованной в сборнике, посвященном президенту Международного Суда Мохаммеду Беджауи, Владлен Степанович Верещетин на академическом уровне вновь вернулся к проблемам теории международного права, затронутым в этом консультативном заключении[14]. По существу, главной проблемой решения суда был вопрос о возможности провозглашения *non liquet*. В.С. Верещетин отметил, что судебная функция заключается не в восполнении пробелов в праве, но в вынесении решения о том, каково фактическое состояние права по тому или иному вопросу. Что касается возможности провозглашения *non liquet* Международным Судом, то Владлен Степанович отметил разницу между делами, переданными Суду государствами и консультативными заключениями. Полномочия Международного Суда по даче консультативного заключения являются дискреционными, так как он может отказаться вынести решение или отказаться дать полный ответ. Трудно не согласиться с Владленом Степановичем, что ответ, данный Международным Судом в форме *non liquet,* возможно, окажет международному праву большую службу, чем, если бы Суд попытался восполнить пробелы права с помощью логических выводов и конструкций.

*Особо следует сказать о деле по *Конвенции о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*. Окончательному решению по данному делу посвящена большая статья, публикуемая в настоящем выпуске журнала. Однако в рамках данной статьи следует сказать, что позиция, занятая В.С. Верещетиным в этом сложнейшем деле, в течение почти 14 лет его рассмотрения в Суде продолжала занимать значительное место даже после ухода Владлена Степановича из состава Суда.

Так, во время слушаний в Суде известный британский юрист-международник Ян Браунли в течение 10 минут цитировал декларацию В.С. Верещетина к решению Суда [по предварительным возражениям, 1996]. В этой декларации[15] Владлен Степанович резонно оспорил позицию, занятую большинством по статье IX Конвенции о геноциде 1948 года, касающейся «ответственности государств». Обращение В.С. Верещетина к *travaux preparatoires* Конвенции показало, что во время подготовки проекта текста статья IX была принята на самом последнем этапе шатким большинством в 19 голосов против 17 (при 9 воздержавшихся). Более того, Владлен Степанович отметил, что принятие этой статьи не повлекло никаких модификаций других статей. Таким образом, истинное значение текста статьи IX остается не вполне ясным. Однако, применив телеологический и систематический методы толкования права, В.С. Верещетин заключил, что сутью Конвенции является то, что она представляет собой инструмент

[14] См.: Vereshchetin V.S., Is «Deceptive Clarity» Better than «Apparent Indecision» in an Advisory Opinion? // Liber Amicorum Judge Mohammed Bedjaoui, Kluwer Law International, 1999, p. 531-543.

[15] Совместно с судьей Ши (Китай).

уголовной ответственности индивидов. Государства-участники должны наказывать лиц, ответственных за геноцид, независимо от того, являются ли они руководителями государства или частными лицами, а также должны принять соответствующее законодательство на этот счет. В своей декларации В.С. Верещетин убедительно доказал, что современное международное право в целом и Конвенция 1948 года, в частности, не предусматривают уголовной ответственности государств, и потому статья IX Конвенции должна пониматься только в контексте других норм и самой Конвенции, и международного права во всем его объеме.

Интересно отметить, что большинство Международного Суда в окончательном решении по делу, вынесенном уже после ухода Владлена Степановича из состава Суда в феврале 2007 года, отказалось (по известным политическим причинам) от верной аргументации В.С. Верещетина. Но что интересно: обоснование позиции большинства выглядит не только малоубедительно, но и умалчивает об аргументации В.С.Верещетина, что ярко показывает простую невозможность опровержения такой аргументации[16]!

Особые мнения В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С. Верещетин заявил 4 особых мнения.

*В особом мнении по решению МС в деле *Восточный Тимор (Португалия против Австралии)* Владлен Степанович, соглашаясь с общим решением Суда об отсутствии у него юрисдикции рассматривать данное дело в связи с отсутствием согласия Индонезии, отметил, что имеется и другая причина. К сожалению, Суд не рассмотрел и не назвал эту причину, но в контексте данного дела она, может быть, являлась более важной! Судья Верещетин отметил, что в настоящем деле сутью проблемы является вопрос о самоопределении народа[17], и при решении любого спора, затрагивающего Восточный Тимор, Международный Суд должен иметь, как минимум, свидетельство согласия народа Тимора. В целом же судья Верещетин заявил, что народ Тимора должен принимать участие в рассмотрении дела. В отсутствие выполнения этого требования, Международный Суд не может рассматривать спор.

*В особом мнении по решению Международного Суда в деле *Сухопутная и морская граница (Камерун против Нигерии)* [Решение по предварительным возражениям, 1998] судья Верещетин заявил, что не может согласиться с решением большинства Суда о том, что между сторонами существует спор в отношении всей границы. Такое решение не основано ни на фактах дела, ни на вопросах права, так как Суд необъективно определил, что юридическая основа всей границы оспаривается одной из сторон.

*В особом мнении[18] по делу *Уголовное дело во Франции (Конго против Франции)* [Распоряжение о временных мерах, 2003] В.С. Верещетин подчеркнул, что при рассмотрении вопроса об установлении временных мер защиты Суд должен оценить все аспекты дела, включая вопрос о возможных негативных последствиях нарушенного права. Негативные последствия нарушения прав Конго могут иметь намного более значительные негативные последствия, нежели сам факт нарушения этих прав. Владлен Степанович Верещетин указал, что Суд не придал должного внимания риску

[16] Подробнее об этом см.: **Мезяев А.Б. «Решение Международного Суда ООН в деле о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории): *Некоторые актуальные вопросы международного права*»** в настоящем выпуске журнала.

[17] На момент рассмотрения дела (1995 год) Восточный Тимор являлся частью территории Индонезии и стал независимым государством только в 2002 году.

[18] Совместно с судьей Коромой (Сьерра Леоне).

непоправимого ущерба, который может произойти в Конго в результате продолжения данного уголовного дела.

*В особом мнении по делу *Авина и другие граждане Мексики (Мексика против США)* (2004 г.) В.С. Верещетин не согласился с позицией большинства Суда, касающейся вопроса исчерпания всех внутренних средств защиты. Суд заявил, что в случае взаимозависимых прав (нарушения прав граждан могут повлечь нарушения прав государства и наоборот) правило исчерпания всех национально-правовых средств не применяется.

Судья Верещетин отметил, что данная позиция не совместима с ранее вынесенными Международным Судом решениями. Более того, отметил он, Комиссия международного права, разработав Проект статей по дипломатической защите, опиралась именно на эту практику Международного Суда.

В то же время, В.С.Верещетин, в конечном итоге, и только исходя из особых обстоятельств данного конкретного дела, высказался против применения правила исчерпания всех национальных средств защиты. Учитывая, что более 50 человек, дипломатическую защиту которых осуществляла Мексика, ожидали исполнения вынесенного им окончательного смертного приговора, судья Верещетин отметил, что в данном случае требовать от Мексики исчерпать все внутренние средства защиты означало бы «прийти к абсурдному выводу, что Суд должен принять решение, которое не имело бы практического эффекта».

Несогласные мнения В.С. Верещетина

В 1995-2006 годах В.С.Верещетин заявил 6 несогласных мнений[19].

*В деле *Проект Габчиково-Надьямарош (Венгрия/Словакия)* (1997 г.) Международный Суд рассматривал дело, касающееся прекращения работы над совместным проектом по строительству дамбы на реке Дунай сначала со стороны Венгрии, а затем – в качестве ответной меры – со стороны Словакии [в то время – Чехословакии]. Суд, признав действия Венгрии как международно-противоправные, тем не менее, признал таковыми и действия Словакии. Судья Верещетин не согласился с таким решением большинства. В обоснование своей позиции В.С. Верещетин сослался на деятельность Комиссии международного права по вопросу о контрмерах, которую он квалифицировал не только как кодификацию, но и развитие норм обычного международного права в данной области, и пришел к выводу, что все требования законных контрмер со стороны Словакии были выполнены. Не соглашаясь с мнением большинства Суда о том, что ответ Словакии был непропорциональным, судья Верещетин отметил, что Суд, тем не менее, не назвал какой-либо другой меры, которая могла быть принята Словакией в рамках «пропорциональности». Проанализировав ситуацию, Владлен Степанович пришел к выводу, что у Словакии в тот момент времени не было никакого другого возможного ответа.

*В деле *Рыболовная юрисдикция (Испания против Канады)* (1998 г.) Международный Суд рассматривал одно из самых интересных дел последнего десятилетия, которое, к сожалению, не получило своего окончательного решения по существу. В данном деле речь шла о праве прибрежного государства устанавливать специальные защитные меры, связанные с рыболовством, в районах открытого моря. Международный Суд признал, что он не имеет юрисдикции рассматривать данное дело, в част-

[19] Из них три идентичного содержания вынесены по одной группе дел – *Югославия против стран НАТО.*

ности, по основаниям предмета спора и оговорки Канады о признании юрисдикции Суда.

В своем несогласном мнении судья Верещетин, во-первых, отметил, что большинство Суда неправомерно изменило предмет спора. Спор между Испанией и Канадой является многопредметным, и в его части спор подпадает под юрисдикцию Международного Суда. Во-вторых, Судья Верещетин заявил, что государства не полностью свободны в форме тех оговорок, которые они могут делать к международному договору, в частности, к Статуту Международного Суда.

Данное несогласное мнение судьи Верещетина может служить классическим учебным пособием по вопросу о толковании международного права. Так, В.С. Верещетин привлек внимание к тому, что известное правило о необходимости придания терминам обычного смысла следует толковать в контексте международного права. Следовательно, смысл термина должен придаваться в его обычной форме так, как он понимается именно в международном праве, а не в каких-либо иных науках и областях знаний. Более того, В.С. Верещетин творчески развил теорию телеологического толкования. Применительно к данному делу он отметил, что намерение государства [при заявлении оговорки к Статуту Международного Суда] не может быть истолковано как направленное против международного права и что заявляющее оговорку государство намеревается снять с себя обязанности по международному праву. Таким образом, в целом судья Верещетин не согласился с тем, что Международный Суд не имеет юрисдикции рассматривать дело [частично] по существу.

*Особенно следует отметить несогласное мнение В.С. Верещетина по делам *Законность применения силы (Югославия против десяти стран НАТО)* [Распоряжение о временных мерах, 1999]. Данная группа дел вообще занимает особое место в истории Международного Суда. Не скрою, что лично я ожидал его провозглашения, как никакого другого. Уверен, что такие же чувства испытывали все честные люди планеты. От того, что скажет Суд, могло зависеть, будут ли продолжаться НАТОвские бомбардировки многострадального народа Югославии. На день вынесения решения Суда бомбардировки продолжались уже сороковой день, погибли тысячи людей, и все это демонстрировалось в прямом эфире телевидения! Конечно, даже в случае вынесения *должного* решения, а именно решения о немедленном прекращении агрессии, оставались бы серьезные сомнения в том, прекратились ли бы эти бомбардировки только в связи решением Суда. Однако, как известно, даже ничтожно малый шанс зарождает в душе человека надежду.

Решение большинства Международного Суда навсегда останется как факт двойных стандартов, применяющихся в деятельности Суда, и как отказ в международном правосудии Югославии, подвергшейся жесточайшей агрессии со стороны десяти стран блока НАТО.

В своем несогласном мнении в отношении дел против Бельгии, Канады, Нидерландов и Португалии В.С. Верещетин отметил, что Суд обладает *prima facie* юрисдикцией.

Что касается деклараций судьи Верещетина в отношении дел против Франции, Германии, Италии, Испании, Британии и США, то мы рассмотрим ее суть именно здесь – в разделе о несогласных мнениях. В своих декларациях В.С. Верещетин поднял вопрос о роли Международного Суда в современном мире. Несмотря на согласительный характер юрисдикции Суда, причиной самого существования этого учреждения является мирное разрешение международных споров. Мог ли Международный Суд в ситуации, когда сами основы международного права и всей международной системы были поставлены под угрозу, отклонить иск? Судья Верещетин заявил, что Суд в дан-

ной ситуации должен был призвать стороны не усугублять конфликт и действовать в соответствии с Уставом ООН.

*Дело *Просьба о пересмотре решения 1996 года по спору о применении Конвенции о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)* [Предварительные возражения: Югославия против Боснии и Герцеговины, 2003]

В своем решении большинство Международного Суда отклонило просьбу Югославии (Сербии и Черногории) о пересмотре вынесенного ею решения 1996 года. В решении 1996 года Суд постановил, что он обладает юрисдикцией рассматривать дело о *Конвенции по геноциду (Босния и Герцеговина против Югославии*). Эта просьба была связана с «открытием» Международным Судом «нового» факта о том, что на момент передачи спора по делам *Югославия против десяти стран НАТО* заявитель жалобы (то есть Югославия) не являлся членом ООН и, следовательно, не имел доступа к Суду. Для спасения стран НАТО даже от самого факта рассмотрения дел против них Международный Суд принял решение, которое должно было с неизбежностью (при условии добросовестности Суда) повлечь пересмотр решения 1996 года. Ибо, если Союзная Республика Югославия не была членом ООН в 1999 году и по этой причине не имела доступа в Суд, то в 1993 году она не могла быть членом ООН и, соответственно, также доступа в Суд не имела. Однако Международный Суд отказал в пересмотре решения 1996 года на том основании, что факт о нечленстве Югославии в ООН не является «новым».

В своем несогласном мнении судья Верещетин заявил, что упомянутый факт является «определяющим новым фактом» по смыслу статьи 61 Статута Международного Суда. Владлен Степанович отметил, что понятие «новизны» не должно сводиться исключительно к феномену объективной реальности, но распространяться и на юридические действия. Так, вынесение решения Международным Судом и его квалификация определенного факта также является новым фактом. Более того, добавил В.С. Верещетин, обнаружение факта ложности сделанного ранее предположения (об обладании Судом юрисдикции в деле) также является законным основанием для пересмотра.

Весьма интересное, особенно для российского читателя, замечание было сделано Владленом Степановичем Верещетиным в отношении сравнения двух – и особо отметим: равноаутентичных – текстов Статута Международного Суда. Если на английском языке Статут использует термин «факт» (fact), то русский текст использует термин «обстоятельства». Таким образом, русский текст Статута полностью доказывает верность позиции Югославии и мнения В.С. Верещетина. Добавим, что и английский текст не противоречит этому выводу.

* * * * *

Конечно, мы должны особо отметить и теоретические труды Владлена Степановича Верещетина.

В целом, его научные интересы связаны, прежде всего, с международным морским правом, международным космическим правом, мирным разрешением споров (и, конечно, деятельностью Международного Суда ООН), а также с общей теорией международного права.

Огромное значение для теории международного права, а также для пропаганды российской школы и российской концепции международного права имеют труды Владлена Степановича, опубликованные в ведущих международных изданиях. Они являются важным элементом пропаганды российской концепции международного

права за рубежом, но также имеют важное значение и для развития самой российской международно-правовой доктрины.

В своей статье «О расширяющемся круге вопросов в деятельности Международного Суда ООН» (Сборник «Общие ценности в международном праве», 2006). В.С. Верещетин обратил внимание на ряд важных новых тенденций современного международного права. Он, в частности, отметил, что в отличие от практики Постоянной палаты международного правосудия и в общем-то недавней практики Международного Суда ООН решения последних лет касаются не только государств как таковых, но и отдельных органов (судебных и административных) государства, требуя соответствия их деятельности вынесенным Судом решениям. В одном случае это было сделано с помощью прямого указания, в других случаях это является ясным логическим выводом. Владлен Степанович также подчеркнул, что в ряде случаев Суд высказал мнение о том, что международные соглашения создают индивидуальные права, на которые, при определенных обстоятельствах, можно ссылаться в национальных судах. Все это доказывает признание Судом возрастающей роли внутригосударственных механизмов выполнения международных обязательств, а также усиливающееся влияние международного права прав человека и международного права в целом в национально-правовых системах»[20].

Огромную роль играет Владлен Степанович и в вопросах развития международного права на уровне научно-общественном. В дополнение к уже названным фактам в начале статьи, отметим также его вклад в развитие потенциала Международного Суда ООН в новых областях, в частности, в международном космическом праве (см. материалы работы секции международного космического права, руководителем которой являлся В.С. Верещетин)[21], и его судейство Модели международного суда по вопросам космического права им. М.Ляхса, Модели Международного Суда ООН (Конкурс им. Ф.Джессопа) и многое, многое другое. Никогда не забуду то внимание, которое оказал Владлен Степанович мне и всей Казанской школе международного права, когда в самые напряженные дни подготовки ряда дел в Гааге нашел время и для нашего проекта в области преподавания международного права и в течение нескольких часов давал интервью для «Казанского видеокурса международного права». Следует сказать, что для казанских студентов изучать деятельность Международного Суда не по сухим строкам учебников, а по живому рассказу судьи Международного Суда, обращающегося к ним персонально, не только намного интереснее, но и намного эффективнее. Проверка остаточных знаний показывает, что те темы, которые изучались с помощью видеокурса[22], запомнились студентами намного лучше, чем темы, изученные ими при помощи традиционно читаемых лекций.

В заключение редакция «Казанского журнала международного права» хотела бы выразить свои чувства признательности и глубочайшего уважения выдающемуся судье Международного Суда ООН, крупному российскому ученому, доброму и вни-

[20] Vereshchetin V.S., On the Expanding Reach of the Rulings of the International Court of Justice // Volkerrecht als Wertordnung. Common Values in Intenational Law. Essays in Honour of Ch.Tomuschat, N.P.Engel Verlag, 2006, p. 621-633.

[21] См.: Equipping the Court to Deal with Developing Areas of International Law: Space Law, // Proceedings of the ICJ/UNITAR Colloquium to Celebrate the 50th Anniversary of the Court, ed. By Peck C., Lee R., Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1996.

[22] Выражаем также нашу благодарность выдающимся российским юристам-международникам, откликнувшимся на нашу просьбу и оказавшим поддержку нашим проектам по созданию видеокурса, в первую очередь, профессору Юрию Михайловичу Колосову, профессору Станиславу Валентиновичу Черниченко, профессору Геннадию Владимировичу Игнатенко, профессору Камилю Абдуловичу Бекяшеву.

мательному человеку Владлену Степановичу Верещетину. Тот колоссальный вклад, который Владлен Степанович внес в теорию и применение международного права в рамках Международного Суда, будет изучаться и анализироваться еще в течение долгих лет.

Возвращение Владлена Степановича из Гааги позволит нам ожидать более частых встреч с ним, а также новых книг и статей, надеемся, также написанных и для «Казанского журнала международного права».

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА В 2006 ГОДУ

Состав Суда

С февраля 2006 года в состав Суда входят: Председатель: Розалин Хиггинс (Соединенное Королевство); Вице-Председатель: Аун Шаукат аль-Хасауна (Иордания); судьи: Раймонд Рандзева (Мадагаскар), Ши Цзююн (Китай), Абдул Г. Корома (Сьерра-Леоне), Гонсало Парра-Арангурен (Венесуэла), Томас Бюргенталь (Соединенные Штаты Америки), Хисаши Овада (Япония), Бруно Симма (Германия), Петер Томка (Словакия), Ронни Абрам (Франция), Кеннет Кит (Новая Зеландия), Бернардо Сепульведа Амор (Мексика), Мохаммед Беннуна (Марокко) и Леонид Скотников (Российская Федерация).

Юрисдикция

На 1 января 2007 года участниками Статута Суда являлись 192 государства из них 67 государств сделали заявление о признании юрисдикции Суда обязательной в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута Международного Суда. Кроме того, примерно в 300 двусторонних и многосторонних договорах предусматривается, что Суд обладает юрисдикцией по разрешению споров, связанных с их применением или толкованием.

В 2006 году в Международном Суде было возбуждено 3 новых дела:

1. *Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)*

2. Некоторые вопросы взаимной правовой помощи по уголовным делам (*Джибути против Франции)*

3. *Статус по отношению к государству пребывания дипломатического представителя при ООН (Содружество Доминики* против *Швейцарии).*

*Последнее дело б*ыло прекращено через несколько недель после подачи заявления о возбуждении. В письме от 15 мая 2006 года, которое по факсимильной связи поступило в Секретариат 24 мая, а его оригинал 6 июня 2006 года, премьер-министр Содружества Доминики информировал Суд о том, что его правительство «не желает продолжать разбирательство, возбужденное против Швейцарии», и просил Суд вынести постановление, «официально фиксирующее [его] безусловное прекращение» и «предписывающее исключить дело из общего списка». Письмом от 24 мая 2006 года посол Швейцарии в Гааге сообщил Суду о том, что он информировал компетентные швейцарские власти о прекращении разбирательства согласно этому уведомлению. Соответственно, 9 июня 2006 года Суд вынес постановление, в котором, отметив, что правительство Швейцарской Конфедерации не предприняло никаких мер в рамках разбирательства этого дела, он фиксирует прекращение разбирательства Содружества Доминики и постановляет исключить это дело из списка.

На 1 января 2007 года на рассмотрении Международного Суда ООН находилось 11 дел:

1) Проект Габчиково-Надьямарош (Венгрия/Словакия)

2) Амаду Садио Диалло (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго)

3) Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии и Черногории)

4) Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)

5) Делимитация морской границы между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море (Никарагуа против Гондураса)

6) Территориальный и морской спор (Никарагуа против Колумбии)

7) Уголовное разбирательство во Франции (Республика Конго против Франции)

8) Суверенитет над Педра-Бранка/Пулау-Бату-Путех, Мидл-Рокс и Саут-Ледж (Малайзия/Сингапур)

9) Делимитация морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)

10) Спор относительно судоходных и смежных прав (Коста-Рика против Никарагуа)

11) Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)

Решения Суда

1) *Решения по временным мерам*

В 2006 году было вынесено одно решение Суда, касающееся временных мер защиты. 13 июля 2006 года Суд вынес постановление относительно просьбы об указании временных мер, представленной Аргентиной в деле, касающемся *Целлюлозных заводов на реке Уругвай* (*Аргентина* против *Уругвая*). Аргентина просила Суд указать временные меры, требующие, чтобы Уругвай, во-первых, приостановил действие разрешений на строительство двух целлюлозных заводов на реке Уругвай и остановил соответствующие строительные работы до вынесения Судом окончательного решения и, во-вторых, сотрудничал с Аргентиной в деле защиты и сохранения водной среды реки Уругвай, воздерживался от принятия каких-либо новых односторонних мер в отношении строительства заводов, которые не согласуются со Статутом 1975 года (договором, подписанным обоими государствами 26 февраля 1975 года в целях создания совместного механизма, необходимого для оптимального и рационального использования той части реки, по которой проходит их общая граница), и воздерживался также от каких-либо других мер, которые могут обострить спор или осложнить его урегулирование. Суд пришел к выводу о том, что «обстоятельства в том виде, в котором они представляются теперь Суду, не являются такими, чтобы требовать осуществления его полномочия по статье 41 Статута об указании временных мер».

2) *Решения по существу спора*

В 2006 году было вынесено только одно решение (Judgment) Международного Суда по существу спора – по делу *Вооруженная деятельность на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Руанды [Новое заявление 2002 года]*). Однако мы приводим еще одно решение – по делу *ДРК против Уганды*. Несмотря на то, что решение Международного Суда по делу против Уганды было вынесено в декабре 2005 года и выходит за временные рамки нашего периодического обзора деятельности Суда, мы все-таки помещаем информацию об этом решении по двум причинам.

Во-первых, данное решение имеет огромное значение в плане тех правовых выводов, которые сделал Международный Суд по фундаментальным проблемам современного международного права, а во-вторых, это решение неразрывно связано с решением по делу *ДРК против Руанды*.

Вооруженные действия на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды

23 июня 1999 года Демократическая Республика Конго представила заявление о возбуждении дела против Уганды в связи с «актами вооруженной агрессии, представляющей собой вопиющее нарушение Устава Организации Объединенных Наций и Хартии ОАЕ». В своем заявлении Демократическая Республика Конго утверждала, что «такая вооруженная агрессия… была связана, в частности, с нарушением суверенитета и территориальной целостности [Демократической Республики Конго], нарушениями международного гуманитарного права и массовыми нарушениями прав человека». Демократическая Республика Конго пыталась «добиться прекращения актов направленной против нее агрессии, которая представляет собой серьезную угрозу миру и безопасности в центральной части Африки в целом и в районе Великих озер, в частности»; она также добивалась «возмещения от Уганды за все акты разграбления, уничтожения и перемещения собственности и лиц, а также другие незаконные акты, вменяемые ей, в связи с которыми [Демократическая Республика Конго] зарезервировала за собой право определить на более позднем этапе точную сумму понесенного ущерба в дополнение к своему требованию возвратить всю вывезенную собственность». Следовательно, Демократическая Республика Конго просила Суд вынести решение и объявить, что Уганда признается виновной в совершении акта агрессии в нарушение пункта 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций; что она неоднократно совершала нарушения Женевской конвенции; что, если говорить более конкретно, насильственно завладев гидроэлектростанцией в Инга и умышленно и регулярно осуществляя широкомасштабные отключения электроэнергии, Уганда взяла на себя ответственность за гибель огромного числа людей среди 5-миллионного населения Киншасы и прилегающего района; и что, сбив 9 октября 1998 года в Кинду самолет «Боинг-727» компании «Конго Эйрлайнз», Уганда своими действиями привела к гибели 40 гражданских лиц. Уганда также совершила нарушения определенных конвенций, касающихся международной гражданской авиации. Далее Демократическая Республика Конго просила Суд вынести решение и объявить, что все вооруженные силы Уганды и граждане Уганды, т.е. как физические, так и юридические лица, должны быть выведены с конголезской территории и что Демократическая Республика Конго имеет право на получение компенсации. Демократическая Республика Конго сослалась в качестве основания для юрисдикции Суда на заявления, посредством которых оба государства признали юрисдикцию Суда обязательной в отношении любого другого государства, взявшего на себя такое же обязательство (пункт 2 статьи 36 Статута Суда).

Уганда выдвинула три встречных требования. Первое касалось предполагаемых актов агрессии против Уганды со стороны Демократической Республики Конго; второе – нападений на дипломатические помещения и персонал Уганды в Киншасе и на угандийских граждан, за которые, как утверждалось, несет ответственность Демократическая Республика Конго; а третье – предполагаемых нарушений Демократической Республикой Конго Лусакского соглашения. Уганда обратилась с просьбой зарезервировать за ней право поднять вопрос о возмещении на более позднем этапе разбирательства. В Постановлении от 29 ноября 2001 года Суд счел, что первые два встречных требования к Демократической Республике Конго, представленные Угандой, являются

«приемлемыми как таковые и составляют часть текущего разбирательства», а третье таковым не является.

По завершении слушаний стороны препроводили Суду свои заключительные представления.

«Демократическая Республика Конго просит Суд вынести решение и объявить, что:

1. Республика Уганда, предпринимая действия военного и полувоенного характера, направленные против Демократической Республики Конго, путем оккупации ее территории и активного оказания военной, материально-технической, экономической и финансовой поддержки нерегулярным формированиям, которые действовали и продолжают действовать на ее территории, нарушила следующие принципы договорного и обычного права:

– принцип неприменения силы в международных отношениях, включая недопущение агрессии;

– обязанность урегулировать международные споры исключительно мирными средствами, с тем чтобы не поставить под угрозу международный мир и безопасность, а также законность;

– уважение суверенитета государств и прав народов на самоопределение и, следовательно, на свободный выбор своего собственного политического и экономического устройства без вмешательства извне;

– принцип невмешательства в дела, относящиеся к внутренней юрисдикции государств, включая непредоставление никакой помощи сторонам, которые участвуют в гражданской войне на территории другого государства.

2. Республика Уганда, совершая акты насилия в отношении граждан Демократической Республики Конго, убивая их, нанося им телесные повреждения и отнимая у них имущество, не принимая надлежащих мер по предупреждению нарушений прав человека в ДРК лицами, находящимися под ее юрисдикцией или контролем, и/или не наказывая лиц, находящихся под ее юрисдикцией или контролем, за совершение вышеупомянутых актов, нарушила следующие принципы договорного и обычного права:

– принцип договорного и обычного права, вменяющий в обязанность странам уважать основополагающие права человека и обеспечивать уважение этих прав, в том числе в период вооруженного конфликта, на основании норм международного гуманитарного права;

– принцип договорного и обычного права, вменяющий в обязанность странам всякий раз проводить различие между гражданскими и военными целями в вооруженном конфликте;

– право конголезских граждан осуществлять самые элементарные права – как гражданские и политические, так и экономические, социальные и культурные.

3. Республика Уганда, незаконно эксплуатируя конголезские природные ресурсы, занимаясь расхищением ресурсов и богатств страны, не принимая надлежащих мер по недопущению незаконной эксплуатации ресурсов ДРК лицами, находящимися под ее юрисдикцией или контролем, и/или не наказывая лиц, находящихся под ее юрисдикцией или контролем, за совершение вышеупомянутых актов, нарушила следующие принципы договорного и обычного права:

– применимые нормы международного гуманитарного права;

– уважение суверенитета государств, в том числе над их природными ресурсами;

– обязанность способствовать осуществлению принципа равенства народов и их права на самоопределение и, следовательно, не допускать того, чтобы народы становились жертвой иностранного порабощения, господства или эксплуатации;

– принцип невмешательства в дела, относящиеся к внутренней юрисдикции государств, включая экономические вопросы.

4. a) нарушения международного права, указанные в представлениях 1, 2 и 3, представляют собой присваиваемые Уганде противоправные деяния, которые влекут за собой ее международную ответственность;

b) Республика Уганда должна незамедлительно прекратить все международно-противоправные деяния, которые продолжают ею совершаться, и в частности поддержку нерегулярных формирований, действующих в ДРК, и эксплуатацию конголезских богатств и природных ресурсов;

c) Республика Уганда должна дать конкретные гарантии и заверения в отношении того, что она не будет вновь прибегать к противоправным деяниям, составляющим предмет жалобы;

d) Республика Уганда обязана возместить Демократической Республике Конго весь ущерб, причиненный последней вследствие нарушения обязательств, вытекающих из норм международного права и указанных в представлениях 1, 2 и 3 выше;

e) характер, форма и объем возмещения должны быть определены Судом, ввиду отсутствия согласия на этот счет между сторонами, и что Суд должен оставить за собой право определить последующую процедуру с этой целью;

5. Республика Уганда нарушила Постановление Суда о временных мерах от 1 июля 2000 года и что она не выполнила следующие временные меры:

«1) обе стороны должны начиная с этого момента предотвращать совершение и воздерживаться от совершения любых действий, и в частности военных действий, которые могли бы нанести ущерб правам другой страны в связи с любым решением, которое Суд может вынести по данному делу, или которые могли бы обострить или затянуть спор в Суде или осложнить его разрешение;

2) обе стороны должны незамедлительно принять все необходимые меры для выполнения всех своих обязательств по международному праву, и в частности обязательств по Уставу Организации Объединенных Наций и Хартии Организации африканского единства, а также по резолюции 1304 (2000) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 16 июня 2000 года;

3) обе стороны должны незамедлительно принять все необходимые меры для обеспечения полного уважения в районе конфликта основных прав человека и применимых положений гуманитарного права».

«Республика Уганда просит Суд:

1. В соответствии с международным правом вынести решение и объявить, что:

a) просьбы Демократической Республики Конго в отношении действий и ситуаций, касающихся Республики Руанда или ее представителей, являются неприемлемыми по причинам, изложенным в главе XV контрмеморандума и подтвержденным в ходе устного разбирательства;

b) просьбы Демократической Республики Конго к Суду вынести решение и объявить о том, что Республика Уганда несет ответственность за различные нарушения международного права, как утверждалось в меморандуме, ответе и/или в ходе устного разбирательства, отклоняются;

с) встречные требования Уганды, изложенные в главе XVIII контрмеморандума и подтвержденные в главе VI реплики, а также в ходе устного разбирательства, поддерживаются.

2. Зарезервировать право поднять вопрос о возмещении в связи со встречными требованиями Уганды на более позднем этапе разбирательства».

Демократическая Республики Конго в отношении встречных требований Уганды заявила: «Конго просит Суд вынести решение и объявить:

В отношении *первого встречного требования, выдвинутого Угандой*:

1. В той мере, в какой оно касается периода до прихода к власти Лорана-Дезире Кабилы, требование Уганды является неприемлемым, поскольку Уганда ранее отказалась от своего права выдвигать такое требование: к тому же это требование является необоснованным, поскольку Уганда не установила подлинность фактов, на которых оно основывается.

2. В той мере, в какой оно касается периода со времени прихода к власти Лорана-Дезире Кабилы до времени вооруженного нападения Уганды, требование Уганды является необоснованным де-факто, поскольку Уганда не установила подлинность фактов, на которых оно основывается.

3. В той мере, в какой оно касается периода после вооруженного нападения Уганды, требование Уганды является необоснованным де-факто и де-юре, поскольку Уганда не установила подлинность фактов, на которых оно основывается, и, в любом случае, со 2 августа 1998 года ДРК находилась в состоянии самообороны.

В отношении *второго встречного требования, выдвинутого Угандой*:

1. В той мере, в какой оно касается теперь толкования и применения Венской конвенции 1961 года о дипломатических сношениях, выдвинутое Угандой требование радикальным образом меняет предмет спора, что противоречит Статуту и Регламенту Суда; таким образом, эта часть требования должна быть снята с повестки дня текущего разбирательства.

2. Та часть требования, которая касается якобы несправедливого обращения с некоторыми гражданами Уганды, по-прежнему является неприемлемой, поскольку Уганда так и не доказала, что установленные в международном праве требования к обеспечению ее дипломатической защиты были выполнены; к тому же эта часть требования является необоснованной, поскольку Уганда до сих пор не подвела фактологическую и юридическую базу под свои требования.

3. Та часть требования, которая касается якобы имевшей место экспроприации государственной собственности Уганды, является необоснованной, поскольку Уганда до сих пор не подвела фактологическую и юридическую базу под свои требования».

19 декабря 2005 года Суд вынес свое решение.

Сначала Суд отметил, что ему известно о той сложной и трагической ситуации, которая долгое время царила в районе Великих озер, а также о страданиях местного населения. Суд отметил, что нестабильность в Демократической Республике, в частности, негативно сказывалась на ситуации в Уганде и в некоторых других соседних государствах. Тем не менее, Суд заявил, что в его задачи входило отреагировать на основании международного права на конкретный правовой спор, переданный на его рассмотрение. Сначала Суд рассмотрел вопрос о вторжении Уганды на территорию Демократической Республики Конго. Изучив материалы, представленные сторонами, Суд пришел к выводу, что в период до августа 1998 года Демократическая Республика Конго не возражала против военного присутствия и деятельности Уганды в своих восточных пограничных районах. Две страны, среди прочего, пришли к согласию о том,

что их соответствующие армии «будут сотрудничать в целях обеспечения безопасности и мира вдоль общей границы». Суд, тем не менее, обратил внимание на тот факт, что данное Уганде согласие на развертывание ее сил на территории Демократической Республики Конго и проведение военных операций не носили безусловного характера. Оно было обусловлено целями и географическим районом действий, направленных на прекращение деятельности повстанцев в районе общей границы. Это согласие не распространялось на все последующие действия. Суд изучил различные договоры, касающиеся обеспечения и соблюдения прекращения огня, вывода иностранных сил и стабилизации отношений. Он пришел к выводу, что ни один из этих документов, кроме отдельного исключения в отношении пограничного горного района Рувензори, закрепленного в Луандском соглашении, не предусматривал согласия Демократической Республики Конго на присутствие войск Уганды на ее территории. Суд также отклонил заявление Уганды о том, что применение ею силы, не предусмотренное согласием, было продиктовано соображениями самообороны. Предпосылок для действий в целях самообороны не существовало. На самом деле, незаконная военная интервенция Уганды была столь масштабной и продолжительной, что Суд постановил, что она является серьезным нарушением положения о запрещении применения силы, закрепленного в пункте 4 статьи 2 Устава. Суд также признал, что, оказывая активную военную, материально-техническую, экономическую и финансовую поддержку нерегулярным формированиям, действующим на территории Демократической Республики Конго, Республика Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип невмешательства.

Затем Суд перешел к рассмотрению юридического вопроса об оккупации и нарушений прав человека и гуманитарного права. Суд, прежде всего, отметил, что в соответствии с нормами международного обычного права, как это отражено в статье 42 Гаагского положения 1907 года, территория считается оккупированной, когда она фактически находится во власти неприятельской армии, и оккупация распространяется только на территорию, на которой подобное управление установлено и может осуществляться. Установив, что Уганда являлась оккупирующей державой в Итури в соответствующее время, Суд постановил, что она была обязана в соответствии со статьей 43 Гаагского положения принимать все необходимые меры для восстановления и обеспечения, насколько это возможно, общественного порядка и безопасности в оккупированном районе, соблюдая, в отсутствие неодолимых препятствий, существующие законы Демократической Республики Конго. Этого сделано не было. Суд также счел, что он располагает достаточными достоверными доказательствами, чтобы вынести решение о том, что Народные силы обороны Уганды (УПДФ), действуя на территории Демократической Республики Конго, совершали различные нарушения международного гуманитарного права и норм в области прав человека. Более подробная информация содержится в судебном решении. Эти нарушения были признаны как совершенные Угандой. Третий вопрос, который пришлось рассматривать Суду, касался обвинения Уганды в эксплуатации природных ресурсов. Суд счел, что у него имеется достаточно достоверных и убедительных доказательств, чтобы вынести решение о том, что офицеры и солдаты УПДФ, включая военнослужащих самого высокого ранга, участвовали в разграблении и эксплуатации природных ресурсов Демократической Республики Конго и что военные власти не приняли никаких мер к тому, чтобы положить конец таким действиям. Уганда несла ответственность как за поведение УПДФ в целом, так и за поведение отдельных солдат и офицеров УПДФ на территории Демократической Республики Конго. Уганда несла ответственность даже в тех случаях, когда офицеры и солдаты УПДФ действовали в нарушение полученных инструкций

или превышали свои полномочия. Суд пришел к выводу, что он не располагает достоверными доказательствами того, что правительство Уганды проводило политику, направленную на эксплуатацию природных ресурсов Демократической Республики Конго или что военное вторжение Уганды имело целью получение доступа к ресурсам Конго. *Что касается встречных претензий Уганды*, то, во-первых, Суд постановил, что Уганда не представила достаточных доказательств того, что Демократическая Республика Конго оказывала политическую и военную поддержку антиугандийским повстанческим группам, действовавшим на ее территории. Суд далее постановил, что любые вооруженные действия Демократической Республики Конго против Уганды после вторжения Уганды в 1998 году будут квалифицироваться как действия, предпринятые в целях самообороны в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций. Что касается второй встречной претензии, то Суд счел достаточными доказательства, касающиеся нападения на посольство и грубого обращения с угандийскими дипломатами в посольских помещениях, а также в международном аэропорту Ндили. Суд постановил, что Демократическая Республика Конго нарушила свои обязательства по Венской конвенции о дипломатических сношениях. Изъятие имущества и архивов из посольства Уганды также являлось нарушением норм международного права в области дипломатических сношений. Суд указал, что определение характера, формы и размера компенсации, причитающейся каждой стороне, было оговорено, и этот вопрос будет представлен на рассмотрение Суда, если на тот момент стороны не достигнут согласия на основе вынесенного Судом решения.

Более подробный анализ данного решения опубликован в статье А.Б. Мезяева «Дело *О вооруженных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)* в Международном Суде ООН: Некоторые международно-правовые вопросы» в журнале «Международное право – International Law» (2007 г.).

Вооруженная деятельность на территории Конго (новое заявление: 2002 год) (Демократическая Республика Конго против *Руанды)*

28 мая 2002 года Демократическая Республика Конго представила заявление о возбуждении дела против Руанды в отношении спора, касающегося «массовых серьезных и грубых нарушений прав человека и международного гуманитарного права» в результате «актов вооруженной агрессии, которые Руанда совершила на территории Демократической Республики Конго, грубо попирая суверенитет и территориальную целостность [этой страны], гарантированных Уставом Организации Объединенных Наций и Хартией ОАЕ». В своем заявлении Демократическая Республика Конго указала, что Руанда виновна в «вооруженной агрессии», совершаемой с августа 1998 года по сегодняшний день. По ее мнению, эта агрессия привела к «массовой резне» в Южной Киву, Катанге и Восточной провинции, «изнасилованиям и сексуально мотивированным нападениям на женщин», «убийствам и похищениям политических деятелей и активистов-правозащитников», «арестам, произвольным задержаниям, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению», «систематическому разграблению государственных и частных учреждений, захвату имущества, принадлежащего мирным жителям», «нарушениям прав человека, совершенным в результате захвата руандийскими войсками и их союзниками-»повстанцами» важнейших городов на востоке» Демократической Республики Конго и «уничтожению фауны и флоры» страны. На этом основании Демократическая Республика Конго просила Суд вынести решение и объявить, что Руанда нарушила и продолжает нарушать Устав Организации Объединенных Наций, а также статьи 3 и 4 Хартии ОАЕ, попирая права человека, защита которых является целью, к которой стремится Организация Объединенных Наций

посредством поддержания международного мира и безопасности; что она также нарушила ряд документов, касающихся защиты прав человека; что, сбив 9 октября 1998 года в Кинду «Боинг 727», принадлежавший компании «Конго Эйрлайнз», в результате чего погибли 40 гражданских лиц, Руанда нарушила также ряд конвенций в области международной гражданской авиации; и что, будучи ответственна за убийства, массовую резню, изнасилования, случаи перерезания горла и распятия людей, Руанда виновна в геноциде против более чем 3 млн. 500 тыс. конголезцев, в том числе жертв недавних массовых убийств в городе Кисангани, и в попрании священного права на жизнь, закрепленного в ряде документов, касающихся защиты прав человека, а также Конвенции о геноциде. Она далее просила Суд вынести решение и объявить, что вооруженные силы Руанды должны покинуть конголезскую территорию и что Демократическая Республика Конго имеет право на компенсацию. В своем заявлении Демократическая Республика Конго в порядке обоснования юрисдикции Суда сослалась на ряд арбитражных положений в договорах. В тот же день, 28 мая 2002 года, Демократическая Республика Конго представила просьбу об указании временных мер. 13 и 14 июня 2002 года состоялось рассмотрение в открытом заседании просьбы об указании временных мер. 10 июля 2002 года Суд вынес постановление, которым он отклонил просьбу Демократической Республики Конго в связи с отсутствием у него юрисдикции *prima facie*. Вопросы юрисдикции Суда и приемлемости заявления были рассмотрены на открытых заседаниях 4–8 июля 2005 года. По их завершении стороны представили Суду следующие просьбы:

Руанда: «Просит Суд вынести решение и объявить, что:

1. Он не обладает юрисдикцией рассматривать претензии, выдвинутые против Республики Руанды Демократической Республикой Конго; и

2. Или что претензии, выдвинутые против Республики Руанды Демократической Республикой Конго, являются неприемлемыми».

Демократическая Республика Конго: «Просит Суд:

1. Вынести решение, что возражения в отношении юрисдикции и приемлемости, выдвинутые Руандой, являются необоснованными.

2. Соответственно, вынести решение, что Суд обладает юрисдикцией для рассмотрения дела по существу и что заявление Демократической Республики Конго является приемлемым в том виде, в котором оно было представлено.

3. Постановить рассмотреть данное дело по существу».

3 февраля 2006 года Суд вынес свое решение по вопросу о юрисдикции и приемлемости заявления ДРК. Конго сослалась в своем представлении на 11 оснований для юрисдикции Суда: статья 30, пункт 1, Конвенции против пыток; статья 9 Конвенции о привилегиях и иммунитетах; доктрина *forum prorogatum*; постановление об указании временных мер, вынесенное Судом 10 июля 2002 года; статья IX Конвенции о геноциде; статья 22 Конвенции о расовой дискриминации; статья 29, пункт 1, Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин; статья 75 Устава ВОЗ; статья XIV, пункт 2, Устава ЮНЕСКО; статья 14, пункт 1, Монреальской конвенции и статья 66 Венской конвенции о праве международных договоров. Суд проанализировал каждое из этих оснований в своем решении и пришел к выводу о том, что ни одно из них не является основанием для его юрисдикции в этом деле. Однако он подтвердил, что существует основополагающее различие между признанием государствами юрисдикции Суда и соответствием их деяний международному праву. Так, Суд добавил, что независимо от того, признали ли государства юрисдикцию Суда или нет, они должны соблюдать свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и другие нормы международного права, включая нормы международного гуманитарного права

и международные стандарты в области прав человека, и по-прежнему несут ответственность за вменяемые им деяния, которые противоречат международному праву.

«По этим причинам Суд 15 голосами против 2 *делает вывод* о том, что он не обладает юрисдикцией рассматривать заявление, поданное Демократической Республикой Конго 28 мая 2002 года.

Голосовали за: *Председатель* Ши; *Вице-Председатель* Ранджева; *судьи* Верещетин, Хиггинс, Парра-Арангурен, Койманс, Резек, аль-Хасауна, Бюргенталь, Эль-Араби, Овада, Симма, Томка, Абраам; *судья* ad hoc Дугард.

Голосовали против: *судья* Корома; *судья* ad hoc Мавунгу».

Судья Корома приложил особое мнение к решению Суда; судьи Хиггинс, Койманс, Эль-Араби, Овада и Симма приложили совместное отдельное мнение; судья Койманс приложил заявление; судья аль-Хасауна приложил отдельное мнение; судья Эль-Араби приложил заявление; судья ad hoc Дугард приложил отдельное мнение; судья ad hoc Мавунгу приложил особое мнение.

О ВСТУПЛЕНИИ Л.А. СКОТНИКОВА В ДОЛЖНОСТЬ ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

6 февраля 2006 года в должность члена Международного Суда ООН вступил новый судья из Российской Федерации Леонид Алексеевич Скотников. *Редакция «Казанского журнала международного права» сердечно поздравляет Леонида Алексеевича со вступлением в должность и желает ему всего самого наилучшего на столь ответственном посту одного из хранителей основ международного правопорядка.*

Публикуем биографию Леонида Алексеевича Скотникова, а также некоторые материалы, касающиеся его избрания Советом Безопасности ООН.

Скотников Леонид Алексеевич родился 26 марта 1951 года в г. Калинин, СССР. В 1974 году окончил Институт международных отношений МИД СССР по специальности «Международное право». В 1974-1977 годах – сотрудник Консульского управления Министерства иностранных дел СССР (юридические вопросы. В 1977-1981 гг. – сотрудник Постоянного представительства СССР при ООН (вопросы Третьего и Шестого комитетов Генеральной Ассамблеи ООН). В 1981-1988 гг. – третий, второй, первый секретарь (вопросы прав человека), заведующий сектором Договорно-правового отдела МИД СССР (общие международно-правовые проблемы). В 1988-1991 гг. – Заведующий отделом Международно-правового управления МИД СССР (общие международно-правовые проблемы, сотрудничество в области борьбы с новыми вызовами и угрозами). В 1991-1992 гг. – Директор Правового департамента МИД РФ. В 1992-1998 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Нидерландах. В 1998-2001 гг. – Директор Правового департамента МИД РФ, член Коллегии МИД России. В 2001-2006 годах – Постоянный представитель РФ при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве, а также Постоянный представитель РФ при Конференции по разоружению (по совместительству).

В 1970-2005 годах – участник, заместитель главы и глава российских делегаций на многочисленных международных переговорах и конференциях, сессиях международных организаций. В 2001-2002 годах – Глава российской делегации на 3-й и 4-й ежегодной Конференции государств-участников Протокола II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств к Конвенции о запре-

щении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. В 2001-2002 годах – Глава российской делегации на 5-й Конференции государств-участников Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. В 2002-2004 годах – Заместитель главы/Глава российской делегации на 58, 59 и 60 сессиях Комиссии ООН по правам человека. В 2002 году – Глава российской делегации на ежегодном совещании государств-участников Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие.

В 1998-2001 годах – Представитель России в Специальном комитете юридических советников по международному публичному праву (CAHDI), Совета Европы.

Член Российской ассоциации международного права.

Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла (1995 год).

Владеет английским и французским языками.

По состоянию на 1 января 2007 года МТБЮ:

- обвинил 161 человека;
- находятся в Следственном изоляторе 48 человек;
- временно освобождены в ожидании суда 8 человек;
– ожидают решения Апелляционной палаты 13 человек;
- ожидают решения судебной палаты 2 человека;
- проходят судебные процессы в отношении 23 человек;
- находятся на предварительном этапе дела в отношении 17 человек;
- находятся в розыске 6 человек.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Обвиняемые МТБЮ, находящиеся в розыске (6 человек):

1) Радован Караджич, Президент Республики Сербской БиГ (с 25 июля 1995 года)

2) Ратко Младич, Командующий, главный штаб, АРС БиГ (с 25 июля 1995 года)

3) Властимир Дьердьевич, Помощник министра, сербское министерство внутренних дел, ЮА, Косово (с 25 сентября 2003 года)

4) Горан Хаджич, Президент, «САО СБЗС» Хорватия (с 28 мая 2004 года)

5) Стоян Жуплянин, Начальник или командир сербского регионального центра сил безопасности Краина, Хорватия (с 6 октября 2004 года)

6) Здравко Толимир, Помощник командира, отдел разведки и безопасности главного штаба, АРС, Сребреница и Жепа (с 10 февраля 2005 года).

В 2006 году МТБЮ вынес следующие наиболее важные решения:

1) Прекращение дела Слободана Милошевича.

Решением судебной палаты от 14 марта 2007 года процесс по делу Слободана Милошевича был прекращен.

Имеются убедительные доказательства того, что С.Милошевич умер не от естественных причин, как неоднократно заявлял трибунал в своих официальных сообщениях. Среди этих доказательств следует назвать:

1. Систематические и целенаправленные действия по ухудшению состояния здоровья обвиняемого.

2. Отказ в предоставлении ему должного текущего лечения, отказ в доступе своего лечащего врача, отказ в предоставлении срочной медицинской помощи.

3. Отклонение гарантий России на выполнение «любого» [так сказано в официальном тексте гарантий РФ] решения МТБЮ о возвращении обвиняемого в МТБЮ. Причины отклонения гарантий в решении суда указаны не были.

4. Фальсификация документов, связанных с состоянием здоровья С.Милошевича. В десятках документов имеются явные противоречия между документами, в ряде случаев документы фиксируют откровенный подлог.

5. Отказ трибунала расследовать реальные причины смерти обвиняемого. Так называемое расследование вице-президента МТБЮ является в большей степени доказательством сокрытия фактов и их фальсификации, нежели доказательством проведения какого-либо объективного расследования. Так, главный вопрос, на который должно было ответить следствие, должен был быть не в установлении причины смерти – инфаркт, а в установлении причины возникновения инфаркта. Однако трибунал сознательно отказался от установления этой причины. Наличие в докладе о расследовании откровенно ложной информации по критическому пункту также доказывает вину МТБЮ. Как известно, незадолго до смерти в крови С.Милошевича был обнаружен препарат, препятствующий терапевтическому эффекту лечения его сердечного заболевания. Однако данная информация скрывалась врачами как от судей трибунала, так и от самого С.Милошевича. Вместо проведения расследования данного инцидента вице-президент МТБЮ объяснил это «законами Нидерландов, касающихся медицинской тайны». Абсурдность такого объяснения, представленного в официальном докладе о проведенном им расследовании, осложняется еще и полной ложностью данной информации, ибо в Нидерландах нет закона, запрещающего в данной ситуации скрывать медицинскую информацию от самого пациента!

Таким образом, имеются все основания квалифицировать смерть С.Милошевича в качестве убийства, а также имеются все основания для проведения уголовного преследования официальных лиц МТБЮ за отказ провести должное расследование убийства и за сокрытие виновных в данном преступлении.

Более подробный анализ данного вопроса представлен в статье: Мезяев А.Б. Убийство Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Некоторые вопросы фактов и права // Российский ежегодник международного права. – 2006, Санкт-Петербург, 2007, с. 83-99.

2) Дело Момчило Краишника (бывшего Председателя парламента сербского народа в Боснии и Герцеговине)

Решением судебной палаты от 27 сентября 2006 года М.Краишник был признан виновным в преследованиях, убийствах, депортациях и насильственных переселениях и приговорен к 27 годам тюремного заключения. В то же время он был оправдан по обвинению в геноциде. И защита, и обвинение подали апелляции на приговор. Защита обратила внимание на грубейшие нарушения норм права во время процесса и потребовала проведения нового судебного процесса. Обвинение выразило неудовлетворенность приговором, так как сочло его слишком мягким. Прокуратура же продолжает настаивать на пожизненном заключении.

Следует отметить, что приговор судебной палаты является в высшей степени незаконным и несправедливым. Более того, трибунал не только не попытался скрыть пороки своего решения, но даже выставил их напоказ. Так, во время провозглашения приговора в зале суда (когда оглашается только краткое резюме решения и вид и раз-

мер наказания) суд заявил, что доказательством умысла Краишника на депортацию несербского населения является его призыв к переселению этнических групп Боснии. Однако суд «забыл» упомянуть, что данные слова были произнесены М.Краишником в день принятия мирного договора по плану Кутильеро. Как известно, данный план был предложен министром иностранных дел Португалии Кутильеро от имени международного сообщества для предотвращения военных столкновений и прямо предусматривал переселение различных этнических групп. Таким образом, призыв Краишника к выполнению принятого мирного соглашения, предложенного международным сообществом, был *демонстративно* принят в качестве доказательства его вины в этнических чистках.

3) Дело Насера Орича (командующего силами боснийских мусульман в районе Сребреницы)

30 июня 2006 года Орич был оправдан по большей части предъявленных ему обвинений и был признан виновным только в непринятии необходимых и разумных мер для недопущения совершения преступлений его подчиненными в районе Сребреницы в 1992-1993 годах. Однако наказание Оричу было вынесено ровно такое же, какое он провел в заключении, что позволило немедленно освободить его в зале суда.

4) Дело Хаджихасановича и Кубуры (командующих высшего уровня армии Боснии и Герцеговины)

15 марта 2006 года судебная палата вынесла решение о признании данных лиц виновными в непринятии необходимых и разумных мер для недопущения совершения преступлений их подчиненными. Хаджихасанович был приговорен к пяти годам, а Кубура – к двум с половиной годам лишения свободы. Амир Кубура был сразу же досрочно освобожден от наказания решением Президента МТБЮ.

5) Дело Ивицы Раджича (командующего опергруппой армии боснийских хорватов)

И.Раджич, обвинявшийся в преднамеренном убийстве, бесчеловечном обращении и уничтожении и присвоении собственности в крупных размерах в центральной Боснии в 1993 году, признал себя виновным без суда взамен за снятие шести пунктов обвинения из десяти. 8 мая 2006 года судебная палата вынесла ему приговор к тюремному заключению на срок 12 лет.

6) Дело Воислава Шешеля (председателя Сербской радикальной партии)

Дело Воислава Шешеля особо выделяется среди всех дел досудебного порядка. После выдвижения против него обвинения в феврале 2003 года В.Шешель через несколько дней добровольно прибыл в Гаагу. Однако судебный процесс над ним не начался до начала 2007 года. Таким образом, В.Шешель содержится в тюрьме МТБЮ без суда уже более 4-х лет.

Подробнее о деле Воислава Шешеля см. в статье: Мезяев А.Б. Дело Воислава Шешеля в Гаагском трибунале // Московский журнал международного права, 2007, № 3.

7) Расследование обстоятельств смерти М.Бабича

5 марта 2006 года, за пять дней до убийства Слободана Милошевича, был найден повешенным в своей камере бывший президент Республики Сербская Краина Милан Бабич. В 2004 году он признал себя виновным взамен на снятие всех пунктов обвинения, кроме обвинения в преследованиях и взятие обязательства выступать свидетелем

обвинения в любых других процессах по желанию прокуратуры. В июне 2004 года он был приговорен к 13 годам лишения свободы с отбыванием наказания в «третьей стране». В связи с необходимостью реализации своей обязанности дать показания против Милана Мартича (ставшего президентом Республики Сербская Краина после победы на выборах над М.Бабичем) Милан Бабич был переведен из тюрьмы в «третьей стране» в Гаагу. Вечером 5 марта 2006 года накануне заключительного дня дачи его показаний против М.Мартича Бабич был найден охранниками СИЗО ООН повешенным в своей камере. В докладе президенту МТБЮ о расследовании обстоятельств смерти М.Бабича возглавлявший расследование судья Паркер, как и в случае с «расследованием» обстоятельств смерти Слободана Милошевича, демонстративно отказался провести действительно объективное расследование.

Так, во-первых, в докладе признается, что окончательные результаты вскрытия «не позволили установить точную причину смерти». Во-вторых, признается, что экспертам «не удалось объяснить причину разницы между размером ремня, на котором был повешен М.Бабич, и размером следов на его шее», которые оказались *меньше* размеров ремня. В то же время судья Паркер делает вывод об отсутствии необходимости продолжать расследование. В-третьих, посмертная записка, найденная в камере Бабича и якобы написанная его рукой, была представлена для опознания почерка семье погибшего. Однако члены семьи отказались официально признать, что почерк принадлежит М.Бабичу. Более того, вместо того, чтобы объективно оценить текст якобы предсмертной записки Бабича, судья Паркер настаивает на однозначном его толковании в пользу самоубийства. В записке говорится: «Любимые мои, найдите успокоение для себя и не печальтесь обо мне. Мне нужен покой. Ваш Милан». Судья Паркер однозначно трактует данный текст как желание совершить самоубийство: «Записка показывает, что он решил убить себя. Он желал успокоение». Однако совершенно очевидно, что в обстоятельствах, в которых находился М.Бабич, его записка могла означать не только решение убить себя. Если учесть, что в тот момент он находился в процессе многодневной дачи показаний против своего соотечественника, его желание for peace могло означать решение признать свою вину перед своим народом и перед теми сербскими патриотами, против которых он давал ложные показания. Данная трактовка текста весьма вероятна, учитывая, что ложность показаний М.Бабича была доказана во время перекрестных допросов М.Бабича Слободаном Милошевичем, а также многими другими. Наконец, попытка судьи Паркера убедить нас в том, что to sought peace *однозначно* означает смерть, не согласуется с общим текстом письма, в котором Бабич призывает find peace также и своих родных! *В данном контексте* термин «пис» скорее означает попытку успокоить совесть, нежели смерть. Трагичность же духа письма может означать, что М.Бабич понимал, что его решение может привести к трагическим для него последствиям. Если учесть, что решение М.Бабича признать свою ложь привело бы к краху не только *целый ряд* процессов, но и показало бы *преступную роль самого трибунала в организации ложных показаний*, то его насильственная смерть, да еще и при «необъясненных» ее причинах, становится не только логичной, но и фактически, неизбежной. Следует отметить, что вывод экспертов о невозможности объяснить причину разницы между размерами ремня и следов на шее является не вполне верным. По-крайней мере, одна причина не просто имеется, но и является очевидной: Бабич был сначала задушен тонким шнуром, а затем был повешен на широком ремне. Обстоятельства дела таковы, что главной версией следствия должно было быть «убийство». Отказ главного «расследователя» Паркера не только провести проверку данной версии, но даже отказ в ее выдвижении и выдвижении иных альтернативных версий при наличии имеющихся противоречивых фактов является доказательством умысла руководства трибунала на сокрытие реальных причин смерти М.Бабича.

В 2006 году начались или продолжались судебные процессы:

- Милана Мартича (бывшего Президента Республики Сербская Краина);

- В.Поповича, Л.Беара, Д.Николича, Л.Боровчанина, В.Пандуревича, Р.Милетича, М.Гверо и З.Толимира (дело по обвинению в геноциде в Сребренице);

- Я.Прлича, Б.Стоича, С.Пральяка, М.Петковича, В.Чорича и Б.Пушича (дело по обвинению в преступлениях против человечности в юго-западных районах Боснии и Герцеговины в период 1992-1994 годов).

Одним из самых важных процессов, начавшихся в 2006 году, является процесс *Прокурор против М.Милутиновича и других*.

Фактически, это второй, теперь уже посмертный, процесс против Слободана Милошевича. В 1999 году прокурор МТБЮ подписала обвинительный акт против президента СРЮ Слободана Милошевича, президента Сербии Милана Милутиновича, вице-премьера правительства Николы Шаиновича, начальника генерального штаба армии Драголюба Ойданича. Позднее процесс против С.Милошевича начали отдельно, но обвинительные акты остались абсолютно идентичными. Таким образом, дело *Милутиновича и других* является попыткой посмертного осуждения именно Слободана Милошевича. В течение 2006 года на процессе были представлены практически те же самые свидетели обвинения, которые были представлены на процессе Слободана Милошевича и ложность показаний которых уже была им доказана. Интересно отметить, что два самых скандальных обвинения – по событиям в Рачаке и по событиям в тюрьме «Дубрава» были, все-таки, исключены из обвинительного акта против Милутиновича и других. Формально это было сделано для «сокращения времени прохождения процесса», но смехотворность подобного объяснения станет ясна каждому, кто ознакомится с показаниями свидетелей обвинения и свидетелей защиты на процессе С.Милошевича. Эти показания не только доказали невиновность самого С.Милошевича, но главное, доказали фальсификацию обоих обвинений со стороны прокуратуры МТБЮ. Впрочем, следует отметить, что на процессе С.Милошевича была доказана фальсификация далеко не только этих двух эпизодов.

Подводя *итоги* рассмотрению деятельности МТБЮ в 2006 году, следует отметить:

1. Трибунал вновь подтвердил свою политику двойных стандартов в отношении к обвиняемым-сербам, с одной стороны, и к обвиняемым других национальностей – с другой.

Сербы подверглись необоснованным обвинениям и были признаны виновными с нарушениями норм действующего международного права. В то же время несербы были, во-первых, обвинены в демонстративно малозначительных (по сравнению с реальными) преступлениях, а во-вторых, либо получили несущественные наказания, либо были оправданы. Этими действиями трибунал в полной мере подтвердил, что обвинения, выдвинутые МТБЮ против несербов в последние годы, были сделаны исключительно с целью оправдаться от явной антисербской предвзятости, которая характеризовала деятельность прокуратуры МТБЮ с первых дней существования Гаагского трибунала. Таким образом, неоднократные заявления российского МИДа об осуждении антисербского «крена» в деятельности МТБЮ получили новые и более яркие подтверждения.

2. Однако от «антисербского крена» Международный трибунал по бывшей Югославии эволюционировал к преступному органу. МТБЮ подтвердил свое звание трибунала *уголовного*. Совершение открытого и демонстративного убийства своего главного обвиняемого является действием, после которого любое признание данного органа и сотрудничество с ним может считаться только пособничеством убийцам.

3. Случаи уже нескольких «естественных» смертей и якобы самоубийств ряда обвиняемых и осужденных МТБЮ являются таинственными только при презумпции невиновности или непричастности к ним МТБЮ. Однако право на такую презумпцию МТБЮ потерял уже давно. «Самоубийство» М.Бабича является еще одним доказательством преступности МТБЮ.

4. Следует всецело поддержать позицию, заявленную Государственной Думой РФ о необходимости немедленного прекращения деятельности МТБЮ.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО РУАНДЕ

Краткая информация о деятельности МТР в 2006 году.

По состоянию на 1 января 2007 года:

После того, как первый обвиняемый МТР был доставлен в Арушу в мае 1996 года, а первый процесс начался в январе 1997 года, МТР вынес 25 приговоров по делам 31 обвиняемого. Из них 26 были осуждены и 5 оправданы. Шестеро из этих осужденных в настоящее время отбывают наказание в Мали. Общим итогом второго мандата (1999–2003 годы) являются 9 приговоров по делам 14 обвиняемых, что представляет собой увеличение вдвое числа обвиняемых, представших перед судом, по сравнению с первым мандатом (1995–1999 годы). На данный момент в рамках третьего мандата (2003–2007 годы) Трибунал начал 19 процессов с участием 27 обвиняемых и вынес 10 приговоров в отношении 10 обвиняемых. В рамках ряда процессов рассматривались дела нескольких обвиняемых, которые являются весьма объемными: дело Бутаре (шестеро обвиняемых), дело военных I (четверо обвиняемых), дело правительства (четверо обвиняемых), дело военных II (четверо обвиняемых) и дело Каремеры и других (трое обвиняемых). На четырех процессах рассматривались дела, по которым проходит по одному обвиняемому: Зигираньиразо (начат 3 октября 2005 года), Бикинди (18 сентября 2006 года), Ншамииго (25 сентября 2006 года) и Рукундо (15 ноября 2006 года).

Одиннадцать человек содержались под стражей в ожидании суда.

Состав Суда.

По состоянию на 1 января 2007 года состав Суда был следующим:

Судебная камера I: судья Эрик Месе (Норвегия), судья Джай Рам Редди (Фиджи) и судья *Сергей Алексеевич Егоров* (Российская Федерация).

Судебная камера II: судья Уильям Х. Секуле (Объединенная Республика Танзания), судья Арлет Рамаросон (Мадагаскар) и судья Асока Х.Н. де Силва (Шри-Ланка).

Судебная камера III: судья Халида Рашид Хан (Пакистан), судья Инес Моника Вайнберг де Рока (Аргентина) и судья Деннис Чарльз Майкл Байрон (Сент-Китс и Невис).

Апелляционная камера: судья Фаусто Покар (Италия), судья Мохамед Шахабуддин (Гайана), судья Мехмет Гюней (Турция), судья Лю Дацюнь (Китай), судья Андресиа Ваз (Сенегал), судья Теодор Мерон (Соединенные Штаты Америки) и судья Вольфганг Шомбург (Германия).

Судьи *ad litem*: судья Соломи Балунги Босса (Уганда), судья Флавиа Латтанзи (Италия), судья Ли Гакуйга Мутога (Кения), судья Флоренс Рита Аррей (Камерун), судья Эмиль Франсис Шорт (Гана), судья Карин Хекборг (Швеция), судья Тахрид Хик-

мет (Иордания), судья Сен Ки Пак (Республика Корея) и судья Гбердао Густав Кам (Буркина-Фасо).

В 2006 году МТР вынес следующие наиболее важные решения:

1) Приговор по делу *Прокурор против Жозефа Серугендо*

Обвинительное заключение в отношении обвиняемого было утверждено 22 июля 2005 года. 16 февраля 2006 года обвиняемый подписал совместное соглашение с прокуратурой о признании вины, согласно которому обвиняемый признал себя виновным в участии в прямом и открытом подстрекательстве к совершению актов геноцида и преследования, призывы к которым транслировала компания «Радио-телевизьон либр де миль коллинз» в 1994 году. После слушания по вопросу о назначении наказания обвиняемый был приговорен к тюремному заключению сроком на шесть лет, при этом его неизлечимое заболевание и неблагоприятный прогноз были приняты во внимание в качестве важного смягчающего фактора.

2) Приговор по делу *Прокурор против Бисенгимана*

17 ноября 2005 года Пол Бисенгимана, бывший бургомистр общины Гикоро, признал себя виновным в убийстве и истреблении как в преступлениях против человечности. После отклонения судебной палатой первоначального варианта соглашения о признании вины прокуратура 7 декабря 2005 года внесла изменения в обвинительное заключение. Впоследствии Бисенгимана признал себя виновным в обвинениях в убийстве и истреблении как преступлениях против человечности согласно обвинительному заключению с внесенными в него изменениями. Палата приняла это признание вины, и по результатам слушаний по назначению наказания 13 апреля 2006 года Бисенгимана был осужден за содействие и соучастие в истреблении как преступлении против человечности. Палата приговорила его к тюремному заключению сроком на 15 лет, что превышает сроки, предложенные сторонами, поскольку, как гласит судебное решение, «обвиняемый занимал официальный пост и в результате его преступлений погибло большое количество людей».

3) Приговор по делу *Прокурор против Мбапары*

12 сентября 2006 года судебная палата вынесла приговор бывшему бургомистру префектуры Кибунго Жану Мбапаре, обвинявшемуся в геноциде и убийствах. Судебная палата оправдала обвиняемого по всем пунктам. По утверждению судебной палаты показания свидетелей, с одним исключением, не подтверждали друг друга, а также были поставлены под серьезное сомнение в связи с недоверием к свидетелям. Судьей данной палаты является, в том числе, российский судья Сергей Алексеевич Егоров.

Суд продолжался 28 дней. В то же время со времени его начала до вынесения приговора потребовался год. Всего в тюрьме трибунала Мбапара провел пять лет, ожидая своего оправдания.

4) Приговор по делу *Прокурор против Мувуньи*

12 сентября 2006 года судебная палата вынесла приговор бывшему командиру Руандийской военной школы Тарсиссу Мувуньи, обвинявшемуся в заговоре в совершении геноцида и преступлениях против человечности. По первому пункту обвинения Мувуньи был оправдан, а по второму признан виновным и приговорен к 25 годам лишения свободы. Среди обстоятельств, смягчающих ответственность, суд назвал факт его «отцовства троих детей», а также тот факт, что «основную часть своей жизни он провел, защищая свою родину». «Многие свидетели характеризовали его в высшей степени положительно до 1994 года», – также указывается в судебном решении.

5) Приговор по делу *Прокурор против Рвакумбы*

20 сентября 2006 года судебная палата вынесла приговор бывшему министру начального и среднего образования Руанды Андре Рвакумбе, обвинявшемуся в геноци-

де и убийствах как преступлении против человечности. Судебная палата полностью оправдала его. Основаниями для принятия такого решения судьи назвали непрямой характер представленных свидетельств и недоверие к свидетелям.

6) Приговор по делу *Прокурор против Серомбы*

13 декабря 2006 года судебная палата вынесла решение о признании бывшего священника из провинции Кивуму Анастаса Серомбы виновным в совершении убийств как преступлений против человечества, однако оправдала его по обвинениям в геноциде. Серомба был приговорен к 15 годам лишения свободы.

Окончательные решения вынесены Апелляционной палатой МТР по следующим делам:

1) Жан де Дье Камуанда против Обвинителя. Апелляционная палата заслушала представления сторон по существу этой апелляции 19 мая 2005 года и вынесла решение 19 сентября 2005 года. Она подтвердила вынесенные Камуанде обвинительные приговоры за геноцид и истребление как преступления против человечности, сняла обвинения в подстрекательстве, а также пособничестве и соучастии в геноциде и истреблении и подтвердила два вынесенных Судебной камерой приговора о пожизненном тюремном заключении.

2) Обвинитель против Андре Нтагеруры, Эммануэля Багамбики и Самуэля Иманишимве. Апелляционная палата заслушала представления по существу апелляции обвинения и апелляцию Самуэля Иманишимве от 6 и 7 февраля 2006 года в Аруше. 8 февраля 2006 года Апелляционная палата отклонила апелляцию Обвинителя против оправдания Андре Нтагеруры и Эммануэля Багамбики с последующим письменным изложением оснований. Решение было вынесено 7 июля 2006 года.

3) *Прокурор против Гачумбитси*. Апелляционная палата 7 июля 2006 года отклонила апелляцию Сильвестра Гачумбитси, приговоренного ранее судебной палатой к 30 годам лишения свободы и назначила ему пожизненное лишение свободы.

Некоторые решения Апелляционной палаты МТР, вынесенные в 2006 году, касались ряда важных вопросов международного права.

Дело *Эдуар Каремера, Матье Нгирумпатсе и Жозеф Нзирорера против Прокурора.* «Решение по апелляциям в судебные инстанции: совместная преступная деятельность». 12 апреля 2006 года Апелляционная палата подтвердила юрисдикцию МТР устанавливать третью категорию ответственности за участие в совместной преступной деятельности. Вопрос о том, может ли быть установлена третья категория ответственности за участие в совместной преступной деятельности в связи с соучастием в геноциде, был поднят в предыдущем ходатайстве защиты, однако был возвращен в судебную палату для принятия решения.

Дело *Прокурор против Эдуара Каремеры, Матье Нгирумпатсе и Жозефа Нзирореры.* «Решение по промежуточной апелляции Обвинителя касательно решения о судебных фактах». *16 июня 2006 года* было сделано заключение о том, что судебная палата совершила ошибку, не приняв решение о судебном факте в отношении имевших место в Руанде широкомасштабных и систематических нападений на гражданское население из-за его принадлежности к народности тутси, в отношении того, что некоторые руандийские граждане убивали или наносили серьезные физические или психические травмы лицам, которых они считали принадлежащими к тутси, и что это привело к многочисленным жертвам среди тутси. Апелляционная палата также пришла к выводу, что судебная палата допустила ошибку, не приняв решение о судебном факте в отношении того, что в соответствующее время в Руанде имел место вооруженный конфликт немеждународного характера и что в отношении народности тутси был совершен акт геноцида.

В заключительной части своего *ежегодного доклада* Генеральной Ассамблее и Совету Безопасности ООН МТР заявил следующее: «В процессе своей работы Трибунал также оставит в наследство совокупность международных судебных решений, которыми могут руководствоваться будущие суды и которые могут способствовать предупреждению совершения таких тяжких преступлений в будущем».

Среди *рекомендаций,* сделанных МТР, особо следует выделить следующую: необходимо, чтобы государства-члены оказывали помощь Трибуналу в расселении лиц, которые могут быть оправданы Трибуналом и которым нужно найти государство, желающее предоставить им постоянный вид на жительство.

Разъясняя данный призыв, президент МТР Эрик Месе, выступая на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил: «В том, что касается сотрудничества государств, я также хотел бы напомнить, что лишь одному из пяти лиц, которым был вынесен оправдательный приговор, удалось найти страну проживания. Остальные четверо находятся под защитой Трибунала в Аруше. В особенно тяжелом положении оказались Андре Нтагерура и Эммануэль Багамбики, которым судебная камера вынесла оправдательный приговор 25 февраля 2004 года – более двух с половиной лет назад. Апелляционная камера подтвердила оправдательный приговор в июле 2006 года. Трибунал предпринял множество безуспешных попыток найти для них страну проживания. От имени Трибунала я хотел бы призвать государства-члены принять на своих территориях лиц, которым был вынесен оправдательный приговор» (см.: Док. ООН: A/61/PV.26, с. 3-4).

В 2006 году продолжался судебный процесс по делу *Прокурор против Огюстена Ндиндилийманы, Огюстена Бизимунгу, Франсуа-Ксавье Нзувонемейе и Инносена Сагауту (дело военных II)*.

Этот совместный процесс в отношении четырех бывших старших военачальников начался 20 сентября 2004 года. В 2006 году завершилась обвинительная часть процесса.

Обращаем внимание читателей КЖМП, что адвокат бывшего начальника жандармерии Руанды генерала Огюстена Ндиндилийманы Кристофер Блэк написал эксклюзивную статью для «Казанского журнала международного права», которая публикуется в настоящем выпуске.

В рамках *стратегии завершения работы* МТР была предпринята попытка передачи одного дела (Дела *Багарагазы*) в суд Норвегии. Однако она была отклонена как судебной, так и апелляционной палатами трибунала.

4. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ

В 2006 году состав Международного трибунала по морскому праву был следующим:

Президент – Р.Вольфрум (Германия), Вице-президент Дж.Акль (Ливан), судьи: Анатолий Лазаревич Колодкин (Российская Федерация), Х.Каминос (Аргентина), В.Рангел (Бразилия), А.Янков (Болгария), Чон-Хо Парк (Южная Корея), П.Энго (Камерун), Л.Нельсон (Гренада), Р.Рао (Индия), Т.Тревес (Италия), Т.Ндиайе (Сенегал), Ж.Джесус (Кабо-Верде), Х.Гуанджиан (Китай), Ж.-П. Кот (Франция), А.Лаки (Тринидад и Тобаго), С.Павляк (Польша), С.Янаи (Япония), Х.Тюрк (Австрия), Дж.Катека (Танзания), А.Хоффманн (ЮАР).

В 2006 году Трибунал провел две сессии, посвященные главным образом правовым вопросам, имеющим отношение к его судебной работе, и другим организационно-административным вопросам. Двадцать первая сессия Трибунала проходила с 6 по 17 марта 2006 года, а двадцать вторая – с 18 по 29 сентября 2006 года.

В 2006 году на текущем рассмотрении Трибунала находилось одно дело – *«О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана (Чили/Европейское сообщество)»*. По достижении договоренности между Чили и Европейским сообществом Трибунал образовал постановлением от 20 декабря 2000 года Специальную камеру для рассмотрения спора между Чили и Европейским сообществом, касающегося сохранения и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы. Тем же постановлением Трибунал установил сроки для подачи предварительных возражений и процессуальных документов. 9 марта 2001 года стороны информировали председателя Специальной камеры о том, что они достигли предварительной договоренности в отношении спора, и просили приостановить рассмотрение дела в Камере. Постановлением от 15 марта 2001 года председатель Специальной камеры продлил 90-дневный срок для представления предварительных возражений, так чтобы он начал отсчитываться с 1 января 2004 года. Пойдя навстречу новому ходатайству сторон, председатель Специальной камеры постановлением от 16 декабря 2003 года продлил срок для представления предварительных возражений до 1 января 2006 года. Постановлением от 29 декабря 2005 года Специальная камера вновь продлила срок представления предварительных возражений до 1 января 2008 года. Дело занесено в список дел к слушанию.

Компетенция Трибунала в делах о делимитации морских границ. На двадцать первой и двадцать второй сессиях пленум Трибунала рассмотрел на основе справочных документов, подготовленных Секретариатом, вопрос о компетенции Трибунала в делах о делимитации морских границ. Было отмечено, что в статье 288 Конвенции на Трибунал, равно как и на Международный Суд или арбитраж, возлагается компетенция в отношении каких-либо споров, касающихся толкования или применения Конвенции. Споры, касающиеся делимитации морских границ, являются спорами, касающимися толкования или применения Конвенции (см., например, статьи 15, 74 и 83 Конвенции). Поэтому все споры о делимитации морских границ, как правило, подпадают под обязательные процедуры урегулирования споров согласно Конвенции. Было отмечено далее, что компетенция Трибунала и других судов или трибуналов, указанных в статье 287 Конвенции, не применяется лишь тогда, когда государство сделало заявление согласно пункту 1(a) статьи 298 Конвенции. Если государство сделало такое заявление, то спор о морских границах регулируется обязательной согласительной процедурой при удовлетворении условий согласительной процедуры, предусмотренных в пункте 1(a) статьи 298. Было подчеркнуто также, что стороны в споре, касающемся вопросов делимитации морских границ, могут в любой момент времени достичь согласия о передаче спора в Трибунал посредством уведомления об особой договоренности, даже если они выбрали иное обязательное средство согласно статье 287 Конвенции. Было отмечено далее, что Трибунал может формулировать консультативные заключения в вопросах, касающихся разграничения морских границ, в соответствии с положениями статьи 138 Регламента. Трибунал будет продолжать рассмотрение данного вопроса.

Залоги и другое финансовое обеспечение. На двадцать первой сессии пленум Трибунала обсудил на основе документа, подготовленного Секретариатом, вопрос о правилах, касающихся внесения определенного Трибуналом залога при рассмотрении дел о незамедлительном освобождении судов и экипажей. В этой связи было сочтено своевременным рассмотреть положения Регламента, касающиеся осуществления ре-

мигрирующих рыб и управления ими. В течение рассматриваемого периода Трибунал принял к сведению представленную Секретариатом информацию в отношении статуса заявлений по статьям 287 и 298 Конвенции. Трибунал принял также к сведению информацию, представленную Секретариатом в отношении положений об урегулировании споров в международных соглашениях, касающихся морского права.

Обзор деятельности МТБЮ, МТР и МТМП подготовлен А.Б. МЕЗЯЕВЫМ

5. ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Итоги работы Европейского суда по правам человека за 2006 год. (Решения против России, вынесенные по существу.)

В 2006 году Европейский Суд по правам человека вынес 102 постановления по существу против Российской Федерации.

Многие решения вынесены по так называемым делам-клонам (жалобы на нарушение государством аналогичных прав заявителей), но есть постановления, в которых Европейский Суд впервые рассматривал те или иные проблемы, например пытки в милиции, исчезновения в Чечне, аресты членов НБП.

Целесообразным предполагается рассмотрение постановлений в группах, формируемых по аналогичным нарушениям статей Конвенции.

Учитывая, что в большинстве постановлений Европейский Суд установил нарушение нескольких статей Конвенции, каждая жалоба рассматривается несколько раз в аспекте отдельных нарушений по каждой статье.

Статья 2 (право на жизнь)

В деле *Тарариева против России (Tararieva v. Russia)* Европейский Суд установил, что в соответствии с Европейской Конвенцией государство обязано обеспечивать заключенных надлежащей медицинской помощью. Рассмотрев обстоятельства дела, Суд признал, что государство-ответчик несет ответственность за состояние здоровья Тарариева, поскольку он находился в заключении под контролем властей и власти знали о наличии у него заболеваний, требующих лечения. Суд подробно изучил документы о медицинской помощи, которую оказывали Тарариеву в Хадыженской колонии, Апшеронской больнице и тюремной больнице. Суд признал, что государство-ответчик несет ответственность за смерть Тарариева. Анализируя ход расследования смерти Тарариева, Суд отметил, что уголовное дело было возбуждено только через пять месяцев после смерти, что расследование сфокусировалось на действиях врачей Апшеронской больницы и не исследовало ряд важных обстоятельств, в частности, обстоятельства перевозки Тарариева. Обвинение не смогло доказать виновность заведующего хирургическим отделением, а уголовное дело против врачей тюремной больницы так и не передано в суд, несмотря на единогласное мнение экспертов о существовании причинно-следственной связи между их действиями и смертью Тарариева. На этом основании Суд признал, что расследование обстоятельств смерти заявителя не соответствовало требованиям Статьи 2 Конвенции.

В жалобе *Имакаева против России (Imakaeva v. Russia)* Суд признал, что расследование обстоятельств исчезновения мужа и сына заявительницы не было эффективным, как этого требует Статья 2 Конвенции.

В деле *Лулюев и другие против России (Luluyev and Others v. Russia)* заявителями выступали десять человек из семьи Лулюевых. Их жалоба касалась обстоятельств смерти Нуры Лулюевой. Суд признал, что обстоятельства дела не позволяют определить, была ли убита Нура Лулюева сразу после задержания или спустя какое-то время. Однако Суд отметил, что национальные власти признали датой смерти Лулюевой 3 июня 2000 г. – день ее задержания. Кроме того, тело Лулюевой было обнаружено в общей могиле с завязанными глазами и в той же, одежде, что и в день похищения. Эти факты в совокупности дают основания полагать, что государство-ответчик несет ответственность за ее гибель, поэтому Суд признал нарушение Статьи 2 Конвенции, гарантирующей право на жизнь. Мужу и детям Нуры Лулюевой Суд назначил компенсацию морального вреда в размере 24000 евро и материального ущерба, которая была рассчитана исходя из утраченного заработка Нуры Лулюевой и расходов на похороны и составила 4850 евро.

В деле *Эстамиров и другие против России (Estamirov and Others v. Russia)* Европейский Суд признал нарушение права на жизнь в Чечне. Заявители утверждали, что в отношении их родственников было нарушено право на жизнь: они были убиты военнослужащими, эффективное расследование факта их смерти проведено не было. Государство-ответчик возражало, что заявители не исчерпали средств внутренней правовой защиты. Но Суд счел, что не может принять предварительные возражения государства-ответчика, поскольку расследование продолжается более 6 лет, но при этом не было достигнуто никаких результатов, а потерпевшие не имели возможность обжаловать процессуальные решения по делу, так как им не были предоставлены документы о ходе расследования. Суд также признал, что государство-ответчик не обеспечило право на жизнь заявителей, нарушив Статью 2 Конвенции. Суд присудил заявителям компенсацию морального вреда общей суммой 220000 евро, а также назначил компенсацию материального вреда размером 7751 евро в пользу матери Руслана Эстамирова и его племянника.

Статья 3 (запрещение пыток)

В деле *Тарариева против России (Tararieva v. Russia)* Суд признал, что использование наручников в больнице было жестоким обращением, нарушающим Статью 3 Конвенции. Жестоким обращением были также признаны условия перевозки Тарариева, не соответствовавшие его тяжелому состоянию. Суд назначил заявительнице компенсацию морального вреда в размере 25000 евро.

В деле *Лулюев и другие против России (Luluyev and Others v. Russia)* заявители утверждали, что все они были жертвами бесчеловечного обращения, поскольку длительное незнание судьбы близкого человека причиняло им страдание. Государство-ответчик не представило отдельных возражений по этому поводу. Суд применительно к данной ситуации счел, что постоянные задержки в расследовании обстоятельств смерти Лулюевой, отсутствие информации о результатах расследования причиняли страдания ее близким. На этом основании Суд признал нарушение Статьи 3 Конвенции, запрещающей бесчеловечное обращение.

В жалобе *Имакаева против России (Imakaeva v. Russia)* Суд установил, что заявительница является жертвой запрещенного Статьей 3 Конвенции жестокого обращения, поскольку она перенесла страдания и продолжает страдать от тревоги и душевных переживаний в результате исчезновения ее сына и мужа и неспособности властей выяснить, что с ними произошло. Суд назначил заявительнице компенсацию морального вреда в размере 70000 евро и компенсацию материального вреда (утеря заработка сына и мужа) в размере 20000 евро.

Заявительница по делу *Менешева против России (Menesheva v. Russia)* жаловалась в Европейский Суд на бесчеловечное обращение во время задержания и отсутствие эффективного расследования. Правительство заявило, что расследование фактов бесчеловечного обращения продолжается и поэтому прокомментировать существо жалобы невозможно. Суд отметил, что если человек был задержан здоровым, а после освобождения у него есть телесные повреждения, то государство должно предоставить убедительные объяснения причин их появления. Поскольку Правительство не предоставило никаких объяснений появления телесных повреждений, а сама заявительница предоставила медицинские документы, подтверждающие факт получения травм, Суд счел, что факт жестокого обращения установлен. Суд отдельно рассмотрел вопрос о том, является ли такое обращение пыткой. Суд отметил, что заявительница испытывала физическую боль и страдания, что зафиксировано в медицинских документах, а эта боль ей причинялась намеренно с целью получения информации о Л. Суд также учел, что заявительнице на момент избиения было только 19 лет и она подвергалась избиению и другим формам морального и физического давления в течение нескольких часов со стороны нескольких взрослых мужчин. С учетом степени жестокости обращения Суд признал, что такое обращение является пыткой и нарушает Статью 3 Конвенции. Суд также счел, что нарушены требования Статьи 3 Конвенции о проведении эффективного расследования, так как жалобы заявительницы были обоснованы отсутствием каких-либо непоследовательностей в ее показаниях и медицинскими документами, а уголовное расследование до момента рассмотрения Судом жалобы по существу не было завершено.

Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность)

В деле *Лулюев и другие против России (Luluyev and Others v. Russia),* поскольку государство-ответчик не представило убедительных объяснений по поводу задержания Нуры Лулюевой 3 июня 2000 года, Суд счел, что Лулюева стала жертвой недокументированного задержания и власти не провели эффективного расследования данного факта. На этом основании Суд признал нарушение Статьи 5 Конвенции, гарантирующей свободу и неприкосновенность личности.

Жалоба *Имакаева против России (Imakaeva v. Russia)* касалась задержания и исчезновения сына и мужа заявительницы в Чеченской республике. Суд констатировал, что Саид-Хусейн и Саид-Магомед Имакаевы находились в непризнанном заключении при полном отсутствии гарантий, предусмотренных Статьей 5 Конвенции, и что имеет место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного данной нормой.

В деле *Менешева против России (Menesheva v. Russia)* заявительница жаловалась на нарушение ее права на свободу и личную неприкосновенность. Правительство в ответ заявило, что была признана незаконность ареста заявительницы и поэтому она могла заявить иск о возмещении вреда в связи с незаконным задержанием и административным арестом. Лишение свободы без его фиксации является нарушением самой сути гарантий Статьи 5 Конвенции, поэтому, несмотря на признание государством незаконности применения к заявительнице административного наказания в виде ареста, Суд признал нарушение права Статьи 5(1). Суд также признал, что административный арест заявительницы был произведен с нарушением требований Статьи 5 Конвенции, так как судья действовал в нарушение всех процессуальных гарантий.

Постановление по делу *Долгова против России (Dolgova v. Russia)* – первое по жалобам членов Национал-Большевистской партии (НБП). Главным в этом решении является то, что Европейский Суд требует внимательного и детального рассмотрения

национальными судами вопросов содержания под стражей применительно к каждому арестованному в России. Заявительница жаловалась, что ее содержание под стражей было незаконным, необоснованным и чрезмерно длительным. Европейский Суд рассматривал вопросы приемлемости данной жалобы и существо дела одновременно. Суд не принял аргументы Правительства, что жалоба неприемлема. Европейский суд обратил внимание и на то, что в решениях о продлении ареста российские судьи постоянно указывали на «отсутствие обстоятельств для освобождения». Хотя в жалобах и ходатайствах адвокат заявительницы приводил конкретные фактические аргументы в пользу освобождения: наличие постоянной регистрации в Москве, отсутствие судимостей и прочее. Российские суды не выражали сомнение в достоверности этих аргументов, однако не принимали их во внимание, продолжая настойчиво утверждать, что заявительница не указала никаких обстоятельств, оправдывающих ее освобождение. С точки зрения Европейского суда, арестованный не должен доказывать, что он не скроется от следствия и суда. Напротив, государственные органы должны приводить убедительные данные в пользу того, что при освобождении обвиняемый будет препятствовать осуществлению правосудия. Европейский Суд также посчитал, что национальные суды при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей заявительницы не принимали во внимание индивидуальных обстоятельств, поскольку дважды принимали решения о продлении ареста сразу всех 39 обвиняемых в захвате приемной. При этом не была принята во внимание возможность применения к заявительнице альтернативной меры пресечения – личного поручительства депутата Госдумы. Суд признал, что право заявительницы на рассмотрение ее дела в разумные сроки или на освобождение до суда, гарантируемое Статьей 5(3) Конвенции, было нарушено и назначил заявительнице компенсацию в размере 5000 евро.

Постановление по делу *Беднов против России (Bednov v. Russia)* касается права на судебный пересмотр законности и обоснованности решения о помещении под стражу, гарантируемого Статьей 5 (4) Конвенции. Прежде чем перейти к рассмотрению материалов дела, Суд напомнил, что Статья 5 (4) Конвенции гарантирует задержанным и арестованным возможность судебной оценки законности ареста с точки зрения процессуальных и материальных норм. Положения этой статьи подразумевают быстрое вынесение решения и освобождение заявителя, если будет установлено, что арест не соответствует требованиям закона. По мнению Суда, тот факт, что заявитель был признан виновным, в принципе не может оправдать отказ в рассмотрении его жалоб на законность ареста и содержания под стражей. На этом основании Суд признал, что в отношении заявителя была нарушена Статья 5 (4) Конвенции.

Постановление по делу *Мамедова против России (Mamedova v. Russia)* касалось условий содержания под стражей в СИЗО г. Владимир, а также практики владимирских судов по вопросам о содержании под стражей и об аресте. Анализ последнего вопроса вызывает наибольший интерес в данном деле. Европейский Суд отметил, что слушания по вопросу о содержании под стражей должны давать возможность подозреваемому или обвиняемому высказать свою точку зрения лично или через представителя. В данном случае присутствие заявительницы требовалось, несмотря на участие в слушаниях ее адвокатов. Эти кассационные слушания касались законности и обоснованности самого первого судебного решения о помещении заявительницы под стражу и поэтому были особенно важными. Только лично заслушав заявительницу, судьи могли составить представление об особенностях ее поведения и характера. В данной ситуации это было особенно важно, потому что в решении кассационной инстанции содержится ссылка на характер заявительницы. Кроме того, заявительница хотела довести до сведения судебного органа свою персональную ситуацию, а именно

– условия, в которых она содержалась. Адвокаты не могли адекватно описать условия содержания заявительницы. В связи с этим Суд установил нарушение Статьи 5 (4) Конвенции. По вопросу о скорости рассмотрения жалоб заявительницы на арест и продление срока содержания под стражей Правительство сообщало, что суды выносили решения в сроки, установленные законом. Заявительница подчеркивала, что быстрое рассмотрение жалоб имело для нее большое значение, потому что под вопросом была ее свобода и она содержалась в плохих условиях. Суд отметил, что национальные инстанции рассматривали жалобы в период от двадцати шести до тридцати шести дней, причем заявительница не производила никаких действий, которые могли бы задержать рассмотрение ее жалоб. Суд указал, что эти сроки не соответствуют требованием быстроты, установленным в его прецедентном праве, и также констатировал нарушение Статьи 5 (4) Конвенции.

В деле *Корчуганова против России (Korchuganova v. Russia)* Суд рассмотрел вопросы о длительности досудебного содержания под стражей и об обоснованности ареста. Корчуганова, арестованная по подозрению в организации заказного убийства, находилась под стражей пять лет до момента вынесения приговора по ее делу. Суд дважды возвращал ее дело в прокуратуру, а когда дело поступило в суд в третий раз, судебное разбирательство откладывалось из-за производства дополнительной экспертизы, а также по просьбе самой заявительницы. Заявительница считала, что часть времени она содержалась под арестом без законных оснований – т.е. была нарушена Статья 5 (1) Конвенции, – а общий период ее содержания под стражей до суда не соответствовал требованиям Статьи 5 (4) Конвенции. Суд пришел к выводу, что заявительница в течение четырех месяцев содержалась под стражей в нарушение российского законодательства, что также не соответствует Статье 5 (1) Конвенции. Суд также обнаружил, что после очередной передачи дела заявительницы на судебное рассмотрение решение о продлении срока ее содержания под стражей не было вынесено. В течение трех месяцев заявительница содержалась под стражей без санкции компетентного органа, просто на том основании, что ее дело было передано в суд. Этот период также был признан несоответствующим Статье 5 (1) Конвенции. Вместе с тем, срок содержания заявительницы под стражей в период с начала разбирательства ее дела судом до вынесения приговора был признан соответствующим требованиям Статьи 5 (1) Конвенции. Районный суд, рассматривавший дело, четыре раза выносил решение о продлении ареста. Новый уголовно-процессуальный кодекс, который на тот момент вступил в силу, давал районному суду такую возможность. Общий срок содержания заявительницы под стражей до суда был признан не соответствующим Статье 5 (3) Конвенции, которая гарантирует быстрое судебное разбирательство или освобождение до суда. Европейский суд обнаружил в отношении национальных властей к вопросу о содержании заявительницы под стражей те же недостатки, что и в деле *Мамедова против России*. А именно: обоснование необходимости дальнейшего содержания под стражей исключительно тяжестью обвинения; отсутствие указаний на какие-либо конкретные факторы, подтверждающие необходимость продления ареста; игнорирование вопроса о возможности применения других мер пресечения, а также отсутствие должного внимания к индивидуальным обстоятельствам заявительницы.

Постановление по делу *Базоркина против России (Bazorkina v. Russia)* является первым решением Суда, касающимся исчезновения на территории Чечни. Заявительница утверждала, что были нарушены права ее сына и ее права, предусмотренные Конвенцией. В частности, она говорила, о незаконном лишении свободы, пытках и нарушении права на жизнь в отношении сына, о неэффективности расследования по факту исчезновения, нарушении права на доступ к правосудию, на уважение семейной

жизни, на отсутствие эффективных средств защиты, а также на нарушение государством-ответчиком своих процедурных обязательств перед Европейским Судом. Анализируя ход расследования по факту исчезновения, Суд отметил, что расследование началось только спустя год и пять месяцев после событий, хотя заявительница обратилась в правоохранительные органы в феврале 2000 года. Расследование осуществлялось с необъяснимыми задержками. Суд также еще подчеркнул, что уголовное дело шесть раз приостанавливалось и возобновлялось. В связи с этим, Суд счел, что расследование было неэффективным. Кроме того, Суд признал, что при задержании Яндиев был лишен каких-либо прав, гарантированных Статьей 5 Конвенции, поскольку его задержание не было документировано в соответствии с требованиями национального закона. При этом Суд не стал рассматривать отдельно вопрос эффективности средств правовой защиты в данном случае, указав на то, что Статья 5 Конвенции сама по себе предусматривает средства защиты от незаконного и необоснованного задержания. Заявительнице было присуждено 35000 евро справедливой компенсации.

В деле *Щеглюк против России (Shcheglyuk v. Russia)* Суд констатировал, что содержание заявителя под стражей в течение трех лет было чрезмерно долгим, а это нарушает закрепленное в Статье 5 Конвенции право на быстрое рассмотрение дела или на освобождение из под стражи до суда.

По делу *Худобин против России (Khudobin v. Russia)* Суд счел, что содержание заявителя под стражей было необоснованным и не соответствовало Статье 5(3) Конвенции, которая предусматривает возможность освобождения до суда. Суд также пришел к выводу, что отсутствие рассмотрения жалобы на решение о продлении срока содержания под стражей и новой судебно-медицинской экспертизе также нарушает гарантии Статьи 5(4) Конвенции.

Статья 6 (право на справедливое судебное разбирательство)

В деле *Менешева против России (Menesheva v. Russia)* заявительница жаловалась, что процедура привлечения ее к административной ответственности не соответствовала гарантиям права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного Статьей 6 Конвенции. Правительство согласилось с этим фактом. Суд отметил, что в данном случае для целей Статьи 6 Конвенции привлечение к административной ответственности рассматривается как «предъявление уголовного обвинения», поскольку такая санкция, как арест, является достаточно суровой и назначается в целях наказания. Поскольку процедура вынесения решения об аресте явно не была состязательной, Суд признал нарушение Статьи 6 (1) Конвенции. Суд присудил заявительнице 35000 евро в качестве компенсации морального вреда.

По делу *Худобин против России (Khudobin v. Russia)* осуждение на основании провокации Европейский суд признал нарушением гарантий справедливого судебного разбирательства. Суд, ссылаясь на свою практику, указал, что, несмотря на необходимость бороться с преступностью, использование агентов под прикрытием должно быть строго ограничено. В данном деле преступление не было бы совершено, если бы не вмешательство сотрудников милиции. В постановлении прямо написано, что Суд «поражен» тем, что дело рассматривалось в отсутствие заявителя, и разрешавший дело судебный орган не принимал своего собственного решения о невменяемости заявителя. В связи с этим, Суд счел, что заявитель был лишен гарантий справедливого судебного разбирательства, гарантированных Статьей 6 Конвенции. Суд назначил заявителю компенсацию в размере 12000 евро.

Дело *Нахманович против России (Nakhmanovich v. Russia)* подняло вопросы законности, обоснованности и длительности содержания под стражей во время предва-

рительного следствия и судебного разбирательства. Это дело также показывает пренебрежительное отношение органов прокуратуры к обвиняемым, особенно в случае, когда дела против них прекращаются. Суд признал, что в отношении заявителя было нарушено требование Статьи 6 (1) Конвенции, касающееся справедливости судебного разбирательства, и положение статьи 6 (3), которое гарантирует любому, против кого было выдвинуто уголовное обвинение, право защищать себя самостоятельно или при помощи защитника по выбору.

В 2006 году Европейский Суд вынес 14 постановлений по делам, затрагивающим вопросы пересмотра судебных решений в надзорном порядке.

В деле *Борщевский против России (Borshchevskiy v. Russia)* Суд счел, что существует причинно-следственная связь между отменой решения в надзорном порядке и материальным ущербом, причиненным заявителю. Суд отметил, что заявитель не был проинформирован об обращениях пенсионного фонда с просьбой инициировать надзорные процедуры и поэтому не мог представить свои возражения. В связи с этим, Суд счел, что был нарушен принцип устойчивости судебных решений, являющийся неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство. Суд также счел, что неисполнением решения нарушен принцип разумности сроков рассмотрения дела, гарантированный Статьей 6 Конвенции. Суд постановил выплатить заявителю суммы, полагающиеся по решению национального суда, а также компенсацию за пользование его денежными средствами в размере 6100 евро. Общая сумма компенсации материального вреда составила, таким образом, 16000 евро. Кроме того, Суд назначил заявителю 3000 евро компенсации морального вреда. Безусловно, не следует полагать, что в каждом случае Суд будет присуждать такую материальную компенсацию. Между тем, это означает, что использование надзорного производства не может использоваться с целью уменьшения долговых обязательств государства перед гражданами.

По жалобам *Алдошкина против России (Aldoshkina v. Russia)* и *Станислав Жуков против России (Stanislav Zhukov v. Russia)* Суд признал, что рассмотрение дел заявителей в надзорном порядке не соответствовало требованиям справедливого судебного разбирательства, поскольку заявители не присутствовали на надзорном рассмотрении. Заявительнице *Алдошкиной* была присуждена компенсация в размере 1000 Евро. Станиславу Жукову Суд не присудил денежной компенсации, сочтя, что сам факт признания нарушения прав заявителя является достаточной компенсацией.

В постановлении *Черницын против России (Chernitsyn v. Russia)* Европейский Суд установил нарушение Статьи 6 (1) Конвенции надзорным производством и присудил заявителю компенсацию в размере 2000 евро. Однако данное дело выделяется из числа прочих некоторыми особенностями, которые выразились в том, что Правительство потребовало отклонить данную жалобу как неприемлемую в связи с тем, что заявитель злоупотребил своим правом на подачу жалобы. Правительство усмотрело злоупотребление правом в том, что коммуникации заявителя от 23 ноября 2003 г. и от 19 октября 2004 г. содержали оскорбительные высказывания в адрес Правительства, Представителя РФ в ЕСПЧ Лаптева П.А. и политических деятелей России. Суд отклонил требование Правительства признать жалобу неприемлемой, но только после того, как заявитель принес свои извинения Представителю РФ в ЕСПЧ Лаптеву П.А. и самому Суду, а также отозвал все свои оскорбительные замечания. Тем не менее, Суд подчеркнул недопустимость для процессуальных оппонентов, которыми в Суде являются Правительство и заявитель, оскорбительно высказываться в отношении друг друга, продемонстрировав, что такая манера излагать свои требования может в действительности привести к признанию жалобы неприемлемой.

В постановлении по делу *Сухобоков против России (Sukhobokov v. Russia)* Европейский суд признал, что отмена решения в надзорном порядке, которая сама по себе нарушает принцип правовой определенности, не является основанием для неисполнения решения суда. Суд признал нарушение Статьи 6(1) Конвенции и присудил заявителю 150 евро материального ущерба и 1000 евро морального вреда.

В постановлении *Пряжникова и Долгополов против России (Prisyazhnikova and Dolgopolov v. Russia)* Суд продолжает изучать и оценивать нормы, касающиеся надзорного производства, и выявлять все новые и новые пробелы российского законодательства в этой области. При этом Суд выражает явное недоумение по поводу неограниченных полномочий председателей судов.

В постановлениях по жалобам *Стеценко против России (Stetsenko v. Russia), Ирина Федотова против России Irina (Fedotova v. Russia), Нелюбин против России (Nelyubin v. Russia), Кондрашова против России (Kondrashova v. Russia), Серегина против России (Seregina v. Russia), Угланова против России (Uglanova v. Russia), Засурцев против России (Zasurtsev v. Russia) и Петров против России (Petrov v. Russia)* Суд еще раз указал, что пересмотр судебных решений в порядке надзора нарушает принцип правовой определенности.

Ниже представлены дела, в которых заявители обжаловали неисполнение решений российских судов как нарушение Статьи 6 Конвенции.

В жалобах *Коновалов против России (Konovalov v. Russia), Казьмина против России (Kazmina v. Russia), Корнев против России (Kornev v. Russia)* и *Тарасов против России (Tarasov v. Russia)* исполнение решений российских судов ставилось в зависимость от наличия денежных средств в бюджете. Государство, таким образом, имело возможность не исполнять решение своего собственного суда, ссылаясь на то, что указанные в нем условия так и не наступили. Европейский Суд счел, что давать столь узкую интерпретацию обязанности исполнять судебные решения было бы не верным с точки зрения наиболее полного обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Во всех четырех жалобах Европейский суд признал, что право на справедливое судебное разбирательство и право собственности были нарушены, а также назначил выплату справедливой компенсации и судебных издержек.

В постановлении *Шатунов против России (Shatunov v. Russia)* рассматриваются вопросы неисполнения судебного решения, не связанные с проблемой отсутствия бюджетных средств. Шатунов был подвергнут уголовному преследованию и осужден, но затем оправдан судом надзорной инстанции. В 2001 г. он обратился в суд с иском против Министерства финансов, требуя возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием. В 2002 г. районный суд выпустил исполнительный лист по решению о компенсации вреда, причиненного уголовным преследованием. Однако в связи с тем, что исполнительные листы не соответствовали требованиям законодательства, департаменты судебных приставов-исполнителей и Министерство Финансов РФ возвращали их заявителю, не исполняя тем самым решения суда. Европейский суд отметил, что неспособность национального суда выпустить исполнительные листы, соответствующие требованиям закона, а также неспособность исправить их после того, как дефекты были обнаружены, – упущение государства. На этом основании Суд признал нарушение Статьи 6 (1) Конвенции.

В деле *Шилов и Баякова против России (Shilov and Baykova v. Russia)* заявители жаловались, что длительное неисполнение вынесенного в их пользу судебного решения нарушило Статью 6 (1) Конвенции. Правительство возражало, указывая, что на момент начала исполнительного производства УВД Ярославской области не имело в распоряжении требуемых квартир. Поэтому квартиры были предоставлены заявите-

лям после того, как они были построены. С точки зрения Правительства, задержка с исполнением судебного решения не была чрезмерной. Суд согласился с Правительством. Суд рассмотрел отдельно срок исполнения судебного решения в части выплаты заявителям денежной компенсации. Суд отметил, что в отношении обоих заявителей этот срок составил примерно год и шесть месяцев. Суд отметил, что ранее в аналогичных случаях он признавал такой срок чрезмерным. Таким образом, Суд признал нарушение Статьи 6 (1) в связи с задержкой исполнения судебного решения в части выплаты компенсации.

Интересно также постановление по делу *Пыриков против России (Pyrikov v. Russia)*. Европейский Суд признал, что неисполнение судебного решения в течение двух лет нарушило Статью 6 (1) Конвенции. Суд не нашел в данном деле нарушения Статьи 6 (1) Конвенции в части длительности судебного разбирательства. Суд отметил, что он не может рассматривать ту часть разбирательства, которая происходила до мая 1998 года, так как тогда Россия еще не ратифицировала Конвенцию. Суд также напомнил, что процедуры, касающиеся возобновления производства по делу, не подпадают под действие Статьи 6 (1). Таким образом, Суд анализировал судебное разбирательство по иску Пырикова в период с 27 сентября 1999 года по 18 апреля 2003 года. Суд пришел к выводу, что в данном случае задержки в производстве были вызваны самими сторонами дела, а не судебными органами. Суд отклонил как неприемлемую жалобу Пырикова на несправедливость судебного разбирательства: Пыриков не обжаловал решений районных судов по своему иску и, таким образом, не исчерпал внутренних средств защиты.

Дело *Беляцкая против России (Belyatskaya v. Russia)* также касается неисполнения решений российских судов. Заявительница предъявила иск к Управлению социальной защиты населения и Финансовому управлению администрации Архангельской области о выплате задолженности по детским пособиям за период с июня 1998 по декабрь 1999 гг. В феврале 2001 года Октябрьский районный суд г. Архангельск присудил ей 2244 рубля 16 копеек. Решение суда было исполнено только в мае 2003 года. Государство-ответчик признало, что длительная задержка в исполнении судебного решения в пользу заявительницы имела место. Однако оно утверждало, что заявительница лишилась статуса жертвы, поскольку задолженность была погашена. Суд не согласился с этими аргументами и еще раз отметил, что для того, чтобы заявитель потерял статус жертвы недостаточно, чтобы решение было исполнено. Необходимо, чтобы государство-ответчик признало факт нарушения права и предоставило компенсацию. В данном деле это выполнено не было. В связи с тем, что решение суда по иску заявительницы не исполнялось в течение двух лет и двух месяцев, Суд признал нарушение Статьи 6 Конвенции. Суд не назначил заявительнице компенсации, посчитав, что признание нарушения является достаточным удовлетворением.

По жалобе *Чернышов и 11 других против России (Chernyshov and 11 Others v. Russia)* Суд признал нарушение разумности сроков исполнения судебных решений в отношении заявителей: все решения были вынесены в 2000-2001 годах и к моменту рассмотрения дела в Страсбурге исполнены не были. Суд обязал Государство-ответчика выплатить присужденные суммы в трехмесячный срок. При этом Суд не назначил никакой компенсации заявителям, так как они не представили своих требований по справедливой компенсации.

Жалобы: *Лазарев против России (Lazarev v. Russia), (Шаповалова против России Shapovalova v. Russia), Вельская против России (Velskaya v. Russia) и Лосицкий против России (Lositskiy v. Russia)* также касались неисполнения решений российских судов. Во всех случаях Суд признал нарушения права на справедливое судебное разбиратель-

ство, гарантированное Статьей 6 Конвенции. *Лазареву* была назначена компенсация материального вреда в размере 11500 евро и 3900 евро компенсации морального вреда. В остальных случаях Суд счел, что сам факт признания нарушения прав заявителей является достаточной компенсацией.

В постановлениях – *Казарцев против России (Kazartsev v. Russia), Влокитин против России (Volokitin v. Russia), Тытарь против России (Tytar v. Russia), Коляда против России (Kolyada v. Russia) и Шитиков против России (Shitikov v. Russia)* – было признано нарушение Статьи 6 (1) Конвенции в связи с длительным неисполнением решений российских судов. Заявителям Казарцеву и Волокитину была назначена только компенсация морального вреда. Другим заявителям кроме компенсации морального вреда также присудили компенсацию материального ущерба.

Жалоба *Левин против России (Levin v. Russia)* касалась вопросов исполнения судебных решений о размере пенсий. Пенсионные дела составляют значительную часть российских жалоб, поэтому Правительство уже выработало определенную стратегию работы по ним. После коммуникации жалобы Правительство предлагает заявителям заключить мировое соглашение, которое в определенной мере компенсирует причиненный моральный и материальный ущерб. Но мировое соглашение, как правило, не учитывает все интересы заявителя, а также предлагается в резкой и безапелляционной форме. Это приводит к тому, что заявитель чувствует себя оскорбленным и отказывается от мирового соглашения. В ответ на это Правительство просит у Суда вычеркнуть жалобу из списка рассматриваемых дел. Пока Суд не вычеркивал дел из списка по такому основанию, поскольку Правительство (как и в рассматриваемом деле) обычно не представляло Суду каких-либо формальных свидетельств того, что оно признало нарушение прав заявителя. В деле *Левин против России* предметом подачи жалобы послужило неисполнение вступившего в силу 6 апреля 2000 г. решения суда г. Обнинск (Калужской области). Этим решением заявителю – ликвидатору аварии на Чернобыльской АЭС – была увеличена сума ежемесячной компенсации за потерю здоровья, а также назначена разовая компенсация за недоначисленные ранее суммы. В течение двух лет судебное решение не исполнялось. По итогам рассмотрения дела Суд признал нарушение прав на справедливое судебное разбирательство и на защиту своего имущества.

Заявитель по делу *Николаев против России (Nikolayev v. Russia)* также являлся ликвидатором последствий аварии на Чернобыльский АЭС. Он обратился в суд за пересчетом полагающихся ему социальных выплат. В результате в 2001-2003 гг. в пользу заявителя было вынесено 3 решения. Заявитель обжаловал в Европейский Суд задержку по исполнению всех 3-х решений. Суд признал жалобу на задержку по исполнению решений, вынесенных в 2003 г., явно необоснованной, так как они были исполнены в течение 6 месяцев с момента вынесения каждого из решений. Но Суд признал нарушения права на справедливое судебное разбирательство и на защиту имущества в отношении задержки исполнения решения, вынесенного в 2001 г. Суд присудил заявителю компенсацию в размере 4500 евро.

Дело *Чеботарев против России (Chebotarev v. Russia)* касалось не только исполнения решения суда по иску заявителя, но и другого важного аспекта права на справедливое судебное разбирательство – устойчивости судебного решения. Рассматривая вопрос о приемлемости жалобы, Суд не согласился с тем, что заявитель утратил статус жертвы. Суд напомнил, что лицо утрачивает статус жертвы, если национальные власти явным образом или фактически признают нарушение конвенционных прав и предоставят адекватные меры правовой защиты и восстановления нарушенных прав. Суд заметил, что даже если предположить, что мировое соглашение, предложенное

заявителю, содержало признание факта нарушения, – после отклонения соглашения заявителем такая декларация о признании не привела к возникновению каких-либо правовых обязательств со стороны Правительства. Кроме того, Суд не согласился с утверждением, что отказ подписать мировое соглашение представляет собой нарушение права на обращение. По сложившейся практике Суда отказ начать или продолжить переговоры с Правительством о мирном урегулировании не рассматривается как злоупотребление правом. Суд признал чрезмерным срок исполнения судебных решений по искам заявителя и на этом основании констатировал нарушение Статьи 6 (1) Конвенции. Суд также констатировал, что, как и в деле *Рябых против России (Ryabykh v. Russia)*, окончательное и имеющее обязательную силу судебное решение было отменено по инициативе должностного лица, чья власть инициировать процедуру пересмотра не была ограничена каким-либо сроком. Суд признал, что это нарушило Статью 6 (1) Конвенции.

Заявитель по делу *Благовестный против России (Blagovestnyy v. Russia)* также был участником ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В судебном порядке был проведен перерасчет его ежемесячной пенсии. По этому вопросу было вынесено два судебных решения в пользу заявителя. Оба этих решения не были исполнены. Заявитель обжаловал неисполнение решений, на что местные органы власти отвечали, что Министерство финансов не предоставило средств на эти цели. В 2002 году заявителю были выплачены определенные в судебных решениях средства. Государство-ответчик возражало против рассмотрения жалобы по существу в связи с тем, что заявитель после выплаты задолженности потерял статус жертвы, а также в связи с отказом заявителя от заключения мирового соглашения. Суд не согласился с этими аргументами, поскольку власти не признали, что длительное неисполнение судебных решений нарушает права заявителя, и не предложили заявителю адекватной компенсации. Кроме того, Суд счел, что отказ от заключения мирового соглашения не является основанием для признания жалобы неприемлемой. Хотя при определенных обстоятельствах жалоба действительно может быть вычеркнута из списка в случае одностороннего заявления государства-ответчика, даже если заявитель настаивает на продолжении рассмотрения, эта процедура является исключительной и не предназначена для того, чтобы обойти нежелание заявителя заключать мировое соглашение. Кроме того, государство-ответчик не предоставило никакого официального подтверждения того, что уважение прав человека, как оно определяется Конвенцией, в данном деле было обеспечено в степени, достаточной, чтобы не требовалось вмешательство Суда в дальнейшее рассмотрение дела. По существу жалобы Суд счел, что неисполнение судебного решения о выплате денежных средств в течение двух лет является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Статьей 6 Конвенции. Заявителю была присуждена справедливая компенсация в размере 1250 евро.

В деле *Силченко против Росссии (Silchenko v. Russia)* несвоевременное исполнение решения национальных судов могло быть рассмотрено Европейским судом как причинение материального вреда. Заявитель был участником ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В его пользу было вынесено четыре судебных решения о компенсации неправильно рассчитанных социальных платежей, а также о размере ежемесячных социальных выплат. Эти решения не исполнялись, в связи с чем заявитель направил жалобу в Европейский суд. К моменту рассмотрения дела в Европейском суде задолженность перед заявителем была ликвидирована. Государство-ответчик предлагало заявителю заключить мировое соглашение, но он отказался, сославшись на то, что не доверяет Государству-ответчику, которое многократно не ис-

полняло своих обязательств. При рассмотрении жалобы Суд установил, что задержки в исполнении решений по искам заявителя объяснялись тем, что пенсионный фонд не располагал достаточными средствами. Суд еще раз указал, что Государство-ответчик не вправе таким образом оправдывать неисполнение своих долговых обязательств. На этом основании Суд пришел к выводу о нарушении права заявителя на справедливое судебное разбирательство и права собственности. Заявитель представил в Суд не только требования о компенсации морального вреда. Он попросил материальной компенсации за то, что Государство-ответчик пользовалось его денежными средствами. Свои требования заявитель обосновывал нормами ГК РФ. Суд принял его аргументы, хотя существенно уменьшил саму сумму компенсации материального вреда. В итоге, заявителю было назначено 13000 евро компенсации материального вреда и 4000 евро компенсации морального вреда.

В делах *Авакова против России (Avakova v. Russia)* и *Бакиевец против России (Bakiyevets v. Russia), Чевкин против России (Chevkin v. Russia* – ликвидатор аварии на Чернобылиской АЭС*)* заявители жаловались на неоправданно долгое разбирательство своих дел. Суд повторил, что Статья 6 (1) Конвенции требует от государств организовать свою судебную систему таким образом, чтобы суды имели возможность рассматривать дела в разумные сроки, и констатировал нарушение Статьи 6 (1) в отношении *Аваковой, Бакиевец и Чевкина*. *Авакова* также жаловалась на нарушение права собственности и требования справедливости судебного разбирательства. Суд отклонил эти жалобы как явно необоснованные. Суд также существенно снизил сумму компенсации по сравнению с той, что требовала заявительница. *Авакова* просила компенсировать ей 41000 долларов США материального вреда и 50000 евро морального вреда и просила возместить судебные издержки в размере 47525 рублей. Суд отметил, что он не усматривает наличия причинно-следственной связи между нарушением конвенционных прав и предъявленными требованиями о компенсации материального вреда, и на этом основании отклонил требование заявительницы. Суд счел завышенными требования компенсации морального вреда и сократил их до 3000 евро. Суд не нашел в представленных ему материалах данных, подтверждающих заявленный размер судебных издержек и назначил компенсацию расходов в размере 200 евро. По делам *Бакиевец и Чевкина* Суд также признал, что заявители были лишены эффективного средства защиты от чрезмерного затягивания разбирательства по искам. Суд не назначил заявительнице компенсации, так как она не представила никаких требований по этому поводу. Суд отклонил жалобы *Чевкина* на нарушение права собственности и на дискриминацию, отметив, что представленные материалы не содержат признаков указанных нарушений. Суд отклонил требования *Чевкина* о компенсации материального вреда в связи с отсутствием причинно-следственной связи между нарушением Конвенции и заявленным вредом. Однако Суд счел нужным назначить заявителю компенсацию морального вреда в размере 4000 евро, а также удовлетворил требования заявителя о компенсации судебных издержек в размере 480 евро.

В постановлениях по жалобам *Богданов против России (Bogdanov v. Russia)* и *Игушева против России (Igusheva v. Russia)* Суд признал нарушения права на справедливое судебное разбирательство и права на защиту имущества в связи с тем, что заявителям не были своевременно выплачены назначенные судами компенсации за причиненный незаконным осуждением моральный вред. Фабула этих дел, равно как и постановления Суда по ним, аналогичны целому ряду других дел о неисполнении решений российских судов по искам против государственных органов.

Еще два постановления о длительности судебного разбирательства было вынесено по жалобам *Кирсанова против России (Kirsanova v. Russia) и Куценко против*

России (Kutsenko v. Russia). Суд установил, что из-за бездействия властей производство по делу удлинилось на полтора года по делу *Кирсановой* и на четыре года по делу *Куценко*. На этом основании Суд признал нарушение принципа разбирательства дела в разумный срок, установленного Статьей 6 (1) Конвенции, а по жалобе *Кирсановой* также нарушение Статьи 13 Конвенции в связи с тем, что у заявительницы отсутствовали эффективные средства защиты от затягивания процесса. Суд отклонил жалобы заявительниц на несправедливость судебного разбирательства ее иска, подчеркнув, что в его компетенцию не входит анализ фактических или правовых ошибок, допущенных национальными судебными органами. Суд также отклонил требования *Кирсановой* о возмещении материального вреда в размере 137000 евро в связи с отсутствием причинно-следственной связи между нарушением Конвенции и заявленным вредом. Суд назначил ей компенсацию морального вреда в размере 2000 евро. Отклонив требования *Куценко* о компенсации материального вреда, Суд назначил ей компенсацию морального вреда в размере 1500 евро.

Дело *Олшанникова против России (Olshannikova v. Russia)* также касалось вопросов длительности судебного разбирательства по гражданскому делу. При рассмотрении данного дела Суд констатировал нарушения, аналогичные тем, что были установлены в вышеописанных делах. Суд, в частности, отметил чрезмерные (на одиннадцать месяцев) задержки в допросе свидетелей, пересмотр дела по причине того, что суд не смог должным образом допросить саму заявительницу, непредставление заявительнице текста решения по делу в течение пяти месяцев и др. Суд признал нарушение требования Статьи 6 (1) Конвенции о рассмотрении дела в разумный срок.

Жалобы: *Волович против России (Volovich v. Russia), (Шеломков против России Shelomkov v. Russia), Марченко против России (Marchenko v. Russia), Глазков против России (Glazkov v. Russia), Романенко и Романенко против России (Romanenko and Romanenko v. Russia)*, *Кесян против России (Kesyan v. Russia, Владимир Никитин против России (Vladimir Nikitin v. Russia), Комарова против России (Komarova v. Russia) и Кудинова против России (Kudinova v. Russia)* также касались сроков рассмотрения гражданских дел. Во всех случаях было признано, что дела заявителей чересчур долго рассматривались национальными судами, что нарушило право на судебное разбирательство в разумный срок. Всем заявителям, кроме *Марченко*, была присуждена компенсация морального вреда в размере от 900 до 6000 евро, а в результате рассмотрения дела *Марченко* Суд пришел к выводу, что сам факт признания нарушения прав заявителя является достаточной компенсацией.

В жалобе *Попова против России (Popova v. Russia)* речь шла о неоднократном переносе сроков рассмотрения трудового спора заявительницы, а также о ненадлежащем уведомлении заявительницы о времени проведения судебного заседания. Рассмотрев данное дело, Суд пришел к выводу, что заявительница была лишена доступа к суду, что является нарушением статьи 6 Конвенции.

По жалобе *Мокрушина против России (Mokrushina v. Russia)* Суд признал нарушение права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции, поскольку заявительница и ее представитель не были должным образом извещены о судебном рассмотрении по их делу. Посылаемые заявительнице и ее представителю повестки приходили по почте позже назначенных дат судебных слушаний. Суд назначил заявительнице компенсацию в размере 1000 евро.

Дело *Федотова против России (Fedotova v. Russia)* также можно отнести к разряду «клонов», так как оно аналогично делу *Посохов против России (Posokhov v. Russia)*. Суд счел, что в данном случае было нарушено право заявительницы на то, чтобы ее дело рассматривалось судом, созданным на основании закона. Имущественный спор с

участием заявительницы рассматривался районным судом 16 октября 2000 г. Разбирательство дела осуществляли профессиональный судья и два народных заседателя. Несмотря на то, что дело слушалось после принятия закона о народных заседателях, до 15 июня 2000 г. списков народных заседателей в Ростовской области не существовало. В связи с этим, заявительница жаловалась, что заседатели, участвовавшие в ее деле, были назначены в нарушение законной процедуры. Правительство утверждало, что статус народных заседателей в судебном заседании по делу заявительницы регулировался законом СССР о судебной системе 1981 г., а заявительница утверждала, что должен был действовать новый закон о народных заседателях. Тем не менее, утверждая, что народные заседатели были назначены на основании закона 1981 г., Правительство не смогло представить каких-либо документов, подтверждающих, что данные народные заседатели были соответствующим образом избраны и имеют правовые основания для участия в отправлении правосудия. Кроме того, заявительница представила доказательства того, что эти народные заседатели участвовали в рассмотрении дел также 17 августа и 28 сентября 2000 г., что является нарушением нового закона о народных заседателях, который предусматривает формирование для каждого судьи районного суда списка из 156 народных заседателей, из которого заседатели отбираются для каждого заседания путем жеребьевки – закон запрещает вызывать заседателей более одного раза в год. Таким образом, участие данных народных заседателей в судебном разбирательстве не было основано ни на законе 1981 г., ни на законе 2000 г., что было признано как нарушение Статьи 6 (1) Конвенции. Суд присудил заявительнице компенсацию морального вреда в размере 1000 евро.

В деле *Шабанов и Трен против России (Shabanov and Tren v. Russia)* Европейский Суд рассмотрел допустимые пределы ограничения свободы слова. В качестве основания жалобы на нарушение Статьей 6 Конвенции они указывали, что в состав суда, рассматривавший их дело в июне 2001 года, входил народный заседатель, привлеченный к судопроизводству в нарушение требований закона. Государство-ответчик утверждало, что данный народный заседатель участвовал в судебных заседаниях менее 14 дней, поэтому мог принимать участие в рассмотрении дела заявителей. Европейский Суд отметил, что государство-ответчик не предоставило сведений о порядке отбора народных заседателей и документов, подтверждающих основания для участия данного заседателя в рассмотрении дела заявителей. Сославшись на постановление по делу Посохов против России, в котором рассматривался аналогичный вопрос, Суд признал нарушение Статьи 6 Конвенции.

В жалобах *Климентьев против России (Klimentyev v. Russia), Зайцев против России (Zaytsev v. Russia)*, *Андандонский против России (Andandonskiy v. Russia)* Европейский Суд рассмотрел вопросы соблюдения прав обвиняемых в уголовном процессе. Внимательно ознакомившись с материалами дела, Суд не установил в отношении заявителей нарушения Статьи 6 Конвенции.

Дело *Маркин против России (Markin v. Russia)* типично для российской действительности, но не обычно для Европейского Суда. Заявитель в 1994 г. купил подержанный автомобиль у третьего лица и был уверен, что машина «растаможена». Однако органы таможни в 1997 г. установили, что уплата таможенных платежей была осуществлена по подложным документам, в связи с чем машина была конфискована. После трехлетнего процесса заявитель обратился с требованием о возврате машины, но органы таможни не возвратили ее. Заявитель делал многочисленные попытки обжаловать действия органов таможни и возвратить автомобиль, но безрезультатно. Однако заявитель не обратился в соответствии со ст. 1069 ГК РФ с иском о возмещении ущерба, причиненного конфискацией машины. На этом основании Правительство ут-

верждало, что заявитель не исчерпал внутренние средства защиты. Суд согласился с Правительством и не стал рассматривать жалобу по существу. Таким образом, объявил ее неприемлемой.

Постановления по делам о признании нарушения прав заявителей в связи с задержкой исполнения судебных решений о выплате задолженностей по различным социальным платежам – *Терешкова против России (Terekhova v. Russia), Григорьева против России (Grigoryeva v. Russia), Ширяева против России (Shiryayeva v. Russia), Васильева против России (Vasilyeva v. Russia), Шамина против России (Shamina v. Russia), Матрена Полупанова против России (Matrena Polupanova v. Russia), Коваленко против России (Kovalenko v. Russia)* – были приняты по жалобам, поданным жителями Нововоронежа. Следует отметить, что все заявители были людьми очень пожилого возраста – 1908-1918 годов рождения. Все заявители обращались в судебном порядке о выплате задолженностей по пенсиям. В соответствии с судебными решениями размеры подлежащих выплате задолженностей составляли 7-11 тысяч рублей в отношении каждого из заявителей. После задержки в несколько лет 2 марта 2005 г. всем заявителям были выплачены причитающиеся суммы. По существу всех семи нововоронежских дел Суд установил, что неисполнение решений национальных судов в течение двух лет является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Конвенции.

Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни)

В деле *Ледяева и другие против России (Ledyayeva and Others v. Russia)* Европейский Суд усмотрел нарушение права на уважение частной жизни в отсутствии защиты от загрязнения окружающей среды. Заявители – жители города Череповец, проживающие около металлургического завода. Они жаловались на нарушение их прав в связи с отсутствием защиты от производимого заводом загрязнения окружающей среды. Данное дело аналогично ранее рассмотренному Европейским Судом делу *Фадеева против России (Fadeyeva v. Russia)*. В этом деле Суд признал, что частная жизнь может серьезно пострадать из-за загрязнения окружающей среды, ситуация в Череповце почти катастрофическая, а законодательство не содержит прямого запрета на постоянное проживание в санитарной зоне. Несмотря на то, что не было установлено, что здоровье Фадеевой было подорвано такой окружающей средой, Суд пришел к выводу, что качество ее частной жизни и ее дома, безусловно, ухудшилось. В данном деле Суд пришел к аналогичным выводам, сочтя, что государство-ответчик не предприняло никаких шагов, чтобы реально защитить заявителей от загрязнения окружающей среды: не отселило их в безопасную зону, не предоставило компенсацию для возможности переселиться самостоятельно. Кроме того, власти в разумное время не реализовали эффективных программ по снижению выбросов. Суд счел, что Статья 8 Конвенции была нарушена. Суд присудил первому заявителю компенсацию в размере 7000 Евро, второму и третьему – по 8000 евро, а четвертому – 1500 евро.

Статья 10 (свобода выражения мнения)

В деле *Захаров против России (Zakharov v. Russia)* Европейский Суд установил, что критическое мнение, высказанное в частном письме, не является основанием для ограничения свободы слова. Суд признал, что у российских властей не было достаточных оснований для вмешательства в право заявителя на передачу информации, что следует считать нарушением Статьи 10 Конвенции. Суд назначил заявителю компенсацию в размере 1000 Евро.

В деле *Шабанов и Трен против России (Shabanov and Tren v. Russia)* Европейский Суд рассмотрел допустимые пределы ограничения свободы слова. Шабанов и Трен яв-

лялись учредителями газеты «Право знать», которая издавалась в городе Черняховск Калининградской области. Заявители жаловались на нарушение свободы слова, гарантированного Статьей 10 Конвенции. Они утверждали, что изложенные в статьях факты соответствовали действительности и не имели своей целью опорочить истцов. Суд, рассматривая решение по иску начальницы правового департамента городской администрации, счел, что вмешательство в свободу слова заявителей в этом случае было законным, разумным и обоснованным. Суд отметил, что ложное впечатление создается не только при сообщении сведений, не соответствующих действительности, но и когда не сообщаются правдивые факты, которые заявители должны были бы сообщить. Отсутствие упоминания о том, что истица до поступления на должность начальника правового департамента, могло в значительной степени изменить впечатление от статьи, поскольку читатели могли предположить, что истица не имеет достаточной квалификации. Кроме того, компенсация, которую потребовали с заявителей, не была чрезмерной. На этом основании Европейский Суд счел, что решение Черняховского суда было законным и преследовало правомерную цель. Суд установил, что в данном случае нарушения Статьи 10 Конвенции не было. Суд также пришел к выводу, что решение по второму иску в отношении заявителей также не нарушило свободу слова. Суд отметил, что послужившая основанием для подачи иска статья об условиях жизни солдат действительно поднимала общественно значимую тему, в то время как вторая была направлена лично против командира воинского подразделения. Истец сам разгласил данные о своем здоровье, представив справку в суд. Очевидно, что он мог предполагать, что эта информация станет известной некоторому количеству людей, однако это число не может сравниться с числом читателей газеты. Поэтому привлечение к ответственности заявителей за публикацию данных о здоровье истца преследовало правомерные цели и было законным и пропорциональным. На этом основании Суд установил отсутствие нарушения Статьи 10 Конвенции. Суд назначил каждому заявителю компенсацию морального вреда в размере 500 евро.

Жалоба *Карман против России (Karman v. Russia),* рассмотренная Судом в конце 2006 года, касалась свободы слова. Карман – выпускающий редактор волгоградской газеты «Городские вести». В сентябре 1994 года Карман напечатал статью под названием «В слепом угаре» о встрече РНЕ, организованной господином Терентьевым. Господин Терентьев обратился с иском в суд, так как заявитель в статье назвал его «неофашистом». Суд отметил, что оценки, высказанные в статье заявителя, не были полностью голословными. Заявитель опирался на содержание выпускаемой Терентьевым газеты и на заключения ряда независимых экспертов, которые нашли в газете антисемитские высказывания. Однако национальные судебные органы в своих выводах опирались исключительно на решение о прекращении уголовного преследования Терентьева, хотя очевидно, что стандарт доказывания виновности в совершении преступления существенно выше, чем критерии обоснованности высказываемых журналистом оценочных суждений. Следовательно, в данном деле не имелось достаточных оснований для вмешательства в свободу слова. Заявителю была назначена компенсация морального вреда в размере 1000 евро.

Статья 11 (свобода собраний и объединений в свете)

Статьи 9 (свобода мысли, совести и религии)

В деле *Московское отделение Армии Спасения против России (gMoscow Branch of the Salvation Army v. Russia)* Европейский Суд признал нарушение права на свободу объединения. В данном деле заявителем было Московское отделение Армии Спасения – протестантской религиозной организации. Она действовала в России с 1913 года по

1923 годы, после чего была запрещена как антисоветская. В 1992 году группа российских граждан на общем собрании приняла решение о создании Московского отделения Армии Спасения. 6 мая 1992 года Управление Юстиции Московского городского совета народных депутатов зарегистрировало Московское отделение Армии Спасения в качестве юридического лица. Московское отделение Армии Спасения в жалобе, направленной в Европейский Суд, заявляло, что отказ в перерегистрации отделения как юридического лица нарушает свободу вероисповедания и свободу ассоциации. Кроме того, выводы российских судов о том, что Армия Спасения является военизированной организацией, а ее члены могут нарушить закон, не были основаны на фактах. В целом Суд пришел к выводу, что действия Управления Юстиции города Москва и московских судов не были основаны на законе, указанные власти пренебрегли своими обязанностями действовать добросовестно и беспристрастно в отношении Московского отделения Армии Спасения. Исходя из этого, Суд установил нарушение Статьи 11 Конвенции (свобода ассоциаций) в свете Статьи 9 Конвенции (свобода совести). Суд присудил заявителю компенсацию в размере 10000 евро.

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

В деле *Артемов против России (Artyomov v. Russia)* Европейский Суд признал отказ в регистрации националистической партии правомерным. Заявитель утверждал, что отказ в регистрации РОНС в качестве партии нарушает предусмотренное статьей 11 Конвенции право на свободу объединений и является дискриминацией, запрещенной Протоколом № 12 к Конвенции. Суд отметил, что жалоба на нарушение Протокола № 12 к Конвенции не может быть рассмотрена, поскольку Россия не ратифицировала этот документ. Разбирая вопрос о наличии или отсутствии нарушения статьи 11 Конвенции, Европейский Суд отметил, что решение национального суда касалось исключительно регистрации РОНС в качестве политической партии. Общественное движение, носящее то же имя, продолжило свою деятельность. Отказ от преобразования его в политическую партию не лишал заявителя права защищать ценности, продекларированные РОНС, совместно с другими участниками данного движения. Несмотря на это, Суд счел необходимым рассмотреть вопрос, являлся ли отказ преобразовать РОНС в политическую партию неправомерным вмешательством в свободу объединений. Суд отметил, что в данном случае вмешательство было основано на законе, а именно на статье 9 Закона «О политических партиях». Проанализировав решение Конституционного Суда по данному делу, Европейский Суд пришел к выводу, что такое вмешательство преследовало законные цели: предотвращение раскола многонационального и поликонфессионального российского общества. Суд отметил, что согласно российским законам, партия отличается от других общественных объединений тем, что имеет право выдвигать кандидатов на выборах разного уровня. То есть ограничению было подвергнуто право Артемова и его соратников на участие в предвыборной борьбе. Такого рода ограничение следует считать допустимым, поскольку российские законы не запрещают создавать иные, чем партии, объединения по этническому принципу.

Статья 13 (право на эффективное средство правовой защиты)

В решении по жалобе *Михеев против России (Mikheyev v. Russia)* Суд установил, что государственные органы должны были провести эффективное расследование обстоятельств жалобы заявителя на падение из окна. Эффективного расследования по уголовному делу относительно жестокого обращения с заявителем проведено не было. Таким образом, была нарушена Статья 13 Конвенции. Суд поэтому устанавливает, что

заявителю было отказано в соответствующем эффективном расследовании по жалобе на жестокое обращение в отделении милиции и в доступе к средствам правовой защиты, включая право на компенсацию.

В деле *Менешева против России (Menesheva v. Russia)* Суд признал нарушение Статьи 13 Конвенции, поскольку уголовное расследование не было эффективным, а возможность получить возмещение морального вреда в гражданском процессе в такой ситуации оказывается иллюзорной.

Рассматривая сам ход расследования по жалобе *Эстамиров и другие против России (Estamirov and Others v. Russia)*, Суд отметил, что после возбуждения уголовного дела следственные действия проводились с необъяснимыми задержками. Кроме того, большинство процессуальных документов было подготовлено в 2003 году – после того, как жалоба в Европейский Суд была передана государству-ответчику Суд счел, что государство-ответчик не исполнило процессуальных обязательств по эффективному расследованию фактов насильственной смерти, а заявители были лишены эффективных средств правовой защиты, что противоречит Статье 2 Конвенции в совокупности со Статьей 13 Конвенции.

По жалобе *Базоркина против России (Bazorkina v. Russia)* Суд признал, что средства защиты применительно к нарушению права Яндиева на жизнь и жестокого обращения с заявительницей были неэффективными, что нарушает гарантии Статьи 13 Конвенции.

В постановлении *Кирсанова против России (Kirsanova v. Russia)* Суд установил нарушение Статьи 13 Конвенции в связи с тем, что у заявительницы отсутствовали эффективные средства защиты от затягивания процесса.

По делу *Олшанникова против России (Olshannikova v. Russia)* нарушение Статьи 13 о праве на эффективное средство правовой защиты Суд установил в связи с тем, что обращения заявительницы в различные инстанции с жалобами на длительность производства по ее иску не привели к изменению ситуации.

Статья 34 (индивидуальные жалобы
(право заявителя на беспрепятственное обращение в Европейский Суд))

В деле *Федотова против России (Fedotova v. Russia)* заявительница утверждала, что Правительство препятствовало ей представлять свою позицию в ЕСПЧ, чем нарушило гарантии Статьи 34 Конвенции. Это выразилось в том, что правоохранительные органы потребовали от представителя заявительницы в Суде и от переводчика, который осуществлял перевод переписки заявительницы с Судом, доказательства того, что они уплатили налоги с полученных гонораров. Правительство утверждало, что заявительница должна подать новую жалобу о нарушении Статьи 34 Конвенции с соблюдением правил приемлемости, а расследование правоохранительных органов было правомерным и осуществлялось в целях обеспечения уплаты налогов и экономической безопасности страны и что обращение в ЕСПЧ не создает иммунитета для заявителя и его представителей. Суд, рассматривая вопрос о нарушении Статьи 34, отметил, что жалоба по Статье 34 не требует отдельной процедуры рассмотрения приемлемости. Кроме того, Суд подчеркнул, что эффективность Конвенционной системы зависит от того, насколько свободно заявитель может обращаться в ЕСПЧ, не испытывая со стороны органов государственной власти какого-либо давления, которое могло бы принудить заявителя отказаться от обращения в ЕСПЧ. Ранее Суд уже приходил к выводу о том, что уголовная или дисциплинарная процедура против представителя заявителя является вмешательством в право заявителя на обращение. К тому же в этом

деле местные правоохранительные органы могли получить информацию о гонорарах переводчику и адвокату, упоминавшихся в переписке заявительницы с Судом, только от Правительства, поэтому Суд счел, что производство против представителя и переводчика заявительницы было возбуждено именно по инициативе Правительства, и потому констатировал нарушение Статьи 34 Конвенции. Это первое дело из России, в котором Суд рассмотрел вопрос о давлении на заявителей через проведение расследований против их представителей. Суд высказался в данном случае однозначно, но это не освобождает юристов и переводчиков от обязанности соблюдать налоговое законодательство.

Постановление *Попов против России (Popov v. Russia)* касается различных вопросов работы системы уголовного правосудия. Европейский суд, получивший жалобу заявителя, счел необходимым применить в данном деле так называемые предварительные меры. Суд потребовал от государства-ответчика освободить заявителя от работы и физических упражнений, а также провести независимое медицинское обследование заявителя в специализированном учреждении. Государство-ответчик сообщило Суду, что заявитель был обследован в онкологической больнице в Ижевске. В результате обследования было установлено, что онкологические заболевания у заявителя не развиваются и в специализированной помощи он не нуждается. Заявитель пожаловался на то, что представители властей оказывают на него давление в связи с обращением в Европейский Суд. Суд признал нарушение права заявителя на свободное обращение в Суд, гарантированное статьей 34 Конвенции, и констатировал отсутствие необходимости рассматривать жалобу на вмешательство в переписку заявителя с его представителем. Рассматривая данное дело, Суд признал неприемлемыми все жалобы заявителя на нарушение Статьи 5 Конвенции, которая гарантирует свободу и личную неприкосновенность, поскольку заявитель пропустил шестимесячный срок для подачи этих жалоб. Суд назначил заявителю компенсацию морального вреда в размере 25000 Евро.

В деле *Тарариева против России (Tararieva v. Russia)* заявительница сообщила Суду, что ее подруга, которая видела ее сына в больнице, несколько раз допрашивалась об условиях содержания Тарариева в больнице. По мнению заявительницы, это являлось нарушением Статьи 34 Конвенции, защищающей право на беспрепятственное обращение в Европейский Суд. Однако Суд отклонил данную жалобу, указав, что допросы были направлены на выяснения обстоятельств дела и не содержали в себе угроз и требований отозвать жалобу.

Статья 1 Протокола 1 к Конвенции (право собственности)

Нарушение Статьи 1 Протокола 1 к Конвенции по жалобам из России в большинстве своем устанавливается одновременно с нарушением Статьи 6 Конвенции. Это связано с проблемой неисполнения решений российских судов по искам о выплате различных компенсаций, поэтому многие из представленных ниже постановлений рассматривались в свете нарушения Статьи 6 Конвенции.

В деле *Борщевский против России (Borshchevskiy v. Russia)* Суд счел, что существует причинно-следственная связь между отменой решения в надзорном порядке и материальным ущербом, причиненным заявителю. Суд также указал, что определенная судебным решением сумма компенсации является «имуществом» с точки зрения защищающей право собственности Статьи 1 Протокола 1 к Конвенции. Таким образом, отмена вступившего в силу законного решения суда привела к тому, что заявитель не смог своевременно получить присужденную ему сумму, что является нарушением права собственности.

В постановлениях по жалобам – *Шилов и Баякова против России (Shilov and Baykova v. Russia), Беляцкая против России (Belyatskaya v. Russia), Пыриков против России (Pyrikov v. Russia), Левин против России (Levin v. Russia), Николаев против России (Nikolayev v. Russia), Чеботарев против России (Chebotarev v. Russia), Благовестный против России (Blagovestnyy v. Russia), Силченко против России (Silchenko v. Russia), Канаев против России (Kanayev v. Russia), Богданов против России (Bogdanov v. Russia)* и *Игушева против России (Igusheva v. Russia)* Суд признал нарушение Статьи 6 (1) и Статьи 1 Протокола 1 в связи с задержкой исполнения судебного решения в части выплаты компенсации. Суд рассмотрел данные жалобы в рамках Статьи 1 Протокола 1 к Конвенции, которая защищает право собственности, включая право требования, вытекающее из решения судебного органа по исковому заявлению. Суд отметил, что выплата судебного долга заявителям была произведена с существенными задержками. При этом государство-ответчик не представило убедительного объяснения причин задержки, а ссылка национальных инстанций на недостаток денежных средств не может рассматриваться как оправдание. В связи с этим Суд счел, что неисполнение решения в полном объеме является нарушением Статьи 1 Протокола 1.

Вызывает интерес и постановление по делу *Шатунов против России (Shatunov v. Russia)*, так как в нем рассматриваются вопросы неисполнения судебного решения, не связанные с проблемой отсутствия бюджетных средств. Европейский Суд отметил, что неспособность национального суда выпустить исполнительные листы, соответствующие требованиям закона, а также неспособность исправить их после того, как дефекты были обнаружены, – упущение государства. На этом основании Суд признал нарушение Статьи 6 (1) Конвенции и Статьи 1 Протокола 1.

Постановление по жалобе *Жигалев против России (Zhigalev v. Russia)* является одним из немногих, которые посвящены вопросам собственности земли. В данном деле Суд не признал, что были нарушены права заявителя. Государство-ответчик заявило несколько предварительных возражений относительно приемлемости данной жалобы. В частности, о том, что Жигалев не использовал все средства правовой защиты, например, не подал иск об определении его прав на землю. Кроме того, государство-ответчик утверждало, что Жигалев злоупотребил своим правом на обращение, поскольку дал интервью, в котором, в частности, сказал: «Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-то выиграл у государства? Кажется, что представитель России в Суде думает также». Но Суд счел, что нет необходимости рассматривать все эти вопросы в силу тех выводов, которые сделал Суд по данному делу. Суд пришел к выводу, что у Жигалева не было «существующей собственности» или «правомерных ожиданий», которые защищаются Статьей 1 Протокола 1. У него была только «надежда», что он имеет такую собственность, основанная на весьма сомнительных документах. В связи с этим, решения национальных судов нельзя признать вмешательством в право собственности Жигалева в соответствии со Статьей 1 Протокола 1. Суд признал, что нарушение Статьи 1 Протокола 1 отсутствует.

Статья 2 Протокола 4 к Конвенции (право на свободу передвижения)

В деле *Болат против России (Bolat v. Russia)* Европейский Суд признал нарушение права на свободу передвижения иностранцев в России, а также отсутствие процессуальных гарантий при депортации. Данное постановления было вынесено по жалобе гражданина Турции, который с 1998 года по 2003 годы проживал в Кабардино-Балкарии (КБР) на основании вида на жительство. Рассматривая дело по существу, Суд признал вмешательством в права заявителя требование уведомлять о смене места житель-

ства в течение 3 дней под угрозой привлечения к административной ответственности. Суд признал, что в случае с заявителем такое вмешательство не было «основано на законе». Этот Вывод Суд основывал на результатах проверки, проведенной Генеральной Прокуратурой РФ, и постановлении Верховного Суда КБР, принятом в надзорном порядке. Согласно этим документам, действия сотрудников милиции в отношении Болата были признаны превышением должностных полномочий. Также было установлено, что суды, рассматривавшие вопрос о привлечении Болата к ответственности, в нарушение презумпции невиновности возложили на заявителя бремя доказывания своей правоты. В этой связи Европейский Суд установил, что в отношении Болата была нарушена Статьи 2 Протокола 4, гарантирующая свободу передвижения. Суд также рассмотрел вопрос о запрете въезда Болата на территорию России и о его депортации в рамках Статьи 1 Протокола 7 к Конвенции, которая требует, чтобы решения о высылке принимались судебными органами в рамках справедливой процедуры. Суд отметил, что «постоянно проживающий» и «высылка» имеют автономное значение в рамках Конвенции, и поэтому действия по отношению в Болату Российских властей были «высылкой», даже если Государство-ответчик полагает иначе. Основным требованием Статьи 1 Протокола 7 является то, что решение о высылке должно приниматься судом, а в отношении Болата судебного решения не было принято. Суд назначил заявителю 8000 евро компенсации морального вреда.

В жалобе *Бартик против России (Bartik v. Russia)* Европейский Суд установил, что не является оправданным ограничение свободы передвижения лиц, имевших доступ к секретным сведениям. Суд счел, что отказ в выдаче заграничного паспорта следует рассматривать как вмешательство в свободу передвижения. Суд признал, что ограничение прав заявителя осуществлялось в соответствии с законом. Основанием для такого ограничения было обеспечение национальной безопасности. Суд отметил, что цель обеспечить национальную безопасность является правомерным основанием для ограничения прав и свобод. Однако, даже если цель ограничения правомерна, ограничение должно быть «необходимым в демократическом обществе». Это означает, что предпринятые государством ограничительные меры должны быть не более жесткими, чем это необходимо для достижения правомерной цели. Иными словами, ограничения должны быть пропорциональными. Что касается самого заявителя, ограничение его свободы передвижения было тем существеннее, что он не имел права выехать за границу с 1977 года, т.е. в течение 24-х лет. Суд счел, что ограничения не были и не соответствовали принципам Статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции. Суд назначил заявителю компенсацию морального вреда в размере 3000 евро.

Обзор подготовлен Р.ШАКИРОВОЙ.

6. КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН

1. Вступительная статья члена Комиссии международного права ООН Р.А. Колодкина.
2. О выборах новых членов Комиссии международного права.
3. О работе Комиссии международного права в 2006 году.
4. Долгосрочная Программа работы КМП ООН.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ЧЛЕНА КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН Р.А. КОЛОДКИНА

Уважаемые читатели «Казанского журнала международного права», уважаемая редакция!

Приветствую появление нового российского издания, посвященного вопросам международного права. Рост интереса к международно-правовой проблематике в нашей стране объективен. Будучи составной частью российской правовой системы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации стали неотъемлемым элементом правотворческой и правоприменительной практики в нашей стране, оказывают все более заметное влияние на повседневную жизнь ее граждан и деятельность органов государственной власти и юридических лиц. Отрадно, что современная отечественная международно-правовая наука представлена различными точками зрения, школами мысли, которые отражаются на страницах множащихся публикаций и изданий.

Весьма важно в этой связи, что в намерения редакции «Казанского журнала международного права» входит регулярное освещение деятельности тех международных органов, которые оказывают наиболее заметное влияние на развитие международного права и представлений о нем. К числу таких органов, безусловно, относится и Комиссия международного права, которая на протяжении уже почти 60 лет вносит общепризнанный весомый вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права.

В 2006 году Комиссия завершила свой очередной пятилетний цикл[1]. Его основные итоги, представленные Генеральной Ассамблеей ООН в докладе о работе 58-й сессии Комиссии, сводятся к следующему.

Комиссия окончила рассмотрение проектов статей о дипломатической защите. Генеральной Ассамблее ООН предстоит определиться относительно их дальнейшей судьбы. Комиссия, со своей стороны, рекомендовала провести дипломатическую конференцию для принятия соответствующей конвенции.

Завершена работа над второй частью темы «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом». Первая часть – принятые в 2001 году проекты статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности – теперь дополнена проектами принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности. Комиссия рекомендовала Генеральной Ассамблее ООН принять резолюцию по данному вопросу.

Итогом многолетней работы Комиссии над весьма противоречивой темой «Односторонние акты государств» стали принятые на 58-й сессии руководящие принципы,

[1] Пять лет – это срок, на который избирают членов Комиссии (возможно, впрочем, переизбрание).

применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств.

Принятием 42-х кратких выводов, посвященных соотношению между различными категориями международно-правовых норм, различными видами международно-правовых обязательств и оптимальным способам их толкования и применения в ситуациях, когда такие нормы и обязательства вступают в конфликт, завершилось проведенного группой членов Комиссии исследование темы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Такого рода исследование, которое может стать заметным вкладом в доктрину международного права и полезным подспорьем для тех, кто создает и применяет международно-правовые нормы, – новация в деятельности Комиссии.

Генеральной Ассамблеей ООН представлены принятые в первом чтении проекты статей о праве трансграничных водоносных горизонтов. В течение двух лет государства будут иметь возможность изучить их и направить свои замечания и предложения Комиссии, которая намерена затем завершить работу над проектами статей, приняв их во втором чтении.

Продолжена работа над темами «Ответственность международных организаций» (приняты в предварительном порядке 14 проектов новых статей, включая посвященные такой важной проблеме, как ответственность государства в связи с деянием международной организации); «Оговорки к международным договорам» (приняты в предварительном порядке проекты 7 новых руководящих положений, среди которых положения, касающиеся действительности оговорок); «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров» (рассмотрен второй доклад специального докладчика по данной теме).

Кроме того, начато рассмотрение новой темы – «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование[2] (aut dedere aut judicare)».

Наконец, Комиссия одобрила включение в долгосрочную программу своей работы следующих тем: «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»; «Юрисдикционный иммунитет международных организаций»; «Защита людей в случае бедствий»; «Защита личных данных при трансграничном перемещении информации»; «Экстерриториальная юрисдикция». Дискуссия в VI Комитете Генеральной Ассамблеи ООН показала, что многие государства считают актуальным включение в текущую программу работы Комиссии первых трех из указанных тем как представляющих наибольший практический интерес и созревших для того, чтобы быть предметом рассмотрения органа, который занимается прогрессивным развитием и кодификацией международного права.

Доклад Комиссии международного права о работе ее 58-й сессии опубликован[3] и размещен на сайте www.un.org/law/ilc. В 2005 году опубликовано шестое издание публикации «Работа Комиссии международного права». Оно содержит справочные материалы о Комиссии, тексты документов, регулирующих ее работу, а также проектов статей, подготовленных Комиссией, и конвенций, основанных на этих проектах[4].

[2] Корректность употребления словосочетания «осуществлять судебное преследование» для перевода слова «judicare» не очевидна – прим. автора.

[3] Генеральная Ассамблея, Официальные Отчеты, Шестьдесят первая сессия, дополнения № 10 (A/61/10), Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2006 год.

[4] Работа Комиссии международного права. Шестое издание: В 2-х томах, Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2005 год.

Желаю «Казанскому журналу международного права» долгой и плодотворной жизни, превращения в авторитетное издание в области международного права и отражения на его страницах содержательной дискуссии по различным международно-правовым вопросам, включая те, которые рассматриваются Комиссией международного права.

Р.КОЛОДКИН,
член Комиссии международного права.

О ВЫБОРАХ НОВЫХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН

В ноябре 2006 года в Генеральной Ассамблее ООН прошли выборы новых членов Комиссии международного права. Результаты этих выборов весьма примечательны.

К выборам были допущены 44 кандидата. Согласно решению ГА ООН 1981 года в Комиссию избираются 8 представителей Африки, 7 – Азии, 4 – Восточной Европы, 7 – Латинской Америки и Карибского бассейна, 8 – Западной Европы и «других стран».

Главный результат, который редакция «Казанского журнала международного права» хотела бы отметить особо, – это триумфальное избрание членом Комиссии российского представителя Романа Анатольевича Колодкина. Из 187 голосов Роман Анатольевич получил 185! Это самый высокий показатель среди всех кандидатов всех стран и всех правовых систем! Никто из других кандидатов не только не набрал аналогичного количества голосов, но даже близко к нему не приблизился. В среднем победители в своих региональных группах получили 140-150 голосов. Что касается других Постоянных Членов Совета Безопасности ООН, то их представители получили: Британия (в лице такого корифея, как Ян Браунли!) – 156 голосов, Франция – 127 голосов, Китай – 140 голосов. Весьма показательным фактом является провал представителя США – он просто не был избран, получив всего 114 голосов[1]!

Признание вклада Р.А. Колодкина в деятельность предыдущих сессий неоднократно отмечалось как Комиссией в целом, так и отдельными ее членами, в частности, рядом Спецдокладчиков. В 2006 году Р.А. Колодкин работал в качестве председателя важнейшего комитета Комиссии – Редакционного Комитета, а также членом Группы по планированию. По всем темам, рассматривавшимся КМП ООН (дипломатическая защита, трансграничный ущерб, оговорки к международным договорам, ответственность международных организаций, общие природные ресурсы), Роман Анатольевич Колодкин работал также в качестве председателя соответствующих тематических редакционных комитетов.

От всей души поздравляем Романа Анатольевича Колодкина с огромным успехом и очередным избранием членом Комиссии международного права и желаем ему больших успехов в области кодификации и прогрессивного развития международного права!

Члены Комиссии международного права ООН с 1 января 2007 года: Али Мохсен Фетаис Аль-Марри (Катар), Ян Браунли (Британия), *Люциус Кафлиш (Швейцария)*, Энрике Кандиоти (Аргентина), Педру Комиссарью Афонсу (Мозамбик), Кристофер Джон Роберт Дугард (Южная Африка), Паула Вентура ди Карвалью Эскарамейа (Португалия), Салифу Фомба (Мали), Джорджио Гайя (Италия), Здислав Галицкий (Поль-

[1] Кроме провала представителя США, из других неожиданностей отметим также неизбрание бывшего и действующего председателей Комиссии международного права Гийома Памбу Чивунда (Габон) и Джамшида Момтаза (Иран).

ша), Хусейн А. Хассуна (Египет), *Махмуд Д. Хмуд (Иордания)*, *Мэри Якобсон (Швеция)*, Морис Камто (Камерун), Фахти Кемиша (Тунис), Роман Анатольевич Колодкин (Российская Федерация), *Дональд Макрэй (Канада),* Теодор Вьорел Мелескану (Румыния), Бернд Нихаус (Коста-Рика), *Георг Нольте (Германия)*, *Байю Оджу (Нигерия)*, Ален Пелле (Франция), *Амрит Рохан Перера (Шри-Ланка)*, *Эрнест Петрич (Словения), Жильберту Вернье Сабойя (Бразилия)*, *Нариндер Сингх (Индия)*, Эдуардо Валенсия Оспина (Колумбия), *Эдмундо Варгас Карреньо (Чили)*, *Стивен Васьянни (Ямайка), Марсело Васкес Бермудес (Эквадор), Амос С.Вако (Кения)*, *Нугрохо Виснумурти (Индонезия)*, Ханьцинь Сюэ (Китай) и Тусэи Ямада (Япония)[2].

О РАБОТЕ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН В 2006 ГОДУ

КРАТКОЕ изложение

NN	ТЕМА	Приняты:	Рекомендовано:
1.	Дипломатическая защита	Проект статей и комментарии	Принятие Конвенции
2.	Трансграничный ущерб (часть 2 – Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности)	Проект принципов и комментарии	1) Одобрить проект принципов в качестве резолюции ГА ООН 2) Настоятельно призвать государства принять меры по имплеметации принципов на национальном и международном уровнях
3.	Общие природные ресурсы	Принят в первом чтении проект по водоносным горизонтам и комментарии	Направить через Генерального секретаря ООН государствам для комментариев
4.	Ответственность международных организаций	Приняты проекты 14 статей и комментарии	-
5.	Оговорки к международным договорам	Приняты 5 проектов руководящих положений	-
6.	Односторонние акты государств	Приняты руководящие принципы и комментарии	Представить вниманию ГА ООН
7.	Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров	Обсуждены 1 и 2 доклады Спецдокладчика	-
8.	*Aut dedere aut judicare*	Обсужден предварительный доклад	-
9.	Фрагментация международного права	Рассмотрен и принят к сведению доклад Исследовательской группы	Представить ГА ООН

[2] Курсивом выделены имена новых членов Комиссии.

ПОДРОБНОЕ изложение

Повестка дня работы Комиссии международного права в 2006 году включала следующие вопросы:

1. Дипломатическая защита.
2. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности).
3. Ответственность международных организаций.
4. Общие природные ресурсы.
5. Односторонние акты государств.
6. Оговорки к международным договорам.
7. Высылка иностранцев.
8. Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров.
9. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*).
10. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права.

Рассмотрение данных тем проходило следующим образом и со следующими результатами.

1. Дипломатическая защита

В 2006 году Комиссия поручила Редакционному комитету (Председатель – Роман Анатольевич Колодкин) приступить ко второму чтению проектов статей с учетом комментариев правительств, предложений Специального докладчика и итогов обсуждения седьмого доклада Специального докладчика на пленарных заседаниях. Далее Комиссия постановила передать Редакционному комитету предложение Специального докладчика по дополнительному проекту статьи.

После рассмотрения доклада Редакционного комитета Комиссия приняла проекты статей о дипломатической защите во втором чтении и постановила рекомендовать Генеральной Ассамблее разработать конвенцию на основе проектов статей о дипломатической защите.

2. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом

В 2006 году Комиссия постановила передать проекты принципов, принятые в 2004 году в первом чтении, в Редакционный комитет (Председатель – Роман Анатольевич Колодкин) для проведения второго чтения с учетом мнений, выраженных в Комиссии, а также комментариев и замечаний, полученных от правительств. После получения и рассмотрения оклада Редакционного комитета Комиссия приняла во втором чтении текст преамбулы и восемь проектов принципов о распределении убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности. Затем Комиссия приняла комментарии к вышеупомянутым проектам принципов. Комиссия напомнила, что на своей сорок девятой сессии (1977 год) она постановила рассмотреть эту тему, разделив ее на две части; на своей пятьдесят третьей сессии (2001 год) она завершила первую часть и рекомендовала Генеральной Ассамблее разработать конвенцию на основе проектов статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности. Рекомендация Комиссии основывалась на ее

мнении, согласно которому, с учетом существующей практики государств, первая часть данной темы сама по себе годится для кодификации и прогрессивного развития через посредство конвенции. Принятие Комиссией проекта принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности, завершает вторую часть, означая, таким образом, окончание работы по теме «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом». В соответствии со статьей 23 своего Положения Комиссия для этой (второй) части рекомендует Генеральной Ассамблее одобрить проект принципов путем принятия резолюции и настоятельно призвать государства принять меры на национальном и международном уровнях по их практическому осуществлению.

3. Общие природные ресурсы

В 2002 году Комиссия постановила включить в свою программу работы тему «Общие природные ресурсы» и назначила Специальным докладчиком Тусея Ямаду. Для оказания Специальному докладчику помощи в определении общей направленности работы по теме с учетом подготовленного в 2000 году общего наброска481 была также создана Рабочая группа. Специальный докладчик сообщил о своем намерении заниматься в контексте темы: 1) замкнутыми трансграничными грунтовыми водами, 2) нефтью и 3) газом и предложил применить постепенный подход, начав с грунтовых вод.

В 2006 году Рабочая группа провела 5 заседаний и завершила рассмотрение и пересмотр проектов статей, представленных Специальным докладчиком в его третьем докладе. 2006 года, Председатель Рабочей группы представил доклад Рабочей группы, в приложении к которому содержится 19 пересмотренных проектов статей. Комиссия рассмотрела доклад Рабочей группы и постановила направить эти проекты статей Редакционному комитету (Председатель – Роман Анатольевич Колодкин). После рассмотрения доклада Редакционного комитета Комиссия приняла в первом чтении свод из 19 проектов статей по праву трансграничных водоносных горизонтов и комментарии к ним. Комиссия постановила, в соответствии со статьями 16-21 Положения о своей работе, препроводить проекты статей через Генерального секретаря правительствам для получения от них комментариев и замечаний с просьбой представить такие комментарии и замечания Генеральному секретарю к 1 января 2008 года.

4. Ответственность международных организаций

В 2006 году Комиссии был представлен четвертый доклад Специального докладчика, а также письменные замечания, полученные к настоящему времени от международных организаций и правительств.

Как и в предыдущих докладах, в своем четвертом докладе Специальный докладчик придерживался общей схемы статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

Подготовлено 13 проектов статей. Восемь проектов статей соответствуют статьям, содержащимся в главе V статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния под названием «Обстоятельства, исключающие противоправность». В пяти проектах статей рассматривается ответственность государства в связи с противоправным деянием международной организации. Специальный докладчик представил восемь проектов статей, касающихся обстоятельств, исключающих противоправность, а именно, проекты статей 17-24: «Согласие», «Самооборона», «Контрмеры», «Форс-мажор», «Бедствие», «Состояние необходимости», «Соблюдение импера-

тивных норм» и «Последствия ссылки на обстоятельство, исключающее противоправность». Данные проекты статей во многом построены по образцу соответствующих статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. По мнению Специального докладчика, принципы, изложенные в главе об «Обстоятельствах, исключающих противоправность», в равной мере применимы и в отношении международных организаций, хотя в известных случаях их надо было бы подкорректировать, сообразуясь со спецификой международных организаций. Хотя имеющаяся практика в отношении обстоятельств, исключающих противоправность, ограничена, в этой связи можно было провести явные параллели между государствами и международными организациями. Таким образом, не имелось оснований отклоняться от общего подхода, принятого в контексте государств. Однако это не означает, что данные положения применялись бы в случае международных организаций таким же образом. Специальный докладчик также представил проекты статей, касающиеся ответственности государства в связи с противоправным деянием международной организации, а именно проекты статей 25-29: «Помощь или содействие государства в совершении международно-противоправного деяния международной организацией», «Осуществляемые государством руководство и контроль в совершении международно-противоправного деяния международной организацией», «Принуждение международной организации со стороны государства», «Использование государством, являющимся членом международной организации, самостоятельной правосубъектности этой организации» и «Ответственность государства, являющегося членом международной организации, за международно-противоправное деяние этой организации». Представляя эти статьи, Специальный докладчик заявил, что глава IV Части первой статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния касается помощи или содействия, руководства или контроля и принуждения со стороны государства к совершению международно-противоправного деяния другим государством. В этой главе не рассматривается вопрос о такой связи между государством и международной организацией. Проекты статей 25-27 восполняют этот пробел и в целом соответствуют статьям 16-18 об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Проекты статей 28 и 29 относятся исключительно к рассматриваемой теме и не имеют никаких соответствий среди статей об ответственности государств. Комиссия рассмотрела четвертый доклад Специального докладчика и направила проекты статей 17-24 и 25-29 Редакционному комитету (Председатель – Роман Анатольевич Колодкин). После рассмотрения доклада Редакционного комитета Комиссия приняла его и комментарии.

5. Оговорки к международным договорам

В 2006 году Комиссия рассмотрела вторую часть десятого доклада Специального докладчика, посвященную вопросу о действительности оговорок, а также понятию объект и цель международного договора. Комиссия рассмотрела и в предварительном порядке приняла проекты руководящих положений по вопросу о допустимых оговорках, в том числе статьи: Оговорки, прямо запрещенные договором; Определение «определенных оговорок»; Допустимость оговорок, не запрещенных договором и Допустимость определенных оговорок. Комиссия также приняла в предварительном порядке проекты руководящих положений по сфере применения определений и по процедуре в случае явно недействительных оговорок. Вследствие критических замечаний, которые вызвало определение объекта и цели договора в ходе прений на пятьдесят седьмой сессии, Специальный докладчик подготовил два варианта нового определения понятия объекта и цели договора. Специальный докладчик старался от-

ветить на два важных вопроса: кто компетентен определять действительность оговорок и каковы последствия недействительной оговорки? В Докладе Специального докладчика отмечается также, что из статей 20, 21 и 23 Венских конвенций вытекает, что все договаривающиеся государства или международные организации могут оценивать действительность оговорок, сформулированных к договору. В этой связи под словом «государство» следует понимать весь государственный аппарат, включая, в надлежащих случаях, национальные суды. В докладе также рассматривается вопрос о последствиях недействительности оговорки, который представляет собой один из наиболее серьезных пробелов Венских конвенций в данной области, где, намеренно или нет, ничего не говорится на этот счет. Несмотря на мнения некоторых правоведов, которые проводят различие между пунктами a) и b) статьи 19, с одной стороны, и пунктом c) – с другой, Специальный докладчик счел, что все три пункта имеют одну и ту же функцию (что подтверждают подготовительные материалы, практика и судебные решения). Эта целостность статьи 19, которую подтверждает пункт 1 статьи 21 Венских конвенций, выражается в проекте руководящего положения 3.3. Отвечая на вопросы, заданные ему членами Комиссии, Специальный докладчик отметил, что в связи с формулированием недействительной оговорки возникают проблемы в плане действительности, а не в плане ответственности автора оговорки. Как следствие, в проекте выражается идея о том, что оговорка, которая не удовлетворяет условиям действительности, изложенным в статье 19 Венских конвенций, является ничтожной и не имеющей законной силы. В проекте также излагается идея о том, что другие договаривающиеся стороны, действующие в одностороннем порядке, не могут устранить недействительность оговорки, которая не соответствует критериям статьи 19. Иначе целостность договорного режима была бы нарушена, что оказалось бы несовместимым с принципом добросовестности. Специальный докладчик счел, что договаривающиеся стороны могли бы делать коллективно то, что они не могут делать в одностороннем порядке, при условии, что они делают это ясным образом, что равнозначно изменению договора. Если все стороны официально согласятся с a priori недействительной оговоркой, то можно считать, что они изменяют договор по единогласному соглашению, как это им разрешает статья 39 Венских конвенций.

6. Односторнние акты государств

В 2006 году Комиссия рассмотрела девятый доклад Спецдокладчика по теме. Комиссия учредила Рабочую группу открытого состава под председательством Алена Пелле. Рабочую группу просили подготовить заключения Комиссии по теме «Односторонние акты государств» с учетом различных высказанных мнений, проектов руководящих принципов Специального докладчика и предыдущей работы по теме.

После рассмотрения доклада Рабочей группы Комиссия приняла серию из 10 «Руководящих принципов» с комментариями, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств, и рекомендовала «Руководящие принципы» вниманию Генеральной Ассамблеи. Учитывая, что из всех тем, рассмотренных в Комиссии международного права в 2006 году, рассмотрение только данной темы завершилось подготовкой полноценного текста, который было решено передать на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, мы публикуем данный текст.

Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств

Комиссия международного права,

отмечая, что государства могут оказаться связанными своим односторонним поведением в международном плане,

отмечая, что виды поведения, способные юридически обязать государства, могут принимать форму официальных заявлений или просто неформализованного поведения, включая – в определенных ситуациях – молчание, на которые другие государства могут разумным образом полагаться,

отмечая также, что вопрос о том, обязывает ли юридически государство его одностороннее поведение в той или иной ситуации, зависит от конкретных обстоятельств,

отмечая также, что на практике зачастую сложно установить, являются ли правовые последствия, вытекающие из одностороннего поведения государства, результатом выраженного им намерения или зависят от ожиданий, которые его поведение породило среди других субъектов международного права,

принимает нижеследующие руководящие принципы, которые касаются лишь односторонних актов stricto sensu, т.е. тех актов, которые принимают форму официальных заявлений, сформулированных государством с намерением породить обязательства по международному праву.

1. Заявления, сделанные публично и отражающие волю взять на себя обязательства, могут иметь следствием возникновение юридических обязательств. Если условия для этого выполнены, то обязательность таких заявлений основывается на принципе добросовестности; соответствующие государства могут затем принять их во внимание и полагаться на них; такие государства вправе требовать соблюдения подобных обязательств.

2. Любое государство обладает правоспособностью брать на себя юридические обязательства посредством односторонних заявлений.

3. Для определения правовых последствий таких заявлений необходимо учитывать их содержание, все фактические обстоятельства, при которых они были сделаны, а также порождаемую ими реакцию.

4. Одностороннее заявление налагает на государство юридические обязательства в международном плане лишь в том случае, если оно сделано уполномоченным на это представителем власти. В соответствии с их функциями формулировать такие заявления компетентны главы государств, главы правительств и министры иностранных дел. Другие лица, представляющие государство в конкретных областях, могут быть уполномочены возлагать на это государство через посредство своих заявлений юридические обязательства в областях, относящихся к их компетенции.

5. Односторонние заявления могут быть сформулированы в устной или в письменной форме.

6. Адресатом односторонних заявлений может быть международное сообщество в целом, одно или несколько государств или другие образования.

7. Одностороннее заявление влечет за собой обязательства для формулирующего его государства лишь в том случае, если оно изложено в ясных и конкретных формулировках. В случае возникновения сомнений относительно сферы действия обязательств, вытекающих из такого заявления, подобные обязательства следует толковать ограничительно. При толковании содержания таких обязательств внимание

прежде всего следует уделять тексту заявления, а также контексту и обстоятельствам, в которых оно было сформулировано.

8. Одностороннее заявление, противоречащее императивной норме общего международного права, является недействительным.

9. Одностороннее заявление какого-либо государства не может порождать никаких обязательств для других государств. Однако другое соответствующее государство или государства могут взять на себя обязательства в связи с таким односторонним заявлением в той мере, в которой они ясно соглашаются с таким заявлением.

10. Одностороннее заявление, которое порождает юридические обязательства для государства, делающего заявление, не может быть произвольно отозвано. При определении того, будет ли отзыв произвольным, следует учитывать:

i) все конкретные формулировки заявления, относящиеся к отзыву;

ii) степень, в которой те, по отношению к кому взяты такие обязательства, полагаются на эти обязательства;

iii) степень, в которой имеет место коренное изменение обстоятельств.

7. Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров

В 2006 году Комиссия международного права рассмотрела второй доклад Спецдокладчика по теме Яна Браунли.

Общие замечания по данной теме

Специальный докладчик основное внимание уделил двум вопросам: 1) рассмотрению конкретных элементов прений в Комиссии и существенных вопросов, поднятых различными правительствами при обсуждении в Шестом комитете на шестидесятой сессии Генеральной Ассамблеи; и 2) имплементации первого доклада посредством обращения к Комиссии с просьбой рассмотреть первые семь проектов статей в целях их передачи Редакционному комитету или рабочей группе. Специальный докладчик констатировал, что общую поддержку получило его мнение о том, что данная тема является в целом частью права международных договоров, а не частью права, касающегося применения силы. Он также напомнил о высказанных в Шестом комитете мнениях о том, что рассматриваемый вопрос тесно связан с другими областями международного права, такими как международное гуманитарное право, самооборона и ответственность государств. Во время прений была подтверждена невозможность сохранять четкое разграничение между правом международных договоров и другими областями международного права, такими, как нормы, касающиеся запрещения применения силы и угрозы силой в международных отношениях, законы и обычаи войны, международное гуманитарное право и право ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые также имеют отношение к данной теме.

Подготовлено три проекта статей.

1. «Прекращение или приостановление ipso facto.

Начало вооруженного конфликта ipso facto не прекращает или не приостанавливает действие договоров:

a) между сторонами вооруженного конфликта;

b) между одной или несколькими сторонами вооруженного конфликта и третьим государством».

Специальный докладчик отметил, что проект статьи 3 является базовым положением, ибо он основан на ключевом тезисе о том, что начало вооруженного конфликта ipso facto не прекращает или не приостанавливает действие договоров. Он констати-

ровал, что этот проект статьи не является абсолютно необходимым в том смысле, что проект статьи 4 может обойтись без него. Тем не менее целесообразно опровергнуть сложившееся исторически мнение о том, что вооруженный конфликт фактически аннулирует договоры».

2. «Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта.

Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта

1. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта определяется в соответствии с намерением сторон во время заключения договора.

2. Намерение сторон договора относительно возможности его прекращения или приостановления действия определяется с учетом:

a) положений статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров; и

b) характера и масштабов данного вооруженного конфликта».

3. Действие международных договоров на основании необходимого условия, вытекающего из их объекта и цели.

1. В случае международных договоров, объект и цель которых сопряжены с необходимым условием, согласно которому они продолжают действовать во время вооруженного конфликта, возникновение вооруженного конфликта само по себе не препятствует их действию.

2. Международные договоры такого характера включают следующие договоры:

a) договоры, являющиеся прямо применимыми в случае вооруженного конфликта;

b) договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус;

c) договоры о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичные соглашения, касающиеся прав частных лиц;

d) договоры о защите прав человека;

e) договоры, касающиеся защиты окружающей среды;

f) договоры, касающиеся международных водотоков и смежных сооружений и объектов;

g) многосторонние нормообразующие договоры;

h) договоры, касающиеся урегулирования споров между государствами мирными средствами, включая использование согласительной процедуры, посредничества, арбитража и участие Международного Суда;

i) обязательства, возникающие по многосторонним конвенциям, касающимся коммерческого арбитража и приведения в исполнение арбитражных решений;

j) договоры о дипломатических сношениях;

k) договоры о консульских сношениях».

9. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare)

В 2006 году Комиссия рассмотрела предварительный доклад Спецдокладчика. Ключевой вопрос, который предстоит рассмотреть, – это вопрос о том, проистекает ли данное обязательство исключительно из соответствующих договоров или же оно также отражает общее обязательство по обычному международному праву, по крайней мере в отношении конкретных международных правонарушений. Специальный до-

кладчик отметил отсутствие единодушия в доктрине, хотя все больше ученых склоняются к мнению о существовании международно-правового обязательства «aut dedere aut judicare» в качестве общей обязанности, основанной не только на положениях конкретных международных договоров, но и на обязательных для всех обычных нормах, по крайней мере в отношении некоторых категорий преступлений. Кроме того, было предложено изучить связь между принципом универсальной юрисдикции в уголовных делах и принципом «aut dedere aut judicare». Было отмечено, что хотя обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование традиционно формулируется в качестве альтернативы, существует также возможность и «третьего варианта», предусматривающего юрисдикцию международного уголовного суда.

В отношении обязательства по выдаче было отмечено, что существование такого обязательства зависит от договоров, заключенных между сторонами, и от обстоятельств. Кроме того, поскольку преступления, как правило, очень четко определяются во внутреннем законодательстве, вопрос должен формулироваться следующим образом: существует ли обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование за конкретное преступление в конкретных обстоятельствах. Также отмечалось, что большинство сложнейших вопросов экстрадиции решается исходя из прагматических соображений. Ряд членов Комиссии выразили мнение, что обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование обрело статус обычноправовой нормы, по меньшей мере применительно к преступлениям по международному праву. Была также выражена точка зрения о том, что с данной темой связана процедура депортации. Было высказано предложение о том, чтобы Комиссия рассмотрела практические трудности, возникающие в процессе экстрадиции, включая: проблемы достаточности доказательств, существование устаревших двусторонних и многосторонних договоров и национальных законов, допускающих многочисленные основания для отказа в выдаче, ограничения на экстрадицию граждан и непризнание конкретных гарантий защиты прав выдаваемого лица, особенно в ситуациях, когда в результате этого человек может подвергнуться пыткам, смертному приговору или пожизненному заключению.

10. Фрагментация международного права

В 2006 году Комиссия международного права воссоздала Исследовательскую группу по данной теме. Ей было представлено исследование, подготовленное Председателем Исследовательской группы М.Коскенниеми, а также проект выводов, сформулированных на основе этого исследования. Комиссия рассмотрела доклад Исследовательской группы и после его обсуждения постановила принять выводы к сведению и рекомендовать их вниманию Генеральной Ассамблеи.

Краткое изложение основных положений доклада Исследовательской группы

История вопроса. В последние полвека произошло резкое расширение сферы охвата международного права. Однако такое расширение происходит нескоординировано и ведет к усилению единообразия жизни общества во всем мире, она же ведет к усилению фрагментации, т.е. к появлению специализированных и относительно автономных сфер функционирования и структуры общества.

Фрагментация международного социального мира приобретает юридическое значение в силу того, что она сопровождается появлением специализированных и (относительно) автономных норм или комплексов норм, правовых институтов и сфер юридической практики. Хотя реальность и значение фрагментации не допускают сомнений, оценки этого явления тем не менее разнятся. Некоторые юристы крайне критически расценивают то, что они воспринимают как эрозию общего международного

права, появление коллидирующей юриспруденции, поиск «удобного» суда и утрату правовой стабильности. Другие усматривают здесь по преимуществу техническую проблему, возникшую естественным образом с нарастанием международно-правовой активности, которую можно решать, прибегая к технической оптимизации и координации. Именно для того, чтобы оценить значение проблемы фрагментации и, возможно, предложить пути и способы ее решения, Комиссия создала в 2002 году Исследовательскую группу по изучению данного вопроса.

С самого начала Комиссия признала, что фрагментация создает как институциональные проблемы, так и проблемы, касающиеся существа. Первые связаны с юрисдикцией и компетенцией различных институтов, применяющих международно-правовые нормы и их иерархические связи *inter se*. Комиссия решила оставить этот вопрос в стороне. Вопрос компетенции институтов лучше всего решать им самим. Вместо этого Комиссия предпочла сосредоточиться на вопросе существа – на расщеплении права на узкоспециализированные «ячейки», претендующие на относительную автономию друг от друга и от общего права. Каковы последствия специализации в плане существа? Как следует воспринимать связи между такими «ячейками»? Конкретнее, что можно сделать в случае коллизии норм двух или более режимов для устранения таких коллизий? Как и большинство ученых-юристов, Комиссия понимает, что эта тема имеет как позитивную, так и негативную сторону, о чем свидетельствует предложенная ею новая формулировка названия темы: «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». С одной стороны, фрагментация сопряжена с опасностью появления коллидирующих и взаимоисключающих норм, принципов, систем норм и институциональной практики. С другой стороны, она отражает распространение международно-правового регулирования на новые области и связанную с этим диверсификацию его предметов и методов. Фрагментация и диверсификация указывают на развитие и расширение сферы международного права в ответ на требования мира плюрализма. Они же могут периодически вызывать такие коллизии норм и режимов, которые способны подорвать их эффективное осуществление. Хотя фрагментация может создавать проблемы, они не так уже новы и не носят такого характера, чтобы их нельзя было решить при помощи методов, которыми юристы-международники пользуются для устранения коллизий норм, возникавших и в прошлом. Комиссия обращает свое внимание на фрагментацию из-за того, что появление новых и специальных отраслей права, так называемых «автономных режимов» и географически или функционально ограниченных договорных систем порождает проблемы для цельности международного права.

Работа Комиссии над фрагментацией на самом деле оправдывается тем, что при всей неизбежности фрагментации желательно иметь концептуальную основу, с помощью которой ее можно было бы оценивать и регулировать, как это принято в юридической профессии. Такой концептуальной основой служит ВКПМД. Аспект, который объединяет практически все новые режимы (и, разумеется, все наиболее важные из них), – их претензия на обязательную силу, выводимая из права международных договоров, которое, в свою очередь, по мнению соответствующих субъектов, охватывает данные режимы. Это означает, что ВКПМД уже служит неким каркасом для процессов в этом направлении. Будучи органом, некогда разрабатывавшим ВКПМД, Комиссия находится в особо выгодном положении для анализа фрагментации международного права под этим углом зрения. Поэтому, по мнению Исследовательской группы Комиссии, для устранения противоречий или коллизий между правовыми нормами и принципами полезно обратиться к богатому инструментарию традиционного права. Предлагаемые им методы объединяет то, что они ставят цель установления реальных

связей между такими нормами и принципами, чтобы тем самым определить, каким образом те должны использоваться в каждом конкретном споре или коллизии. Следующие ниже выводы излагают некоторые принципы, которые следовало бы принимать во внимание при урегулировании реальных и потенциальных коллизий правовых норм и принципов.

Выводы по итогам работы Исследовательской группы

1. Общие положения

Международное право является правовой системой. Его правила и принципы (т.е. его нормы) взаимодействуют с другими нормами и принципами и должны толковаться на их фоне. В качестве правовой системы международное право не является случайным набором таких норм. Между ними существуют значимые отношения. Нормы могут, таким образом, существовать на более высоком и более низком иерархических уровнях, их формулировки могут предполагать бóльшую или меньшую степень обобщения и конкретизации, а сроки их действительности могут относиться к более ранним или более поздним моментам времени. В процессе применения международного права зачастую необходимо точно определить связи двух или более норм и принципов, которые одинаково действительны и применимы в какой-либо конкретной ситуации. Для этой цели соответствующие связи можно разделить на две общие категории: с*вязи толкования* (в этом случае одна норма способствует толкованию другой. Та или иная норма может способствовать толкованию другой нормы, например, в плане применения, разъяснения, обновления или изменения последней. В подобной ситуации обе нормы применяются в совокупности) и *коллизионные связи* (в этом случае две нормы, которые действительны и применимы, указывают на несовместимые решения, что ведет к необходимости выбрать одну из этих норм). Основные правила, касающиеся урегулирования нормативных коллизий, содержатся в Венской Конвенции о праве международных договоров (*ВКПМД)*. В процессе определения взаимосвязи между двумя или более нормами нормы следует толковать в соответствии с положениями ВКПМД или по аналогии с ними, и прежде всего в соответствии с положениями статей 31-33, касающихся толкования договоров.

2. Принцип *lex specialis derogat legi generali*

Данный принцип является общепризнанным методом толкования и урегулирования коллизий в международном праве. В соответствии с этим принципом, когда две или более норм касаются одного и того же предмета, приоритет уделяется норме, которая является более конкретной. Этот принцип может применяться в различных контекстах: между положениями в рамках одного договора, между положениями в рамках двух или более договоров; между договорным и недоговорным стандартами, а также между двумя недоговорными стандартами. Источник данной нормы (будь то договор, обычай или общий принцип права) не является решающим для определения наиболее конкретного стандарта. Однако на практике договоры зачастую действуют в качестве lex specialis относительно соответствующего обычного права и общих принципов.

Контекстуальная оценка. Взаимосвязь между принципом lex specialis и другими нормами толкования и разрешения коллизий не может быть определена каким-либо общим путем. Вопрос о преобладании того или иного соображения, т.е. вопрос о том, является ли преобладающим конкретность или время появления нормы, решается с учетом контекста.

Обоснование данного принципа. Приоритет специального права перед общим правом обусловлен тем фактом, что такое специальное право, будучи более конкретным, зачастую полнее, нежели любое применимое общее право, учитывает характер-

ные особенности контекста, в котором оно применяется. Его применение может также часто приводить к более справедливому результату и нередко может лучше отражать намерение субъектов права.

Функции lex specialis. Большинство норм международного права носят диспозитивный характер. Это означает, что специальное право может быть использовано для применения, уточнения, обновления или изменения, равно как и отступления от общего права.

Воздействие lex specialis на общее право. Применение специального права, как правило, не аннулирует соответствующее общее право. Это общее право будет оставаться действительным и применимым и в соответствии с принципом гармонизации будет служить указанием для толкования и применения соответствующего специального права и станет в полной мере применимым в ситуациях, не предусмотренных последним.

Особые виды общего права. Вместе с тем, некоторые виды общего права не допускают отступлений в силу специального права. Jus cogens положительным образом не допускает отступлений. Кроме того, имеются и другие соображения, которые могут дать основание для того вывода, что преимущественную силу будет иметь общее право, и в этом случае презумпция lex specialis, возможно, не применима. К ним относятся следующие: а) может ли такая преимущественная сила быть выведена из формы или характера общего права или намерения сторон в зависимости от того, что применимо; б) может ли применение специального закона противоречить *цели* общего права; в) могут ли третьи стороны-выгодоприобретатели быть негативным образом затронуты специальным правом; г) будет ли негативным образом затронут специальным правом баланс прав и обязанностей, установленный в общем праве.

3. Специальные (автономные) режимы

Можно выделить три категории специальных режимов:

1) Иногда в случае нарушения какой-либо отдельной группы (первичных) норм вступает в действие специальный набор (вторичных) норм, касающихся нарушения и реакций на нарушение. Это основной случай, предусмотренный статьей 55 об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

2) Тем не менее иногда специальный режим образует набор специальных норм, включая права и обязательства, касающиеся особого вопроса. Такие нормы могут касаться какого-либо географического района (например, договор об охране конкретного водотока) или какого-либо вопроса существа (например, договор о регулировании применения какого-либо вида оружия). Такой специальный режим может возникать на основе одного договора, нескольких договоров или изменений договора и договоров плюс недоговорных изменений (последующая практика или обычное право).

3) Наконец, подчас все нормы и принципы, регулирующие определенную проблемную область, сводят воедино и обозначают как «специальный режим». Такие выражения, как «морское право», «гуманитарное право», «право прав человека», «экологическое право», «торговое право» и т.д., обозначают некоторые подобные режимы. Для целей толкования такие режимы могут зачастую рассматриваться в их совокупности.

4. Подпункт с) пункта 3 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров.

Системная интеграция. В подпункте с) пункта 3 статьи 31 ВКПМД предусматривается средство в рамках ВКПМД, с помощью которого могут устанавливаться связи толкования. Она требует от толкователя того или иного договора принимать во вни-

мание «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». Эта статья отражает цель «системной интеграции», в соответствии с которой, независимо от вопросов, которым они посвящены, договоры являются порождением международно-правовой системы, и их действие предопределяется именно этим фактом.

Толкование как интеграция в систему. Системная интеграция является определяющей характеристикой всякого толкования договоров, другие соответствующие аспекты которого охарактеризованы в других пунктах статей 31-32 ВКПМД. В этих пунктах описан процесс юридического аргументирования, при котором конкретным элементам придается больший или меньший вес в зависимости от характера договорных положений в контексте толкования. Во многих случаях проблему толкования можно решить в рамках самого договора. Подпункт с) пункта 3 статьи 31 касается случая, когда при толковании учитываются материальные источники, не относящиеся к данному договору. Они могут включать в себя другие договоры, обычные нормы или общие принципы права.

5. Коллизии между последовательно принятыми нормами

Lex posterior derogat legi priori. Согласно статье 30 ВКПМД, если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора, но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено, предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора. Это представляет собой выражение принципа, согласно которому «последующий закон отменяет предыдущие».

Пределы принципа «lex posterior». Однако применимость принципа *lex posterior* является ограниченной. Например, его нельзя автоматически распространить на случай, при котором круг сторон последующего договора не идентичен кругу сторон предыдущего договора. В таких случаях, как это предусмотрено пунктом 4 статьи 30 ВКПМД, государство, которое является участником двух не совместимых между собой договоров, отдельно связано своими обязательствами по каждому из этих договоров перед его участниками. Если оно оказывается не в состоянии выполнять свои обязательства по обоим договорам, оно рискует нести ответственность за нарушение одного из них, если только заинтересованные стороны не договорятся об ином. В таком случае может стать применимой и статья 60 ВКПМД. Общая норма не может дать ответ на вопрос о том, какой из несовместимых друг с другом договоров подлежит выполнению и при нарушении какого из них должна возникать ответственность государства.

6. Иерархия норм в международном праве

Иерархические связи между нормами международного права. Основные источники международного права (договоры, обычай, общие принципы права, указанные в статье 38 Статута Международного Суда) не состоят в иерархической связи inter se. Проводить аналогии с иерархической природой внутренней правовой системы, как правило, неуместно из-за различий между обеими системами. Тем не менее, некоторые нормы международного права важнее других и по этой причине занимают более высокое положение или особый статус в международно-правовой системе. Иногда это выражается обозначением некоторых норм как «основополагающих», выражающих «элементарные соображения гуманности» или как «нерушимых принципов международного права». Эффект, который имеет такие обозначения, обычно определяется по

соответствующему контексту или правовому акту, в котором такое обозначение фигурирует.

Признанная иерархия отношений, основанная на существенном содержании норм: jus cogens. Норма международного права может иметь главенство перед другими нормами в силу важности ее содержания, а также всеобщего признания ее главенства. Таков случай императивных норм международного права (*jus cogens*, статья 53 ВКПМД), т.е. норм, которые «принимаются и признаются международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо».

Содержание jus cogens. Наиболее часто приводимые примеры норм jus cogens – запрет агрессии, рабства и работорговли, геноцида, расовой дискриминации, апартеида и пыток, а также основные нормы международного гуманитарного права, применимые в вооруженном конфликте, и право на самоопределение. Кроме того, другие нормы тоже могут носить характер *jus cogens*, поскольку они принимаются и признаются международным сообществом государств в целом как нормы, не допускающие отступлений.

Нормы, указывающие обязательства по отношению к международному сообществу в целом: обязательства erga omnes. Некоторые обязательства имеют особый статус в силу всеобщности их применения. Так обстоит дело с обязательствами erga omnes, т.е. обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом. Эти нормы касаются всех государств, и можно считать, что все государства имеют юридический интерес в защите соответствующих прав. Каждое государство может ссылаться на ответственность государства, нарушающего подобные обязательства. Признается, что хотя все обязательства, устанавливаемые нормами jus cogens, имеют также характер обязательств *erga omnes*, обратное не всегда справедливо. Не все обязательства erga omnes устанавливаются императивными нормами общего международного права. Таков, например, случай некоторых обязательств, вытекающих из «принципов и норм, касающихся основных прав человека», а также некоторых обязательств, касающихся глобального достояния человечества.

Иерархия и принцип гармонизации. Коллизии норм международного права должны устраняться в соответствии с принципом гармонизации, как тот изложен в выводе 4) выше. В случае коллизии между одной из иерархически более высоких норм, упомянутых в этом разделе, и другой нормой международного права последнюю следует по возможности толковать так, чтобы она была совместимой с первой. При невозможности этого применяется главенствующая норма.

4. ДОЛГОСРОЧНАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ КМП ООН

В 2006 году Комиссия международного права ООН вновь учредила Рабочую группу по долгосрочной программе работы в составе: А.Пелле, З.Галицкий, М.Камто, Ж.Суарис, М.Коскенниеми, Х.Сюе.

Критериями для отбора тем являются:

a) тема должна отражать потребности государств в отношении прогрессивного развития и кодификации международного права;

b) тема должна быть достаточно созревшей с точки зрения практики государств для прогрессивного развития и кодификации;

c) тема должна быть конкретной и реализуемой в целях прогрессивного развития [и]

Комиссии не следует ограничиваться традиционными темами, нужно также рассмотреть те темы, которые отражают новые изменения в области международного права и насущные интересы международного сообщества.

Руководствуясь этими критериями, в 2006 году Комиссия международного права включила в свою Долгосрочную Программу работы следующие новые темы:

1. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.
2. Юрисдикционный иммунитет международных организаций.
3. Защита людей в случае бедствий.
4. Защита личных данных при трансграничном перемещении информации.
5. Экстерриториальная юрисдикция.

Что касается темы «*Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации*», по которой Группа по планированию не выработала окончательной рекомендации, то Комиссия постановила просить правительства представить свои мнения относительно целесообразности дальнейшей работы Комиссии по этой теме. В 1978 году Комиссия утвердила проекты статей о клаузулах о наиболее благоприятствуемой нации. С учетом условий, существовавших в то время, ГА ООН не приняла какого-либо решения в отношении данного проекта, который, вне всякого сомнения, во многих аспектах уже устарел. По мнению некоторых членов Комиссии, в настоящее время не следует возобновлять рассмотрение данной темы в Комиссии, исходя из того, что основные политические противоречия, из-за которых ГА не смогла тогда принять решения по подготовленным Комиссией проектам статей, пока еще не урегулированы и что следует вначале обсудить данный вопрос на международных форумах, располагающих необходимой технической компетенцией и политическим мандатом. Другие же члены Комиссии считают, что с учетом изменений международной обстановки и сохраняющейся важности клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации в современных договорах, в частности в областях торгового права и международных инвестиций, настало время провести дальнейшую работу по данному вопросу и, следовательно, включить эту тему в долгосрочную программу работы Комиссии.

Кроме того, следует напомнить, что еще в 1996 году в Программу была включена тема: «*Право собственности на затонувшие суда и их охрана за пределами национальной морской юрисдикции*».

В заключение отметим, что при обсуждении тем для Программы обсуждалась, но не была принята тема «*Молчаливое согласие и его последствия для юридических прав и обязательств государств*».

Во время обсуждения деятельности КМП ООН в 6 Комитете ГА позиции государств в отношении Долгосрочной программы работы Комиссии можно сформулировать кратко следующим образом.

В отношении пяти новых тем, включенных в долгосрочную программу работы Комиссии:

1. Большинство поддержало тему «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», которая возникала в Международном Суде в целом ряде случаев. Было высказано мнение, что, судя по всему, пришло время обобщить современную практику и попытаться разработать общие нормы по этому вопросу. Было отмечено также, что должное внимание следует уделить потребности должностных лиц государства в использовании такого иммунитета в интересах стабильных отношений между государствами.

2. Комиссии было также предложено оперативно заняться темой «Защита людей в случае бедствий» и не применять подход на основе прав, а сосредоточить внимание

на разработке конкретных правовых инструментов. Далее было отмечено, что в отличие от международного гуманитарного права международное право, применимое к стихийным бедствиям, является относительно фрагментированным и слаборазвитым и усилия в плане его кодификации могли бы сохранить жизнь людям и облегчить их страдания. Конкретно говоря, было предложено, чтобы эта тема предусматривала специфический режим в отношении всех соответствующих действий и игнорирования факторов, таких как обязательства стран транзита с учетом принципа доступа. Некоторые ораторы высказали сомнения в отношении пригодности этой темы для рассмотрения Комиссией. Было указано далее, что Комиссия могла бы продолжить предварительное исследование этой темы.

3. Поддержку получила идея включить в программу работы тему «Юрисдикционный иммунитет международных организаций», поскольку в этой области практика государств требует согласования. Национальные суды нуждаются в большей правовой определенности при вынесении решений в отношении иммунитета международных организаций. Включение этой темы дополнило бы работу Комиссии как в области иммунитета, так и в области международных организаций. Другие ораторы высказали сомнения в отношении необходимости рассмотрения этой темы;

4. Тема «Защита личных данных при трансграничном перемещении информации» получила поддержку. Было отмечено, что хотя в мире продолжающейся глобализации проявляется все больший интерес к кодификации и прогрессивному развитию международных норм в этой области, по-прежнему стоит вопрос о том, достаточно ли консолидирована практика государств с учетом продолжающегося стремительного развития технологии. Другие ораторы высказали озабоченность в отношении того, что эта тема не соответствует критериям Комиссии для рассмотрения, и отметили, что она затрагивает значительные политические и директивные проблемы. Согласно еще одному предложению Комиссия могла бы продолжить предварительное исследование этой темы.

5. Поддержку получила также идея включения темы «Экстерриториальная юрисдикция». Было рекомендовано надлежащим образом ограничить сферу ее охвата ввиду ее потенциальной широты. Другие ораторы заявили, что эта тема потребует координации с темой «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование». Еще одно предложение заключалось в том, что Комиссия могла бы продолжить предварительное исследование этой темы.

6. Было высказано мнение о том, что нет нужды возвращаться к теме «Клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации», поскольку разработка международного экономического и инвестиционного права осуществляется в рамках специфических форумов. Было также отмечено, что основополагающие принципиальные разногласия, которые не дали Генеральной Ассамблее принять решение по представленному Комиссией ранее проекту статей по этой теме, пока еще не урегулированы. Согласно еще одной точке зрения, хотя принципиальные разногласия, препятствующие принятию принятых ранее статей по этой теме, пока еще не урегулированы, события в мире с 1978 года привели к созданию условий, в которых рассмотрение этой темы может оказаться более плодотворным. Было указано, что хотя концепция наиболее благоприятствуемой нации исторически была связана с областью торговли и инвестиций, она имеет и более широкий резонанс в международном праве. Ее сходство с принципом недискриминации и отличия от него в других отраслях международного права были бы четче выявлены благодаря тщательному рассмотрению этой темы Комиссией. В этой связи Комиссии следовало бы серьезно подумать о включении этой темы в свою долгосрочную программу работы.

7. Что касается предложений в отношении дополнительных тем для возможного включения в долгосрочную программу работы Комиссии, то представитель Германии напомнил о предложении, прозвучавшем в ходе неофициального обсуждения доклада Комиссии, о том, чтобы Комиссия рассмотрела тему «Приспособление международных договоров к изменяющимся обстоятельствам», уделив основное внимание тому, что представляет собой последующее согласие и последующая практика, и тому, каким образом они влияют на осуществление и толкование договоров. Представитель Сьерра-Леоне также предложил следующие темы: «Правовые последствия использования частных армий во внутренних конфликтах»; «Правовые последствия участия многонациональных корпораций во внутренних конфликтах» и «Правовые последствия участия органов безопасности во внутренних конфликтах».

7. КОНВЕНЦИОННЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА. КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Об избрании профессора А.А. Ковалева членом Комитета против пыток

Главным событием для Российской Федерации в ее участии в деятельности конвенционных органов по правам человека является представление и рассмотрение ее доклада в *Комитете против пыток*. Поэтому в настоящем выпуске мы уделим главное внимание именно этому событию. *В первом разделе* статья *Заместителя Председателя Комитета против пыток профессора Александра Антоновича Ковалева*. *Во втором разделе* представлены *информация о докладе РФ* и Заключительные замечания Комитета.

В 2006 году приступил к своим обязанностям новый член Комитета против пыток из Российской Федерации. Им стал видный российский юрист-международник, заведующий кафедрой международного права Дипломатической Академии МИД РФ, профессор Александр Антонович Ковалев. На первой же сессии Комитета с его участием в марте 2006 года А.А. Ковалев был избран Заместителем Председателя Комитета.

От всей души поздравляем Александра Антоновича с избранием на эти должности и желаем ему плодотворной и успешной работы в этом уникальном международном органе!

Публикуем краткую биографию нового члена Комитета против пыток А.А. Ковалева.

КОВАЛЕВ Александр Антонович.

Родился 23 августа 1938 года.

В 1961-1969 годах был штурманом, затем старшим офицером Балтийского морского пароходства, Санкт-Петербург, капитан дальнего плавания.

В 1969-1971 годах – Начальник Управления иностранных дел Балтийского морского пароходства.

В 1971-1972 гг. – Сотрудник советского торгпредства в Федеративной Республике Германия (представитель советских судовых компаний), а в 1972-1974 годах – Атташе Генерального консульства СССР в Гамбурге.

В 1979-1984 годах А.А. Ковалев работал в Экономической комиссии ООН для Африки.

С 1984 по 1986 годы – Адъюнкт-профессор Российской академии внешней торговли; в 1986-1990 гг – Старший эксперт государственной комиссии по иностранным делам при Совете министров СССР.

В 1990-1993 гг. – Торговый представитель СССР и Российской Федерации в Новой Зеландии.

В 1993-1995 гг. – Старший эксперт Управления российского правительства по вопросам внешнего сотрудничества.

В 1995-2001 гг. – Советник заместителя Председателя российского правительства (по иностранным делам).

С 2001 года А.А. Ковалев – профессор, а с 2003 года – заведующий кафедрой международного права Дипломатической Академии МИД РФ.

Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член редколлегий «Московского журнала международного права» и журнала «Дипломатическая служба».

В настоящем выпуске «Казанского журнала международного права» мы публикуем статью Александра Антоновича Ковалева, посвященную анализу проблемы запрещения пыток в правовой системе России.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ 1984 г.

А.А. Ковалев*

Положения Конвенции ООН против пыток 1984 г., вступившей в силу в 1987 г. и участниками которой являются 142 государства, как известно, направлены на полное искоренение еще существующих в мире пыток и жестокого обращения, унижающих человеческое достоинство. Эти положения отражают и закрепляют, по сути дела, принципы и нормы международного права прав человека, которые должны действовать как императивные, за нарушение которых должна следовать юридическая ответственность как для государств, так и физических лиц, особенно должностных лиц – сотрудников правоохранительных органов государств. Названные принципы и нормы, содержащие меры правовой защиты любого человека от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов.

Позднее в рамках ООН был принят целый ряд конвенций, деклараций и резолюций, развивающих, дополняющих и уточняющих Конвенцию 1984 г. При этом необходимо отметить, что во всех международно-правовых документах, принятых в целях искоренения пыток, содержатся положения о том, что «никакие исключительные обстоятельства не могут служить оправданием пыток».

* **Александр Антонович Ковалев** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической Академии МИД РФ, Заместитель председателя Комитета ООН против пыток.

Анализируя Конвенцию 1984 г. с точки зрения международного права, необходимо отметить два аспекта значения этого акта для предупреждения, пресечения и наказания за применение пыток.

Во-первых, Конвенция 1984 г. является одним из источников международного гуманитарного (в широком смысле слова) права, действующего как в особых условиях военного времени, так и во время вооруженных конфликтов международного характера и международных конфликтов немеждународного характера. Этот акт является также источником и международного уголовного права. В соответствии с положениями Статута Международного уголовного суда 1998 г. «пытки» входят в категорию преступлений против человечности и означают «умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или контролем». Такое «двойственное» положение института пытки вполне правомерно с теоретической и практической точек зрения. Он одновременно является и институтом международного гуманитарного и международного уголовного права, обеспечивающего предупреждение, пресечение и наказание за пытки как преступления против человечности.

Во-вторых, принятие Конвенции 1984 г. знаменует собой решительный шаг в развитии человечества – от «дикости» и «варварства» к «цивилизации и гуманности» и соответствующее этому направление в развитии права – от «права силы и власти» к «праву человека» и гражданского общества.

Согласно положениям Конвенции 1984 г. (ст.ст. 5-8) государства-участники должны обеспечивать, чтобы акты пыток и попытки применения пыток и соучастие в пытках рассматривались как уголовные преступления, и устанавливать соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера. Государства-участники должны осуществлять свою юрисдикцию с целью наказания за применение на их территории пыток со стороны их граждан или же против их граждан. Государства обязаны заключать под стражу любое лицо, подозреваемое в применении пыток, если оно находится на его территории, после чего предпринять в отношении этого лица уголовно-процессуальное действие по выдаче его другому государству.

В настоящей статье будет сделана попытка проанализировать вопросы применения и эффективности Конвенции 1984 г. В этой связи будет рассмотрено как «работают» ст.ст. 1, 2 и 3 Конвенции – наиболее важные с точки зрения борьбы с пытками и в то же время наиболее проблемные с позиции их толкования и применения государствами-участниками на национальном уровне.

Статья 1 Конвенции содержит определение самого понятия «пытка», которое означает «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия». В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно. Таким образом, в конвенционном определении «пытки» указаны все признаки пытки как международного преступления: объект посягательства (неприкосновенность и достоинство личности), объектив-

ная сторона преступления (причинение лицу сильной боли, физического или нравственного страдания), субъект преступления (государственное должностное или официальное лицо), а также субъективная сторона деяния (умышленная вина и цель – получение сведений, признаний, наказание, запугивание, принуждение к определенным действиям и т.п.). Никакие обстоятельства, будь то состояние войны, чрезвычайное положение, угроза вооруженного конфликта, внутренняя политическая нестабильность, приказ вышестоящего начальника или органа власти, не могут служить оправданием пыток. Следовательно, право на защиту от пыток, жестокого обращения является абсолютным и ни при каких обстоятельствах не может быть нарушенным.

Национальные законодательства большинства государств-участников Конвенции ООН против пыток 1984 г. квалифицируют применение пыток – одного из самых серьезных нарушений прав человека в качестве преступления на основе определения понятия «пытка», содержащегося в ст. 1 Конвенции ООН против пыток. Однако законодательство довольно большого количества государств (Бурунди, Венгрия, Грузия, Мексика, Российская Федерация, США, Таджикистан Украина и др.) содержит серьезные расхождения с определением, содержащимся в Конвенции, что создает реальные или потенциальные возможности для безнаказанности за это преступление. Так, российское уголовное законодательство до принятия Федерального закона № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» вообще не содержало понятие «пытка». После принятия этого закона ст. 117-1 УК РФ «Истязания» определяет понятие «пытка», как: «причинение физических или нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний и иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Таким образом, российский уголовный закон, с одной стороны, отходит от конвенционного определения термина «пытка», а с другой стороны – расширяет эту дефиницию. В Уголовном кодексе Российской Федерации имеется ряд других норм, направленных на выполнение положений Конвенции ООН 1984 г. В частности, такие статьи, как доведение до самоубийства путем жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (ст. 110), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 112), побои (ст. 116), похищение человека (ст. 126), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженное с насилием (ст. 335).

Ссылка Российской делегации во время очередного доклада Комитету ООН против пыток в ноябре 2006 г. на то, что российское уголовное законодательство содержит более широкое понятие «пытка», и на то, что в отличие от Конвенции, распространяется на любое лицо старше 16 лет, не убедило Комитет против пыток в полной инкорпорации положений Конвенции в национальное уголовное законодательство. Международное сообщество в лице Комитета ООН против пыток настаивает на абсолютном воспроизведении 1-й статьи Конвенции, определяющей понятие «пытка» в национальном законодательстве государств-участников Конвенции, поскольку как преступники, так и правоохранительные органы могут неправильно квалифицировать определенные деяния и недооценивать тяжесть этих деяний. В этой связи, по нашему мнению, необходимо кроме включения в

уголовное законодательство Российской Федерации определения исчерпывающей характеристики состава уголовного преступления «пытка» с отягчающими и смягчающими вину обстоятельствами, включить также соответствующие положения в уголовно-процессуальное и административно-процессуальное законодательство с целью предупреждения, пресечения и наказания за пытки. Например, в уголовно-процессуальный закон целесообразно ввести специальную статью, устанавливающую обязанность должностного лица, осуществляющего дознание, или должностного лица по поддержанию правопорядка, давать подписку в документе, подписанном также адвокатом и подозреваемым или обвиняемым, о том, что оно знает положения о неприменении пытки и уголовно-правовой ответственности за нарушение этих положений.

Серьезные расхождения между содержащимся в Конвенции 1984 г. определением и определением, изложенным в национальном законодательстве многих государств, как было отмечено выше, открывают реальные или потенциальные возможности для безнаказанности. Хотя в некоторых случаях и используется аналогичное определение понятия «пытка», ее значение может толковаться иначе в законах или судах, и поэтому Комитет призывает все ветви власти государств-членов присоединиться к определению, содержащемуся в Конвенции, чтобы установить обязательства государства по искоренению такого рода преступления.

Статья 2 Конвенции 1984 г. состоит, как известно, из 3-х пунктов.

Пункт 1 ст. 2, гласящий, что «каждое государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные или другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией»; пункт 2 ст. 2, гласящий, что «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток»; и пункт 3 ст. 2, предусматривающий, что приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток». Эти положения служат основой полномочий Комитета ООН против пыток, созданного в соответствии с Конвенцией 1984 г. (ст. 17)., осуществлять данную норму с учетом эволюционирующих угроз, проблем, методов, а также осознания эффективных средств борьбы с пытками.

Что касается п. 1 ст. 2 то благодаря опыту, накопленному после вступления в силу Конвенции 1984 г., Комитет ООН против пыток яснее понимает сферу охвата и характер запрещения пыток, условия, в которых они применяются, а также совершенствующиеся эффективные меры по предупреждению пыток в различных ситуациях.

Рассматривая периодические доклады государств-участников Конвенции и индивидуальные сообщения, Комитет развивает в своих заключительных замечаниях правовую практику в отношении эффективных мер для предупреждения пыток. В частности, Комитет рекомендует конкретные действия, направленные на повышение способности каждого государства-участника быстро и эффективно осуществлять необходимые и надлежащие меры для предупреждения актов пыток и, следовательно, на оказание помощи государствам-участникам в приведении их законодательства и практики в полное соответствие с положениями Конвенции 1984 г.

В связи со ст. 2 Конвенции возникает вопрос об ответственности государств. Конвенция налагает обязательства на государства, а не на частных лиц. Именно государства несут ответственность за действия или бездействие своих должнос-

тных лиц либо их представителей. Вместе с тем, Конвенция не ограничивает международную ответственность, которая может быть возложена за совершение актов пыток на государства или частных лиц в соответствии с международным обычным правом и международными договорами.

Государство несет также ответственность, если с его ведома или молчаливого согласия пытки применяются негосударственными должностными или частными субъектами либо по их подстрекательству в обстоятельствах, когда лица, выступающие в официальном качестве, знали или должны были знать о том, что такие действия совершаются или могут быть совершены, поскольку непринятие государством мер для прекращения и пресечения пыток, а также для обеспечения защиты жертв пыток облегчает и даже может позволять негосударственным субъектам совершать запрещенные Конвенцией действия безнаказанно. Иными словами, постоянное безразличие или бездействие государства являются определенной формой поощрения и/или фактического разрешения пыток. Если, например, необходимо кого-либо перевести или направить к какому-либо лицу или в другое учреждение, будь то официальное или частное, которое, как это известно, причастно к пыткам или которое не обеспечивает надлежащих, соответствующих Конвенции 1984 г., гарантий, включая предоставление доступа к независимым контролирующим органам, то выдачу разрешения на этот перевод можно рассматривать как непринятие государством эффективных мер для предупреждения пыток в соответствии с п. 1 ст. 2.

Если власти или представители государства-участника знали или должны были знать о том, что акты пыток совершаются частными лицами, и они не помешали, не расследовали, не возбудили преследование и не наказали виновных частных лиц в соответствии с Конвенцией 1984 г., то должностные лица государства-участника несут по Конвенции ответственность за то, что они мирились или молчаливо соглашались с такими недопустимыми актами. Этот принцип может действовать в отношении различных актов насилия, включая изнасилования, насилие в семье и торговлю людьми. Государство может оказаться причастным, если оно не примет необходимые меры для защиты жертв от нависшей угрозы или для минимизации страданий жертв пыток.

Закрепленное в п. 1 ст. 2 Конвенции 1984 г. обязательство предупреждать пытки имеет широкую сферу охвата. Обязательство предупреждать акты пыток в соответствии с п. 1 ст. 2 на практике перекликается и во многом совпадает с обязательством предотвращать акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки, содержащееся в ст. 16 Конвенции. Условия, которые приводят к жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, имеют много общего с условиями, приводящими к пыткам, и сами по себе могут способствовать применению пыток. Граница между жестоким, бесчеловечным, унижающим достоинство обращением или наказанием и пытками определяется степенью жестокости и преследуемой целью, но никакого четкого различия между условиями, приводящими к жестокому, бесчеловечному, унижающему достоинство обращению и наказанию, и условиями, которые могут также поощрять пытки, нет. Таким образом, превентивные меры должны быть направлены против того и другого.

Конвенция 1984 г. (ст. 14) содержит положение, согласно которому каждое государство-участник Конвенции обязано обеспечить в своей правовой системе возмещение жертве пыток и право на справедливую и адекватную компенсацию.

Поскольку, как было отмечено выше, существует тесная взаимосвязь между пытками и жестоким обращением, а также учитывая общее обязательство государств предотвращать акты жестокого обращения (ст. 16), Комитет ООН против пыток установил, что право на компенсацию распространяется на жертв как жестокого обращения, так и пыток.

Согласно Конвенции 1984 г. (п. 1 ст. 2) каждое государство-участник Конвенции обязано предпринимать эффективные меры для предупреждения пыток не только на собственной территории, но и «на любой территории под его юрисдикцией». Ст. 5 Конвенции определяет, что «территория», над которой должна быть установлена юрисдикция в отношении преступлений, включает борт морского или воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве. При рассмотрении докладов государств-участников Комитет ООН против пыток исходит из того, что такая территория включает все районы, где государство-участник прямо или косвенно, полностью или частично осуществляет де-факто эффективный контроль. Комитет полагает также, что «территория» по статье 2 должна охватывать ситуации, когда государство-участник осуществляет прямо или косвенно де-факто или де-юре контроль над лицами, лишенными свободы, поскольку при таких обстоятельствах государство-участник способно выполнять обязательства, предусмотренные Конвенцией.

Важным положением статьи 2 Конвенции 1984 г. является недопустимость отступлений от запрещения пыток. Отражая нормы международного обычного права, п. 2 ст. 2 Конвенции предусматривает, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений. В этом пункте ст. 2, в частности, подчеркивается, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, не могут служить оправданием пыток на любой территории под юрисдикцией данного государства. К числу таких обстоятельств в Конвенции относятся состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение. В этой связи серьезное беспокойство Комитета вызывают любые усилия государств оправдать пытки и жестокое обращение в качестве средств защиты государственной безопасности или предотвращения чрезвычайных ситуаций. Комитет также полагает, что понятие «территория под его юрисдикцией», увязанное с принципом недопустимости отступлений, следует толковать широко, с тем, чтобы территориальная аргументация не использовалась для подрыва абсолютного, не допускающего отступлений запрещения пыток.

Поскольку пытки не могут иметь оправданий ни при каких обстоятельствах, аргумент предотвращения или пресечения террористических актов и иных связанных с насилием преступлений нельзя использовать в оправдание пыток. Комитет подтверждает и побуждает государства-участники соблюдать их международные обязательства в области прав человека, в частности, запрещение пыток и жестокого обращения в качестве абсолютного и не допускающего отступлений от права, которым пользуются как граждане, так и неграждане без какой бы то ни было дискриминации и которое охватывает все территории под юрисдикцией государств и всех лиц, действующих, де-юре или де-факто от имени государства-участника или совместно с ним. В этой связи Комитет требует от государств-участников Конвенции выявления и сообщения Комитету любых случаев пыток или жестокого обращения, имевших место вследствие осуществления антитеррористических мероприятий, а также информации о мерах, принимаемых для расследования, наказания и предупреждения новых случаев применения пыток

или жестокого обращения в будущем. Несмотря на это императивное положение Конвенции, Министерство юстиции США в августе 2002 г. выдало Белому дому рекомендацию, что применение пыток к пойманным террористам «Аль-Каиды» на зарубежных территориях «может быть оправдано» и что международные нормы против пыток «могут быть сочтены противоречащими конституции страны» применительно к допросам, которые проводятся в рамках войны с терроризмом[1].

Во время обсуждения периодического доклада США Комитету ООН против пыток в мае 2006 г. США представили официальный документ, в котором сообщалось, что на американской военно-морской базе в Гуантанамо (Куба) содержатся под стражей 505 человек и чуть больше 400 лиц содержатся под стражей в Афганистане. Все они являются членами «Талибана» или «Аль-Каиды» или поддерживают их. Все они имеют статус «вражеских боевиков», который лишает их практически всех прав и юридической помощи. США признали отчасти сообщения о злоупотреблении их военнослужащих в Афганистане в отношении лиц, содержащихся под стражей. Из проведенных ими расследований по 29 сообщениям о злоупотреблениях 21 сообщение подтвердилось[2].

Комитет осудил пытки узников, содержащихся в Гуантанамо по обвинению в террористических актах.

Комитет ООН против пыток после обсуждения доклада США поставил вопрос перед Администрацией США о закрытии тюрьмы в Гуантанамо и изменении методов допроса в тюрьмах на иностранных территориях, которые «эквивалентны пыткам и нечеловеческому обращению». Комитет потребовал также от властей США регистрировать «всех задерживаемых людей на любой территории под юрисдикцией США» для предотвращения возможных пыток. В этой же связи Комитет ООН против пыток обратился к правительству США с требованием закрыть все секретные тюрьмы ЦРУ, которые, по данным газеты «Washington Post», находятся в восьми странах мира.

Коме того, специальная следственная Комиссия Европарламента пришла к выводу о том, что ЦРУ США причастно к похищению на территории Евросоюза подозреваемых в терроризме и отправке их в третьи страны, где они подвергались жестокому обращению и пыткам. Было установлено, что, начиная с 2002 г., ЦРУ осуществило более тысячи несанкционированных полетов над европейской территорией. Европейские страны закрывали глаза на эти полеты или же выдавали на них разрешения. Собранные Комиссией данные говорят о том, что на военных базах США в Европе могли быть расположены секретные тюрьмы, где без надлежащих правовых обоснований содержались подозреваемые в причастности к террористическим акциям[3]. Европарламент в этой связи принял резолюцию с осуждением государств-членов ЕС, которые могли сотрудничать с США в незаконном обращении с лицами, подозреваемыми в пособничестве террористам.

Недопустимость отступлений от запрещения пыток подтверждается давнишним, закрепленным в п. 3 ст. 2 принципом, в соответствии с которым приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может ни при каких обстоятельствах служить оправданием пыток. Таким образом, подчиненные не могут ссылаться на приказы вышестоящей инстанции. В то же время вышестоящие инстанции, включая высокопоставленных государственных должностных

[1] http://www.inosmi.ru/print/210216.html

[2] http:/www.pravo.by/showtext.asp?

[3] См.: account.spb.ru. 15 February 2007.

лиц, не могут избежать уголовной ответственности за акты пыток или жестокого обращения, совершенные их подчиненными, если они знали или должны были знать о том, что такие недопустимые акты совершаются или могут быть совершены. При этом Комитет считает важным, чтобы компетентные органы уголовного преследования и суды всесторонне расследовали дела об ответственности любых высокопоставленных должностных лиц, когда они либо непосредственно подстрекали к применению пыток или жестокого обращения или поощряли их, либо эти акты совершались с их ведома или молчаливого согласия. Лицам, которые выступают против того, что они считают противозаконными приказами, или которые сотрудничают в рамках расследования актов пыток или жестокого обращения, в том числе совершенных высокопоставленными должностными лицами, необходимо обеспечить защиту от любых форм мести, включая увольнение.

Статья 3 Конвенции запрещает высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо государству, где ему может угрожать применение пыток, и определяет критерии, позволяющие оценить такую угрозу.

В соответствии с этой статьей Конвенции государства-участники Конвенции обязаны воздерживаться от передачи (выдачи) каких-либо лиц другому государству, где они могут быть подвергнуты пыткам. Это положение Конвенции явилось результатом рассмотрения нескольких дел в рамках Европейской Комиссии по правам человека в отношении ст. 3 Европейской Конвенции по правам человека[4].

Указанная статья Конвенции имеет преимущественное значение по сравнению с какими-либо положениями межгосударственных договоров по экстрадиции. Причем межгосударственные соглашения об экстрадиции каких-либо лиц будут являться нарушением Конвенции 1984 г. даже в том случае, если государство, в которое высылается (возвращается) какое-либо, лицо не является участником Конвенции 1984 г.

Конвенционная защита физического лица от выдачи (возвращения) другому государству применяется лишь в том случае, когда есть серьезные основания полагать, что это лицо будет подвергнуто в этом государстве пыткам или жестокому обращению в соответствии с определением, данным в ст. 1 Конвенции. В отличие от Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (ст. 33), согласно которой беженцы, представляющие опасность для безопасности государства их пребывания или признанные виновными в серьезных преступлениях, могут быть высланы из страны, вышеуказанная защита физических лиц от выдачи (передачи) в государство, в котором эти лица могут быть подвергнуты пыткам, является абсолютной. Иными словами, из конвенционного императива запрета выдачи (non-refoulement) не может быть исключений. Спорным вопросом в этой связи является вопрос бремени доказательства того, что высылаемое лицо при возвращении будут пытать в стране, которую он покинул. Большинство специалистов полагает, что потенциальная жертва пыток при возвращении в свою страну должна доказать, что опасность совершения пыток существует, причем персонально в отношении потенциальной жертвы[5]. Хотя у государства могут быть сомнения в отношении представленных лицом фактов в отношении возможности осуществления к нему пыток, они не требуют обязательных подтверждений, достаточно признать их

[4] Подробнее см.: J. Herman Burgers & Hans Danelius «The United Nations Convention against Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading treatment or Punishment». – P. 123.

[5] См.: Annotated commentary to the Committee against Torture, 8 May 1996 (Alan v. Switzerland, Communication no. 21/1995), NJCM-Bulletin 22 (1997), PP.1102-1106.

надежными. При этом учитываются случаи вопиющего, грубого, массового нарушения прав человека в стране, куда планируется выслать (вернуть) индивида. Однако факты вопиющего, массового нарушения прав человека в этой стране сами по себе не могут служить основанием для вывода о том, что то или иное лицо, подлежащее высылке (возвращению) в страну, будет подвергнуто пыткам по его возвращении в страну. Для этого нужны дополнительные основания, указывающие на то, что этот конкретный индивид будет подвергнут жестокому обращению и пыткам[6].

С другой стороны, отсутствие фактов массовых, грубых нарушений прав человека в стране не означает, что высылаемое лицо не будет подвергнуто пыткам по возвращении в эту страну. Для определения того, насколько реальным является риск пыток, необходимо учитывать политическую активность и взгляды индивида и его семьи, имевшие место ранее задержания и пытки, преследование правоохранительных органов. Все эти элементы должны быть детально рассмотрены государством, прежде чем принять решение о передаче

нуждающегося в защите индивида. Комитет ООН против пыток при рассмотрении индивидуальных сообщений на отказ в предоставлении права на жительство в стране, к которой индивид обратился за защитой, и неправомерную высылку или выдачу на предмет приемлемости этих жалоб исходит именно из указанных критериев. Комитет рассматривает сообщения о нарушении ст. 3 Конвенции в свете всей информации, предоставленной ему данным индивидом или от его имени и соответствующим государством-участником. При этом сообщения индивидов рассматриваются Комитетом против пыток только после того, как он убедится в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования и что данный индивид исчерпал все имеющиеся внутренние меры правовой защиты (ст. 22).

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОМИТЕТЕ ПРОТИВ ПЫТОК

а) Основные положения Доклада Российской Федерации о выполнении положений Конвенции ООН против пыток

б) Рекомендации Комитета против пыток по результатам обсуждения Доклада РФ

а) Основные положения Доклада Российской Федерации о выполнении положений Конвенции ООН против пыток

По статье 1 Конвенции в Докладе РФ отмечается, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» статья 117 Уголовного кодекса России была дополнена примечанием, согласно которому под пыткой понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях. 1 июля 2002 года вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Его наиболее значимыми

[6] См.: General Comment no.1 «Implementation of Article 3 of the Convention in the context of Article 22».CAT, adopted 21 November 1997,A/53/44, para. 258 and annex IX.

новеллами являются: закрепление запрета применения насилия и пыток, осуществления действий и принятия решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращения, унижающего его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья в качестве самостоятельного основополагающего принципа уголовного процесса (ст. 9); ограничение до суда срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, 48 часами (ст. 10); отнесение к исключительной компетенции суда принятия решения об аресте, заключении под стражу и принудительном помещении в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы или для применения принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 29) и ряд других.

По статье 2 Конвенции Доклад отмечает: «Вопросы, связанные с ограничением отдельных прав и свобод человека в случае введения чрезвычайного положения, были приведены в соответствие с международными обязательствами России в новом Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». В соответствии с Законом меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения и влекущие за собой изменение (ограничение) установленных прав и свобод человека, должны осуществляться в пределах, которых требует острота сложившегося положения. В соответствии со статьей 30 Закона установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат».

По статье 3 Конвенции в Докладе РФ говорится, что при ратификации Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (Федеральный закон от 25 октября 1999 года № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного протокола и второго дополнительного протокола к ней») Российская Федерация сделала оговорку (приложение к распоряжению Президента РФ от 3 сентября 1996 года № 458-рп), в соответствии с которой она оставляет за собой право отказать в выдаче, если имеются серьезные основания полагать, что лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче, было или будет подвергнуто в запрашиваемом государстве пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания либо что этому лицу в процессе уголовного преследования не были или не будут обеспечены минимальные гарантии, предусмотренные нормами международного права. Федеральным законом от 19 февраля 1993 года № 4528-I «О беженцах» предусмотрена возможность получения лицами на территории РФ временного убежища из гуманных побуждений даже при отсутствии оснований для признания их беженцами по обстоятельствам, предусмотренным указанным Законом, если они по возвращении на территорию государства гражданской принадлежности (своего прежнего местожительства) могут быть подвергнуты пыткам либо другим жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство видам обращения и наказания вследствие существования в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (в том числе внесудебного лишения жизни или свободы).

По статье 4 Конвенции: «Статьей 286 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за превышение должностных полномочий. Преступления этой категории отнесены Законом к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК

РФ). Статья 5 Закона РФ от 18 апреля 1991 года № 1026-I «О милиции» устанавливает запрет на любое ограничение прав и свобод граждан, в том числе на применение пыток, насилия, другого жестокого или унижающего достоинство обращения. Работники правоохранительных органов наделены особыми властными полномочиями. Их законные распоряжения обязательны для исполнения, в предусмотренных законом случаях деятельность представителя власти может быть подкреплена принудительным воздействием. Отличительной чертой указанных преступлений является то, что они подрывают у граждан уверенность в защищенности их прав и интересов. Поэтому рассмотрение судами дел данной категории привлекает повышенное внимание граждан и организаций.

В качестве примера в Докладе приводится следующее дело. По приговору Иркутского областного суда от 26 марта 2002 года сотрудник милиции осужден за превышение должностных полномочий с применением насилия и за ряд других преступлений к 15 годам лишения свободы с лишением права занимать должности в милиции в течение трех лет. Осужденный совместно с другими сотрудниками милиции, осужденными по данному делу, применили пытки в отношении 2-х человек в ходе расследования уголовного дела, по которому потерпевшие считались подозреваемыми, причинив вред здоровью различной степени тяжести. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России от 19 марта 2003 года приговор в отношении бывших сотрудников милиции признан законным и обоснованным.

По данным судебной статистики, за превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения, с применением оружия или специальных средств, с причинением тяжких последствий в 2000 году осуждено 993 человека, в 2001 г. – 1 тыс. 70 человек, в 2002 г. – 1 тыс. 18 человек. В 2003 году за преступления, предусмотренные частью 3 статьи 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения), было осуждено 946 человек.

По статье 6 Конвенции Доклад РФ отмечает, что со вступлением в действие нового УПК РФ с 1 июля 2002 года судами обеспечена реализация конституционной нормы, согласно которой заключение под стражу и содержание под стражей в качестве меры пресечения допускаются только по судебному решению. Верховным Судом РФ осуществляется постоянный мониторинг судебной практики по применению во всех субъектах России нового процессуального законодательства, в том числе норм, регламентирующих заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, а также сроков их содержания под стражей (ст. 108 и 109 УПК РФ). Были приняты необходимые организационные меры, направленные на обеспечение правильного применения судами Уголовно-процессуального кодекса.

В Докладе приводится статистика за 2003 год, когда федеральными судами России было рассмотрено 234 тыс. 149 материалов с ходатайствами об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. По результатам рассмотрения судами удовлетворено 211 тыс. 526 ходатайств. Из этого числа по 10 тыс. 275 ходатайствам принятие решения было отложено на срок до 72-х часов с момента вынесения судебного решения по просьбе одной из сторон для предоставления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания указанной меры пресечения. Отказано судами в удовлетворении 22 тыс. 613 ходатайств.

За тот же период суды рассмотрели 107 тыс. 702 материала с ходатайствами о продлении срока содержания под стражей. Результаты судебного рассмотрения указанных ходатайств таковы: удовлетворено 104 тыс. 280 ходатайств, из числа которых

принятие решения было отложено на 72 часа по 1 тыс. 458 ходатайствам. Отказано в удовлетворении 3 тыс. 422 ходатайств.

В кассационном порядке было рассмотрено 24 тыс. 676 жалоб и представлений на постановления судей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Это всего 10,5% от общего числа вынесенных за 2003 год постановлений. Кассационной инстанцией оставлено без изменения около 87% обжалованных постановлений, отменено 12% и изменено 0,4% постановлений о заключении под стражу.

В Докладе говорится, что изучение судебной практики позволило выявить основные причины, по которым суды отказывают в удовлетворении ходатайств прокуроров, следователей и дознавателей о заключении подозреваемых или обвиняемых под стражу. Среди таковых Доклад выделяет отсутствие достаточных оснований, исчерпывающий перечень которых установлен статьей 97 УПК РФ, при этом тяжесть совершенного преступления не является для суда единственным поводом для заключения под стражу. Так, например, постановлением судьи Петропавловск-Камчатского городского суда от 13 февраля 2003 года было отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу человека, подозреваемого в умышленном убийстве. Суд мотивировал свое решение тем, что уголовное дело возбуждено только на основании явки с повинной в совершении им преступления на почве ревности. При этом судья указал на то, что выводы следователя о необходимости изоляции подозреваемого от общества ничем не подтверждены, кроме характера преступления, в совершении которого он подозревается. В некоторых случаях основанием для отказа избрать меру пресечения в виде заключения под стражу может стать нарушение правоохранительными органами установленной процедуры задержания.

По статье 15 Конвенции в Докладе РФ подчеркивается, что УПК РФ устанавливает категорический запрет добиваться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер. Нарушение норм Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. Суд, рассматривая дело и оценивая доказательства, решает вопрос не только об их относимости, достаточности, достоверности, но и о допустимости доказательств. Показания, добытые преступным путем – с применением пыток или иного жестокого обращения, не имеют юридической силы и не могут использоваться в качестве доказательств. Такое положение законодательно закреплено в статье 50 Конституции РФ, которая также устанавливает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона. Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств дела. В соответствии со статьей 88 УПК РФ доказательства могут быть признаны недопустимыми как в стадии досудебного разбирательства, так и в ходе предварительного расследования. В целях усиления гарантий допрашиваемых ч. 4 ст. 173 УПК РФ допускает проведение повторного допроса обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе только по просьбе самого обвиняемого. Кроме того, статьей 52 УПК РФ предусмотрено, что отказ от защитника в любом случае не обязателен для дознавателя, следователя и прокурора. При таких обстоятельствах подозреваемый (обвиняемый) имеет реальную возможность сообщить о применении к нему пыток как в ходе доследственной проверки материалов, так и на любой стадии расследования. Еще одной гарантией исключения использования доказательств, полученных с применением пыток, является участие обвиняемого (подозреваемого) в судебном рассмотрении воп-

роса о применении в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, продления срока содержания под стражей, рассмотрения вопроса о помещении в медицинский или психиатрический стационар для производства соответствующей экспертизы (ст. 108, п. 16 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Заявление подсудимого, потерпевшего, свидетеля о принуждении к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем применения угроз, шантажа или с применением насилия, издевательств или пытки проверяется судом, так как подобные действия следователя или иного лица, производящего дознание, образуют состав преступления, предусмотренного статьей 302 УК РФ. Введение на территории РФ суда присяжных, как утверждается в Докладе РФ, способствовало тому, что органы следствия стали более тщательно относиться к сбору доказательств обвинения.

б) По результатам обсуждения Доклада РФ Комитет против пыток принял Рекомендации. Публикуем краткое изложение данных Рекомендаций.

Комитет против пыток выразил обеспокоенность по поводу следующих вопросов:

1) Определение пыток в национальном праве РФ

Несмотря на утверждения РФ о том, что все акты, которые можно охарактеризовать как «пытки» по смыслу статьи 1 Конвенции, являются в Российской Федерации наказуемыми, Комитет констатирует, что определение понятия «пытка», содержащееся в примечании к статье 117 Уголовного кодекса, не в полной мере отражает все элементы приведенного в статье 1 Конвенции определения, которое охватывает также случаи, когда пытка применяется государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве или по их подстрекательству или с их ведома или молчаливого согласия. Кроме того, определение пытки не охватывает действия, совершаемые в целях принуждения к чему-либо третьего лица. *Комитет постановил, что РФ следует принять меры для приведения его определения пытки в полное соответствие со статьей 1 Конвенции, в частности, обеспечить, чтобы на основании статей 302 и 117 Уголовного кодекса можно было подвергнуть уголовному преследованию сотрудников милиции, военнослужащих и прокурорских работников.*

2) Гарантии прав задержанных

Законы и практика затрудняют доступ подследственных и обвиняемых к их родственникам и адвокатам и, следовательно, не обеспечивают достаточных гарантий прав задержанных.

Комитет, в частности, особо указал на Правила внутреннего распорядка ИВС (изоляторов временного содержания) и СИЗО (следственных изоляторов), отказ судебных органов санкционировать расследования по факту заявлений о том, что доказательства были получены под пыткой, а также сообщения относительно оказания давления на адвокатов, утверждающих, что их клиент подвергался пыткам или иному жестокому обращению; все это, как представляется, способствует применению пыток и жестокого обращения. *Комитет указал, что РФ следует обеспечить осуществление на практике права на доступ к адвокату и другие гарантии защиты от пыток, начиная с момента фактического лишения свободы, причем не только по просьбе государственного должностного лица, но и по просьбе задержанного. РФ следует обеспечить подозреваемым по уголовным делам защиту их прав и процессуальные гарантии, с тем чтобы они не подвергались незаконным административным задержаниям.*

3) Широкое применение пыток

Комитет выражает обеспокоенность в связи с:

a) многочисленными и постоянно поступающими утверждениями о случаях применения пыток и иного жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных органов, в том числе в отношении лиц, содержащихся под стражей в милиции;

b) системой продвижения по службе в правоохранительных органах на основании показателей раскрываемости преступлений, что, как представляется, создает условия, способствующие применению пыток и жестокого обращения в целях получения признательных показаний;

c) заявлением государства-участника о том, что представители международных организаций, помимо Европейского комитета по предупреждению пыток, могут беседовать с заключенными только в присутствии представителей администрации.

Комитет указал, что РФ следует обеспечить оперативное проведение беспристрастных и эффективных расследований всех утверждений о применении пыток и жестокого обращения, уголовное преследование и наказание виновных, а также защиту жертв и свидетелей пыток. РФ следует рассмотреть вопрос о создании общенациональной системы проверки всех мест лишения свободы и случаев предполагаемых нарушений прав лиц, содержащихся под стражей, обеспечив регулярное, независимое и неограниченное посещение всех мест лишения свободы без предварительного объявления. С этой целью РФ надлежит принять транспарентные административные правила и критерии в отношении доступа в упомянутые места, а также содействовать посещениям независимых наблюдателей, таких как представители независимых неправительственных организаций. РФ следует принять надлежащие меры для устранения любого негативного влияния, которое может иметь существующая система служебного продвижения сотрудников правоохранительных органов и на распространение материалов практики применения пыток и жестокого обращения.

4) Пытки и жестокое обращение в армии

Комитет выразил обеспокоенность в связи с:

a) продолжающими поступать сообщениями о дедовщине в армии, а также о пытках и иных видах жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания в вооруженных силах, применяемых должностными или иными лицами или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия, несмотря на то, что государство-участник заявило о намерении разработать план действий по предупреждению дедовщины в вооруженных силах;

b) документально подтвержденными сообщениями о том, что подающие жалобы потерпевшие подвергаются новым репрессиям и издевательствам, а также об отсутствии системы защиты свидетелей таких действий;

c) сотнями сообщений о том, что расследования проводятся несоответствующим образом или не проводятся вообще и что, несмотря на предъявление обвинений тысячам должностных лиц в совершении таких преступлений, многие из них остаются безнаказанными.

Комитет указал, что РФ следует решать проблему дедовщины в вооруженных силах на основе принципа абсолютной нетерпимости посредством принятия незамедлительных превентивных мер и обеспечения оперативных беспристрастных и эффективных расследований таких нарушений и уголовного преследования виновных. РФ следует обеспечить защиту жертв и свидетелей насилия в вооруженных силах и раз-

работать программу реабилитации потерпевших, включая оказание им медицинской и психологической помощи.

5) Расследования и безнаказанность

Комитет отметил, что уровень независимости Прокуратуры в РФ является недостаточным, в частности, из-за проблем, связанных с ее двойной функцией – уголовным преследованием и надзором за надлежащим проведением расследований; быстрое, беспристрастное и эффективное расследование сообщений о применении пыток или жестокого обращения не возбуждается и не проводится. *Комитет указал, что РФ в приоритетном порядке следует предпринять усилия для реформирования Прокуратуры, в частности путем изменения действующего Федерального закона «О Прокуратуре», чтобы обеспечить ее независимость и беспристрастность, а также отделить функцию уголовного преследования от функции надзора за предварительным расследованием заявлений о применении пыток. Государству-участнику следует создать эффективные и независимые механизмы контроля для обеспечения быстрого беспристрастного и эффективного расследования всех полученных сообщений, а также уголовного преследования и наказания лиц, признанных виновными.*

6) Независимость судебных органов

Комитет выразил обеспокоенность в связи с:

a) системой пребывания судей в должности и ее влиянием на независимость судебных органов;

b) системой отбора присяжных, которая не исключает автоматически из числа присяжных таких лиц, как руководители законодательных и исполнительных органов власти, военнослужащие, судьи, работники прокуратуры и правоохранительных органов.

Комитет указал, что РФ следует реформировать систему отбора присяжных для обеспечения того, чтобы участие названных лиц в составе суда присяжных было запрещено и исключалась любая возможность произвольного отбора, который может препятствовать их объективности и беспристрастности. РФ следует продолжить усилия по укреплению независимости судебных органов, в частности, посредством закрепления гарантий пребывания судей в должности.

7) Задержание и места лишения свободы

Комитет выразил беспокойство в связи:

a) с условиями содержания в следственных изоляторах и сохраняющейся

проблемой переполненности пенитенциарных учреждений и колоний для несовершеннолетних;

b) с отсутствием в новом Уголовно-процессуальном кодексе (2001 года) положений об обязательном ограничении продолжительности досудебного содержания под стражей;

c) с неадекватным оказанием медицинской помощи лицам в следственных изоляторах и исправительных колониях.

Комитет призвал РФ осуществить принятую в сентябре 2006 года Стратегическую концепцию развития пенитенциарной системы и продолжать усилия по решению проблемы переполненности пенитенциарных учреждений и улучшению условий содержания в тюрьмах, включая пенитенциарные центры для несовершеннолетних и следственные изоляторы, в целях обеспечения их соответствия требованиям Конвенции. РФ следует установить обязательные ограничения сроков досудебного содержа-

ния под стражей. России также следует рассмотреть вопрос о создании медицинской службы, независимой от министерства внутренних дел и министерства юстиции, для проведения медицинских осмотров взятых под стражу лиц после их ареста и освобождения, в плановом порядке и по просьбе этих лиц, самостоятельно или совместно с соответствующими независимыми органами судебно-медицинской экспертизы, чтобы серьезные медицинские случаи, в особенности случаи смерти во время содержания под стражей, рассматривались независимыми экспертами, а их результаты доводились до сведения родственников умерших.

8) Использование доказательств, полученных с помощью пыток

Комитет отметил, что хотя в УПК РФ предусмотрено, что показания, полученные под пыткой, не могут быть приобщены к делу, на практике, как представляется, суды не получили указания считать такие доказательства неприемлемыми и распоряжаться о проведении быстрого оперативного беспристрастного и эффективного расследования. *Комитет указал, что РФ следует принять четкие законодательные положения о мерах, которые должны принимать суды в случае возникновения подозрений, что доказательства получены с помощью пыток или жестокого обращения, чтобы на практике обеспечить безусловное соблюдение принципа неприемлемости доказательств, полученных под пыткой, кроме как доказательств вины лица, обвиняемого в применении пыток, как этого требует статья 15 Конвенции.*

Комитет против пыток сделал отдельные рекомендации в отношении: ситуации с насилием в отношении женщин и детей, включая торговлю людьми; системы правосудия в отношении несовершеннолетних; предоставления убежища, невыдачи и экстрадиции; предоставления компенсации и реабилитации жертв пыток; проблемы нападений, совершаемых по признаку расы, этнической или иной принадлежности жертвы. Особые рекомендации были сделаны в отношении пыток в Чечне.

ТЕМЫ ДИССЕРТАЦИЙ, НАД КОТОРЫМИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИДЕТ РАБОТА АСПИРАНТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ КАФЕДР МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИИ

В настоящее время одной из актуальных проблем, стоящих перед научными руководителями аспирантов, является проблема дублирования тем кандидатских диссертаций. Часто уже перед самой защитой оказывается, что над одной и той же темой работают сразу несколько аспирантов различных вузов России. Иногда бывают даже стопроцентные совпадения формулировок тем. Для того чтобы решить эту проблему, «Казанский журнал международного права» вводит новую рубрику «Темы кандидатских диссертаций», в которой будут публиковаться утвержденные темы диссертаций, над которыми в настоящее время работают российские соискатели ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 – Международное право; Европейское право, а также имена научных руководителей соответствующих соискателей.

В настоящем выпуске мы публикуем утвержденные темы диссертаций в Казанском государственном университете и МГИМО МИД РФ.

Просим все российские кафедры международного права откликнуться и регулярно присылать нам соответствующую информацию для публикации на страницах журнала.

Казанский государственный университет

1. «Универсализация правового регулирования медицинского страхования в ЕС» (проф. Г.И. Курдюков).
2. «Правовые основы 2-ой опоры ЕС» (проф. Г.И. Курдюков).
3. «Правовое и практическое сотрудничество стран СНГ в борьбе с терроризмом» (проф. Валеев Р.М.).
4. «Создание безъядерных зон в различных регионах мира и опыт уже существующих договоров в этой области» (проф. Р.М. Валеев).
5. «Принуждение в праве международной безопасности» (проф. Г.И. Курдюков).
6. «Международно-правовое регулирование предотвращения пыток и борьба с ними» (проф. Г.И. Курдюков).
7. «Взаимодействие и реализация международно-правовых принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств» (проф. Г.И. Курдюков).
8. «Особенности создания правовых норм в деятельности ООН на современном этапе» (проф. Р.М. Валеев).
9. «Правовые основы механизма противодействия нелегальной иммиграции в Европейском Союзе» (доц. А.Р. Каюмова).
10. «Формы и механизм сотрудничества государств ЕС в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия» (доц. А.Р. Каюмова).
11. «Стандарты ВТО в отношении государственного регулирования внешней деятельности торговли» (доц. Н.Е. Тюрина).
12. «Содержание и формы реализации материальной ответственности государств на современном этапе» (доц. А.Р. Каюмова).
13. «Протокол и этикет в праве внешних сношений» (проф. Г.И.Курдюков).
14. «Международно-правовая защита детей в период вооруженных конфликтов» (доц. А.Р. Каюмова).

15. «Международная ответственность за нарушение норм международного права окружающей среды» (проф. Валеев Р.М.)

16. «Устойчивое развитие: международно-правовое регулирование» (проф. Р.М. Валеев).

17. «Реализация международно-правовых стандартов по обеспечению безопасности воздушных сообщений во внутригосударственном законодательстве РФ» (доц. А.Р. Каюмова).

18. «Статус великих и невеликих держав в системе ООН» (доц. Н.Г. Нугаева).

19. «Роль практики Суда Европейских сообществ в формировании единого правопорядка ЕС» (проф. Г.И. Курдюков).

20. «Правовой статус Европейского парламента и его взаимодействие с институтами ЕС» (проф. Г.И. Курдюков).

21. «Международный Суд ООН: пути повышения его эффективности» (доц. А.Р. Каюмова).

22. «Международные товарные соглашения» (доц. Н.Е. Тюрина).

23. «Роль социальной Хартии в формировании европейского института защиты прав человека» (доц. Н.Е. Тюрина).

24. «Международно-правовая защита прав инвалидов» (доц. Н.Г. Нугаева).

25. «Судебное право ЕС: понятие, источники, перспективы развития» (проф. Г.И. Курдюков).

26. «Международное сотрудничество государств в области спортивной деятельности» (доц. Н.Г. Нугаева).

27. «Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты безопасности и экономической интеграции» (доц. Н.Е. Тюрина).

28. «ООН и проблемы региональной безопасности» (проф. Г.И. Курдюков).

29. «Международно-правовое и внутригосударственное регулирование борьбы с коррупцией» (проф. Р.М. Валеев).

30. «Целенаправленные санкции в системе ООН» (проф. Г.И. Курдюков).

Московский государственный институт международных отношений – Университет МИД РФ

1. Международно-правовые проблемы интеграции государств-участников СНГ (проф. П.В. Саваськов).

2. Защита права на уважение частной и семейной жизни в практике ЕС (доц. А.В. Кукушкина).

3. Международно-правовая защита беженцев (доц. Д.В. Иванов).

4. Международно-правовые проблемы функционирования оффшорных финансовых центров (проф. А.Н. Вылегжанин).

5. Международно-правовые вопросы сотрудничества государств в использовании сети Интернет. (проф. Ю.Н. Малеев).

6. Международно-правовые механизмы защиты прав иностранных инвесторов (проф. Д.К. Лабин).

7. Международно-правовые вопросы использования автоматизированных спутниковых систем управления воздушным движением (проф. Ю.Н. Малеев).

8. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в области незаконного оборота наркотиков (проф. В.Н. Кулебякин).

9. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия в современных условиях (проф. А.Х. Абашидзе).

10. Частно-правовые аспекты международного космического права (проф. Ю.М. Колосов)

11. Современные теоретические аспекты международно-правовой защиты прав ребенка (доц. Д.В. Иванов).

12. Международно-правовой режим несудоходного использования международных водотоков (доц. Л.В. Савельева).

Подписано в печать 31.08.2007. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 х 84/8. Гарнитура Times. Объем 31,5 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 33

Издательский центр Академии управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштари, 13